РК-2 К-107
1861г. №
16161

K/107

K107
16161

293
К 107
1579 / 4
7 / 107

ОСНОВА

1861

АПРѢЛЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, XIII. Невольникъ, **Т. Г. Шевченка.**
II. Два сини́, **Марка Вовчка.**
III. Тітка Настя, **М. Т. Номиса.**
IV. Півпівника, **Панька Казюки.**
V. Воспоминаніе о двухъ малярахъ, **И. П. Костомарова.**
VI. Стихотворенія:
I. Питання, **В. Кулика.** II. Де вона, **П. Таволги-Мокрицького.**
Байки: I. Вовкъ и вівчарі, **Л. Н. Глѣбова.** II. Жаба й вілъ, III. Мірошникъ, **Р. Витавського.** IV. Горлиця й Горобець, **Л. Н. Глѣбова.**
VII. Гетманство Выговскаго, I. **Н. И. Костомарова.**
VIII. Обзоръ Украинской Словесности, IV. Гоголь. **Н. А. Кулиша.**
IX. Музыка Южнорусскихъ пѣсень, **А. Н. Сѣрова.**
X. Гимназическая переписка, **Линейкина.**
XI. Нѣсколько словъ о народности въ религіозной жизни, **Г. Т.**
XII. Листи́ съ хутора, **Хуторянина.**
XIV. Калюжа, **Ивана Затиркевича.**
XV. О крестьянахъ Юго-Западной Руси, **А. Л. П.....каго.**
XVI. Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины«, **Л. М. Жемчужникова.**
XVII. О народномъ языкѣ, **А. Л. П.....каго.**
XVIII. Одъ редакці.
XIX. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
XX. Библіографическое извѣстіе.

59 а

1579
А

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

1861

АПРѢЛЬ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, апрѣля 20-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

КОБЗАРЬ.

XIII.

НЕВОЛЬНИКЪ(1).

(ПОЭМА.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Ду́ми мої молодії —
Пону́рні дїти,
И ви мене́ поки́нули!...
Пу́стку натопи́ти
Нема́ кому́... Оста́вся я —
Та не сирото́ю,
А съ тобо́ю, молодо́ю —
Ра́ю мій, поко́ю —
Моя́ зо́ре до́світняя,
Еди́ная ду́мо
Пречистая!... ти вїта́ешъ...
Якъ у то́го Ну́ми
Та́я ни́мфа Эге́рія, —
Такъ ти, моя́ зо́ре,
Просія́ешъ надо мно́ю —
Ніби заговори́шъ —
Усміхне́ся... Дивлю́ся я —
Нічо́го не ба́чу...

(1) Правопи́сьмо, одмінне, въ де́-якихъ слова́хъ, одъ на́шого звича́йного, взя́то изъ самору́чнёго письма́ Т. Гр. Шевче́нка.

Прокúнуся... сéрце плáче —
И óчи заплáчуть.
Спасúбі, зіронько!...
Минáє
Неясний день мій; вже смеркáє;
Надъ головóю вже несé
Свою́ неклéпаную кóсу
Косáрь непéвний... мóвчки скóсить, —
А тамъ — и слідъ мій занесé
Холóдний вітеръ... Все минáє!...
Згадáешъ, мóже, молодáя,
Вúлиту слёзáми
Мою́ дýму, — и тúхими —
Тúхими речáми
Проговóришъ: я любúла
Ёгó на сімъ свíті —
Йї на тімъ свíті любúтиму... —
О, мій тúхий свíте,
Моя́ зóре вечірняя!
Я бýду вітáти
Коло тéбе, и за тéбе
Гóспода благáти!

Той блукáє за морями,
Світъ перехожáє,
Дóлі-дóленьки шукáє —
Немáє, немáє...
Мóвъ умéрла; а той рвéця
Зъ усіéї сúли
За дóлею... отъ-óтъ догнáвъ
И — бебéхъ въ могúлу!
А въ йншого сіромáхи
Ні хáти, ні пóля,
Тільки тóрба, а съ торбúни
Виглядáє дóля,
Мовъ дитúнка; а вінъ ії
Лáе, проклинáе

И за чвéртку закладáе, —
Ні, не покидáе!
Якъ репьяхъ той, учéпиця
За лáтані пóли
Та й збірáе колосóчки
На чужóму полі,
А тамъ — снопи́, а тамъ — скирти́,
А тамъ — у палáтахъ
Сидúть собі сіромáха,
Мовъ у своїй хáті.
Такáя-то дóля тáя, —
Хочъ и не шукáйте:
Кого́ схóче — сама́ нáйде,
У колúсці нáйде.

Ще на Украíні весéлі
И вóльниі пишáлись сéла
Тойді, якъ прáведно жили́
Стари́й козáкъ и дітокъ двóе...
Ще за Гетьмáнщини старóі
Давнó се діялось колúсь.
Такъ, коло пóлудня, въ неділю,
Та на Зелéнихъ ще й Святкáхъ,
Підъ хáтою въ сорóцці бíлій
Сидівъ, зъ бандýрою въ рукáхъ,
Стари́й козáкъ.
— И такъ и сякъ!
(Стари́й міркýе, розмовляе.)
И трéба бъ, — кáже, — й трóхи шкóда.
А трéба бýде; два-три гóди
Нехáй по свíту погуля́е
Та самъ *своéї* пошукáе,
Якъ я шукáвъ колúсь.... Ярúно!
А дé Степáнъ? — »А онъ, підъ тúномъ,
Ненáче вкóпаний, стоíть.«
— А я й не бáчу! А идíть-
Лишéнь сюди́, та йдíть обóе...
А нýте, діти, отакóі! —

И вшкварив по струнáхъ.
Старий грáе, а Ярúна
Зъ Степáномъ танцю́е;
Старий грáе, примовля́е,
Ногáми тупцю́е.
»Якъ-бú мині лúха та лúха,
Якъ-бú мені свекрівонька тúха,
Якъ-бú мені чоловікъ молодúй,
До другóі не ходúвъ, не любúвъ! —
Ой гопъ, чúки-чúки! —
Та червóні черевúки,
Та троїсті музúки;
Одъ віку до віку
Я любúла бъ чоловіка!
Ой гопъ! Заходúвсь,
Зробúвъ хáту, оженúвсь,
И пічъ затопúвъ
И вечéрять наварúвъ.« —
— А нý́те, діти, отакóі! —
И старúй піднявся;
Якъ удáрить, якъ ушквáрить, —
Ажъ у бóки взя́вся.
»Чи тáкъ, чи не тáкъ, —
Уродúвъ постернáкъ,
А петрýшку
Криши́ въ ю́шку, —
Бу́де смакъ, бу́де смакъ!
Ой тáкъ, таки́ тáкъ,
Оженúвся козáкъ:
Кúнувъ хáту
И кімнáту,
Та й потя́гъ у байрáкъ.«

— Ні, не такá вже — підтоптáлась
Старá моя́ сúла,
Утомúвся.... А все це ви́
Такъ розворушúли.
О, бодáй васъ! Щó-то літа!

Ні вже, не до ла́ду....
Мину́лося. Иди́ лише́нь
Полу́днувать ла́годь:
Гуля́ючи, якъ той каза́въ,
Шмато́къ хліба зъісти.
Иди́ жъ, до́ню.... А ти, си́ну,
Послуха́ешъ вісти.
Сіда́й лише́нь. Якъ уби́ли
Твого́ ба́тька Йва́на
Въ Шляхе́тчині, то ти ще бувъ
Мане́нькимъ, Степа́не, —
Ще й не ла́зивъ. — »То я не си́нъ?
Я чужи́й вамъ, та́ту?« —
— Та не чужи́й, стрива́й лише́нь.
Отъ, уме́рла й ма́ти,
Таки́ тво́я, а я й кажу́
Покійній Мари́ні —
Моїй жінці: а що́, кажу́,
Візьмемъ за дити́ну —
Тебе́ бъ оце́? — До́бре, ка́же
Покійна Мари́на,
Чому́ не взять? — Взяли́ тебе́
Ми, та й спарува́ли
Зъ Яри́ночкою до-ку́пи....
А тепе́ръ оста́лось
Ось-що́ роби́ть: ти на лі́ті
И Яри́на зріе; —
Тре́ба бу́де люде́й шука́ть
Та що-не́будь діять.
Якъ ти ска́жешъ? — »Я не зна́ю,
Бо я ду́мавъ... те́е...« —
— Що Яри́на сестра́ тобі?
А воно́ не те́е,
Воно́ про́сто: любітеся,
Та й зъ Бо́гомъ до шлю́би.
А по́ки що, тре́ба бу́де
И на чужі лю́де
Подиви́тись, якъ тамъ живу́ть:

Чи о́рють,
Чи не на о́раному сіють,
А про́сто — жну́ть
И не моло́ченее віють;
Та якъ и ме́лють и ідя́ть —
Все тре́ба зна́ть.
Такъ о́тъ якъ, дру́же: тре́ба въ лю́де
На рікъ, на два піти́
У наймити́;
Тойді й поба́чимо, що́ бу́де.
Бо хто не вміе заробити́,
То той не вмітиме й пожи́ть.
А ти я́къ ду́маешъ, небо́же?..
Не ду́май: коли́ хо́чешъ знать,
Де лу́чче ли́хомъ торгува́ть,
Иди́ ти въ Січъ. Якъ Богъ помо́же, —
Тамъ наісѝся всіхъ хлібі́въ;
Я іхъ чи-ма́ло попоівъ,
И до́сі ну́дно, якъ згада́ю!
Коли́ здобу́дишъ — принесе́шъ:
А коли згу́бишъ — пожива́ешъ
Моє́ добро́! то хочъ звича́ю
Коза́цького набере́сся,
Та поба́чишъ світа,
Не тако́го, якъ у бу́рсі,
А живі *мисліте*
Съ товари́ствомъ прочита́ешъ,
Та по-молоде́чи
Бу́дешъ Бо́гу моли́тися,
А не по-черне́чи
Харама́ркать. Ота́къ, си́ну! —
Помоли́вшись Бо́гу,
Осідла́емъ була́ного
Та й га́йда въ доро́гу!
Ходімъ лише́нь полу́днувать.
Чи ти вже, Яри́но,
Змайструва́ла намъ що-не́будь?
Отаке́-то, си́ну!..—

»Уже́, та́точку!« озва́лась
Изъ ха́ти Ярѝна.

Не істи́ця, не пье́ця и се́рце не бье́ця,
И о́чі не ба́чять, не чуть голови́!
Замісь шматка́ хліба—за ку́холь бере́ця.
Ди́виця Ярѝна та ни́шкомъ сміе́ця.
— Що́ се ёму́ ста́ло? Ні істи, ні пить,
Нічо́го не хо́че! Чи не занеду́жавъ?
Бра́тіку Степа́не, що́ въ те́бе боли́ть? —
Ярѝна пита́е. Старо́му байду́же,
Ніби-то й не чу́е.—Чи жать, чи не жать —
А сіяти тре́ба, — стари́й промовля́е
Ніби-то до се́бе. — А ну́мо встава́ть;
До вече́рні, мо́же, ще пошкандиба́ю.
А ти, Степа́не, ля́жешъ спать,
Бо за́втра ра́но тре́ба встать
Та коня́ сідла́ть. —

»Степа́ночку, голу́бчику!
Чого́ се ти пла́чешъ?
Усміхни́ся, подиви́ся —
Хиба́ ти не ба́чишъ,
Що й я пла́чу? Росе́рдився —
Богъ зна́е на ко́го —
Та й зо мно́ю не гово́рить.
Утечу́, ей-Бо́гу,
Та й схова́юсь у бурья́ні...
Скажи́ бо, Степа́не,
Мо́же й спра́вді нездужаешъ?
Я зілля доста́ну,
Я побіжу́ за ба́бою...
Мо́же, це зъ пристріту?«
— Ні, Ярѝно, моє́ се́рце,
Мій рожевий квіте!...
Я не братъ тобі, Ярѝно!
Я за́втра поки́ну
Тебе́ й ба́тька, — на чужи́ні

Де-нéбудь загúну;
А ти менé й не згадáешъ, —
Забýдешъ, Ярúно,
Свогó брáта....— »Схаменúся!
Ей-Бóгу, зъ пристріту!
Я не сестрá?.. хтó жъ оцé я?
О, Бóже мій світе!
Щó тутъ діять? Бáтька немá,
А вінъ занедýжавъ —
Та ще й умрé. О, Бóже мій!
А ёмý й байдýже,
Мовъ сміється. Степáночку,
Хибá ти не знáешъ,
Що безъ тéбе и тáточка
И менé не стáне?« —
— Ні, Ярúно, я не кúну,
А тільки поіду
Недалéко. А на тóй рікъ
Я до вáсъ приіду
Зъ старостáми — за тобóю
Та за рушникáми...
Чи подаéшъ? — »Та цуръ тобі
Зъ тúми старостáми,
Ще й жартýе!« — Не жартýю,
Ей-Бóгу, Ярúно,
Не жартýю!.. — »Та це й справдí
Ти зáвтра покúнешъ
Менé й бáтька? Не жартýешъ?
Скажú бо, Степáне, —
Хибá й справдí не сестрá я?«—
— Ні, моé коханнє,
Моé сéрце! — »Бóже жъ ти мій!
Чомý я не знáла?
Булá бъ тебé не любúла
И не цілувáла...
Ой, ой! сóромъ! Гéть одъ мéне!
Пустú менé! Бáчишъ,
Якúй дóбрий! Та пустú бо!

Ей-Бо́гу, запла́чу.« —
И запла́кала Яри́на,
Якъ та́я дити́на.
И крізъ слёзи промовля́ла:
»Поки́не! поки́не!«

Якъ той я́воръ надъ водо́ю,
Степа́нъ похили́вся,
Щи́рі слёзи коза́цькиі
Въ се́рці запекли́ся,
Мовъ у пе́клі. А Яри́на
То клене́, то про́сить,
То замо́вкне, поди́виця,
И зновъ заголо́сить.
Несчу́лися, якъ сме́рклося;
И сестру́ и бра́та,
Ніби ско́ванихъ до-ку́пи,
Заста́въ ба́тько въ ха́ті.

И світъ наста́въ, а Яри́ні
Не спи́ця, — рида́е.
Уже́ Степа́нъ изъ крини́ці
Коня́ напува́е.
Й вона́ зъ ві́драми побігла
Ніби за водо́ю
До крини́ці. А тимъ ча́сомъ
Запоро́зьку збро́ю
Стари́й ви́нісъ изъ комо́рі.
Ди́виця, радіе,
Приміря́е, ніби зно́ву
Стари́й молодіе.
Та й запла́кавъ. — Збро́е моя,
Збро́е золота́я!...
Літа́ моі молоді́і,
Си́ло молода́я!
Послужи́, моя ти збро́е,
Молодій ще си́лі,

Послужи́ ёму́ такъ щи́ро,
Якъ мині служи́ла! —

Верну́лися одъ крини́ці,
И Степа́нъ сідла́е
Коня́, свого́ това́риша,
Й жупа́нъ надіва́е.
А Яри́на даé збро́ю,
На поро́зі сто́я;
Степа́нъ ії надіва́е
Та пла́чуть обо́е.
И шабли́ока, мовъ гадю́ка,
Й ра́тище-дрючи́на,
Й самопа́лъ семипядéнний
Повúсъ за плечи́ма.
Ажъ зомліла, якъ узріла;
И стари́й запла́кавъ,
Якъ поба́чивъ на коне́ві
Тако́го юна́ка.
Веде́ коня́ за поводи́
Та пла́че Яри́на;
Стари́й ба́тько иде́ ря́домъ,
Научáе си́на:
Якъ у війську пробува́ти,
Старши́нъ шанува́ти,
Товари́ство поважа́ти,
Въ та́боръ не хова́тись.
— Неха́й тебе́ Богъ засту́пить! —
Якъ за село́мъ ста́ли
Сказа́въ ба́тько, та всі тро́е
Ра́зомъ зарида́ли.
Степа́нъ гукну́въ, и ку́рява
Шля́хомъ підняла́ся.
— Не бари́ся, мій си́ночку,
Шви́дче поверта́йся!—
Сказа́въ старий. А Яри́на,
Мовъ та́я яли́на
При доли́ні, похили́лась...

Мовча́ла Яри́на.
Тільки слёзи утира́е,
На шляхъ поглядае́;
Изъ ку́ряви щось ви́гляне
И зновъ пропада́е;
Ніби ша́пка черезъ по́ле
Ко́тиця, чорніе,
Пропада́е, мо́шечкою
Тільки, тільки мріе,
Та й пропа́ло. До́вго, до́вго
Стоя́ла Яри́на
Та диви́лась, чи не ви́рне
Зно́ву комаши́на
Изъ ку́ряви. Не ви́рнула —
Пропа́ла! И зно́ву
Запла́кала Яри́ночка
Та й пішла́ додо́му.

Мина́ють дні; мина́е літо;
Наста́ла осінь, шелести́ть
Пожо́вкле ли́стя; мовъ уби́тий
Стари́й підъ ха́тою сиди́ть—
Дочка́ нездужае Яри́на!
Ёго́ еди́ная дити́на
Поки́нуть хо́че. Зъ кимъ дожи́ть,
Доби́ти віку вікового́?
Згада́въ Степа́на молодо́го,
Згада́въ свої благі літа́,
Згада́въ—та й запла́кавъ
Бага́тий си́вий сирота́. —

— Въ Твоіхъ рука́хъ все на сві́ті,
Твоя́ всю́ди во́ля!
Неха́й бу́де та́къ, якъ хо́чешъ, —
Така́ моя́ до́ля!.. —
Стари́й ви́мовивъ, и ни́шкомъ
Бо́гу помоли́вся;

Та й пішóвъ собі зпідъ хáти,
Въ садóкъ походúти.

И барвінкомъ, и рýтою,
И рястомъ квічáе
Весна́ зéмлю, мовъ дівчúну
Въ зелéному гáі;
И сóнечко середъ нéба
Опинúлось — стáло, —
Мовъ женúхъ той, молодýю
Зéмлю оглядáло.
И Ярúна вúйшла зъ хáти
На світъ Бóжий глянуть,
Лéдве вúйшла; усміхнéця,
То піде, то стáне,
Розглядáе, дивýеця.
Та лю́бо, та тúхо,
Ніби вчóра народúлась...
А лю́тее лúхо
Въ сáмімъ сéрці ворухнýлось
И світъ запалúло.
Якъ билúна підкóшена,
Ярúна схилúлась;
Якъ зъ квіточки роса́ врáнці —
Слёзи полилúся...
Старúй бáтько коло нéі
Якъ дубъ похилúвся.

Одýжала Ярúночка.
Идýть лю́де вь Кúівъ
Та въ Почáівъ помолúтись,
И вона́ йдé зъ нúми.
У Кúіві велúкому
Всіхъ святúхъ благáла;
У Мижúгорського Спáса
Трúчі причащáлась;
У Почáеві святóму
Ридáла — молúлась,

Щобъ Степа́нъ той, до́ля та́я,
Ій хоча́ присни́лась. —
Не присни́лась!... Верну́лася...
Зно́ву забіли́ла
Зима́ біла. За зимо́ю
Зновъ зазеленіла
Весна́ Бо́жа. Ви́йшла зъ ха́ти
На світъ дивува́тись
Яри́ночка, та не Бо́га
Свято́го блага́ти,
А ни́щечкомъ у воро́жки
Про ёго спита́ти....

И воро́жка ворожи́ла,
Пристрітъ замовля́ла,
Тала́нъ-до́лю та весілля
Зъ во́ску вилива́ла.
— Онъ ба́чишъ: кінь осідланий
Ту́пае ного́ю
Підъ козако́мъ; а онъ-де йде́
Діду́сь зъ бородо́ю
Ажъ до колінъ. Ото́ гро́ші;
Якъ би догада́вся
Коза́къ ото́й зляка́ть діда....
Зляка́въ! — та й схова́вся
За моги́лу, лічить гро́ші....
А онъ зно́ву шля́хомъ
Коза́къ иде́, ніби ста́рець,
То, бачъ, ра́ди стра́ху,
Щобъ Ляхи́, або́ Тата́ри
Ча́сомъ не спіткали. —
И раде́сенька Яри́на
Додо́му верта́лась.

Уже́ тре́тій и четве́ртий
И пья́тий мина́е
Не мали́й рікъ, а Степа́на
Нема́е, нема́е!

И сте́жечка-доріжечка,
Яромъ та горо́ю
Уто́птана до воро́жки,
Поросла́ траво́ю, —
Нема́ ёго́!... У черни́ці
Ко́су росплита́е
Безтала́нна; коло не́і
Па́дае — блага́е
Стари́й ба́тько — хочъ літечко,
Хочъ Пе́тра діжда́ти,
Хочъ Зеле́ної Неді́лі....

Діжда́лись, и ха́ту
Уквіча́ли гарне́сенько,
И въ сорочка́хъ бі́лихъ
Невесе́лі, мовъ си́роти,
Підъ ха́тою сіли.
Сидя́ть собі та суму́ють.
Слу́хають.... що́сь гра́е,
Мовъ на ко́бзі, на у́лиці,
И ніби співае́. .

ДУМА.

»У неділю вра́нці ра́но
Си́не мо́ре гра́ло:
Товари́ство кошово́го
На ра́ді прохо́ло:
»Благослови́, ота́мане,
Байдаки́ спуска́ти,
Та за Те́ндеръ погуля́ти,
Ту́рка пошука́ти.«
Чайки́ й байдаки́ спуска́ли,
Гарма́тами рештова́ли,
Зъ Дніпро́вого ги́рла широ́кого випрова́ли,
Середъ но́чі те́мної,
На мо́рі си́нёму,

За о́стровомъ Те́ндеромъ потопа́ли, пропада́ли...
Оди́нъ потопа́е,
Другий вирина́е,
Коза́цтву — товари́ству изъ си́нёї фи́лі руко́ю маха́е
И зи́чно гука́е:
»Неха́й вамъ, пано́ве-товари́ство, Богъ допомага́е!«
И въ си́ній фи́лі потопа́е, пропада́е...
Тільки три ча́йки, сла́ва Бо́гу,
Ота́мана курінно́го
Сироти́ Степа́на молодо́го,
Си́не мо́ре не втопи́ло,
А въ Туре́цьку зе́млю Агаря́нську
Безъ корми́лъ прибу́ло.
Тоді сироту́ Степа́на
Козака́ лейстрово́го,
Ота́мана молодо́го,
Ту́рки — янича́ри лови́ли,
Зъ гарма́ти грима́ли,
Въ кайдани́ кува́ли,
Въ тяжку́ю нево́лю завдава́ли....
Ой Спа́се нашъ Мижи́горський,
Чудотво́рний Спа́се!
И лю́тому во́рогові
Не допусти́ впа́сти
Въ Туре́цькую зе́млю, въ тяжку́ю нево́лю!
Тамъ кайдани́ по три пу́ди,
Ота́манамъ — по чоти́рі...
И світа Бо́жого не ба́чять, не зна́ють,
Підъ земле́ю ка́мінь лама́ють,
Безъ спо́віді свято́ї умира́ють,
Якъ соба́ки здиха́ють.
И згада́въ сирота́ Степа́нъ въ нево́лі
Свою́ дале́ку Украі́ну,
Нерідного ба́тька старо́го
И ко́ника ворonóго
И нері́дну сестру́ Яри́ну....
Пла́че, рида́е,
До Бо́га ру́ки здійма́е,

Кайдани́ лама́е,
Утіка́е на во́льную во́лю....
Уже на тре́тёму по́лі
Ту́рки — яничáрі догна́ли,
До стовпа́ вьяза́ли,
Очі вийма́ли,
Гаря́чимъ залізомъ випіка́ли,
Въ кайда́ни кува́ли,
Въ тюрму́ посади́ли
Та й замурува́ли....«

Отта́къ на у́лиці, підъ ти́номъ,
Ще молоди́й кобза́рь стоя́въ
И про невóльника співа́въ.
За ти́номъ слу́хала Яри́на,
И не дослу́хала — упа́ла.

»Степа́ночку! Степа́ночку!«
Крича́ла, рида́ла.
»Степа́ночку, моé се́рце!
Дé жъ це ти бари́вся?
Та́ту! та́ту! идіть сюди́,
Идіть, подевітесь!« —
Прийшóвъ стари́й, розгляда́е,
И свогó Степа́на
Не пізна́е. Такé зъ ёго
Зроби́ли кайда́ни.
— Си́ну ти мій безтала́нний!
Моя́ ти дити́но!
Дé ти въ світі погиба́ешъ,
Си́ну мій еди́ний? —

Пла́че стари́й та рида́е,
И Степа́нъ сліпи́й пла́че:
Невидю́щими очи́ма
Мовъ со́нце поба́чивъ.
И беру́ть ёго́ підъ ру́ки
И веду́ть у ха́ту;

И вітáе Ярúночка
Мовъ рідного брáта;
И гóлову ёмý змúла
И нóги умúла,
И въ сорóчці тонкій, бíлій
За стíлъ посадúла;
Годувáла, напувáла,
Положúла спáти
У кімнáті, — и тихéнько
Вúйшла съ бáтькомъ зъ хáти.

Черезъ тúждень безъ старостівъ
За Степáна свáта
Старúй свою Ярúночку, —
И Ярúна въ хáті...
»Ні, не трéба, мій тáточку,
Не трéба, Ярúно!« —
Степáнъ кáже. »Я загúнувъ,
На вікн загúнувъ!
За щó жъ свої молодúі
Ти літá погýбишъ
За калікою, Ярúно?...
Насміюця лю́де,
И Богъ святúй покарáе,
И прожене́ дóлю
Зъ цíї хáти весéлоі
На чужéе пóле...
Ні, Ярúно! Богъ не кúне
И знáйде дружúну;
А я підý въ Запорóжжя:
Тамъ я не загúну, —
Нагодýють.« — Ні, Степáне,
Моя ти дитúно!
И Госпóдь тебé покúне,
Якъ ти насъ покúнешъ. —
Оставáйся, Степáночку;
Колú не хочъ брáтись,
То тáкъ бýдемъ: я—сестрóю,

А ти бу́дешъ бра́томъ
И дітьми́ ёму́ обо́е,
Ба́тькові старо́му.
Не йди́ одъ насъ, Степа́почку,
Не ки́дай насъ зно́ву!..
Не поки́нешъ?.. — »Ні, Яри́но!« —
И Степа́нъ оста́вся.
Зрадівъ стари́й мовъ мале́нький,
Ажъ за ко́бзу взя́вся,
Хотівъ вшква́рить метели́цю
Зъ усіе́і си́ли,
Та не вшква́ривъ...
Підъ ха́тою
Усі тро́е сіли.
»Розкажи́ жъ ти намъ, Степа́не,
Про свою́ недо́лю;
Бо й я таки́ гуля́въ коли́сь
Въ Туре́цькій нево́лі.
— »Ото́ жъ мене́, вже сліпо́го
На світъ випуска́ли
Зъ товари́ствомъ. Товари́ство
На Січъ прямува́ло
И мене́ взяло́ зъ собо́ю,
И черезъ Балка́ни
Проста́ли ми въ Украіну
Во́льними нога́ми,
А на ти́хому Дуна́ю
Насъ перебіга́ють
Січовики́-Запоро́зці
И въ Січъ завертаю́ть...
И росказу́ють и пла́чуть,
Якъ Січъ руйнува́ли,
Якъ Москалі сріблó, злóто
И свічі забра́ли
У Покро́ві; якъ козаки́
Вночі утіка́ли
И на ти́хому Дуна́ю
Нови́мъ Ко́шемъ ста́ли;

Якъ царйця по Кйіву
Зъ Нечо́сомъ ходйла...
— — —
И я́къ степй Запоро́зькі
Тоді поділйли
И пана́мъ, на Украіні,
Людъ закріпостйли...
— — —
Отта́къ, та́ту! Я щаслйвий,
Що очёй не ма́ю,
Що нічо́го того́ въ світі
Не ба́чу й не зна́ю...
— — —

Оттаке́-то! тя́жко, та́ту,
Изъ своёі ха́ти
До Ту́рчина пога́ного
Въ сусіди прохатись.
Тепе́ръ, ка́жуть, въ Слободзёі
Оста́нки збіра́е
Голова́тий, та на Куба́нь
Хло́пцівъ підмовля́е...
Неха́й ёму́ Бо́гъ помо́же!
А що́ зъ того́ бу́де —
Святйй зна́е: почу́емо,
Що́ роска́жуть лю́де. —

Ота́къ вонй що-день Бо́жий
У дво́хъ розмовля́ли
До півночі, а Ярйна
Господарюва́ла,
Та святйхъ отіхъ блага́ла...
Такй жъ ублага́ла:
На всёідній у неділю
Вона́ спарува́лась
Съ сліпймъ своімъ....

Такёе-то
Ско́ілось на світі,

Моі лю́бі дівча́точка,
Рожéвиі квіти!
Такéе-то. Одружи́лись
Моі молоди́і.
Мо́же воно́ й не до ла́ду,
Та що́ ма́ю діять,
Коли́ такé си діялось.

Рікъ уже́ мина́е,
Уже́ й дру́гий: Зъ дружи́ною
Яри́на гуля́е
По садо́чку. Стари́й ба́тько
Сиди́ть коло ха́ти.
Та вчить вну́ка пуза́нчика
Чоло́мъ оддава́ти....

Т. Шевченко.

ДВА СИНИ.

(М. А. Максимо́вичу.)

I.

Чоловікъ уме́ръ, дво́е дітóкъ мині поки́нувъ, два сини́. Тре́ба мині зароблáти, тре́ба своіхъ дітóкъ годувáти. Не справлюсь сама́. Те́ продала́, те́ продала́ — усе́ попро́дала. Ва́жко намъ убо́гимъ своє́ добро́ збува́ти — що воно́ въ насъ кро́вью обкипíло!

Збула́... клопочу́ся, бідкаюся — зъ но́чи до но́чи. Ніколи гаразду и діточка́ми втішáтись....

А дітки расту́ть, уже й вьются коло ме́не и щебе́чуть — мої солове́йки.

II.

Андрійко бувъ у ме́не повнови́дий, яснооки́й, кучеря́вий; весе́лий бувъ хло́пчикъ, жва́вий. Було́ за день до́бре мині впече́тця своє́ю пусто́тою, а ще лу́чче розва́жить. И посварю́сь, и поцілу́ю ёго́. Вінъ бувъ ста́ршенький.

А що вже Васи́лько, — ти́хий, суми́рний: и въ хáті не чуть, и надво́рі неви́дно. Бувъ яки́йсь заду́мшливий зъ-ма́лку. Чи те, що вінъ у таку́ тяжку́ годи́ну народи́вся, хуте́нько після мого́ чоловіка, чи таку́ вда́чу ёму́ Богъ давъ.

Андрійко село́ обіжи́ть, — ве́рнетця черво́ний, сміючи́ся, пусту́ючи; а сей, гледи́, підъ хáтою де-не́будь сидітиме: земле́ю пересипáетця, або́ зілля́ всякі вишу́куе; роско́пуе щось — робачка́ ви́гребе, або́ мете́лика вло́вить, — ди́витця, ду́мае.... Гукне́ Андрій, вінъ уве́сь издригне́тця. А коли́, то було́ ля́же въ садку́,

та цілісінький день и пролежить нерухомо, мовъ прислухаетця до чого.

»Що се задумався, сину?« спитаю.

— Який сей світъ великий, нене!

Ще хлопьямъ бувъ, приземкомъ, а всі вже зілля знавъ — и якъ звется, и де й коли процвитае, и якимъ цвітомъ, — и коли пташки у вірай одлітають и коли прилітають зъ вірею — усе вінъ тее знавъ.

»Се ёму такъ Богъ давъ!« було мині кажуть люде. »Не хайте ёго, — се ёму такъ Богъ давъ!«

III.

Ото було тіми вечорами довгими осінніми, якъ вже стомить мене робота, — заберу обойко до себе на коліна, та почну на добрий розумъ навчати — якъ вмію, такъ и навчаю... роскажую імъ и про те, и про друге, — толкуюся зъ ними. Отъ же, мій Андрійко хутко и заскучае; такъ вінъ и варитця: очи собі тре, и позіхае, и зітха. »Пустіть вже, мамо!« просится. А скоро пустивъ, чого не загадае! И гомонить, и пустуе — поки й сонъ зможе. А Василько буде хочъ цілечку нічъ тую довгу изо мною сидіти, мене слухаючи, та мині въ вічи пильнесенько дивлячись.

Поснемо. Въ-ночі прокинесся,—не спить Василько мій.

»Сину! Чому не спишъ?«

— Такъ.... не хочу!.. Чого, мамо, нічъ темна-невидна? —

»Такъ Богъ давъ, дитино, що темно у-ночі... Спи«, кажу ему, »спи!«

Вінъ и змовкне... Тільки довго ще невпокійно ворочаетця.

Було, якъ місяць въ вікончо засвітить, Василько дивитця, очей не зводячи. А я одъ людей чула, що недобре, якъ на сонних дітей місяць сипле промінням, — то й укриваю було іхъ и наказую Василькові: »Не дивись, Василечку, на місяць: не годитця!« Вінъ и зітхне... То вже въ рядй-годи упаде така нічка, щобъ вінъ спочивъ тихимъ духомъ, або зовсімъ нема ёму сну, або-жъ сни невпокійні снятця.

Андрійко не такий. Уже зоря занялась, вже й сонечко зійшло, а вінъ міцнимъ сномъ висипаетця, роскидався-розгорівся...

Якъ ёго́ зъ-ве́чора тру́дно упо́рхати, такъ и підня́ть у-ра́нці. А проки́нувся вінъ, мій пусту́нчикъ,— и гу́комъ ёго́ въ ха́ті, ажъ со́хи движа́ть! Ну́ бігать, гомоні́ть, гайнува́ти, ажъ усе́ піде жу́жмомъ! А само́ таке́ ра́дее, весе́ле, ми́ле!... До то́ вже, хочъ жа́лко, не жа́лко, а тре́ба впини́ть: и пострахаешъ було́ и покри́кнешъ на ёго....

Васи́лько ме́ншенький, а навча́е ста́ршого бра́та. Андрійко ско́рий бувъ, палки́й, якъ и́скра; то було́ три́чи на день и більшъ посва́ритця зъ дітьми на у́лиці, ато́ й побъе́тця за яку́ пусто́ту.

»Андрійку!« ка́же тоді Васи́ль, »а що́ ти невесе́лий!«

— Бивсь, о́тъ що́!

»Ото́-то й ба́чишъ, Андрійку, що за твою́ пусто́ту тобі и не мину́лось; а якъ-би́ ти не заво́дивсь, то й не смутнова́въ би тепе́ръ, и не сти́дно бъ було́, що тебе́ попоби́то!«

А Андрійко ёму́ своє́:

— И такъ сидіть ну́дно!

Та зно́въ югне́ зъ ха́ти, — и слідъ загу́въ!...

Ти́хий бувъ Васи́лько, розсу́дливий. Хто ёго́ й на ро́зумъ до́брий наставля́въ, Госпо́дь ёго́ зна́е! Чи піде було́, чи не піде до това́риша, вже й поверну́всь, вже й до́ма: не заси́дитця, не гра́етця ніде́. Такъ и зрісъ на самоті, самъ изъ собо́ю.

Не говірки́й бувъ, не смішли́вий. У ко́го вже вінъ вда́вся таки́й! Андрійко, то всіхъ дівча́тъ у селі зна́е. Ро́бить и діло, щи́римъ се́рцемъ ро́бить, а годи́нку урве́ собі на гуля́ння парубо́цьке! Сей же, якъ до чо́го ставъ, — и оче́й не зведе́ и ду́мки ні на́ що не зве́рне — уся́ душа́ ёго́ въ робо́ті.

IV.

Діти мої, діти мої!

Пройшла́ въ насъ чу́тка — некру́тчина сёго́ ро́ку бу́де. Якъ я почу́ла, на́че мене́ хо́лодомъ обняло́. Погля́нула на своіхъ парубківъ: що́-то за хоро́ші, за молоді, Бо́же мій до́брий!

Одного́ ра́нку — бода́й такого́ ніхто́ не огляда́въ! — ска́зано мині, що на че́рзі Андрійко у некру́ти . . . .

— — — — —

Збира́ю оста́ннє, споряжа́ю ёго́.... Яково́-то свою́ дити́ну на

ли́хо, на бідý виряжа́ть! Хто того́ не зна́е, неха́й-же мене́ спита́е!... А вінъ, то на моіхъ очя́хъ вже́ привья́въ.... Де́ той по́глядъ молоде́цький, де́ всміхъ весе́лий!

Чи мині-жъ те́ оповіда́ти, що не одна́я не́нька стара́ хло́пцеві се́рденько слізьми́ вьяли́ла? Пла́кали и молоді о́чи за нимъ, за ёго́ га́рною вро́дою! Лю́бо вінъ пісні виспівуе було́ ясни́ми зо́рями. Го́лосъ ёго́ по усёмý селý разлига́етця. Отъ же й ви́співавъ собі дівчи́ну лю́бу та га́рну. Лі́тнёі пори́, ти́хими та те́плими ночáми, лежý було́ до́вго безъ сну, — дýмаю та горýю, и чýю було́ розмо́ву іхъ ти́ху та лю́бу.... Сподіва́лась я невісточки, якъ ла́стівочки, собі на втіху.... Пішла́ моя́ сподіва́нка слідомъ за некрýтами!...

V.

Ка́зано въ се́реду везти́ новобра́нцівъ по обі́ді. Сиджý я та дожида́ю тії годи́ни, — коли́ вбіга́е мій Васи́лько зади́ханий, блідий, и за нимъ два чоловіки въ ха́ту.

»Паніма́тко! спорядіть обо́хъ... панъ звелівъ и Василя́ бра́ти!«

Я віри не йму імъ....

»Не буде сёго́!« таки на іхъ кажý... »Аже́-жъ панъ самъ люди́на Бо́жа!«

— Ні, ма́мо, — промо́вить Васи́ль, — такъ воно́ дісне есть, якъ вони́ тобі сказа́ли! . . . .

И всі мене́ вмовля́ють, а въ ме́не се́рце на́че заме́рло: и чýю. що гово́рять, и ба́чу іхъ, а до се́рця ніщо́ мині не дохо́дить....

— — — —

VI.

Виізджа́ли три тро́йки. Усе́ новобра́нці. За ни́ми рідъ иде́, проважа́е. Сіла й я міжъ своіми сина́ми, іду. Шляхъ мигти́ть; гаі та поля́ на о́чи набіга́ють....

И такъ мині ста́лося, на́че я дити́на мала́: не розумію нічо́го, не зна́ю, не памъята́ю. Тілько, якъ гля́ну на дітей, то стра́шно ста́не.

Приїхали до приёму, повели́ іхъ, а ми стоімо́, ждемо́. Мене́ мовъ сонъ хи́лить; та бу́дять мене́ — хто плаче́мъ, хто рида́ннямъ. Пе́ршихъ ви́вели моіхъ.... Го́споди, Бо́же мій! Ти жъ у насъ вели́кий, ти жъ ми́лостивий! Лу́чче бъ я у зе́млю похова́ла іхъ обо́хъ!...

VII.

Привели́ мене́ у те́мну яку́сь хати́ну — земля́нка, чи лёхъ, чи що́ воно таке́, не скажу́. Яки́йсь моска́ль сиди́ть: голова́чъ, розко́шланий, невми́ваний, підъ щоти́ною уве́сь, якъ іжа́къ. Се бу́де іхъ старши́й, дя́дько....

Кла́няюсь, прошу́: »не оста́вте ла́скою ва́шою, добро́дію, и моіхъ синівъ!«

Даю́ ёму́, що́ змогла́сь, грошенятъ; ато́ полотна́, и на дітокъ де́-що....

»Не жури́сь, стару́шка«, прохрипівъ; »тро́шки ва́ші синки́ поскуча́ють — безъ то́го не мо́жна въ сві́ті, а тамъ злю́битця: молодці́ бу́дуть, отъ якъ и я, приміромъ ка́жучи!«

Погля́нула я тоді спи́льна на ёго: черво́ний, обду́тий яки́йсь вінъ, о́чи въ ёго яко́сь поме́рхли.... Бо́же-жъ мій!.. А мої сини́, мої голуби́ си́зі! Що у іхъ душа́ тепе́ренькі свята́, и по́глядъ ясни́й, и любі обли́ччя квіткою процві́та́ють!...

— — — —

VIII.

Попроща́лися. Привели́ мене́ діти за місто....

Отъ ще́ й-до́сі, якъ ви́беретця лі́томъ день гаря́чий, ду́шний, то й згада́ю собі те проща́ння на́ше: отъ, идемо́ мі́стомъ... позачи́нювані буди́нки, запи́няні вікна скрізь; за мі́стомъ сосни́на те́мна, дале́ка заступи́ла шляхъ піскова́тий; су́не передъ очи́ма по піску́ рипли́вий візъ, на не́бі со́нце пеку́че....

— — — —

IX.

Оста́лась я сама́-самі́сінька, недугу́ючи. Ні сну мині, ні опочи́нку. Роблю́ черезъ си́лу, нічо́го не зна́ю, не чу́ю....

Мина́е рікъ и дру́гий и пья́тий....

Обняла́ мене́ мовъ хма́ра чо́рна; тілько й світятця мині, якъ дві зіроньки те́мної но́чи: то́ дітоньки мої!

По Різдві́, сиджу́ я одно́го ве́чора, такъ вже у пізні ля́гови, пряду́.... Надво́рі завирю́ха, ажъ у вікна бъе, и світло мигти́ть....

Коли́ — стукъ, стукъ! Одчиня́ю — Васи́ль!

»Васи́лечку, си́ночку мій! а Андрійко де́?...«

— Нема́ вже, ма́мо, Андрія! Лігъ Андрій, ма́мо — та й не вста́не вже! . . . .

А я на́че зна́ла: я ёго́ що-дня́ въ Бо́га, що-но́чи оплака́ла!.. А жи́ти бъ тако́му, та жи́ти! На ви́рістъ и на си́лу й на ли́чко у ба́тька уда́всь: отъ же за ба́тькомъ и на той світъ погна́вся!...

— — — —

»Зста́ріли ви, не́нько!.. я́къ вамъ тутъ жило́ся? нужди́ приняли́?...«

— А такъ мині жило́ся: устаю́ — пла́чу, и ляга́ю — пла́чу, та́къ мині жило́ся!

»Я, ма́мо, до васъ умира́ти прийшо́въ!...«

Придивлю́сь до ёго: ли́шенько моє́!.. воно́ й молоде́, та вже надло́млене! . . . .

— Си́ночку мій! бода́й би я не дiжда́ла твого́ сло́ва почу́ти!

Отъ же то щи́ра пра́вда була́, що вінъ сказа́въ.

Та́не й та́не мій Васи́лько, якъ свічка. Поле́жавъ, похи́рівъ— та на весні й переста́вився.

Де́ ёму́ й жи́ти було́! Воно́ й росло́ такъ, аби́ сла́ва, а ті́ ви́правки та похо́ди си́лу зъ ёго усю́ ви́брали....

— Не на те народи́всь, моя́ ма́ти, щобъ мині люде́й на вій-ні́ тра́тити!— було́ ка́же;— не для таки́хъ, якъ я, війна́, й воёвни́къ зъ ме́не не жва́вий!

Якъ вже въ тяжко́му недужі лежа́въ, то все було́ ду́ма та ду́ма та ду́ма собі.

»О Бо́же, Бо́же!« заговори́ть, »яки́й у те́бе світъ кра́сний! А я й не жи́вся у світі, а я й не навчи́вся, я й не зна́ю ні-чо́го!...«

И въ оста́нню годи́ну промо́вивъ:

»Не живъ я, ма́мо, на світі! тілько збіра́вся жи́ти!...

Молоде́, то якъ косо́ю скоси́ло... А я зоста́лася....

X.

Тільки мині́ й потіхи, що коли́ приснятця мої дітки. Та все сня́тця вони́ мале́нькими, а парубка́ми ніко́ли не приснятця.

И якъ живі́і вони́ стоя́ть передъ душе́ю мое́ю:

Андрійко весе́лий, кучеря́вий, ніби по ха́ті бігае та гомони́ть, а въ ха́ті я́сно, я́сно! Васи́лько надъ квітка́ми та зілля́ми сиди́ть, заду́мався....

Проки́нусь... пу́сто! робо́та дожида́е; тре́ба жи́ти, тре́ба діло роби́ти, тре́ба терпіти го́ренько...

Живу́; дивлю́сь, якъ ха́та ва́литця. Чу́ю, що й сама́ я пи́ломъ припада́ю... яко́сь дурні́шаю, яко́сь туманію, на́че жива́ у зе́млю вхо́жу....

Марко Вовчо́къ.

ТІТКА НАСТЯ.

—— Тоді не такъ ще було́, якъ тепе́ръ! Тепе́ръ и жилётки́ у насъ, и вся́ка дурни́ця; або́ ще и́ноді й самова́ри... Инши́й, поки́ не головува́въ або́ не прикажчикува́въ,—ка́ша, мо́же, зъ мяки́ною, борщъ — димъ зхо́плюетця; та якъ и одпа́сся людськи́мъ по́томъ, — сіре тобі, звиня́йте, якъ той кнурь сірий товсти́й: »мені«, ка́же, »отто́ свіжопросо́лня«—ри́ба—»якъ пахни́ть!« а линтваре́вий кожу́хъ—за півми́лі чинба́рьскимъ ква́сомъ; а »живітъ«, ка́же, »па́рить!« И-й! не такъ би тебе́, го́лубе, попа́рити!

Такъ-то, кажу́, тепе́ръ! И тоді лю́де люби́ли и хо́роше изходи́ть, и сма́шно ззісти; тільки все теé—не забува́ли, якъ було́ батьки́ й діди́, а найпа́че, що батьки́ й діди́—мо́же й ви чу́ли.

Прихо́дить оди́нъ со́тенний осау́ла до свого́ ба́тька: »Повко́вникъ, та́ту«, ка́же, »хо́че мене́ цифе́ромъ записа́ть!«—»А ти жъ ёму́ що?«—»А що́ жъ би я ёму́? Кажу́, ба́тька, піду́, зпита́ю«.—»То́-то жъ, ти мені гляди́! ато́ онъ бачъ«—на ціпуру́. »Скажи́«, ка́же, »повко́вникові, що лю́де бу́дуть сміятьця!«

Одже тітку и тоді вже було́, на́вет було́ тату́сь: »Ти«, ка́же, »се́стро, старосвіцька люди́на!« Усміхне́тця було́ покійниця, та ще й руко́ю — сількись, мовъ, — чи такъ, то й такъ!

Старосвіцька була́ люди́на, ду́же старосвіцька!

Синъ було́ зъ Гру́зіи хусто́къ усяки́хъ шовко́вихъ, мате́рій туре́цькихъ та персидцькихъ. —»Про смерть, на це́рковъ, попа́мъ!« або́ пороздаро́вуе намъ, дя́дьковимъ, або отъ Кібченя́тамъ; а сама́ — матірчатий плато́къ, керсе́тъ зъ рукава́ми, зеле́ні смужки́... запаски́, та ще щобъ и ля́хівка, черевики́ або́ чо́боти—и вся невели́чкая!... Ахъ, и забу́вся—ху́стка ще!.. у по́яса: безъ не́і, якъ то ка́жуть, и не сту́пить! Домотка́на, и тамъ—за́полоччю, або́-що.

И такъ було́ вона́, и въ бу́ддень, и въ свя́то. А міжъ лю́де, або́ въ це́рковъ, кожу́хъ зъ стоя́чимъ комірце́мъ, зімо́ю,—сіроні-ме́цький верхъ; а літомъ — голуби́й хала́тъ.... Иноді, якъ лу́читця було́ зъ не́ю до ро́дичівъ-панівъ: »Та ви бъ, тіту́сю, що не́будь!« звісно, діти. »Отъ Бігъ зна що! старі ви́бачять!« або́: »Чого́ ви«, ка́же, »турбу́етесь? Сёго́ не знімуть, кра́щого не даду́ть!«—и чи до Кібця, то й до Кібця, хоть все тее́ куди́ попаня́чилось и пиндю́читьця почало́!.. або́ и до само́го Пете́льки—и вінъ намъ зъ рідні́ дово́дився.

И було́ якъ приідемо—ми жъ не зна́емо, куди́ и поверну́ть-ця, а найпа́че, якъ ще па́нство; а вона́, мовля́въ—изогну́вшись, въ тихъ череви́кахъ и въ голубо́му хала́тику—стукъ тихе́нько ці-по́чкомъ по го́рниці, стукъ!... Ти́хая у покі́йниці, и мо́ва, и хода́ була́.

Та и у всёму́ було́ вона́! Доста́точокъ бувъ гарне́нький: су-сідскихъ хатъ зо́ три, чи зъ чоти́рі, клу́нька, комірки́... волівъ супру́га до́бра—що таки́ одъ покійника Бурку́ти, а то и синъ; а въ хатка́хъ, не тільки черезъ сіни, а и въ ми́ті: и пічъ, и пілъ... ла́ви, поли́ці, стілъ на ко́никахъ, ми́сникъ коло́ поро́га....

Старосвіцька, кажу́, була́ люди́на, ду́же старосвіцька!

Поки́ тільки зду́жала,—и са́дить було́, и по́леть, жне, ва́рить істи; хоть, якъ кажу́, про одну́ ду́шу и ба́течки бъ! Покійникъ тату́сь не разъ—та чи тобі жъ, мовъ, стару́ючи! »Ти бъ уже́«, ка́же, »утихоми́рилась: у те́бе жъ, сла́ва Бо́гу, сусіди, на́ймитъ, на́ймичка!«—»Итъ, Бігъ зна що ти, Пе́тре! на те«, ка́же, »Богъ и ру́ки давъ! Не вже жъ тільки сидіть, зложи́вши іхъ, та гото́-ве істи?«

И було́ така́, що чи въ кумпа́ніі, чи такъ міжъ лю́дьми, рід-ко-рідко коли́ розгу́торитця! та й то ще не зъ уся́кимъ, а хто тамъ уже́ по душі, отъ, приміромъ, зъ мату́сею—неха́й леге́нько іі згада́етця, моі старе́нькі! Ті тамъ и се, и те: »ми«, мовля́въ, або́ »на́ші батьки́ й діди́«; а вона́—руко́ю підъ що́ку, або́ на свій ціпо́-чокъ, слу́ха. Иноді жъ усміха́етця, ніби весе́ленька, а и́ноді—ажъ ли́це осу́нетця, мовъ яку́ путь до́вгу, або́ коло́ мерця́ три но́чі....

А щобъ отта́мъ розсе́рдитьця, погри́мать—на на́ймита, або́ такъ на ко́го—ніхто́ и не чувъ ніко́ли, и не ба́чивъ! Ду́же-ду́же вели́ко вже було́: »о бода́й же тебе́!« а то—»хи́рний!« ка́же. Той тамъ коби́лу припусти́въ до нови́хъ стіжкі́въ,—снопи́ повицу́плю-

вала, або́ дру́ге вшко́дивъ: »Оце́, ти«, ка́же, »хи́рний, и коби́лу припусти́въ!« Та таки́, здае́тця, вона́ и не вміла лаёкъ тамъ, або́ слівъ яки́хъ, що и́ноді и жоно́та: »сяко́го тако́го сы́на, сяко́ї тако́ї дочки́!«

Разъ тільки нина́че розсе́рдилась, та й то, не якъ и́нші лю́де — зъ татусе́мъ покійникомъ. И за що воны́, Богъ іхъ святи́й зна́е! Одно́ 'дного́ люби́ли ду́же, и тату́сь бага́то допомага́въ, — отъ якъ и Буркута, ка́жуть, вмеръ, и по́тімъ, якъ ії Степа́на въ Гру́зію зъ Гра́никомъ... Мо́же, чи ни за ёго и вийшло! До покійника дохо́дять було́ чу́тки, ча́сто було́ ре́мствуе, що ніби обіжа́ на́шого. А мо́же, и за що дру́ге — Богъ іхъ, кажу́, святи́й зна́е! И такъ воно́ ско́ро яко́сь те́е вчини́лося!

Я мали́мъ хлопця́мъ ще тоді бувъ, са́ме по надвірью, — и байду́же, що тамъ у ха́ті. Коли́ вбіга́ю, въ світли́цю, и такъ, зна́ете, ще прожо́гомъ: мату́ся на дзи́glику коло́ гру́би, блі́да́я, — и смутна́я-смутна́я! го́лову повісила; проти́ не́ї тітка, тежъ на дзи́glику, хусти́ною слёзи... а покійникъ у поку́тнёго стола́, ви́прямився, и о́чі, що все було́ ажъ дрижи́ть.... Я такъ и прикипівъ до землі!

Тро́хи погоди́я, тітка вста́ла и мо́вчки зъ світли́ці; за не́ю — мату́ся, я.

Вихо́димо на рундýкъ, а тутъ и се́стри: »Чого́ се ви, тіту́сю, чого́?« Тільки́ пла́че, и на́ймитові скоріше — коби́лу; а запрігъ — мо́вчки, и поіхала.

Мовъ тепе́ръ се ба́чу!

На рундуці, пла́чемо, вона́ іде, іде, — мовъ стари́й богъ зъ дво́ру захо́дить.... Вже до воріть, за двіръ.... А далі мату́ся, мовъ у се́рце ії кольну́ло: »О, Цари́це жъ моя́ небе́сная!« — за не́ю, ми.... »бо́же нашъ стари́й, бо́же! тіту́сю!«

Якъ уже́ вона́ ублага́ла ії вернýтьця, нічо́го не памятýю — коли́ те́е у Бо́га дія́лось! Памьятýю, якъ уже́ вернýлась, и ми за не́ю въ світли́цю.

Тату́сь тамъ же таки́, коло́ поку́тнёго стола́, ліктемъ обпе́рся, на доло́ню голо́ву. Се́рце, ви́дно, пройшло́ вже, тільки смýтокъ вели́кий.

Ввішла́, тихе́нько до ёго; вставъ, собі тихе́нько.... Разъ поцилува́лись три́чі на́вхрестъ, у дру́ге, у тре́те, — и зно́ву, де сиділи... У бра́та зъ сестро́ю ти́ха розмо́ва, обо́е лю́де старосві́цькі — не́чисть яка́сь!... Замо́вкли, пролізла — зно́ву ти́ха розмо́ва у бра́та зъ сестро́ю, обо́е старосві́цькі лю́де....

— —

Одже, и що́ бъ ба́чця! Се́рце, якъ кажу́; а що́бъ тамъ на́ймитъ, або́ сусіди,—та и крий Го́споди! Чи такъ уже́ ії поважа́ли, що, мовля́въ, и крив'о́го сло́ва боя́лись, — чи вміла; а якъ вшко́дить було́, »о, бода́й же!« мовъ.... »та лу́чче бъ«, ка́жуть було́, »зря́ду три́чі на спо́відь!« а вмовля́е було́ на спо́віді Вертьківський піпъ ду́же!

У не́і кітъ Спори́шко бувъ—літомъ за́вжди въ споришї коло́ ха́ти, за те и Спори́шкомъ. А ми ще и Прицу́цуватимъ. Оце́, приміромъ, сиди́ть було́ під'ъ поло́мъ, прислуха́етця, якъ мишеня́та по нірка́хъ, або́ па́рить че́рево на ко́мині, но́ги одки́давши, —та зра́зу, нина́че яки́й га́спидъ ёго́, до те́бе!.. и чобітъ ла́пами по щока́хъ, по щока́хъ! поля́паса ёму́!... Такъ на́ветъ отто́й Прицу́цуватий. Якъ розбісну́етця було́ оце́—а було́ якъ розбісну́етця, то и ха́та ёму́ тісна́: и по столу́, и по ла́вахъ, и по ми́снику — то неха́й було́ тільки покійниця »оце́, мовъ, хи́рний! го́ді вже тобі!«—тиць, де бъ тамъ ни бувъ, и у́ші насторо́шивъ! »Тобі, тобі, не виля́й хвосто́мъ!«—терне́ ла́пою за одни́мъ у́хомъ, по́тімъ дру́гою за дру́гимъ, куса́, бачъ, щось ёго́—хи́тра проклята́ща звири́на була́—и піде, піде тихе́нько, мовъ нестре́пений! и хіба́ під'ъ ла́вою вже, за закаблу́къ тамъ тебе́, або́ за халя́ву!

А вже що отті колістра́тори всяки́!... Зна́ете, які вони́ и́ноді у насъ: и чва́нитця, инди́читця... ро́тъ-безъ-заворо́тъ, всяке чо́рт-знащо варзя́кае: »И таки́й я, и таки́й тамъ га́спидъ!.. мій оте́ць, мої діти...« диви́тьця и слу́хати ги́дко; а тільки неха́й вона́ тутъ.... мовчязна́, и зогну́вшись, и тамъ де-не́будь въ куто́чку, або́ коло́ поро́га—та ба! мовъ ёму́ язи́къ поцу́пить въ сере́дину! Дре́вня люди́на, зна́ете, зна́ла не тільки іхъ, а и іхъ батьківъ и дідівъ; и якъ-би до чо́го, и почала́ роска́зувать,—не одному́ бъ прийшло́сь, якъ то ка́жуть, у сірка́ оче́й позича́ть. Та таки́ було́ и́ноді и допечу́ть, отъ якъ разъ Ри́пиця у Пете́льки—не сей Ри́пиця, що тепе́ръ, а ёго́ ба́тько.

Таки́й, зна́ете, вінъ великорозу́мний бувъ, той Ри́пиця: накру́тить-накру́тить оце́ верже́тъ, ажъ стричи́ть, мовъ у квака́ чу́бикъ, та ще й го́лову на́бікъ: »Та воно́«, ка́же, »такъ, а загля́нь лише́нь въ зако́ни!«—все було́ зъ тими́ зако́нами, нина́че ду́рень зъ сту́пою! А якъ пья́ний, то таке́ жъ тобі, прости́ Го́споди, пога́не, таке́ въідливе, що возьми́, та пря́мо и наплю́й ёму́ середъ ло́ба!... Отъ разъ вінъ и заходи́вся у Пете́льки, під'ъ пья́ну ручъ.

Та одіга́тьця ста́ла, таки́ въ свѣтли́ці — за́вжди було́, и одіга́етця и и роздіга́етця въ свѣтли́ці, де бъ ни була́; а вінъ: »чого́ та й чого́, про́бі, сто́ітця оце́й хала́тъ?« та ще й гу́би зши́лить, кепкова́ть би то, бри́дкий, зъ старо́ї люди́ни!... Ми жъ зъ матусею не зна́емо, я́къ-то ка́жуть, куди́ й подітьця — татуся́ на той разъ у Пете́льки не було́; а вона́ хоть би тобі о́комъ змигну́ла! застіба́ пова́гомъ гу́дзикъ підъ бородо́ю — ру́ки тільки ніби тримтя́ть.... »Оттого́ й оттого́«, ка́же, »сто́ітця!« — »Поцінно«, той, »поцінно — оде́жина хоть би й княги́ні!« Не ви́держала напослідокъ покій-ниця! »Се«, ка́же, »Они́ську Семе́новичу« — Они́ськомъ Семе́новичемъ ёго́ — »се«, ка́же, »тепе́ръ воно́ поцінно здае́тця, гро́ші дешевші ста́ли; а якъ купува́вся сей хала́тъ, тоді гро́ші дорогі були́. Тоді.... Вамъ«, ка́же, »покійникъ вашъ пано́тець, мо́же, роска́зуваръ, що за такі гро́ші, або́ ще й того́ дешевше, тоді въ Ки́еві па́нство мо́жна було́ купи́ть!« — а Ри́пиця, зна́ете, бувъ зъ таки́хъ, якъ би й ми грішні, та тільки ба́тько ёму́ чи́на, въ Ки́еві, за три четверики́ пшени́ці.... Якъ сказа́ла вона́ се, тоді Ри́пиця, якъ той цу́цикъ, вхопи́вши о́близня. А тутъ ще й Пете́лька, спаси́бі ёму́, — за насъ ру́ку потя́гъ. Підожда́въ тро́хи, щобъ таки́ не такъ вже ду́же: »Чи ви«, ка́же, »Они́ську Семе́новичу«, приди́влюючись ёму́ до бороди́, — що-неді́лі, мовъ, отта́къ го́литесь?...

— — —

И було́ такъ покійниця: куди́ бъ ни іхала, а вже безъ паляни́ці не мо́жна. »Годи́тця такъ!« И прийде, склони́ла головою, добри́день, чи якъ прихо́дитця, и напере́дъ усёго — зъ хусти́ни и на стіл ій! а вже по́тімъ, и привта́тьця, и щобъ тамъ наддягти́сь.

И гости́нцівъ тежъ було́ дітямъ, — нико́ли було́ безъ гости́нця! »Сва́римось«, ка́же, »тре́ба и голу́бити. Чимъ же«, ка́же, »и зга́дувать імъ бу́де стару́?« И не те, щобъ тамъ медяникі́въ, або́ другого́ чого́, городського́ — ні, сёго́ у не́ї не було́ нико́ли. А отъ: насіннячка по жмінці... коржа́ медяно́го, або́ про́сто по шматку́ книша́ або́ гречаника. »У за́йчика«, ка́же, »одняла́! Бі-жи́ть«, ка́же, »и несе́, — я и одняла́!« И яки́мъ смашни́мъ намъ здава́лось, що вона́ у за́йчика одняла́! Такъ яко́сь умі́ла все вона́, — якъ то ка́жуть, всяку копійку ру́бомъ.

И чи й до не́ї було́ прийдемо: ду́же люби́ла па́датьця коло́ насъ; а щобъ тамъ пу́ндикі́въ яки́хъ, прищівъ — нико́ли! И не одъ скна́рости, або́, сказа́ть би, ні зъ чого — ні! така́ вже люди́на!

На обідъ було́ оце́ — борщъ зъ мя́сомъ, ка́ша зъ молоко́мъ, и ду́же-ду́же вже бага́то, якъ ще й варе́ники; для за́бавки — насіннячка, а и́ноді й варе́ної по чарупи́нці: »се«, ка́же, »мо́жна«; на по́лудень — ковбаси́, або́ кришеникі́въ са́ла... Було́ дя́дькови — звісно, мазаніші — му́лятця: »Не копи́льте«, ка́же, »дітки, губо́къ, не копи́льте! іжте, воно́ смашне́!« — и ті, мовъ непе́вні, уплітали кришеники.

А щобъ тамъ таріло́къ білихъ, або́ виделокъ и ножівъ — того́ й заво́ду въ не́і не було́. Про́сто: на деревя́ні тарільці — хлібъ, на дру́гі — сіль... бі́лі ложки́ деревя́ні, ніжъ колодій, рушни́къ круго́мъ сто́лу ру́ки обтира́ть, та для дітей по поливяному полу́миску для ко́жного, борщъ набіра́ть — отъ и все! »Сідайте«, ка́же, »дітки, за стілъ, ато́ борщъ проститне!..« Хлібъ було́ ріже, хіба́ котре́ не поду́жае; мя́со — зъ одніе́і таріл ки, па́льцями... Позаелю́жуемо було́ собі и носи́, и ру́ки — усміха́етця тільки тихе́нько, витира́: »О, я́къ же ти«, ка́же, »Васи́льку, нечупа́рно!« — а сама́, мовъ вона́ до ёго не приторка́лась!

И було́ вже такъ пильну́е за ко́жнимъ, щобъ тамъ кришеника безъ хліба, або́ щобъ варе́ники не ду́же въ ма́сло! За́разъ за ру́ку: »хлібця«, ка́же, »дити́но моя́, хлібця — ва́ва бу́де!«; або́: »помале́ньку ёго́, помале́ньку,— осліпнешъ!«

И що жъ! Якъ тільки прихо́дять було́ святки́, або́ ска́жуть, що, мовъ, до тітки На́сті, — тільки объ тімъ и ре́чі у насъ!

Про́стенькі у не́і були́ хатки́, и въ іхъ нічо́го бъ и тако́го; а яко́сь такъ тамъ!.. Якъ згада́ю, отъ якъ разъ ми до не́і на Голо́дну Кутю́...

Темнова́то, моро́зъ вікна позамуро́вувавъ — мовъ у на́ші старі це́ркві... и стіни, мовъ у на́ші старі це́ркві; на столі трійця — въ васи́лькахъ — въ кали́ні, казано́къ зъ кропи́льцемъ, надпа́лена свічка воскова́... Мовъ ми спра́вді въ на́шу стару́ це́ркву на Голо́дну Кутю́, нема́ нікого́, а бу́де та слу́жба: и парамії, »тако́ глаго́леть проро́къ... ріки Орда́нскіі... водо́ освяще́нная«.

И отті ложки́ бі́лі, ми́сникъ, сволоки́: про́сто, и два́дцять-со́рокъ разъ іхъ ба́чивъ; а ще хо́четця передиви́тьця, ще щось нина́че въ іхъ... въ отти́хъ мережка́хъ, держална́хъ зъ горля́ночками, въ отти́хъ закама́ркахъ въ ми́снику... въ оттому́, на сво́лоці: »Ро́ку«, ка́же, »Бо́жого 1764 соорудився домъ сей...« »*Соорудився?*... И стара́ це́рковъ *соорудися*... Пе́вно отто́, якъ

и въ Хибцяхъ: и владика — старий, старий! въ золоті шапці; хлопчики въ золотихъ свиткахъ — якъ янголята співали!... въ землю щось закопували...«

А миски у тітки! И на полицяхъ и на миснику, зъ вінцями и безъ вінець, круті и розложисті, зъ боками и безъ боківъ... И все те, знаете, поливяне: червоні, зелені, білі, жовті... цяцьковані!

Ми часто було: »Будьте, мовъ, ласкові, тітусю!« Зопнетця старенька на лаву — любила таки іхъ показувать; а ми на землі, кучею, — и почне одну за'днією: и білу велику, на вінцяхъ хрещики, на бокахъ пружки — и червону, що паски святять, зъ кривулькою и зъ зеленими голубами на дні. »Оцю«, каже, »въ Лубняхъ, на Спаса — півзолотого вража сідуха! а оцю торікъ въ Оржиці — пятакъ зъ шагомъ; а оцю«, каже, »тутъ такий, ганчарь въ Богодухівку іхавъ«, — и почне намъ, якъ той ганчарь Коломиівськимъ шляхомъ, а вона на вгороді: »по горшки«, кричить, »по горшки!« — пшеничного борошна зъ верхомъ!

А для играшокъ було у неі! та ще й додому надае!... яечокъзнісківъ, карахонёкъ, близнятъ усякихъ: соняшникового або гарбузового насіння, житніхъ колосківъ, що по два на одному стеблі. Або ще воликівъ: »Ось«, каже, »діти, скільки орелъ зъ степу нагнавъ!« — и цілісіньку намъ торбину квасолі: жовтої, синеі, та ще й смужками усякъ! »Тутъ«, каже, »и сиві, и полові, и підчереві!« Підъ Великдень — безконешнихъ писанокъ всякихъ, крашанокъ бразолійнихъ. А літнеі пори лучитця у неі— понавозимо додому зайченятъ малюсінькихъ, піръ великихъ, що журавлі зъ крилъ гублять, дрохвинихъ яець, оврашківъ — степовий хутіръ!

— — —

Така-то була, та тітка Настя! Старосвіцькая, дуже старосвіцькая людина! Теперъ такихъ людей, гляди, чи можна вже й найти!

Не веселее тільки покійниці життя було! Одъ чоловіка осталась давно — я й не зазнаю покійника Буркути; синъ одиначикъ бувъ, та й той заіхавъ въ далекі сторони: одна въ Божому світі, якъ палець! А щобъ по бенкетахъ тамъ, по весіллях, въ кумпаніі — не любила. Въ ряди-годи хіба між люде, та й то, щобъ не зовсімъ таки одцуратьця, притьмомъ треба; а то все

домýе, все однá! Та якъ лучáлось и міжъ лю́де — мовчязнá, кажý: якóсь не тулúлось, и лю́де ті мовъ ії чужі, и вонá мовъ імъ чужá... А ро́дичі бъ сказáть... Изъ усне́і рідні вонá тільки насъ; такъ разъ те, що такúй далéко й жилú — колú-то въ Бо́га доведе́тця! а дру́ге — матýся тоді молодá людúна булá, все не те! ну, й дру́гою жінкою у татуся: все ніби чуже́, чужіше, ніжъ пе́рша — такъ уже́ скрізь веде́тця!...

Лю́де прирáяли, щобъ кого́ за дитúну — все такúй, ка́жуть, охвітніше. Послýхалась и взялá дя́дькову наймéньшу: »Зъ мало́го«, ка́же, »якъ зъ вóску, все злíпишъ!« Знáла жъ вúскъ! Дитúна вúйшла невмóсна, оприсклива, — а вже що нечупáрна, то й кінці погубúла! А тутъ ще й старі: »Обіждáе!«, ка́жуть,— що, бачъ, úноді дýбчикомъ, або́ посвáритця... Шутку́е було́ покійниця: »Не мáла«, ка́же, »бáба клóпоту, та купúла порося́!«, а вúдно, дýже ії те доймáло!

Однá робóта, здае́тця, и розважáла тільки покійницю, та ще отъ, якъ було́ у це́рковъ.

Приідемо було́ до не́і на степóкъ, підъ косовúцю: »косáрики!« ка́же. А якъ гребовúця, то й самá ще зъ граблáми: дівці, мовъ, со́ромъ, ру́ки зложúвши, — дівкою було́ себе́, я́къ веселíша. Прибіжúшъ було́, даси́ зза у́ха чолóмъ... поцілу́е въ го́лову и знóву за граблі. »Бачъ«, ка́же, »я́къ у насъ дівóта! Скажú«, ка́же, »своїмъ парубкáмъ« — а парубкú бъ то, удóві дідú, що вже й зубівъ въ ро́ті не гуртъ, —»скажú«, ка́же, »що онъ, мовъ, вонá якъ!« — и геть валóкъ підкúне граблáми!

А въ це́рковъ було́, хоть яка́ хýга бье, іде въ Вертькú! До у́трені було́ уже́ не зáвжди, а до слýжби — ні однісінькоі не пропýстить. Та ще кóжний разъ и свічку, заве́рне въ білу хустúну... И якъ ве́рнетця, така́ жъ тобі! Неговоркíша ще, здае́тця, а усміхáетця: вúдно, такъ тúхо, бóжо, на душі! а скáже що — мья́ко и отóтъ, здае́тця, запла́че! »Спроті бъ«, каже, »тільки молúтьця!«

Та ще було́ покійниця, якъ отъ обідъ хто, девятúни, чи сороковúни, — лю́бить. И не те, щобъ такúй спрáвді обідать и помина́ть, а щобъ по́ратьця: помóже все, якъ слідъ, и додóму, ні за що не зоста́нетця! Отъ хіба́ хто замóжний, и обідъ йде надвóе: въ хáті, а хто бідніший и старці — на двóрі; тоді — такъ, и на такúхъ обідахъ любúла найпáче: все коло́ таганівъ! И оце́

духъ ду́ха пошиба́, а вона́ — підти́кавшись, підсми́кавшись, хусти́на та зпідъ керсе́та. А якъ прийдуть попи́ и поблагословля́ть — и почне́ коло́ своіхъ: садови́ть, по́штуе, припро́шуе... Иноді — вся́кові, зна́сте, бува́ють покійники! Инший и вікъ свій зживъ, а нічо́го на той світъ не заробивъ — и зга́дувать ні-защо, найпа́че отті бідо́ті. И якъ обійде ча́рка разівъ кільки — всячиною почну́ть!.. То було покійниця, якъ по́чне, якъ по́чне — вміла зъ отти́мъ наро́домъ — то чоловікъ и зхаменётця: »Неха́й«, ка́же, »уже́ Богъ ёго́ су́дить! то оди́нъ суддя́ нелука́вий!«... Не одну́ ду́шу вона́ оберегла́ тамъ одъ людськи́хъ проклёнівъ.

— — —

Зъ ча́сомъ у покійниці и того́ не ста́ло, ста́рість почала́ одоліва́ть. То було́, давніше — звісно, діти: »Чого́, мо́вь, тіту́сю, зъ ціпо́чкомъ?« — »Охвітні́ше«, ка́же, »одъ соба́къ!«; а то: »пожи́вете́ зъ мое́, сами́ поба́чите«... А да́лі до то́го вже дійшло́ — ми підросли́, розуміть ста́ли, а найме́ньший брату́ха... »На те«, ка́же, »моя́ дити́но, на трёхъ, щобъ на чотирёхъ не ла́зити!« И жарту́е було́ и́ноді, жарту́е, та на таке́ зве́рне... »Я«, ка́же, »бу́ду ско́ро тако́ю, якъ ти бувъ колись: въ пелюшки́ мене́ загорнуть, въ колисочку поло́жать!«

Та и не добача́ть да́льше ста́ла, и не дочува́ть: девя́тий деся́токъ карата́ла, та и трудя́ща люди́на... Иноді було́, якъ почне́ приглежуватьця до те́бе, або́ прислуха́тьця, поки́-то пізна́ або́ почу́е! »Мовъ крізь густе́ си́то«, ка́же, »а у́ші нина́че позати́кані.«

Тимъ въ це́рковъ ду́же-ду́же вже рідко, та й то хіба́ літомъ; а на обіди, въ по́ле, міжъ лю́де — »Одъіздила вже свое́, неха́й ще дру́гі!« На вгоро́дъ хіба́ було́ ви́дибуля, поло́ть, по́мацки; а то все въ ха́ті, все на полу́ — пряде́. И прядіння тамъ було́.. Сама́ и́ноді: »Якъ упущу́«, ка́же, »почи́нокъ, и нема́ нікого — поки́ то нама́мраю! и́ноді всю ха́ту ви́рачкую!« Все то за віскъ! Своя́ й пасічка, та й матуся, — чи вже бъ то пожаліли! »Трудови́те«, ка́же, »не те, що даровите, або́ свое́: мо́же, хоть симъ Бо́гові приспособлю́сь!«

А по́тімъ и ліжма тре́ба лягти́! Притомна була́, поки́ и вме́рла — и памятува́ла тве́рдо, и говори́ла, и розуміла — та си́ли нема́! Въ рука́хъ ще ся́къ-такъ — віко́нце одчини́ть, ло́жку; а нога́ми — хіба́ підъ ру́ки, то й то тільки-тільки що ди́ба! »За-

молоду не поберегла́, одту́пала, одтопта́ла!.. Зажила́сь«, ка́же, »зажила́сь, пора́ бъ и честь знать!«

Такъ ще вона́ го́дівъ кільки пронуди́ла свѣтомъ — ви́лежала, ви́качалась на полу́. Якъ прийде вже ду́же тя́жко: »Прийми́ вже!« мо́лить було́ Бога́: »на́-що я тутъ здала́сь!«; а поле́гша: »Его́ свята́я во́ля!... Вінъ«, ка́же, »зна, що́ ро́бить!«

Не разъ до сина писа́ла: »Прили́нь, моя́ дити́но, хоть подивлю́сь!... хоть въ оста́тній разъ! хоть о́чі мені закри́й!« — »Радъ би«, ка́же, »прили́нути, та кри́лець не ма́ю!«

— — —

Въ оста́тній разъ ба́чивъ за ти́ждень передъ сме́ртю.

Приіжжу́, а вона́ підъ комо́рою, на присінкахъ — на со́нечко ви́несли...

— Се ти, ка́же, — дити́но моя́?

»Я«, кажу́, »тіту́сю!«

— А що жъ ва́ші — чи ще вони́, ще́?

»Та ще, сла́ва Бо́гу!«

— Сла́ва Бо́гу! ка́же... А я, ка́же, на со́нечко; тільки щось и воно́ — а со́нце и ди́хать не дае́... Я вже, ка́же, ёму́: »и ти, мовъ, старосві́цьке, и я — хоть ти мені!« не гріе, розледачі́ло, за молодне́чею!...

Якъ умира́ла, ми зъ *моє́ю* не були́, у Лубні ходи́ли... Дали́ зарі́къ: якъ дасть намъ Богъ сина — пішко́мъ у Ки́ївъ, до Пече́рськихъ, а дочку́ — до Офана́сія свято́го: Богъ Наде́ждочку посла́въ!

Смерть, ка́жуть, була́ — пошли́, Го́споди, и вся́кому тако́і! ти́хая, пра́ведная!... *Зтрево́жилась* тро́хи — про сина згада́ла; а по́тімъ и зно́ву: до кінця́ ви́держала, хоть, ка́жуть, кричать, а не пла́кать!...

За день почу́ла: »Иде́«, ка́же, »иде́!«

Посла́ла за всіма́, и щобъ Михаіла старо́го, одсобо́рувать: »Его́«, ка́же, »ба́тько ввівъ, а вінъ неха́й виво́дить!«

Зібра́лись, одсобо́рувавъ покійникъ Михаілъ — все то покійники!... Роспорядкува́ла — надіть, на це́рковъ, старця́мъ... чимъ домови́ну — де́сять ро́ківъ жда́ла, таки́ діжда́лась!

Вечоріть почало́!... »Тепе́ръ же«, ка́же, »попроща́ймось!... — »Що́ ви!« — бу́демо, мовъ, жить, Бо́га хвали́ть! — »Ні«, ка́же, »попроща́ймось!« — до татуся́...

Нахили́всь покійникъ, го́лову въ оби́дві ру́ки, и до́вго-до́вго придивля́лась! »Го́ренько«, ка́же, »мені тя́жкее!«, и вже па́льцями, по лицю́... И такъ же то, ка́жуть!... »Такъ«, ка́же, »такъ!... и у покійника ба́тька — воло́сся, лобъ, нісъ... А бро́ви«, ка́же, »матусни... Де то вона́,« ка́же, »тепе́ръ, моя́ рідная? чи поба́чу ії?«...

Матусю до́вго, ду́же до́вго тули́ла до се́бе!.. »Ти въ ме́не«, ка́же, »золота́я була́!.. Я, мо́же«, ка́же, — »одпусти́ мені! Та не пуска́й въ дале́кі сто́рони—нікого́ не пуска́й, ні о́дного!.. Ой«, ка́же, »си́ночку, Степа́ночку, дити́но моя́!..«

По́тімъ ніби заспокоілась.

— Поверніть, ка́же, мене́ на дру́гий бікъ!

Поверну́ли, позіхну́ла...

— Поверніть зно́ву!

Зно́ву повернули, зно́ву позіхну́ла.

— Нина́че спать, каже, хо́четця!.. Поверніть впять, та кваті́рку одчиніть.

Повернули, одчини́ли...

— О-хо-хо́хъ! ка́же.

»Засну́ла!« хтось.

А покійникъ Михаілъ. »Засну́ла«, ка́же »засну́ла!...«

— — —

Ми зъ *мое́ю* са́ме до язівця́ дохо́дили, верта́лись зъ Лубе́нь...

— Така́я смутна́я-смутна́я вона́, дити́на пла́че, та й у ме́не щось...

— Коли́ зра́зу, ніби́ ла́даномъ...

— Чу́ешъ? кажу́...

»Чу́ю!«

И въ слёзи!

— Чого́ ти?

А въ само́го такъ и ду́шять ..

— И сама́, лю́бий, не зна́ю!...

И якъ разъ, въ той са́мий день, въ ту са́му годи́ну...

М. Но́мисъ.

Р. Б. 1860. генваря́ 10 дня.
СПБ.

ПІВПІ́ВНИКА

Гишпа́нська дітська ка́зочка.

Була́ собі коли́сь га́рна ку́рочка, и до́бре ій жило́сь у дворі въ селяни́на. Кругъ не́і метуши́лась ку́пка дітокъ чима́ла, и міжъ ти́ми дітками одно́ собі вдало́сь препога́не и скалічене. Отъ же сёго́ найбільшъ ма́ти й кохала, бо въ матіро́къ такъ завсегда́ буває. Мизе́рне те курчя́ ви́велось изъ мале́сенького яе́чка. Півкурчя́ти тільки й ви́велось, мовъ хто одтя́въ половинку. Зъ одни́мъ тільки о́комъ, зъ одни́мъ крило́мъ и одніе́ю ного́ю. Що жъ? дарма́, що каліка, а така́ жъ була́ пиха́ въ того́ курчя́ти, якъ и въ ёго́ ба́тька, старо́го півня; а ба́тько ёго́ бувъ найпишнійший, пова́жний и огрядни́й півень, — хочъ сто версто́въ исходи́ кругомъ, тако́го дру́гого не поба́чишъ. Дурне́ курчя́, підрісши, забра́ло собі въ го́лову, що воно́ ди́во міждо курми́. Якъ за́чнуть було́ ку́ри ёго́ на́ сміхъ підійма́ти, то воно́ собі й ду́мае: »Се зъ за́здрости!« Якъ же́ курчя́та до ёго при́кладки прикла́дують, то воно́ гово́рить: »Се зъ доса́ди, що я на іхъ и диви́тись не хо́чу!«

Отъ, разъ и ка́же те Півпі́вника своій ма́тері: »Слу́хай лишъ, ма́мо. Обри́дло вже мині жи́ти въ селі. Наду́мавсь я до царя́ доступи́тись; хо́чу я подиви́тись на царя́ й на цари́цю.«

Бідна ма́ти ажъ закудкуда́хкала зъ ля́ку, таке́ почу́вши.

»Дити́но моя́!« ка́же, »хто се тобі таку́ дурни́цю въ го́лову вки́нувъ? Твій ба́тько нико́ли зъ свого́ села́ не вихо́дивъ, дарма́, що кра́щого півня на всімъ сві́ті нема́е. Чого́ тобі й бажа́ти, якъ на́шъ двіръ? у царя́ кра́ще тобі не бу́де. Глянь, яке́ гно́іще га́рне, яке́ зерно́ намъ смашне́ посипа́ють, яке́ затишне́ сідало въ насъ, и сімъя́, сла́ва Бо́гу, не мале́нька, и всі тебе́ коха́ють.«

— »Байдуже́ мині!«—одрізало нависне́ Півпівника. »Брати́ мої и се́стри — дурна́ сільска́ темнота.«

»Моє́ голубя́тко«, ка́же ёму́ ма́ти, »хиба́ жъ ти въ во́ду на се́бе не дивилось? хиба́ жъ не ба́чишъ, що въ те́бе одного́ о́ка и одні́ї ноги́ дасть-Бігъ?«

— »Коли́ ти зачепи́ла мене́ зъ сёго́ бо́ку, ма́мо«, — одповіда́е Півпівника,—»такъ я тобі скажу́, що со́ромъ тобі самій, що я таки́й уроди́вся. Ти, ма́мо, сама́ тому́ ви́нна. Изъ яко́го я́ечка я ви́лупився? Мабуть, така́ ку́рка знесла́, що й на сідало не зско́чить.«

»Ні, моя́ дити́но«, ка́же ёму́ ма́ти; »съ таки́хъ я́ець лу́плятця тільки ящурки́, а ти ви́лупилось изъ оста́ннёго я́ечка, що я сама́ знесла́; зати́мъ таке́ и мизе́рненьке, що ти поскрібочокъ. Яка́ жъ тутъ моя вина́, се́рденько?«

А Півпівника, зади́раючи черво́ний гребіне́ць, ка́же:

— »Мо́же, я тако́го лікаря знайду́, що мині все те попристав ля́е, чого́ въ ме́не нема́. То нічого більшъ и бала́кати,—пійду́!«

Ба́чить бідола́шня ма́ти, що́ воно́ за упиря́ка, та й ка́же:

»Хочъ же послу́хай моє́ї до́броі ра́ди, моя́ дити́но. Якъ пійдешъ у мандрівку, то не прохо́дь бли́зько коло тако́і це́ркви, на кото́рий святи́й Петро́ намалёваний: не лю́бить вінъ півпівъ здо́рово, а ще більшъ—іхъ кукурікання. Ще жъ оберега́йсь у сві́ті тихъ люде́й, що кухаря́ми зву́тця, та й кухова́ркамъ на́ очи не наверта́йся, бо все то лихі на́ши ворогй: и не пи́снешъ, якъ вони́ тобі ши́йку перечи́кають! Тепе́ръ же, си́ночку, неха́й тебе́ бережé Госпо́дь и святи́й Мико́ла, до́брий помішни́къ у доро́зі. Иди́ собі, коли́ не хо́четъ зъ на́ми жи́ти, тільки попроси́ та́та, неха́й тебе́ благослови́ть на доро́гу.«

Півпівника скікну́ло до пова́жного півня, вклони́лось ёму́ низе́сенько и поцілува́ло въ кіхоть. Шано́вний ба́тько поблагословивъ ёго́ не такъ-то жа́либно, а більше зго́рда, бо за спесиву вда́чу не люби́въ вінъ свого́ сина́. Ма́ти жъ, такъ та за слізми й світу Бо́жого не ба́чила, и знай сухи́мъ листо́чкомъ о́чи втира́ла.

Ру́шило Півпівника въ доро́гу, стрепену́ло крилцéмъ и тре́йчи заспіва́ло на знакъ свого́ одхо́ду. Прийшло́ воно́ до рівчака́, а діялось се діло середъ літа, такъ рівча́къ ма́ло не зовсімъ пересо́хъ, и дітво́ра ёго́ гре́белькою пересипала. Поба́чивъ рівча́къ подоро́жнёго, та й ка́же и дзюрчи́ть такі слова́:

»Ти ба́чишъ, бра́тіку, якъ я засла́бъ, наси́лу ворушу́сь; нема́е въ ме́не си́ли й дітську гре́бельку прорва́ти, щобъ вона́ мене́ не зупиня́ла; а звернути въ бікъ, — про се вже хочъ и не кажи́. Ви́зволь мене́ зъ се́ї бідй, розгреби́ своїми кіхтями пісо́къ на гре́блі. За се ти ни́тимешъ мою́ во́ду, коли́ схо́чешъ и скільки схо́чешъ, а якъ ни́йдуть дощі та приба́влять мині води́, то я, мо́же, тобі въ вели́кій приго́ді ста́ну.

А Півпівника ёму́ одка́зуе:

— »Не хо́чу розгріба́ти! Що́ я тобі за робітникъ? Хиба́ буває́ють такі робітники въ тако́го мизе́рного та каламу́тного рівчака́?«

»Ну, да́мся жъ я тобі въ зна́ки тоді, якъ ти й не ду́матиметъ!« зами́мривъ рівчачо́къ ти́химъ го́лосомъ.

— »Дожди́сь пе́рше дощу́!« — одрізало ёму́ Півні́вника. »Куди́, яки́й ти страшни́й на слова́хъ! а за́втра мо́же й горобці по тобі скака́тимуть.«

Да́лі стріло воно́ на доро́зі вітра. Лежи́ть біда́ха вітеръ, ле́дві ди́ше.

— »Лю́бе моє́ Півпівника!« ка́же вінъ подоро́жнёму, — »на віку́, якъ на до́вгій ни́ві, всёго тра́питця; тре́ба намъ помага́ти оди́нъ одно́му. Підійди́ бли́жченько та придиви́сь до ме́не. Ба́чишъ, якъ мене́ спе́ка полуде́нна одоліла! а я було́ и ліси́ лама́ю, и жита́ толо́чу, и стріхи зрива́ю; ніхто́ проти ме́не не встоїть. Не лежа́въ би я й тепе́ръ на доро́зі, та ли́хо мині надало́, підупа́вши на си́лахъ, коло́ квіто́къ гуля́ти; ви́йся я одъ іхъ ду́ху соло́дкого, а жарки́й день и вклавъ мене́ середъ доро́ги. Коли́бъ ти мене́ тільки тро́шечки одъ землі своїми кіхтями підкинуло та ще крило́мъ піддало́, то я й підня́вся би вго́ру и полетівъ у свою́ сто́рону. Тамъ моя́ ма́ти хуртови́на зъ се́страми фи́жами праці́ють тепе́ръ, направля́ючи золоті хма́ри, що я порозрива́въ козаку́ючи. Тамъ, тільки дадуть мині попоісти, такъ я зновъ увійду́ въ си́лу.«

»Добро́дію!« одвіту́вало Півпівника, »а забу́въ, якъ ти було́ мно́ю горду́ешъ, та хвістъ мині куёвдишъ та ростопіруешъ, мовъ тому́ инди́кові, лю́дямъ на сміхъ, а мині на вели́ку доса́ду? Ото́ жъ знай, що всякому своя́ пора́. Буває́й здоро́въ, мій па́не!«

Сказа́вши се, закукурікало го́лосно Півпівника и го́рдимъ по́ступомъ пошкандиба́ло да́лі.

Наузкра́й ни́ви, на стерні, курівсь димо́къ мале́нькій. Півпів-

ника підійшло́ до ёго и поба́чило и́скорку въ по́пелі; ле́дві, ле́дві же́вріе и́скорка.

—»Коха́не Півпі́вника!« ка́же вона́ ёму́—»у до́бру годи́ноньку ти надійшло́ до ме́не; ти мене́ одъ сме́рти оборо́нишъ; отъ-отъ му́шу зга́снути, що нічимъ мині живи́тися. Не зна́ю, де мій прия́тель вітеръ застря́въ, ато́ бъ вінъ мені за́разъ допомігъ. Будь ла́ско, пригорни́ до ме́не тро́шки сухо́го ли́стячка або́ солімки, — я за́разъ оживу́ й звеселю́ся.«

»А що́ мині по то́му?« одказа́ло ёму́ Півпі́вника. »Га́сни собі, коли́ тобі хо́четця; ти мині ні на віщо не потрібенъ.«

—»Ой гледи́ лишъ!« ка́же и́скорка. »Мо́же, й я коли́-не́будь стала бъ тобі въ приго́ді! Не плюй, ка́жуть, у во́ду; мо́же, згоди́тця напи́тьця.

»Диви́сь!« гукну́ло на не́і Півпі́ника: »ще й стра́шить! Отъ же тобі за се!«

Та й заси́пало и́скорку по́пеломъ; а по́тімъ почало́, своімъ звича́емъ, звовъ кукурікати, мовъ яке́ вели́ке діло зроби́ло.

Прійшло́ Півпі́вника въ столи́цю и йде ми́мо це́ркви, а на це́ркві святи́й Петро́ намалёваний. Тутъ би ёму́ мерщій утіка́ти, такъ що́ жъ, коли́ леда́ча вда́ча така́! Ста́ло якъ разъ противъ двере́й, напу́жилось, та й кукурікнуло зъ усіе́і си́ли, аби́ ма́тери не послу́хати.

Підхо́дить воно́ до царсько́го буди́нку, щобъ подиви́тись на царя́ й цари́цю. Моска́ль, стоя́чи коло буди́нку зъ оружи́ною, за́разъ гукне́: »Куди́? наза́дъ!« Воно́ таки́ й зляка́лося та підъ воро́та. Гля́не, ажъ чоловікъ яки́йся въ бі́лій ша́пці. Воно́ й пита́етця въ горобця́: »Що́ се за чоловікъ?« —»Се«, ка́же, »ку́харь царськи́й.« Ну, що́ же бъ утіка́ти хочъ звідсіля, якъ ма́ти навча́ла! Куди́! воно́ й гребіне́ць свій черво́ний и хвістъ закру́чений настовбу́рчило, на́че що́ пу́тнє, та про́сто й чимчику́е до ку́харя бо́комъ на ёго позира́ючи; а ку́харь хіпъ ёго́ за крило́! та за́разъ чикъ! тутъ воно́ й ніжкою задри́ґало.

—»Гей!« гукне́ тоді ку́харь на свої хлопя́та,—»а ке́те сюди ки́пячу́! ось я ёго́ обпа́трошу!«

»Води́це, моя́ сестри́це!« ка́же тоді Півпі́вника, »будь ла́ско, не печи́ мене́, змилосе́рдись надо мно́ю!«

—»А ти надо мно́ю зми́лувалось, якъ я тебе́ проха́ла, течучи́ рівчако́мъ?« одрізала вода́, та ажъ кипи́ть изъ се́рця, и обпа́рила ёго́

до-ще́нту; а тутъ хло́пці-кухарча́та ки́нулись и ні одного́ перця́ на ёму́ не зоста́вили.

По́тімъ узя́въ ку́харь ми́ску, положи́въ туди Півпі́вника, та й поста́вивъ проти́въ жа́ру.

— »Ой о́гнику, мій бра́тіку!« пищи́ть Півпі́вника,—»не печи́ жъ мене́, не жаръ же мене́!«

»Ось посто́й лишъ!« затреща́въ ого́нь, пізна́вши ёго́ и безъ пірья: »я тебе́ навчу́, якъ мене́ по́неломъ закида́ти!« та якъ пришкваривъ (а ку́харь одлучи́всь на часи́нку до ши́нку), то воно́ й почорні́ло, якъ голове́пка.«

Верну́вся ку́харь зъ ши́нку, ба́чить, що ого́нь зні́вечивъ Півпі́вника, та й ви́кинувъ ёго́ на смі́тникъ.

—»Ой вітре, вітроньку!« кви́лить тоді вже Півпі́вника,—»не займа́й же хочъ ти мене́; ламли́ лу́чче де́рево, толо́чъ лу́чче жита́ и зрива́й стріхи, а я вже тутъ лежа́тиму та на свою́ до́лю пла́катимусь.«

»Ні, такъ одъ ме́не не ви́крутится!« реве́ ёму́ у въ–одві́тъ вітеръ, та ажъ сви́ще кру́тячись; да́лі підхопи́въ ёго́, підня́въ ви́ще царського́ буди́нку та й ки́нувъ. Лети́ть воно́ уни́зъ, а на буди́нку го́стрий шпиль залізний; воно́ на той шпиль и настроми́лось; а вітеръ и поча́въ ёго́ зрива́ти, щобъ ще́ поглуми́тися; а воно́ на шпилю́ й кру́титця. И такъ нема́ ёму́ впоко́ю ні въ день ні въ ночі. Спочи́не тро́хи вітеръ, и воно́ спочи́не; а ско́ро проки́нувсь, за́разъ и поча́въ вертіти то сюди́, то туди́ Півпі́вника. Ото́ жъ ёму́ за те, що було́ неслухня́не, що ви́соко несло́ся и всімъ тільки па́кість робило.

Панько́ Казю́ка.

ВОСПОМИНАНІЕ

О ДВУХЪ МАЛЯРАХЪ.

Въ одномъ селѣ восточнаго малороссійскаго края была, а можетъ быть и теперь существуетъ, личность въ высшей степени замѣчательная. Эта личность способна возбуждать въ душѣ много думъ и оставлять неизгладимыя впечатлѣнія: то былъ крестьянинъ именемъ Грицько́, ремесломъ — маляръ. Какъ извѣстно, въ малороссійскомъ крестьянскомъ быту, маляръ — явленіе частое. Малярство — одна изъ обычныхъ первыхъ ступеней, на которую всходитъ крестьянинъ, коль скоро собственное дарованіе выводитъ его изъ земледѣльческой колеи. Маляръ, обыкновенно, вмѣстѣ съ тѣмъ и грамотный; искуство располагаетъ его къ любознательности; маляръ рисуетъ Богородицу, святыхъ мужей и женъ, — надобно знать, ка́къ изобразить того или другую; является охота узнать, кто они были и что́ съ ними творилось въ жизни, и маляръ читаетъ священное писаніе, житія святыхъ. Маляръ имѣетъ дѣло постоянно съ церковью и потому интересуется церковными вопросами; такимъ образомъ, маляръ входитъ въ область книжнаго міра, которая у поселянъ начинается съ религіознаго круга, точно та́къ, какъ начиналась она въ исторіи Русскаго народа. Но извѣстно, что Малороссіянинъ, какъ только сдѣлается благочестивымъ человѣкомъ, сейчасъ начинаетъ философствовать; у него религіозность ведетъ не къ толкованіямъ обрядовъ и частностей богослуженія, какъ это бываетъ съ Великороссіяниномъ, а обращается либо къ піетизму, либо къ размышленіямъ, и — въ первомъ случаѣ — ведетъ къ поэзіи въ жизни, во второмъ — къ желанію знать природу, человѣка, однимъ словомъ — къ наукѣ. Это желаніе обыкновенно находитъ себѣ скоро предѣлъ по

скудости матеріаловъ для питанія.... Не такъ, однако, было съ нашимъ маляромъ Грицько́мъ.

Онъ родился крѣпостнымъ. Въ дѣтствѣ потерялъ онъ родителей и остался на попеченіи родни. Его приставили пасти господское стадо, не помню — какое. Въ мальчикѣ было что-то странное; крестьяне считали его придýркуватымъ. Лишнимъ будетъ разсказывать, какъ удалялся онъ отъ дѣтскихъ игръ и какъ мальчики за это щипали и тормошили его. Иначе, пришлось бы невольно повторять то́, что́ такъ часто встрѣчается въ житіяхъ святыхъ при описаніи ихъ дѣтства. Когда безвѣтріе не дозволяло работать мельникамъ, Грицько усаживался близь села подъ вѣтряной мельницей, и рисовалъ угле́мъ или мѣ́ломъ на стѣнѣ разныя фигуры; такъ однажды, онъ растерялъ своихъ животныхъ; за что его высѣкли. Тоже повторилось и въ другой разъ. Помѣщикъ разсудилъ, что его дворовый мальчикъ не даромъ чертитъ изображенія и, ради такихъ занятій, дурно проходитъ свою служебную карьеру: изъ него скорѣе выйдетъ живописецъ, чѣмъ свинарь или овчарь; подумалъ помѣщикъ и отдалъ его въ науку къ какому-то художнику въ своемъ уѣздномъ городѣ. Такъ поступилъ помѣщикъ въ тѣхъ видахъ, что мальчикъ можетъ выучиться, станетъ ему платить оброкъ; и принесетъ, со временемъ, барину больше пользы, чѣмъ сколько могъ бы принесть въ званіи пастуха. И вотъ Грицько живетъ у хозяина, учится прилежно; хозяинъ не похвалится его понятливостью; его не нужно понукать, — приходится отрывать его отъ работы; ему не надобно десять разъ одного и того же вбивать въ голову, — онъ самъ спроситъ и не забудетъ того, что́ ему скажутъ. Захотѣлось самому Грицьку научиться грамотѣ: хозяинъ далъ ему букварь, показалъ разъ, другой — и Грицько, въ короткое время, выучился складамъ и сталъ читать бѣгло. Впослѣдствіи онъ сознавался, что когда рисовалъ на мельницѣ фигуры, то это были вымышляемыя имъ буквы. Грицька занимала мысль: какъ это люди читаютъ? »Я«, говорилъ онъ, »долго думалъ надъ этимъ и дошелъ до того, что, вѣрно, какое говорится слово, такое и малюется; и началъ въ умѣ самъ съ собою говорить, да какое слово скажу, то и намалюю, а потомъ и помню, что вотъ та́къ я его намалёвалъ; послѣ того пришло мнѣ въ голову, что вѣрно не та́къ: словъ много, — ка́къ можно всѣ ихъ припомнить! Тутъ я началъ

примѣчать, что иное слово на другое походитъ, а иное разнится: такъ я, что похóже, тó на одну стать и малюю.« Сколько припоминаю, такимъ образомъ, кажется, онъ объяснялъ этотъ путь. Но какъ бы то ни было, нашъ Грицько самобытною дорогою шелъ къ цѣли, которую давно нашло человѣчество. Онъ не дошелъ до нея подъ своей мельницей, а достигъ ея обычнымъ для всѣхъ путемъ за букваремъ у уѣзднаго художника.

Грицько началъ читать что ни попало: читалъ и священную исторію, читалъ и романы, читалъ Библіотеку для чтенія: тамъ, какъ говорилъ онъ, — на него сдѣлали впечатлѣніе особенно жизнеописаніе папы Гильдебранда и какая-то космографическая статья. Когда онъ вчитался болѣе, его стали занимать помѣщенныя въ »смѣси« извѣстія о разныхъ открытіяхъ въ области естествознанія. Бѣда только, что, по причинѣ множества научныхъ терминовъ, онъ понималъ тамъ съ пятаго на десятое. Болѣе всего хотѣлось ему знать: какъ это свѣтъ стоитъ, какъ онъ держится и какъ всякія вещи сложились, какъ одно съ другимъ вяжется. Грицьку представлялись безчисленные вопросы; они мучили его, потому что онъ на нихъ не находилъ отвѣта, ни въ тѣхъ книгахъ, какія ему попадались, ни у людей, съ которыми приходилось ему говорить. Грицько чрезвычайно полюбилъ ариѳметику; онъ получилъ указанія отъ другихъ только въ четырехъ правилахъ, а потомъ уже самъ собою уразумѣлъ таинства дробей и сложность тройного правила.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ у хозяина, Грицько сталъ платить помѣщику оброкъ и работать въ разныхъ селахъ своего околодка по церквамъ. Однажды, на пасху — это было въ 1837 году,— онъ прибылъ въ свое село къ роднымъ. Здѣсь, въ церкви, въ ночь свѣтлаго воскресенія, предъ заутреней онъ читалъ дѣянія.... тогда я въ первый разъ его увидѣлъ. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, провозгласить: трудно противу рожна прати.... Это было пророческое слово о судьбѣ его!

Грицько былъ невысокаго роста, черноволосый, чрезвычайно худощавый, съ необыкновенно выразительными и добрыми глазами и съ слабою грудью, какъ показывалъ его прерывистый, хотя крикливый, но скоро упадающій, голосъ. Въ характерѣ его была удивительная кротость и мягкость. Онъ былъ молчаливъ и робокъ; не спѣшилъ самъ ни съ кѣмъ разговаривать, а если на-

чиналъ разговоръ, то для того, чтобъ спросить о чемъ-нибудь и научиться отъ другихъ, и только тогда становился смѣлѣе, когда видѣлъ, что его любятъ. Онъ зналъ священное писаніе изумительно и могъ потягаться въ текстахъ библейскихъ съ любымъ Поморскимъ начетчикомъ. Но замѣтно было, что не чувство благочестія влекло его къ такому чтенію: онъ искалъ въ немъ того, что́ называется положительнымъ знаніемъ. Любознательность Грицька обращалась болѣе всего на матеріальную природу и странно было слышать, какъ онъ задавалъ себѣ вопросы, давно уже рѣшенные физикою или естественной исторіей, и искалъ отвѣта то въ библіи, то въ Иванѣ Выжигинѣ Булгарина, то въ повѣстяхъ Марлинскаго. Одинъ помѣщикъ, получившій образованіе въ харьковскомъ университетѣ, началъ давать ему книги и расширилъ кругъ его чтенія. Грицько читалъ ихъ съ жадностію. Ему подарили Всеобщую Исторію Аббата Миллота, популярную Астрономію и курсъ математики, и онъ былъ внѣ себя отъ восторга.

Нѣсколько лѣтъ не видалъ я Грицька послѣ этого, но случай привелъ меня увидѣть его въ томъ же селѣ, въ 1845 году. Грицько былъ уже женатъ на крестьянской дѣвушкѣ изъ своего села, имѣлъ свою собственную хату, платилъ оброкъ и занимался малярствомъ, выручая насущный хлѣбъ на иконахъ. Безъ посторонняго руководства, Грицько уразумѣвалъ свою книгу — курсъ математики и, съ изумительною правильностью и вѣрностью, рѣшалъ трудныя алгебраическія и геометрическія задачи. Онъ прочиталъ уже физику, зналъ изложенные въ ней законы природы, любилъ толковать объ опытахъ, которыми человѣческій умъ достигалъ до уразумѣнія этихъ законовъ. Но библіи онъ уже не читалъ и, вообще, его мало занималъ священный кругъ. Онъ, повидимому, лишенъ былъ поэтическаго чутья. Его не плѣняла красота природы: онъ стремился къ природѣ разсудочнымъ анализомъ; онъ хотѣлъ изслѣдованія, а не восторга; чудесное не плѣняло его — онъ отвращался отъ него; на первомъ планѣ у него стояла мысль: »это невозможно; а что́ невозможно — о томъ и толковать не́чего«. Ему скучны казались Пушкинъ и Жуковскій; даже стихи Шевченка не пробудили въ немъ сочувствія по родственности языка. Только Квиткины повѣсти заняли его, но не по художественности, а по вѣрности изображенія крестьянскаго мало-

россійскаго быта, въ которомъ онъ самъ родился и взросъ. Прежняя кротость и скромность остались въ немъ неизмѣнны. Грицько, казалось, съ покорностью и безъ ропота сносилъ свою долю, но когда ему замѣтили — какъ было бы хорошо, если бъ онъ родился вольнымъ — онъ заплакалъ. Находились люди, хотѣвшіе и тогда выкупить его у помѣщика, и давали, по тогдашнему счету, 500 р. асс.; помѣщикъ не соглашался: по своимъ расчетамъ могъ въ нѣсколько лѣтъ получить съ него болѣе оброкомъ.... И Грицько остался крѣпостнымъ. »Больно то«, говорилъ Грицько, »что насъ, бѣдныхъ людей, держатъ въ заблужденіи и невѣжествѣ.«

Быть можетъ, неизбѣжная борьба внутренняго саморазвитія съ гнетущимъ положеніемъ уже свела его въ могилу; быть можетъ онъ и теперь платитъ господамъ оброкъ и пишетъ какую-нибудь Иродіаду съ кинжаломъ надъ головой Іоанна Крестителя.... Во всякомъ случаѣ, ему теперь подъ пятьдесять лѣтъ; онъ угасъ для всего будущаго въ этой жизни.

Въ тотъ же годъ, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ Грицька-маляра, на противоположномъ, западномъ краю Малороссіи, случай свелъ меня съ другимъ маляромъ. Первоначальная судьба его была похожа на судьбу Грицька; но природа, щедрая для обоихъ, даровала этому маляру иныя дарованія и потому судила иной путь. Этотъ маляръ назывался Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Нѣтъ нужды здѣсь излагать повѣсть о его дѣтствѣ, о первоначальномъ его воспитаніи: онъ самъ описалъ все это въ своей автобіографіи. Этотъ маляръ не завязъ въ цѣпяхъ, которыя обвивали его при рожденіи, — его талантъ прорвалъ ихъ, вывелъ его изъ тѣсной сферы неизвѣстности для высокихъ думъ, тяжелыхъ страданій и безсмертія. »Той бѣ слава дней своихъ«, скажетъ о немъ нѣкогда Малороссія, какъ это нѣкогда сказано было объ одномъ изъ ея гетмановъ.

Съ Тарасомъ Григорьевичемъ я познакомился въ Кіевѣ въ 1845 году. На первый разъ въ немъ не показывалось ничего привлекательнаго, ничего теплаго; напротивъ, онъ былъ холоденъ, сухъ, хотя простъ и не церемоненъ. Онъ измѣрялъ мои слова и движенія съ недовѣрчивостію: онъ поступалъ, какъ часто поступаетъ очень честный и добрый малороссіянинъ, встрѣчая незнакомое лицо, и чѣмъ это лицо навязчивѣе старается вызвать его на откро-

венность и искренность, тѣмъ становится онъ осторожнѣе. Иначе и быть не можетъ въ народѣ, который слишкомъ часто видитъ обманъ и двоедушіе. Это качество измѣнилось у Шевченка въ послѣдніе годы, когда мы съ нимъ увидѣлись послѣ долгой разлуки: оно даже перешло у него въ другую крайность, — излишнюю довѣрчивость. Но въ тѣ времена, въ тѣ поры его молодости, онъ сохранялъ эту своенародную черту. Скоро, однако, мы сошлись и подружились. Тарасъ Григорьевичъ прочиталъ мнѣ свои ненапечатанныя стихотворенія. Меня обдало страхомъ: впечатлѣніе, которое они производили, напомнило мнѣ Шиллерову балладу »Занавѣшенный Санскій Истуканъ«. Я увидѣлъ, что муза Шевченка раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!!! Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ послѣднимъ, но тяжело первой. Сильное зрѣніе, крѣпкіе нервы нужно имѣть, чтобъ не ослѣпнуть или не упасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свѣта истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колеѣ, мимо таинственнаго занавѣса, — не знающей, что́ сокрывается за этимъ занавѣсомъ! Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатьми, засыпанный землею, нарочно вспаханною и засѣянною, чтобъ скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ находится подземная пустота: Тарасова муза смѣло вошла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ свѣчочемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ и свѣжему воздуху и людской любознательности. Легко будетъ входить въ это подземелье, когда воздухъ туда проникнетъ; но какая человѣческая крѣпость можетъ устоять противъ убивающаго въ мгновеніе всѣ силы жизни, погашающаго всякой земной огонь, вѣкового испаренія! Горе дерзкому поэту! онъ забываетъ, что онъ человѣкъ; и если первый рѣшается вступить туда, — то можетъ пасть.... Но поэзія не устрашится никакого губительнаго испаренія, если только она истинная поэзія; и не погаситъ ея свѣточа никакая историческая или нравственная углекислота; ибо этотъ свѣточь горитъ нетлѣннымъ огнемъ — огнемъ Прометея....

Не долго видѣлъ я Тараса-маляра въ Кіевѣ: обстоятельства

насъ разлучили.... Не мнѣ разсказывать его дальнѣйшую біографію.... Въ 1858 году, мы увидѣлись снова въ стѣнахъ Академіи Художествъ. Тарасъ не узналъ меня. Цѣлый часъ я не говорилъ ему своего имени, и онъ все таки не назвалъ его, пока не услышалъ отъ меня самого. Тогда онъ заплакалъ и этимъ показалъ, что не отъ того не узналъ, что забылъ обо мнѣ. Но въ немъ— все напоминало прежняго Тараса; его желѣзная натура много выстояла и не пала физически; чистъ онъ остался въ своихъ убѣжденіяхъ, свѣжо еще было въ немъ поэтическое чутье; любовь къ доброму и прекрасному прорывалась во внутренней борьбѣ съ вліяніемъ внѣшняго растлѣнія; но талантъ его великаго творчества — начиналъ ослабѣвать. Тарасъ чувствовалъ это, хотя, отъ страха предъ отверзающеюся пропастью, хотѣлъ отвернуться и увѣрить самого себя, что нѣтъ того, что́ ему угрожало. Читанныя имъ въ Петербургѣ, въ послѣдніе годы, его стихотворенія были слабѣе тѣхъ огненныхъ произведеній, которыя нѣкогда онъ читалъ мнѣ въ Кіевѣ. Время возметъ свое надъ человѣкомъ, *зане перстенъ есть.*

Прострадавшій всю жизнь, Шевченко, предъ концомъ дней своихъ, былъ облеченъ заслуженною славою. Его родина — Малороссія — видѣла въ немъ своего народнаго поэта; Великороссіяне и Поляки признавали въ немъ великое поэтическое дарованіе. Онъ не былъ поэтомъ тѣсной исключительной народности: его поэзія приняла болѣе высокой полётъ. Это былъ поэтъ общерусскій, поэтъ народа не малорусскаго, а вообще Русскаго народа, хотя и писалъ на одномъ изъ двухъ, искони существовавшихъ, нарѣчій этого народа, оставшемся внутри народной сферы, не испытавшемъ насильственныхъ школьныхъ измѣненій, и потому-то болѣе способномъ для того, чтобъ дать Россіи истинно народнаго поэта.

Нѣкоторые близорукіе судьи изящнаго мѣряли его съ Кольцовымъ, и даже находили послѣдняго выше. Это происходило оттого, что они не понимали, что́ такое народный поэтъ, и не могли возвыситься до уразумѣнія его достоинства и значенія. По ихъ понятію, народный поэтъ есть тотъ, кто можетъ удачно изображать народъ и заговорить въ его тонѣ. Таковъ и былъ Кольцовъ; въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ онъ превосходно выполнилъ эту задачу и достойно свѣтлѣется его имя въ ряду

знаменитостей русской литературы. Не таковъ былъ Шевченко, и не такова была его задача. Шевченко не *подражалъ* народнымъ пѣснямъ; Шевченко не имѣлъ цѣлію ни описывать своего народа, ни поддѣлываться къ народному тону: ему не зачѣмъ было поддѣлываться, когда онъ по природѣ своей иначе не говорилъ. Шевченко, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая, — такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, — какая должна была вылиться изъ народной души, въ положеніи народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко былъ избранникъ народа въ прямомъ значеніи этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя. Народныя пѣсенныя формы переходили въ стихи Шевченка не вслѣдствіе изученія, не по разсужденію — гдѣ что́ употребить, гдѣ какое выраженіе годится поставить,—а по естественному развитію въ его душѣ всей безконечной нити народной поэзіи; не потому, что Шевченко хотѣлъ ихъ ввести и поставить, а потому, что они, по существу народной поэзіи, сами устанавливались такъ, а не иначе. Шевченко сказалъ то́, что каждый народный человѣкъ сказалъ бы, еслибъ его народное существо могло возвыситься до способности — выразить то́, что́ хранилось на днѣ его души. Святое сокровище — оно скрывалось тамъ подъ тягостію житейской прозы, и было для него самого невидимо, незамѣтно, пока животворные звуки генія не коснутся до сокровенныхъ тайниковъ души, и не нарушатъ безмолвія мысли своею упоительною мелодіею и не покажутъ чувству того, что́ составляло его достояніе и не было до сихъ поръ имъ ощущаемо. Пробужденный отъ своей прозаической апатіи голосомъ такой поэзіи, народный человѣкъ, съ трепетомъ и восторгомъ, готовъ воскликнуть: »Это самое я только-что готовъ былъ сказать точно та́къ, ка́къ сказано поэтомъ!« Этого не дано было ни Кольцову и никакому другому русскому поэту, кромѣ одного Пушкина (но не для простого народа, а для высшаго русскаго класса). Кольцовъ заговариваетъ въ народномъ тонѣ; Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говорилъ, но какъ онъ готовъ былъ ужъ заговорить, и только ожидалъ, чтобъ изъ среды его нашелся творецъ, который бы овладѣлъ его языкомъ и его тономъ: и вслѣдъ за такимъ творцемъ точно такъ заговоритъ и весь народъ, и скажетъ едино-

гласно: это — мое; и будетъ повторять долго-долго, пока не явится потребность новаго видоизмѣненія его поэтическаго языка. Поэзія Шевченка есть непосредственное продолженіе народной поэзіи; и не даромъ явилась она тогда, когда прежнія народныя пѣсни стали забываться. Поэзія Шевченка — законная, милая дочь старой украинской поэзіи, организованной въ XVI и XVII вѣкѣ, такъ какъ эта послѣдняя была точно также дочерью древней южнорусской поэзіи, той далекой отъ насъ поэзіи, о которой гадательно можемъ мы судить по произведеніямъ Игорева пѣвца.

Народная украинская поэзія видимо приближается къ угасанію. Многія думы козацкихъ временъ, къ счастію, записанныя въ тридцатыхъ годахъ и сохраненныя для литературы, теперь уже совершенно исчезли въ народѣ. Уже и пѣсни семейнаго быта исчезаютъ мало по малу, или портятся: таковъ удѣлъ поэзіи. Поэзія угасаетъ не иначе, какъ упадая въ своемъ достоинствѣ, растлѣваясь; и потому-то новѣйшія передѣлки старыхъ пѣсенъ и новѣйшіе плоды малороссійскаго народнаго творчества дышали такимъ отсутствіемъ изящнаго. Народъ не можетъ творить цѣлою массою, ибо для этого нужно было бы, чтобъ какое-нибудь сильное потрясеніе вызвало его къ творенію новой поэзіи. Да притомъ и въ такія эпохи потрясеній вездѣ бываютъ личности, обладающія талантомъ первоначальнаго творчества; въ сферѣ существующихъ народныхъ пѣсень, эти творческія личности исчезли въ массѣ: ихъ запѣвы переформировались въ теченіи долгаго времени; къ нимъ присоединялись новые мотивы; такимъ образомъ составлялись и пересоставлялись произведенія, существующія въ безконечныхъ отрывкахъ, связуемыхъ народомъ по призыву народнаго вкуса. Между тѣмъ, потребность самооживленія ощущается въ народѣ; народъ чувствуетъ, мыслитъ; многое переполнилось въ его душѣ, много страданій въ ней накопилось, много желаній онъ готовъ заявить: онъ ищетъ выраженія; онъ находитъ его въ своихъ избранникахъ, поэтическихъ личностяхъ, живущихъ народною жизнію, стоящихъ выше каждаго въ отдѣльности по дарованію, и потому способныхъ выразить надлежащимъ образомъ то, что всѣми чувствуется, думается, желается. Вотъ такою-то личностью былъ Шевченко.

Мы сказали, что, будучи малорусскимъ поэтомъ по формѣ и языку, Шевченко въ то же время и поэтъ общерусскій. Это имен-

но отъ того, что онъ — возвѣститель народныхъ думъ, представитель народной воли, истолкователь народнаго чувства.

Судьба связала малорусскій народъ съ великорусскимъ неразрывными узами. Толька легкомысленное скольженіе по поверхности политическихъ событій можетъ находить единственно государственную связь между этими народами, смотрѣть на Малороссію не болѣе какъ на страну, присоединенную къ Россійской имперіи; — но съ другой стороны, только насилующая централизація, убивающая всякую человѣческую свободу и всякое духовное саморазвитіе мыслящаго существа, можетъ, закрывши глаза, утверждать совершенное тождество русскаго народа. Понятіе, основанное на изученіи исторіи и этнографіи русской, всегда призна́етъ, что русскій народъ долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ двухъ народностей; между этими народностями лежитъ кровная, глубокая, неразрывная духовная связь, которая никогда не допуститъ ихъ до нарушенія политическаго и общественнаго единства, — та связь, которая не уничтожилась подъ вліяніемъ прошлыхъ историческихъ обстоятельствъ, насильственно разрывавшихъ эти народности, — та связь, которую не разорвали ни внутреннія неурядицы, ни Татары, ни Литва, ни Поляки, — та связь, которая до сихъ поръ обращаетъ къ нашему русскому горизонту Червоную Русь, уклонившуюся, уже нѣсколько вѣковъ тому, къ иной сферѣ. Ни Великоруссы безъ Малороссовъ, ни послѣдніе безъ первыхъ не могутъ совершать своего развитія. Одни другимъ необходимы; одна народность дополняетъ другую; и чѣмъ стройнѣе, уравнительнѣе, взаимнодѣйственнѣе будетъ совершаться такое дополненіе, тѣмъ нормальнѣе пойдетъ русская жизнь. Шевченко, какъ поэтъ народный, чувствовалъ это и уразумѣлъ, и оттого-то его понятія и чувства не были никогда, даже въ самыя тяжелыя минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою непріязнію къ великорусской народности, ни донкихотскими мечтаніями о мѣстной политической независимости: ни малѣйшей тѣни чего-нибудь подобнаго не проявилось въ его поэтическихъ произведеніяхъ. И это, между прочимъ, служитъ подтвержденіемъ высокаго достоинства его таланта.... Поэтъ истинно народный, онъ естественно долженъ былъ выражать то, что́, будучи достояніемъ малорусскаго элемента, имѣло въ то же время и общерусское значеніе. Оттого поэзія Шевченка понятна и родственна Ве-

ликоруссамъ. Для того, чтобъ сочувствовать ему и уразумѣть его достоинство, не нужно быть исключительно Малоруссомъ, не нужно даже глубоко въ подробностяхъ изучить малорусскую этнографію, — что можно сказать, напримѣръ, о *Марусѣ* Квитки, превосходнѣйшей, вѣрнѣйшей картинѣ народныхъ нравовъ, но дурно понятой нѣкоторыми великорусскими критиками именно по недостаточному знакомству ихъ съ частностями малорусской народности. Шевченкову поэзію пойметъ и оцѣнитъ всякій, кто только близокъ вообще къ народу, — кто способенъ понимать народныя требованія и способъ народнаго выраженія. Не пойметъ и не оцѣнитъ его только тотъ, кто смотритъ на народъ въ лорнетъ, — кто, желая узнать его, не въ состояніи принять другой методы, кромѣ той, чтобъ изучать его жизнь и бытъ, какъ изучаютъ энтомологическій кабинетъ; заносить въ дорожную книжку схваченныя у ямщика фразы и составлять по нимъ систему народныхъ понятій; записывать со словъ барскихъ горничныхъ дѣвушекъ пѣсни, слышанныя ими въ дѣтствѣ на селѣ, и по такимъ пѣснямъ произносить сужденія о сущности народнаго поэтическаго генія; — кто, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ любитъ народъ и готовъ заботиться о народномъ благѣ, но не знаетъ, чего хочетъ народъ и какъ онъ этого хочетъ; кто думаетъ дерзко воспитывать народъ, забывая, что для этого прежде надобно самому поучиться отъ народа, быть имъ избраннымъ и признаннымъ для такого важнаго дѣла. Такой мудрецъ не пойметъ Шевченка, — и, естественно, что Кольцовъ покажется ему выше по своему поэтическому дарованію: ибо Кольцовъ поетъ — какъ народъ уже пѣлъ; а Шевченко — поетъ такъ, какъ народъ еще не пѣлъ, но какъ онъ запоетъ за Шевченкомъ. Естественно, для уразумѣнія послѣдняго нужно чего-то поболѣе, чѣмъ для Кольцова: мало изученія, — души народной нужно! Къ такимъ же незрѣлымъ сужденіямъ мы должны отнести и то, которое брошено было недавно на свѣжую могилу поэта, — сужденіе, признавшее его гражданиномъ, а не поэтомъ. — На дѣлѣ выходитъ наоборотъ: Шевченко гражданиномъ-то никогда не былъ, и оставался поэтомъ и въ литературѣ и въ жизни. Такіе приговоры не болѣе, какъ плодъ запоздалыхъ узкихъ теорій, признающихъ поэзію только при соблюденіи извѣстныхъ, усвоенныхъ привычками, условій, имѣющихъ силу для того, кто неспособенъ чувствовать

поэзію. Большинство Великоруссовъ смотритъ на Шевченка не такъ. Когда еще Шевченко былъ мало извѣстенъ, были люди, не видавшіе во всю жизнь Малороссіи, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, по причинѣ языка, прочитавшіе *Кобзаря* (хотя самый языкъ Шевченка отличается предъ сочиненіями другихъ Малорусскихъ писателей удобовразумительностію) и говорившіе съ перваго раза: »это — великій поэтъ!« Въ сочиненіяхъ его такъ много общерусскаго, что Великоруссы читаютъ его даже въ чрезвычайно-плохихъ стихотворныхъ переводахъ: какъ ни искажали его переводчики, все-таки не могли испортить до того, чтобъ первородная поэзія не высказывалась наружу. По нашему мнѣнію, переводить Шевченка отнюдь и не слѣдуетъ: достаточно будетъ напечатать его съ объясненіями словъ, непонятныхъ для Великорусса, — да и словъ такихъ будетъ совсѣмъ не много.

Въ то время, когда въ великорусской литературѣ находились критики, не понимавшіе достоинства малорусскаго поэта, въ польской — хотя постоянно признавали его великій талантъ, но соблазнялись нѣкоторыми его произведеніями, гдѣ поэтически воспроизведены древнія времена вражды Малороссовъ съ Поляками: видѣли въ этомъ какую-то непріязнь къ польской націи. Между тѣмъ, таланта у Шевченка отнять нельзя. Какъ тутъ поступить? Поэтъ великій, а Поляковъ обличаетъ. И вотъ — въ одномъ изъ періодическихъ польскихъ изданій въ Червоной Руси явились презабавныя свѣдѣнія о жизни нашего поэта. Писали,— что Шевченко поселился у какого-то Hrabiego Działyńskiego, который, по своему панскому великодушію, оказалъ пріютъ поэту, заявившему себя такъ непочтительно къ бывшимъ господамъ своего народа—Полякамъ; что Шевченко проникнулся чувствомъ признательности за такое великодушіе, живетъ у графа въ качествѣ придворнаго поэта, пользуется его благосклонностями и, въ порывѣ справедливой благодарности, wszystko, co napisał przeciwko Polakom, powymazał i poprzerabiał (1) въ послѣднемъ изданіи своихъ сочиненій. Клеветы на поэта хуже выдумать невозможно; но она до такой степени нелѣпа, что вѣроятно, еслибы Шевченко ее услышалъ, то скорѣе смѣялся бы надъ ней, чѣмъ сталъ бы оскорбляться.

(1) Все, что написалъ противъ Поляковъ, исключилъ и передѣлалъ.

Въ настоящее время, когда совершается великая эпоха обновленія народной жизни, съ грустію обращаюсь я къ воспоминанію о двухъ малороссійскихъ малярахъ, которыхъ я зналъ въ своей жизни. Освобожденіе народа не принесетъ пользы моимъ бѣднымъ малярамъ. Грицько́ - маляръ слишкомъ рано родился, и прожилъ лучшіе годы подъ гнетомъ крѣпостного права, не давшаго ему развить свой замѣчательный талантъ для собственнаго духовнаго наслажденія и для пользы другихъ. Тарасъ - маляръ рано умеръ, не доживши всего шести дней до дня, который былъ бы радостнѣйшимъ днемъ въ его страдальческой жизни: ибо этотъ день положилъ начало исполненія того, что́ было душею Тарасовой поэзіи.

Но сто́итъ ли, скажете вы, жалѣть о двухъ малярахъ, когда радуются милліоны за себя и за своихъ потомковъ? — Сто́итъ, — потому что, съ воспоминаніемъ о двухъ малярахъ, тѣснятся въ воображеніи тысячи, милліоны маляровъ, бондарей, столяровъ, пастуховъ, земледѣльцевъ, барской челяди — лакеевъ, кучеровъ, дворниковъ, изъ которыхъ многіе также, можетъ быть, рождены были природою съ правомъ быть чѣмъ-то инымъ, а не тѣмъ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ; тогда какъ другіе великіе мужи слова и дѣла — книгописцы, художники, законники, сообразнѣе-бы своимъ способностямъ исполняли обязанности первыхъ. — Сто́итъ — потому что со всевозможнѣйшими человѣческими улучшеніями не уничтожатся препятствія къ исполненію на землѣ человѣкомъ его природнаго призванія. Сто́итъ, наконецъ, потому, что при каждомъ воспоминаніи о человѣкѣ, который не достигъ въ жизни того, къ чему стремился, невольно останавливаешься на убійственныхъ, безотвѣтныхъ вопросахъ: Зачѣмъ мы смертны? — Зачѣмъ мы глупы? — Зачѣмъ мы старѣемся?...

Н. Костомаровъ.

Апрѣля 14.
1861

I.

ПИТАННЯ.

Коза́че-чума́че!
Йде́шъ у доро́гу —
Послу́хай же, си́ну,
Ді́да старо́го:
Покіль ще живи́й я,
Покіль помира́ть,
Про ро́дичівъ де́-що
Хотівъ роспита́ть.
Якъ зъ сіллю пти́мешъ
На той Берисла́въ, —
Зъ Хорти́ці-сестри́ці
Щобъ вістку присла́въ.
Якъ ста́нешъ близе́нько
Сухо́го Ярка́,
Помьяни́ тамъ ду́шу
Ді́дуся́-Сірка́.
Якъ »собъ« поверта́ти
Черезъ Чортомли́къ,
Прислу́хайсь... чи чу́ти
Тамъ бра́тчиківъ крикъ (1)?
Якъ бу́дешъ мина́ти
Самарську пала́нку,
Привіта́й відъ ме́не
Стару́ю панянку.
Спита́й, якъ доідешъ,
У ба́тька-Дніпра́:
Чого́ на́ша мо́ва
И сла́ва вмира́?

---

(1) *Суха́й Яро́къ* — по доро́зі одъ Берисла́ва на Переко́пъ; тамъ, ка́жуть старі лю́де, Сірко́ би́вся зъ Татарво́ю. *Чортомли́къ* — рукавъ Дніпра́; тече́ въ Дніпръ, коло поро́гівъ, зъ вели́кою си́лою и го́міномъ. »То гомонять Запоро́зці«, ка́жуть побережа́не.

Чи то́ жъ стара́ ма́ти
Замо́вкла на вікъ,
Чи то́ жъ народи́ла
Німи́хъ, та калікъ?
Чи то́ жъ відцура́лись
Відъ не́і сини́,
Чи то́ жъ насмія́лись
Надъ не́ю вони́?...

В. Куликъ.

Полтава, 1861 р.

II.

ДЕ ВОНА?

И со́нечко у садо́чокъ
Прийшло́ та́къ ране́нько,
По гі́лечкахъ осміхну́лось
Та́къ же весели́нько;
И тума́ни надъ водо́ю
Сную́тця, якъ ду́ми;
Качечки́ межъ осоко́ю
Лепе́чуть, мовъ ку́ми —
Все́ такъ було́, якъ ходи́въ я
По сіхъ сте́жкахъ зъ не́ю —
Світомъ моімъ, ща́стямъ моімъ,
До́лею мое́ю; —
Якъ не смівъ я мою́ кра́лю
За ру́ченьку взя́ти;
Якъ не ма́въ я більшъ нічо́го
На світі бажа́ти...

Жене́ вітеръ тума́нъ ла́номъ,
Со́нце закрива́е:
Такъ ти́, мое́ дру́ге со́нце,
Зни́кло — та й нема́е...
Хожу́ оди́нъ, розгорта́ю
Трави́цю, листо́чки,
Чи не вгле́жу, не пізна́ю

Хоть ії слідо́чка...
Нема́, нема́ ні слідо́чка,
Замо́вкъ голосо́чокъ,
Що садо́чкомъ було́ чу́ти,
Якъ срібний звоно́чокъ!

Ось та ла́вка, де́ люби́ла
Вона́ спочива́ти,
До бі́лої бере́зоньки
Голо́вку схиля́ти...
Було́ стою́ пі́дъ тимъ ду́бомъ
И дивлю́сь на не́і, —
Нема́ си́ли очей звести́
Зъ зіроньки мое́і;
А бере́за свої ко́си
Зеле́ні спуска́е
И холодко́мъ лю́бій го́сті
Ти́хо повіва́е;
А де́-не-де́ про́мінь со́нця
Ли́стомъ проберетця
И ціл у́е ії щічку,
Въ очи́цяхъ сміе́тця...
Було́ ду́маю: мій Бо́же!
Ти да́въ мені во́лю,
Ти давъ ро́зумъ, и я, мо́же,
Ма́ю яку́ до́лю: —
Де́ жъ той ро́зумъ, до́ля й во́ля?..
Усе́ потону́ло
У тіхъ ча́рахъ, у тімъ го́рі,
Що та́къ огорну́ло
Безталанну молоди́чку —
Про́дану діду́зі: —
Чи на ка́мені кали́ні
Цвісти́, якъ у лу́зі?...

Тя́жко тобі! — Мені жъ, Бо́же!
Ще ва́жче се ли́хо....
Коли́бъ зна́ла, що́ тутъ — въ се́рці,

Хоть ізвéрху й тúхо...
Не знá вонá, якъ ті óчі
Світять мені въ дýшу,
Якъ снижý я цілі нóчі
И зъ місця не рýшу, —
И всé вонá, однá вонá
Въ дýмкахъ, якъ у мóрі,
То потóне, то зновъ вúрне
У красі и гóрі...

П. Таволга-Мокрúцький.

БАЙКИ.

I.

ВОВКЪ И ВІВЧАРІ.

Разъ Вовкъ тихéсенько підкрáвся...
Всімъ відомо, куди́ вінъ звикъ ходúть
И дé вінъ лúха набірáвся, —
Та щó жъ робúть,
Колú на тé вже Вовкъ удáвся,
Щобъ овечóкъ давúть!
И сéй разъ вінъ туди́ жъ попхáвся...
Тихéсенько кошáру обійшóвъ;
Прислýхався — не чуть; мерщій на тúнъ зопьявся,
Зирнýвъ — та й охолóвъ:
Вівчáрики прехорошéнько
Найкрáщого баráнчика взялú
Та й пáтрають гуртóмъ, а кунделі
Мовчáть! лежáть собі смирнéнько —
Ненáче-бъ то усімъ імъ тамъ,
Кудлáтимъ гáспидськимъ синáмъ,
Позакладáло!.. мовъ не знáють,
Щó передъ нúми виробляють!
Дивúвся Вовкъ, дивúвсь,

Здихну́въ и зновъ у лісъ поплівсь,
Та й ка́же: »Де́ та й пра́вда ділась?!..
Яка́ бъ тутъ ша́рварка зроби́лась,
Яки́й би го́мінъ підняли́
И Вівчарі́ и кунделі,
Якъ-би́ мині таке́ вчини́ть зхотілось!«

II.

ЖАБА Й ВІЛЪ.

Зеле́на Жа́ба, зу́здрівши Вола́,
Гладко́ю и собі заду́мала зроби́тьця:
(Ій на́-лихо — зави́длива була́)
Та й наду́лась, ажъ о́чі ста́ли ій коси́тьця.
»Диви́сь-лишъ, ку́монько, чи бу́ду я зъ бика́?«
Подру́зі ка́же. — Ні! и тро́хи не така́. —
»Ану́-жъ, тепе́ръ диви́сь.«
— Шкода́, хочъ и не дмись. —
»Диви́сь же вже тепе́ръ: объ ку́пу обіпру́сь,
Да здо́рово надму́сь...
Тепе́ръ — яка́ я?«
— Таки́, яка́ була́, й тепе́ръ така́я.
»Ну и тепе́ръ-би-то не потовстіла?«
— Ище́ жъ таки́! кажу́ жъ — така́, яка́ й була́. —
Ще́ надула́ся Жа́ба... лусь — и околіла,
А не зроби́лася похо́жа на Вола́.

Оттакъ бува́ и зъ на́ми,
Якъ хо́чемо рівня́тися съ пана́ми;
Хочъ дмись-не-дмись,—жупа́на не доста́въ,
А кобеня́къ и просвиста́въ!...

Л. Глѣбовъ.

III.

МІРОШНИКЪ.

Въ Мірóшника Ивáна Шаповáла
Водúця грéбельку прорвáла.
Воно́ бъ то й даромá — катъ-мáло бъ бідъ,
Якъ-бú полáгодить заздалегідь;
Дакъ щó жъ бо то! Мірóшникъ и байдýже;
Водá жъ псує, руйнýє грéблю дýже
И починá вже й гéть-то лúтьця,
Дзюрúть и цебенúть, мовъ изъ відрá.
»Эй, дя́дьку, схаменúсь! Порá,
Порá за рóзумъ ухопúтьця!«
— Толкýйтесь, ще далéко до бідú,
Не мóре трéба для млинá водú,
Ищé ії багáто. —
А самъ на пічъ у хáту.
Ажъ ось — прийшлá бідá:
Зовсімъ поні́зшала водá;
Ставъ кáмінь, — снасть не слýжить, —
Вже млинъ не мéле.
Ивáнъ у гóлосъ тýжить,
Кричúть, мовъ навісний: »ой, лéле, лéле!«
Не прибере́ й умá, якъ вóду зупинúть.
Ажъ-ось прийшлú до річки кýрі пить.
»А, гáспидська«, кричúть вінъ, »птúця!
Тутъ и безъ васъ зовсімъ немá водú,
А ви ще пить прийшлú сюдú —
Ось я вамъ дамъ напúтьця!«
Да зъ слóвомъ сімъ на іхъ поліномъ и попéръ.
Що жъ, дя́дьку, вúгравъ ти тепéръ?...
Потя́гъ сердéга до двереéй
И безъ водú и безъ куреéй.
Такúй, якъ дя́дьдо нашъ Ивáнъ,
Буває úнчий панъ;
Ёмý за пáнську лáску
Ми й розсказáли кáзку.

Р. Витавськúй.

IV.

ГОРЛИЦЯ Й ГОРОБЕЦЬ.

Воркова́ла Го́рлиця у садку́,
У куто́чку тихе́нькому, на бузку́,
Жалкува́ла сизокри́ла, що вона́
Несчу́лася, якъ мину́ла и весна́,
Несчу́лася, якъ одцві́вся и садо́къ,
И чере́шні, и ви́шеньки, и бузо́къ;
Сумува́ла, що прийдетця въ-осени́
Десь шука́ти ще и́ншої сторони́.
Підлабу́знивсь до Го́рлиці Горобе́ць,
На́че спра́вді запоро́зький молоде́ць:
»Ой послу́хай, голу́бонько, не жури́сь,
Ти на ме́не, моло́дчика, подиви́сь!
Чи е въ сві́ті де́ таки́і молодці,
Якъ ми, сла́вні та весе́лі горобці, —
На все вда́тні—до лю́бощівъ, до пісе́нь?—
Цвірі́нькаемъ, жарту́ючи, увесь день!
Ти не бійся, голу́бонько, що зима́
Посипле́тця бі́лимъ снігомъ.... то дарма́!
Насъ зъ тобо́ю те́е ли́хо не зляка́:
Перебу́демъ підъ стріхою въ козака́.
А якъ гля́не я́сне со́нце на весну́ —
Забу́демо ту́ю зіму навісну́.
Поростаю́ть ти́і бі́лиі сніги́,
Покри́ютця трави́цею всі луги́,
Розівье́тця кали́нонька и садо́къ
Розцвіту́тця и ви́шеньки и бузо́къ;
Заспіва́ють усі пташки́, якъ въ раю́,
Привіта́тимуть голу́боньку мою́;
А ти, се́рце-голу́бонько, не жури́сь
Та до ме́не моло́дчика прихили́сь....«
— »Бода́й тобі, Горо́бчику, не бреха́ть,
А Го́рлицямъ твоіхъ бре́хень не чува́ть.
Не до па́рі голу́боньці Горобе́ць,

Хочъ яки́й вінъ прехоро́шній молоде́ць:
Тре́ба мені, сизокри́лій, голубка́,
Якъ хоро́шій дівчи́ноньці козака́.« —
Де́ не взя́вся сизокри́лий голубо́къ —
Якъ ухо́пить Горо́бчика за чубо́къ,
Помня́въ ёго́, поні́вечивъ якъ хотівъ,
Оскубъ ёго́, моло́дчика, та й пусти́въ:
»Оце́ тобі, Горо́бчику, такъ не вчись,
До чужо́і голу́боньки не тули́сь.«
Якъ дреме́не Горо́бчичокъ у садо́къ;
Боли́ть ёго́ голо́вонька и чубо́къ.
Рего́чутця проклятиі горобці:
»Отта́къ на́ші добува́ють молодці!«
Засоро́мивсь осміяний Горобе́ць
Та й поки́нувъ ріднесенький табуне́ць,
Полетівъ вінъ світъ - за́ - очі у садки́
Відше́птувать голо́воньку и боки́.

Я ви́гадавъ, ле́жачи на печі,
Для васъ сію́ ба́ечку, паничі!
Ой, не бу́дте, пани́ченьки - молодці,
И ви такі, якъ отти́і горобці;
Пригорта́йтесь, коза́ченьки, до дівча́тъ —
Хіба ма́ло е хоро́шихъ бровеня́тъ?
Дівчи́нонька, якъ квіточка, — зъ не́ю рай,—
А чужо́і молоди́ці не займа́й,
Бо налети́ть ча́сомъ си́вий голубо́къ —
Болітиме голо́вонька и чубо́къ!

Л. Глѣбовъ.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО*.

I.

27 іюля 1657 г., гетманъ Богданъ Хмельницкій сошелъ въ могилу. Переворотъ, произведенный имъ, остался неоконченнымъ; вопросы, возникшіе въ его эпоху, не были разрѣшены. Отторгнувшись отъ Польши, Украина не соединилась еще съ Московіею въ одно тѣло и, оставаясь съ своею отдѣльностію, должна была служить предметомъ распрей между сосѣдями, которые хотѣли ею завладѣть. Украинскій народъ не имѣлъ ни мало политическаго воспитанія, чтобъ выиграть свой процессъ въ исторіи и на самобытныхъ началахъ организовать стройное гражданское цѣлое. Уже въ самомъ существованіи Козачества заключались, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, причины внутреннихъ безпорядковъ, которые должны были разрушить неутвержденное на разумныхъ основаніяхъ и недостроенное политическое зданіе. Дѣло освобожденія Украины совершено было цѣлымъ народомъ; во время борьбы съ Польшею всѣ Украинцы были равными козаками; но какъ скоро борьба улеглась — народъ распадался на *козаковъ* и *посполитыхъ*; первые должны были съ оружіемъ въ рукахъ стоять на стражѣ возникающаго новаго порядка вещей; другіе — обратиться къ мирнымъ занятіямъ гражданина и селянина. Это было необходимо. Но первыхъ ожидали права и преимущества; они готовились составить привиллегированный классъ; — положеніе послѣднихъ не бы-

(*) Настоящій отрывокъ былъ читанъ на публичныхъ лекціяхъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ въ январѣ 1861 года. Авторъ преимущественно пользовался дѣлами Архива иностранныхъ дѣлъ; но не ссылается на нихъ въ частности, потому что онѣ, подъ его редакціею, скоро будутъ изданы Археографическою Комиссіею. Объ источникахъ свѣдѣній, почерпнутыхъ не изъ этихъ дѣлъ, означено въ ссылкахъ.

ло ни опредѣлено, ни охраняемо никакимъ правомъ; на ихъ долю не только выпадало нести всѣ повинности, отъ которыхъ освобождались козаки, но имъ было суждено, по видимому, подпасть подъ произволъ козацкаго сословія; цѣлыя села, населенныя посполитыми, отданы козацкимъ чиновникамъ въ видѣ ранговыхъ имѣній; — со временемъ эти имѣнія походили бы на польскія старо́ства. Посполитые долго не могли забыть, что козаки были то́же, что́ и они, и въ свою очередь сами теперь хотѣли быть козаками, и долго не было опредѣленныхъ границъ между двумя сословіями: при первомъ удобномъ случаѣ посполитые брались за оружіе и называли себя козаками, а признанные прежде законно козаками попадали въ сословіе посполитыхъ. И потому, во второй половинѣ XVII вѣка, не смотря на козацкіе реестры, въ Украинѣ на самомъ дѣлѣ козакомъ былъ всякій, кто хотѣлъ и могъ; и такимъ порывамъ распространить козачество на всю массу народонаселенія Украины противодѣйствовало другое направленіе — ограничить козацкое сословіе тѣснымъ и опредѣленнымъ числомъ записанныхъ въ реестры. Такъ было задолго до Богдана Хмельницкаго, когда польское правительство постоянно хотѣло, чтобъ козаки составляли военное сословіе въ опредѣленномъ числѣ, а народъ домогался весь обратиться въ козаковъ, то есть, быть вольнымъ; ибо съ представленіемъ о козакѣ соединялось понятіе о свободѣ. Воззванія Хмельницкаго нашли отголоски въ народныхъ побужденіяхъ: всѣ хотѣли быть козаками, всѣ шли на брань противъ Поляковъ, которые до того времени не допускали распространяться козачеству. Но только сорокъ тысячь изъ всей массы ополченнаго народа пріобрѣтали козачество; все остальное народонаселеніе, державшее въ рукахъ оружіе, должно было лишиться прежде пріобрѣтеннаго званія. Противодѣйствіе поспольства, исключаемаго изъ козацкаго сословія, волновало Украину во все время гетманства Хмельницкаго; оно еще рѣзче выразилось послѣ его смерти.

Сверхъ того, въ самомъ козацкомъ сословіи возникло раздвоеніе: образовались козаки *значные*; къ нимъ принадлежали чиновники, какъ настоящіе, такъ и бывшіе (бунчуко́вые товарищи) шляхтичи, приставшіе къ козакамъ, и вообще богатые козаки; противоположны имъ были козаки *простые*, которыхъ значные называли *козацкою чернью* и которые, при случаѣ, готовы были противодѣйствовать возвышенію значныхъ. Сами, наконецъ, значные нешляхетскаго званія хотѣли уравнить себя съ тѣми изъ своихъ собратій, которые носили это званіе. Вліяніе значныхъ развивалось съ усиленіемъ гетманской власти. Въ послѣдніе годы Хмельницкаго, власть гетманская хотя зависѣла отъ рады, но онъ, пользуясь всеобщимъ къ

себѣ уваженіемъ, часто дѣйствовалъ безъ рады и самовольно назначалъ чиновниковъ; а чѣмъ меньше власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ или радою, тѣмъ деспотичнѣе была власть полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ больше усиливалось вліяніе ихъ на общественныя дѣла. Радою начали управлять чиновники; нерѣдко и цѣлая рада составлялась изъ однихъ чиновниковъ да значныхъ. Такой порядокъ породилъ множество недовольныхъ: они бѣжали въ Запорожье; туда укрывались и тѣ посполитые, которые не хотѣли спокойно сносить свое униженіе и видѣть возвышеніе козаковъ; отъ этого въ Запорожьѣ возникло тогда соперничество съ *городовымъ* козачествомъ (1), какъ называли они Гетманщину. Запорожцы не хотѣли подлежать власти гетмана. Но мысль объ отдѣленіи Запорожья, съ огромными степями по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, не могла еще развиться въ то время, при непрерывной связи съ Украиною; связь эта поддерживалась толпами пришельцевъ, недовольныхъ порядкомъ въ Гетманщинѣ. Запорожцы, почитая себя цвѣтомъ козачества, хвалились, что не городовые козаки, а они первые избрали Богдана Хмельницкаго; что война, освободившая Русскую Землю отъ Польши, вышла изъ Запорожья. Запорожцы говорили, что, поэтому, и теперь не городовое, а *низовое* козачество должно преимущественно распоряжаться дѣлами Украины; что ни выборъ гетманства, ни какое другое политическое дѣло, не можетъ быть предпринято безъ согласія Сѣчи (2). Запорожскіе старшины были избираемы и свергаемы толпою, по произволу черни. Такой порядокъ они хотѣли, по видимому, распространить во всей Украинѣ; простымъ козакамъ это нравилось, посполству, хотѣвшему равенства, еще болѣе, и поэтому Запорожье привлекало къ себѣ простыхъ козаковъ и посполство, и всякое предпріятіе, начатое Запорожцами, могло имѣть удачу въ массѣ Украинскаго народа. Впрочемъ, какъ изъ общественнаго строя Запорожья не могло возникнуть новаго порядка вещей, такъ и изъ недовольства посполитыхъ и козацкой черни противъ значныхъ. Низверженіе власти значныхъ могло кончаться только замѣненіемъ однихъ лицъ другими, которые въ свою очередь начинали играть роль значныхъ. Каждый чиновникъ, выбранный изъ простыхъ козаковъ, дѣлался значнымъ и возбуждалъ противъ себя чернь, изъ которой вышелъ; его смѣняли, выбирался другой — и тотъ точно также, какъ первый, становился значнымъ и также чернь была имъ недовольна. Да и самихъ значныхъ не соединяло единство намѣреній и цѣлей, — каждый преслѣдовалъ пре-

(1) Лѣтоп. Самов. 38. — (2) Лѣт Велич. 1,309.

жде всего личныя свои выгоды, одинъ подъ другимъ рылъ яму и самъ въ нее падалъ: каждый хотѣлъ другого столкнуть, потоптать, и самъ подвергался въ свою очередь такимъ же непріятностямъ отъ своихъ товарищей.

Въ отношеніи къ сосѣднимъ странамъ по смерти Богдана Хмельницкаго, въ Украинѣ было двѣ политическія партіи. Къ первой принадлежала большая часть старшинъ, значныхъ, вообще не многія лица съ образованностію, полученною въ Польшѣ вмѣстѣ съ польскими политическими понятіями, и наконецъ шляхтичи русской вѣры, приставшіе къ козакамъ—кто для вѣры, а кто для сохраненія своихъ имѣній во время козацкаго возстанія. Они подняли оружіе противъ Польши не потому, чтобъ польскій политическій составъ имъ не правился, а потому, что они не могли подъ польскимъ владычествомъ пользоваться выгодами, какія могли бы извлечь изъ польской организаціи. По образцу польскому, они хотѣли бы и Украины, похожей на Польшу: съ сеймами, посольскими избами, рѣчами и вольнымъ шляхетствомъ, и въ этомъ классѣ каждому хотѣлось помѣститься. Не соотвѣтствовала такому направленію самодержавная организація московской державы. Въ 1654 году, многіе изъ людей этой партіи пристали къ *московской протекціи*, въ надеждѣ пользоваться такъ называемыми *правами* и *вольностями* подъ правленіемъ русскихъ государей. Но въ 1657 году они начали считать себя обманутыми съ этой стороны. Ихъ огорчало то, что украинскимъ коммисарамъ не позволили участвовать въ переговорахъ московскихъ пословъ съ польскими при заключеніи виленскаго договора—что миръ Россіи съ Польшею заключенъ былъ безъ участія и совѣта Украинской рады и гетмана; упреки, которые дѣлали Хмельницкому бояре по приказанію царя, возбуждали въ нихъ досаду; наконецъ, они оскорблялись обращеніемъ великорусскихъ воеводъ и служилыхъ людей съ Украинцами и насмѣшками Великороссіянъ надъ тѣмъ, что́ въ обычаяхъ и домашней жизни Южной Руси было не сходно съ Сѣверною (1). Вѣроятно, отъ насмѣшекъ надъ одеждою козаковъ разнесся въ то время слухъ, будто царь хочетъ, чтобы козаки не носили красныхъ сапоговъ, а непремѣнно всѣ обулись въ черные, а посполитые одѣвались бы какъ великорусскіе мужики и ходили въ лаптяхъ (2). Но пуще всего усиливало и развивало эту недовольную партію опасеніе, чтобъ царь, по достиженіи польской короны, не присоединилъ Украины къ Польшѣ (3) и не уничтожилъ бы

(1) Ист. Рус. 145 —(2) Hist. pan. Jan. Kaz 1. 182. —(3) Лѣтоп. Велич. I. 366.

Козачества: въ виленскомъ договорѣ царь обѣщалъ возвратить Польшѣ всѣ земли, отъ нея отторгнутыя (1). Недовольные хотѣли предупредить это ожидаемое присоединеніе Украины къ Польшѣ, какъ провинціи къ государству, добровольнымъ соединеніемъ съ Польшею на правахъ федеративныхъ, съ условіями, которые поставили бы Польшу въ необходимость сохранять права русскаго народа и въ невозможность ихъ нарушить. Въ XVII вѣкѣ не понимали, что въ мірѣ нѣтъ условій для будущихъ поколѣній. Партія эта дѣйствовала по слѣдамъ Богдана Хмельницкаго; во время своей борьбы съ Польшею, до присоединенія къ Московскому государству, онъ слѣдовалъ этой идеѣ федеративнаго союза и, въ противность народному желанію совершеннаго разрыва съ Польшею, долго думалъ уладить дѣло безъ расторженія. При жизни Хмельницкаго, болѣе всѣхъ поддерживалъ въ немъ эту мысль генеральный писарь Выговскій,—и теперь онъ сталъ во главѣ федеративной партіи. Его ревностными соумышленниками были его двоюродные братья, Выговскіе: Данило, женатый на дочери Хмельницкаго Еленѣ (2), Константинъ и Ѳедоръ, дядя его Василій, овруцкій полковникъ, и племянникъ Илья (3); воспитатели молодого Юрія: генеральный судья Богдановичъ-Зарудный, есаулъ Ковалевскій и миргородскій полковникъ, исправлявшій должность втораго генеральнаго судьи—Григорій Лѣсницкій, соперникъ Выговскаго; Иванъ Груша, послѣ избранія Выговскаго въ гетманы назначенный генеральнымъ писаремъ; обозный Тимофей Носачъ, человѣкъ безъ образованія, какимъ отличались его товарищи, но съ природнымъ умомъ; переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря, человѣкъ безъ дарованій, но съ образованіемъ; прилуцкій полковникъ Петро́ Дорошенко, лубенскій — Швець, черниговскій — Іоанникій Силичъ, знаменитый Богунъ, тогда уже полковникъ не винницкій, а паволочскій; подольскій полковникъ Евстафій Гоголь, подпѣстрянскій — Михайло Зеленскій, уманскій — Михайло Ханенко, бывшій кіевскій полковникъ Ждановичъ, смѣненный по волѣ царя за походъ противъ Польши—люди также получившіе образованіе (4). Къ этой партіи принадлежали нѣкоторыя знатныя украин-

(1) Полн. Собр. Зак. I. 409. Это было напрасное опасеніе, ибо въ договорѣ было сказано: кромѣ Украины.

(2) Лѣт. Велич. I. 377. 15.

(3) Ист. Мал. Рос. II. прим. 18. Hist. pan. Jan. Kaz. 1. 398. Полн. Собр. Зак. 1. 504.

(4) Лѣт. Велич. 1. 328. Лѣт. пов. о Мал. Рос. 11. 6. Ист. о през. бр. 12. Ист. о през. бр.

скія козацкія и шляхетскія фамиліи, какъ-то: Сулимы, Лободы, Северины, Нечаи (1), Гуляницкіе (изъ нихъ одинъ, Григорій, бѣжалъ изъ Украины послѣ бѣлоцерковскаго мира, а потомъ возвратился и былъ сдѣланъ нѣжинскимъ полковникомъ), Головацкіе, Хмѣлецкіе (родственники казненнаго въ Паволочѣ, въ 1632, за недовольство бѣлоцерковскимъ трактатомъ), Верещака (освобожденный недавно изъ крѣпости, куда былъ посаженъ за привязанность къ Руси), Мрозовицкій (славный въ народной памяти *Морозёнко*, неизвѣстно гдѣ пребывавшій съ 1649 года, когда пересталъ быть корсунскимъ полковникомъ), Махержинскій и болѣе всѣхъ образованный — Юрій Немиричъ. Потомокъ древней новгородской фамиліи, бѣжавшей въ XV вѣкѣ въ литовскія владѣнія, Немиричъ былъ наслѣдникомъ богатыхъ имѣній въ Украинѣ, и отъ своего отца съ дѣтства напитался тѣмъ религіознымъ вольнодумствомъ, которое въ тотъ вѣкъ носило общее названіе *аріанства*. Молодой Юрій провелъ молодость за границею, преимущественно въ Белгіи и Голландіи, получилъ отличное образованіе и написалъ нѣсколько ученыхъ сочиненій по предметамъ философіи и раціональнаго богословія; въ 1648 г. онъ присталъ къ Хмельницкому первый разъ, спасаясь отъ преслѣдованія краковской инквизиціи. Неизвѣстно, гдѣ былъ онъ послѣ Зборовскаго мира, но съ 1655 года мы видимъ его работающимъ для независимости Украины; онъ принялъ православную вѣру, вѣру отцовъ своихъ, дѣйствовалъ въ пользу Украины у шведскаго короля, у Ракочія, а теперь, по смерти Хмельницкаго, составлялъ планы образовать союзъ Украины съ Польшею на новыхъ началахъ ихъ общей жизни. Ловкій посолъ Іоанна Казимира, Казимиръ Бенёвскій, искусно дѣйствовалъ на людей этой партіи. Онъ увѣрялъ ихъ, что козаки своими подвигами научили Поляковъ и всѣхъ сосѣдей уважать въ нихъ доблестныхъ рыцарей, что Польша признаетъ ихъ свободными, и если козаки захотятъ присоединиться къ Польшѣ для взаимнаго охраненія своихъ *правъ* и *вольностей*, то не иначе, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ. Значительная часть русскаго духовенства и самъ Діонисій Балабанъ, который мѣтилъ тогда въ митрополиты, раздѣляли такія же убѣжденія.

Еще при Богданѣ Хмельницкомъ, духовенство неохотно шло подъ московскую протекцію. Привычные къ польскому образу управленія и польскому порядку, происходя изъ шляхты, духовные, особенно знатные, слишкомъ много имѣли въ себѣ польскаго... образованіе ихъ роднило съ

(1) Лѣт. Велич. 1. 396. 410.

Польшею и удаляло отъ Московіи. Религіозныя распри навремя вооружали ихъ противъ католической Польши, но когда дѣло дошло до отторженія отъ Польши, тутъ увидѣли они, что не смотря на единство вѣры, они далѣе отстоятъ нравственно отъ единовѣрческой Московіи, чѣмъ отъ католической Польши. Въ эпоху присоединенія кое-какъ заглушались нерасположеніе и боязнь, но вскорѣ начались съ Московской стороны такія движенія, которыя возбудили прежнее недовѣріе. Сильвестръ Коссовъ умеръ. Бутурлинъ, по наказу московскаго правительства, сейчасъ же изъявилъ духовнымъ—епископу Лазарю Барановичу и печерскому архимандриту Гизелю—царское желаніе, чтобъ духовенство малороссійское »поискало милости государя и показало совершенно правду свою къ великому государю: захотѣло бы итти въ послушаніе къ святѣйшему патріарху московскому.« Украинѣ предстоялъ выборъ митрополита. По древнимъ обычаямъ, ненарушимымъ со стороны Поляковъ, надобно было избирать нового архипастыря вольными голосами. Воеводы настаивали, чтобъ избранія не было, пока не испросятъ благословенія патріарха и царскаго дозволенія. Лазарь и архимандритъ печерскій должны были по неволѣ показать видъ согласія. Это было тотчасъ по смерти Хмельницкаго, еще до погребенія его тѣла. Но самъ покойный Хмельницкій на дѣло это смотрѣлъ не такъ, и по стародавнимъ обычаямъ написалъ къ епископамъ луцкому, перемышльскому и львовскому, чтобъ они ѣхали для выбора новаго митрополита въ Кіевъ. Украина съ Кіевомъ отдалась московскому государю, а эти епископы русскіе остались подъ польскимъ владѣніемъ, но въ тоже время подъ духовнымъ первенствомъ кіевскаго митрополита. Признать надъ собой власть московскаго патріарха они ни за что не захотѣли, да и не могли, еслибъ даже и захотѣли. Требованіе московскаго правительства должно было разорвать связь въ южно-русской церкви. Въ то время, какъ Бутурлинъ въ Кіевѣ старался склонить Лазаря и кіевское духовенство къ зависимости Никону, епископы польско-русскіе испрашивали у короля дозволеніе ѣхать въ Кіевъ для избранія митрополита, и король дозволилъ имъ по старымъ ихъ обычаямъ, за которые они всегда такъ крѣпко держались. Еще тѣло Хмельницкаго не было погребено, а Бутурлинъ писалъ къ Выговскому, выставляя указъ государя, чтобъ не допускать епископовъ до избранія митрополита; а писарь ссылался на старыя права, и не говоря о покорности Никону, извѣщалъ, что пошлетъ козацкихъ пословъ на избранье митрополита, а потомъ уже о новоизбранномъ напишетъ къ государю.

Наконецъ, пристать къ союзу готовы были богатые мѣщане въ го-

родахъ для сохраненія своихъ магдебургскихъ правъ, которыя боялись потерять, если Украина будетъ отдана во власть Поляковъ безъ всякихъ условій. Вообще же надобно сказать, что Украинцы, страшась Польши, прибѣгали къ Польшѣ.

Другая партія — если можно всю массу народа назвать партіею — держалась слѣпо царя московскаго. Чувство единства вѣры и племени инстинктивно склоняло народъ къ соединенію съ восточною Русью. Къ этому присоединялось отвращеніе къ Польшѣ; федеративная партія могла своими дѣйствіями вызвать въ народѣ бо́льшую рѣшимость оставаться подъ властію царя, для избѣжанія грозящей опасности попасть въ подданство Полякамъ. Отъ соединенія Украины съ Польшею простой народъ могъ ожидать только того, что значные козаки сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ были въ Польшѣ шляхтичи, а простые козаки и все посполство будутъ отданы въ безусловное порабощеніе новому панству; напротивъ, при соединеніи съ Московіею, самодержавная воля царя представлялась защитою слабыхъ отъ своеволія сильныхъ. Изъ старшинъ отличался тогда горячею враждою къ значнымъ и вмѣстѣ преданностію Московщинѣ — Мартынъ Пушкаренко, полтавскій полковникъ, любимый подчиненными и всѣмъ простымъ народомъ (1). Запорожье, ненавидѣвшее шляхетныхъ и значныхъ, изъ которыхъ состояла федеративная партія, раздѣляло въ то время эту склонность — оставаться въ повиновеніи московскому государю (2). Очевидно, что число преданныхъ русскому престолу было столь велико, что противная федеративная партія не могла ничего сдѣлать, тѣмъ болѣе, что и сами федератисты не прочь были отъ того, чтобъ московскій царь скорѣе сдѣлался польскимъ королемъ.... Но народъ былъ на слишкомъ низкой степени развитія и всегда могъ быть увлеченъ въ противную сторону своими руководителями, даже такими, которыхъ не любилъ, хотя бы на время, не зная хорошо, куда его ведутъ; а разрывъ виленскаго договора сдѣлалъ этихъ двусмысленныхъ руководителей врагами царя и *протекціи*.

II.

Шестнадцатилѣтній Юрій Хмельницкій вовсе не былъ такой гетманъ, какого требовало тогдашнее положеніе Украины. Юный и неопытный,

(1) Ист. о през. бр. 1. Лѣт. Велич. 29. Лѣт. пов. о Мал. Рос. II. 2.
(2) Лѣт. Самов. 29. Лѣт. Велич. I. 309—312.

онъ не отличался ни блестящими способностями, ни характеромъ. Одни изъ желанія услужить Богдану при его смерти, другіе изъ боязни, чтобъ не навлечь на себя гоненія отъ его родственниковъ и друзей, — признавали Юрія гетманомъ на Чигиринской радѣ. Послѣ смерти старика, возникъ ропотъ между старшинами и заслуженными козаками. Иные вспоминали свои раны и многолѣтніе труды и стыдились повиноваться мальчику, не нюхавшему пороха; другихъ волновало явное нарушеніе козацкихъ обычаевъ, по которымъ у козаковъ въ начальники выбирали людей достойныхъ и опытныхъ. Многіе изъ старшинъ досадовали потому, что безъ выбора Юрія вольная рада могла бы предоставить начальство имъ; болѣе всѣхъ былъ внутренно недоволенъ Выговскій. Столько лѣтъ онъ былъ первый человѣкъ послѣ гетмана; и въ Украинѣ и у сосѣдей прославился онъ умомъ; самъ Хмельницкій, отклоняя козаковъ отъ выбора Юрія, предлагалъ въ гетманы Выговскаго. Выговскій смотрѣлъ на избраніе Юрія, какъ на похищеніе булавы у себя. Но старикъ Хмельницкій, уступивши желанію козаковъ, препоручилъ Выговскому руководить сына. Хмельницкій столько лѣтъ почиталъ Выговскаго другомъ, и потому Выговскому меньше, чѣмъ кому нибудь другому, можно было дѣйствовать къ измѣненію послѣдней рады. Выговскій долженъ былъ притворяться и увѣрять въ совершенномъ равнодушіи къ почестямъ и нежеланіи принимать начальство. 14 августа онъ писалъ къ воеводѣ Путивльскому Зузину, что гетманомъ всѣ старшины оставили пока Юрія Хмельницкаго, »а впредь какъ будетъ, не вѣдаю; но скоро по погребеніи тѣла будетъ рада всей старшины и нѣкоторой части черни; а что на ней усовѣтуютъ, не вѣдаю.« Такимъ образомъ въ письмѣ къ пограничному московскому воеводѣ онъ далъ понять, что назначеніе тогдашняго гетмана можетъ измѣниться. Но что касается до себя, то онъ уклонялся отъ всякой надежды. »Послѣ трудовъ воинскихъ,« выражался онъ, »я радъ опочить, и никакого урядничества и начальства не желаю.« Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, 21-го августа, онъ говорилъ не такъ уже присланному отъ того же воеводы гонцу: »гетманъ Богданъ Хмельницкій, умирая, приказывалъ мнѣ быть надъ сыномъ его опекуномъ, и я, помня приказъ его, не покину сына его; и полковники и сотники и все войско запорожское говорятъ, чтобы мнѣ гетманомъ быть, покамѣсть Юрій Хмельницкій выростетъ и будетъ въ совершенномъ умѣ.«

Іезуитская изворотливость нашла себѣ лазейку, — говоритъ украинскій лѣтописецъ.

Какъ другъ семьи Хмельницкаго, Выговскій началъ представлять

молодому Хмельницкому его опасное положеніе, съ сожалѣніемъ извѣщалъ его, что козаки ропщутъ и не хотятъ повиноваться столь молодому гетману. Молодой Юрій просилъ совѣта: что ему дѣлать? Выговскій совѣтовалъ отказаться передъ радою отъ гетманскаго званія, чтобъ этимъ поступкомъ снискать любовь и расположеніе народа. Между козаками издавна велось обыкновеніе, что избираемый въ начальники нѣсколько разъ отказывался отъ предлагаемаго достоинства и принималъ его только тогда, когда рада какъбы насильно принуждала его къ этому.

Чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, Выговскій говорилъ, что и онъ оставитъ свою должность и низачто не будетъ писаремъ, если Юрія не оставятъ гетманомъ.

Также точно обозный Тимофей Носачь, воспитатели Юрія — Ковалевскій и Лѣсницкій, и судья Зарудный, подтверждали Юрію вѣсти о всеобщемъ ропотѣ козаковъ, совѣтовали ему отказаться отъ гетманства и увѣряли, что и они, изъ приверженности къ Юрію, не захотятъ оставаться при своихъ дожностяхъ, а предоставятъ вольной радѣ распоряженіе Украиною и выборъ гетмана и старшинъ. Молодой Юрій согласился отказаться, въ надеждѣ, что эта покорность радѣ утишитъ ропотъ и онъ останется гетманомъ.

Оповѣстили раду. Выговскій писалъ къ тѣмъ изъ полковниковъ, которые не были при смерти Хмельницкаго, чтобъ они явились съ козаками изъ своего полка для избранія гетмана, а между тѣмъ дарилъ и угощалъ старшинъ и значныхъ козаковъ, собралъ къ себѣ толпу простыхъ козаковъ изъ разныхъ полковъ, выкатилъ имъ горілки, устроилъ нѣсколько обѣдовъ и ласковымъ обращеніемъ расположилъ ихъ къ себѣ.

Въ воскресенье, 24 августа, довбиши ударили на раду. Выговскій и преданные ему старшины назначили ее во дворѣ Хмельницкаго, для того, чтобы помѣстить тамъ только такихъ козаковъ, которые будутъ расположены къ нимъ: это были задобренные обѣдами и горілкою; впрочемъ и расположенные къ Выговскому не всѣ знали, что онъ ищетъ гетманства. Когда во дворъ набралось довольно козаковъ, ворота заперли наглухо и огромная толпа козаковъ и посполитыхъ стояла за дворомъ.

Изъ дома вышелъ Юрій съ булавой въ рукѣ; за нимъ несли бунчукъ, осѣняя его.

»Панóве рада!« сказалъ Юрій: »благодарю нижайше за гетманскій урядъ, который вы мнѣ дали, памятуя родителя моего; но по мóлодости лѣтъ и по своей неопытности, я не могу нести столь важнаго достоин-

ства. Вотъ булава и бунчукъ. Выбирайте въ гетманы другого, старше меня и заслуженнѣе.«

Онъ положилъ знаки гетманскаго достоинства на столѣ, поклонился и ушелъ въ домъ.

Выступилъ Выговскій, проговорилъ благодарность за писарскій урядъ, отказался отъ него, поставилъ свою чернильницу — знакъ писарскаго званія, и ушелъ.

Обозный положилъ свой перначъ, судья — свою печать, отказались отъ урядовъ и удалились.

Собраніе молчало. Козаки поглядывали другъ на друга съ вопросительнымъ выраженіемъ лица; иные хотѣли провозгласить Выговскаго, но боялись. Булава лежала среди двора и »много было такихъ«, говоритъ лѣтописецъ, »которые хотѣли ее взять, но не смѣли безъ воли народа.«

Между тѣмъ, за воротами раздался ропотъ. Посполитые ломились въ ворота. Тогда эсаулы, расхаживая между козаками, кричали: »Кого желаете наставить гетманомъ?«

Всѣ молчали. Эсаулы нѣсколько разъ повторили вопросъ.

»Хмельницького!« раздалось въ толпѣ; »Хмельни́ченко неха́й бу́де гетьма́номъ!«

»Пано́ве рада!« сказалъ Юрій: »я младолѣтенъ и неопытенъ, и не въ силахъ управлять народомъ, а къ тому еще я отъ недавней смерти родителя въ большой тоскѣ и печали.«

Нѣкоторые сотники говорили такъ:

»Пусть будетъ Хмельниченко гетманомъ; хотя онъ и молодъ, да слава наша пусть будетъ такова, что у насъ гетманомъ *Хмельницкій*. Пока онъ молодъ, — будутъ научать его добрые люди, а возмужаетъ — самъ будетъ управлять. Пусть и Выговскій и Носачъ и всѣ будутъ на своихъ урядахъ; какъ при покойномъ батьку Хмельницкомъ було́, такъ и теперь пусть будетъ.«

Юрій, наученный Выговскимъ, отрекался. Козаки кричали:

»Не позволимъ, не увольнимъ Хмельниченка отъ уряда гетманскаго!«

Хмельницкій представлялъ, что ему, по лѣтамъ его, надобно учиться, а гетману надобно быть при войскѣ и предводительствовать козаками.

Тутъ какой-то сотникъ, расположенный къ Выговскому, сказалъ:

»Пусть булава и бундукъ остаются при Хмельницкомъ; нашимъ гетманомъ будетъ Хмельницкій, а пока онъ возмужаетъ — войскомъ коман-

довать будетъ Выговскій, и булаву и бунчукъ будетъ принимать когда нужно изъ рукъ у Хмельницкаго, а воротившись, опять будетъ отдавать ему въ руки.«

Выговскій съ видомъ покорности и смиренія представлялъ свое недостоинство. Козаки усильно требовали.

»Дайте время одуматься, панóве рада!« сказалъ Выговскій: »Не могу теперь рѣшиться принять на себя такое важное званіе. Отложите до другого времени.«

Рада дала ему три дни срока.

Въ среду, 27 августа, рада опять собралась въ тотъ же дворъ. На этотъ разъ, прежде чѣмъ успѣли затворить ворота, набралось во дворъ множество простыхъ козаковъ. »Хмельницкаго! Хмельницкаго!« кричали они, и ломились въ домъ.

Юрій вышелъ и опять отказывался. Козаки требовали, чтобъ онъ остался гетманомъ, и чтобъ, до его совершеннолѣтія, управлялъ Выговскій.

Выговскій опять разыгрывалъ роль нежелающаго. Съ потупленнымъ взоромъ, съ сложенными на крестъ руками, со слезами въ глазахъ, онъ благодарилъ раду за честь, просилъ выбрать людей болѣе его способныхъ. Но чѣмъ болѣе кланялся и отказывался Выговскій, тѣмъ упорнѣе козаки избирали его предводителемъ. По козацкому обычаю, толпа начала сопровождать бранью свой выборъ: тогда Выговскій, какъ-бы нéхотя и единственно уступая голосу народа, согласился. Толпа была въ восторгѣ.

»Теперь я спрошу вотъ о чемъ«, сказалъ Выговскій: »молодому гетману надобно учиться; по волѣ блаженной памяти родителя, ему надобно дать воспитаніе; ему надобно быть въ училищѣ, а потому ему трудно будетъ подписываться на листахъ и универсалахъ. Когда клейноты будутъ у меня, то и подписываться придется мнѣ. Какъже рада прикажетъ мнѣ подписываться?«

Сперва это озадачило козаковъ. Но тутъ какой-то доброжелатель Выговскаго выскочилъ изъ толпы съ разрѣшеніемъ вопроса.

»Пусть панъ Выговскій«, сказалъ онъ »подписывается такъ: »Иванъ Выговскій, гетманъ на тотъчасъ Войска Запорожскаго«, потому что въ то время, когда у него будутъ клейноты, настоящимъ гетманомъ будетъ онъ.«

Простые козаки были просты, говоритъ лѣтописецъ, — они не провидѣли ничего особеннаго и согласились, сказавши: »добре, нехáй такъ! Служи́, пáне гетьмáне, вѣрно его царскому пресвѣтлому величе-

ству и будь гетманомъ надъ войскомъ запорожскимъ и чини намъ добрую оправу.«

Выговскій, взявъ булаву, сказалъ: »Сія булава доброму на ласку, а злому на карность; а манить я въ войску никому не буду, коли вы меня гетманомъ избрали; а войско запорожское безъ страха быть не можетъ!«

—»Вычитай же намъ«, сказали полковники, »новообранный пане гетма́не, великаго государя жалованную грамоту, чтобъ мы знали, на яки́хъ во́ляхъ пожалованы мы отъ его царскаго величества.«

Тогда гетманъ прочиталъ всѣмъ вслухъ грамоту.

По окончаніи чтенія, старшины сказали:

»На милости государской бьемъ челомъ и служить всѣмъ войскомъ запорожскимъ рады вѣчно, и онъ, великій государь, пусть насъ не выдаетъ своимъ непріятелямъ.«

По другому извѣстію, переданному Выговскимъ въ Москву, когда избрали Выговскаго, противникомъ его явился Григорій Лѣсницкій, котораго покойный гетманъ отправлялъ противъ Татаръ съ сыномъ своимъ и далъ ему булаву и бунчукъ въ качествѣ наказнаго гетмана. Опираясь на это, Лѣсницкій не хотѣлъ отдать булавы. Выговскій посылалъ къ нему Юрія Хмельницкаго,—Лѣсницкій упорствовалъ, и отдалъ булаву только тогда, когда его принудили козаки, черезъ недѣлю.

Такъ кончилась эта знаменитая рада. Выговскій послалъ къ Запорожцамъ и льстилъ имъ, увѣряя, что онъ не почитаетъ себя настоящимъ гетманомъ, пока сѣчевое товарищество не признаетъ его; послалъ, съ согласія рады, посольство въ Крымъ (1); отпустилъ съ увѣреніями пріязни къ королю польскаго посла Бенёвскаго, котораго козаки, изъ старой ненависти къ панамъ, чуть было не убили. Въ то же время Выговскій, въ письмѣ своемъ къ московскому воеводѣ, доносилъ, что Бенёвскій присланъ для того, чтобъ учинить ссору и говорилъ, что они его задерживаютъ; бранилъ Поляковъ, доносилъ, что польскій король соединяется съ императоромъ и вовсе не думаетъ мириться съ Москвою и хранить данныя въ бѣдѣ условія; что распространился слухъ, будто козаки поссорились съ Москвою и Поляки собираются, вмѣстѣ съ ханомъ крымскимъ, на Украину. Онъ изъявлялъ готовность пролить кровь за государя. Онъ чернилъ даже своихъ сообщниковъ, доносилъ на брацлавскаго полковника Зеленскаго, что онъ хотѣлъ отступить къ Польшѣ, но онъ, гетманъ, его удержалъ и убѣдилъ.

---

(1) Величко, II, 307.

III.

Не смотря на избраніе Выговскаго, власть его была очень не тверда. Лѣсницкій, какъ видно, продолжалъ досадовать и надѣялся, что на другой радѣ избрали бы его, а не Выговскаго. Пушкаренко, полтавскій полковникъ, былъ другой врагъ и соперникъ Выговскаго. Въ Чигиринѣ рада была не полная и могла казаться незаконною: надобно было собрать другую. Выговскій, хотя взялъ булаву, но только въ качествѣ временнаго правителя; для соблюденія козацкихъ правъ, онъ самъ назначилъ снова раду въ Корсунѣ къ 25 сентября. На эту раду съѣхались старшины; были на ней всѣ сотники и изъ каждой сотни по два простыхъ козака. Таковъ былъ избирательный обычай у козаковъ. Новоизбранный предводитель хотѣлъ нѣсколько разузнать духъ своихъ товарищей. Въ то время прибылъ отъ шведскаго короля въ Чигиринъ Юрій Немиричъ. Онъ привозилъ отъ Карла Густава предложеніе союза, чтобы, по старому доброму расположенію, козачество помогало шведскому королю, а шведскій король козакамъ. Самъ Юрій Немиричъ снова отдался служить козацкому дѣлу. Дѣло шло къ возобновленію дружбы со Швеціею; съ Московщиною, напротивъ, шло къ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ.

Явился къ гетману царскій посланникъ Артамонъ Матвѣевъ. Въ царской грамотѣ гетманъ названъ былъ *писаремъ*, а не *гетманомъ*, хотя царь уже извѣстился чрезъ кіевскаго воеводу о его избраніи на гетманское достоинство. Онъ получилъ царскій выговоръ за то, что не объявилъ о смерти Хмельницкаго и о своемъ избраніи чрезъ своего посла. Царскій посланникъ требовалъ, чтобъ Запорожское Войско отправило къ шведскому королю посланцевъ совѣтовать ему помириться съ царемъ, оставить притязанія на пограничныя земли, которыя московскій царь считалъ своими, и отнюдь не надѣяться на помощь Войска Запорожскаго; напротивъ, если онъ будетъ во враждѣ съ царемъ, то Войско Запорожское пойдетъ на него войною. Гетманъ отвѣчалъ, что исполнитъ приказанія царскія, а отъ выговора отдѣлался такъ: »когда гетмана Богдана Хмельницкаго не стало, я въ тотъ же день хотѣлъ отправить къ царскому величеству своихъ трехъ урядниковъ; а начальные люди, услышавъ объ этомъ, стали бунтовать, толковали, будто я посылаю отъ себя; оттого я не послалъ, а написалъ къ воеводѣ кіевскому Андрею Васильевичу Бутурлину и къ князю Ромодановскому въ Бѣлгородъ, чтобы они извѣстили государя.«

Артамомъ Матвѣевъ сказалъ: »Его царскому величеству учинилось вѣдомо, что гетмана Богдана Хмельницкаго не стало; и великій государь, жалуя васъ, указалъ ѣхать въ Войско Запорожское, съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и для своихъ государевыхъ великихъ дѣлъ, боярину и намѣстнику казанскому, Алексѣю Никитичу Трубецкому, да окольничему и ржевскому намѣстнику, Богдану Матвѣевичу Хитрово, да думному дьяку, Ларіону Лапухину. Гетманъ долженъ послать къ полковникамъ и велѣть имъ съѣхаться въ Кіевъ, и сверхъ того, чтобъ изъ всѣхъ полковъ по пяти человѣкъ было прислано. Дѣло будетъ великое. Да чтобъ въ черкасскихъ городахъ были собраны кормы и приготовлены подводы для ихъ приходу. Да еще Павелъ Тетеря, когда былъ въ Москвѣ посланцемъ у государя, то просилъ оберегать васъ противъ непріятелей вашихъ; и теперь приказано князю Ромодановскому итти наскоро съ конными и пѣшими людьми, да велѣно также боярину Василію Борисовичу Шереметьеву выслать конныхъ и пѣшихъ; а ты, гетманъ, вели приготовить имъ запасы и подводы.«

Гетманъ, разумѣется, обѣщалъ, но какъ услышали старшины, то стали видѣть въ этомъ тайное намѣреніе нарушить ихъ права. Немедленно явилось великорусское войско и стало двумя отрядами: одинъ, съ Ромадоновскимъ, въ Переяславѣ, другой, съ Ляпуновымъ, въ Пирятинѣ. Ожидали, какъ объявлено было, еще прихода Трубецкаго съ товарищами; это особенно пугало старшину, потому что не сказано было, для какихъ дѣлъ придетъ это войско. Артамонъ Матвѣевъ привезъ приказаніе собирать по Украинѣ запасы на прокормленіе войску съ доходныхъ статей (орандъ); а всѣ эти статьи были въ распоряженіи старшинъ и они видѣли теперь посягательство на свои доходы.

Нужно было представить все это дѣло на обсужденіе рады. Рада собралась въ назначенный день. Иноземные пособники шляхетской партіи, съ стороны польской — Бенёвскій, со стороны шведской — Немиричъ, по извѣстію кіевскаго воеводы, явились туда же. Сами между собою противники, они тутъ невольно дѣйствовали заодно противъ общаго для нихъ обоихъ соперника. Рада происходила въ полѣ. Выговскій положилъ свою булаву и бунчукъ, поклонился собранію и сказалъ, что ему присланы отъ царя такіе пункты, чтобъ у козаковъ прежнія вольности отнимать. »Я въ неволѣ быть не хочу«, прибавилъ онъ, и отказывался отъ гетманства. Онъ объявилъ, что рада вольна выбрать другаго гетмана, и поѣхалъ прочь. Тогда начальные люди послѣдовали за нимъ,

воротили и начали просить, чтобъ онъ остался на гетманскомъ достоинствѣ. Судья Самойло Богдановичъ-Зарудный вручилъ ему булаву.

»Мы«, говорили козацкіе чиновники, »будемъ стоять за свои вольности заодно, чтобъ у насъ ничего не отняли, чтобъ не было перемѣны, чтобъ какъ прежде были, такъ чтобъ и теперь остались мы, свободны.«

Выговскій, какъ будто исполняя всеобщую волю, принялъ снова булаву. Этой церемоніей и окончилась рада.

На другой день была другая рада во дворѣ. Посланный путивльскимъ воеводою на провѣдки, посадскій человѣчишко Николка затесался между козаками, или, можетъ быть, спрятался тамъ, гдѣ происходила рада, и передалъ потомъ въ общихъ чертахъ это совѣщаніе. (»И я Николка былъ въ той свѣтлицѣ, гдѣ была рада«, доносилъ онъ своему начальству въ *роспросѣ*).

Выговскій сказалъ: »при покойномъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ у насъ не бывало рады и совѣта, но теперь вы меня избрали гетманомъ, и я безъ вашего воинскаго совѣта не стану дѣлать никакихъ дѣлъ. Нынѣ я объявляю вамъ: прислалъ къ намъ шведскій король, зоветъ насъ къ себѣ въ союзъ (въ »подданство«, переиначилъ Николка: въ писмѣ Бутурлина просто — *союзъ*, а не *подданство*), а царское величество прислалъ къ намъ грамоту съ выговоромъ, зачѣмъ мы, безъ его государева вѣдома, сложились съ Ракочи; хочетъ, чтобы Антона Ждановича наказать: »вы уже«, говоритъ, »прежде измѣнили шведскому королю, измѣнили и крымскому хану и Ракочію венгерскому и господарю волошскому, а теперь и намъ хотите измѣнить. Долго ли вамъ быть въ такихъ шатостяхъ?«

Гетманъ хотѣлъ, очевидно, раздуть зародившееся неудовольствіе къ царской власти, но въ то же время выгораживалъ себя, если преждевременно дойдетъ вѣсть объ этомъ въ Москву, и потому сталъ совѣтовать козакамъ покорность.

»А только намъ«, продолжалъ онъ, »отложиться отъ царскаго величества, никто намъ болѣе не повѣритъ за непостоянство наше, и мы дойдемъ до конечнаго разоренія. Теперь, безъ всякой шатости, дайте мнѣ совѣтъ, какъ поступить?«

Выступили полковники: нѣжинскій Гуляницкій, полтавскій Пушкаренко, прилуцкій Дорошенко, ирклѣевскій Джеджалы, и сказали:

»Мы не отступимъ отъ присяги, данной его царскому величеству.«

Другіе начальные люди, сотники и есаулы съ лѣвой стороны Днѣпра

повторили тоже: »мы не отступимъ отъ его царскаго величества; какъ присягали, такъ въ той мысли и стоимъ.«

Когда гетманъ сталъ допрашивать ихъ, какъ ему поступить,—вмѣсто совѣта, они закричали:

»Якъ ти намъ прирадишъ, такъ ми й будемо!«

Гетманъ не добивался отъ нихъ совѣта о шведскомъ предложеніи, а долженъ былъ, потакая имъ, сказать:

»Я вамъ свою мысль объявляю, что намъ быть надежно при милости царскаго величества, по присягѣ своей неотступно, а къ инымъ ни къ кому не приложиться.«

Но правобережные полковники — Зеленскій, Богунъ и третій полковникъ (»имени его не упомню«, говоритъ свидѣтель) отозвались не въ такомъ духѣ.

»Намъ, пане гетмане и всѣ паны-рада, не ладно быть у царского величества: онъ, государь, къ намъ милостивъ, да начальные его люди къ намъ не добры, наговариваютъ государю, чтобъ навести насъ въ большую неволю, и достояніе наше отнять!«

Выговскій, выслушавъ эти рѣчи, принялъ суровый видъ и сказалъ:

»Вы, панове, не дѣло говорите, и въ войскѣ смуту чините; а намъ отъ царскаго величества отступать за его государеву милость не слѣдуетъ и помышлять!«

Наконецъ порѣшили послать къ царю посольство и просить о ненарушеніи данныхъ вольностей.

»И всѣ тогда«, пишетъ Бутурлинъ въ своемъ донесеніи къ царю,—»межъ собою душами укрѣпились, чтобъ имъ всѣмъ за гетмана и за свои права и старыя вольности стоять заодно. И много другихъ непристойныхъ рѣчей у нихъ было.«

Съ этихъ поръ, вѣроятно, Выговскій выбросилъ изъ своей подписи выраженіе: *на тотъ часъ*, которое, по сказанію украинскаго лѣтописца, наложилъ на себя какъ условіе, когда козаки на первой радѣ вручили ему булаву.

По приговору корсунской рады, отправили въ Москву посланцами: корсунскаго полка есаула, Юрія Миневскаго и сотника Ефима Коробку—просить царскаго подтвержденія Выговскаго на гетманское достоинство и правъ козацкихъ, сообразно прежней царской грамотѣ, данной послѣ переяславскаго присоединенія. Гетманъ отпусилъ Бенёвскаго съ дружелюбными увѣреніями. Но Польша не хотѣла оставлять Украины безъ наблюденія, и тотчасъ же за Бенёвскимъ пріѣхалъ другой гонецъ

и агентъ Вороничъ. Какъ искренно было это сближеніе съ застарѣлыми врагами, видно изъ того, что въ то же время, какъ Бенёвскій отъ имени Рѣчи-Посполитой сулилъ козакамъ права, свободу и дружбу, у Выговскаго въ рукахъ было перехваченное письмо польскаго полковника Маховскаго къ одному изъ крымскихъ мурзъ. Польскій панъ уговаривался, какъ бы сдѣлать на козаковъ, своихъ *душмановъ*, вмѣстѣ съ крымцами нападеніе. А Выговскій, принимая радушно польскихъ посланцевъ, отправилъ перехваченное письмо въ Москву съ Миневскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ, что послѣ Бенёвскаго пріѣхалъ въ Украину Вороничъ — по прежнему склонять козаковъ къ подданству Польшѣ; но козаки не дозволятъ себя провести и останутся вѣрны его царскому величеству. Крымъ былъ очень опасенъ Украинѣ. Въ послѣднее время, союзъ хана съ Польшею болѣе всего не дозволялъ Украинѣ брать верхъ въ борьбѣ съ Поляками. Услышали въ Крыму, что въ Украинѣ не долюбливаютъ московскаго владычества, и ханъ первый подалъ желаніе примириться, а Выговскій отправилъ въ Бахчисарай посланца своего Бута съ товарищами.

Послѣ избранія, въ радѣ, гетмана, козацкіе обычаи требовали еще освященія отъ церкви. Гетманъ, полковники и старшины отправились въ Кіевъ. 13 октября встрѣтили Выговскаго съ почестью у земляного вала. Въ то время умерла сестра Выговскаго, жена Павла Тетери; вся семья и родные Выговскаго были въ сборѣ: отправляли похороны; потомъ уже обратились къ дѣламъ. 17 октября въ Братскомъ монастырѣ, въ присутствіи царскихъ воеводъ, принесли въ церковь жалованную отъ царя гетману Хмельницкому булаву, саблю и бунчукъ. По совершеніи обѣдни, епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ окропилъ святою водою эти знаки достоинства и отдалъ ихъ гетману. »Принимая гетманство« , говорилъ ему архипастырь, »ты долженъ служить вѣрою и правдою великому государю, какъ служилъ до сихъ поръ: управляй и укрѣпляй Войско Запорожское, чтобъ оно было неотступно подъ высокою рукою его царскаго величества.« Сказавъ это, епископъ осѣнилъ крестомъ новоизбраннаго вождя.

Изъ церкви епископъ позвалъ гетмана и старшинъ на обѣдъ. Туда же были приглашены и воеводы съ товарищами. Когда вино развязало языкъ гетману, онъ сталъ увѣрять въ своей преданности царю, доказывалъ предъ воеводами, что еще какъ былъ писаремъ, то и покойнаго гетмана Хмельницкаго привелъ къ подданству. »Но я теперь опасаюсь« , прибавилъ онъ, »государева гнѣва, что безъ его указа выбранъ гетма-

номъ: мы получили грамоту отъ государя, а въ ней я названъ не гетманомъ, а писаремъ.«

Тогда Богдановичъ, генеральный судья, проговорилъ такую рѣчь:

»Когда мы, козаки, поддались подъ высокую руку его царскаго величества, то государева милость была къ намъ такова, чтобъ вольностей нашихъ у насъ не отнимать; а теперь присланы къ намъ пункты, по которымъ приходится потерять намъ вольности; а мы какъ были подъ королевскимъ владѣніемъ, то у насъ вольностей король не отнималъ; мы же отступили отъ короля и поддались подъ государеву высокую защиту только ради обороны христіанской вѣры отъ ляшскаго гоненія, чтобъ намъ не быть въ папежской вѣрѣ, либо въ уніи.«

Бутурлинъ, обратясь къ Выговскому, сказалъ:

»На тебя, гетманъ, нѣтъ никакого гнѣва государева; а отъ тебя передъ великимъ государемъ такъ есть неисправленіе: обираютъ тебя на Богдаиово мѣсто, а ты великому государю о томъ и не написалъ и не учинилъ никакой вѣдомости. Великому государю невѣдомо, что ты гетманомъ учинился; потому-то въ государевыхъ грамотахъ къ тебѣ и названъ ты писаремъ; какъ ты былъ прежде писаремъ, такъ писаремъ и названъ. Ты, гетманъ, о томъ не оскорбляйся и служи по прежнему великому государю, а государево жалованье и милость будетъ тебѣ свыше прежняго.«

—»Когда только меня стали выбирать въ гетманы«, сказалъ Выговскій, »я не хотѣлъ брать на себя этого реимента безъ государева указа; я долго отговаривался; но полковники и чернь мнѣ дали булаву и знамя съ большимъ упросомъ; пусть государь насъ пожалуетъ: не велитъ у насъ отнимать прежнихъ вольностей; а мы ему, великому государю, готовы служить и стоять противъ всякаго непріятеля и никогда не отступимъ отъ высокой руки его величества!«

Скоро послѣ того брошена была новая тѣнь опасенія въ нарушеніи вольностей. Наступалъ выборъ митрополита. Съѣхались въ Софійскій монастырь духовные и старшины козацкіе. Гетманъ пригласилъ кіевскихъ воеводъ. Бутурлинъ отвѣчалъ, что не поѣдетъ безъ царскаго указа. Уже прежде онъ передавалъ и духовнымъ и свѣтскимъ желаніе московскаго правительства, чтобъ кіевскій митрополитъ подчинился патріарху московскому и былъ бы отъ него назначенъ. Теперешній отказъ пріѣхать на выборъ указывалъ, что московское правительство намѣревается нарушить одно изъ важнѣйшихъ правъ присоединеннаго края. Выборъ тогда не состоялся. Отложили выборъ до Николина дня, между тѣмъ возрасло и неудовольствіе къ московскому правительству и страхъ за свои права.

Изъ Кіева гетманъ поѣхалъ въ Переяславъ, и 24 октября свидѣлся съ Ромодановскимъ въ присутствіи своихъ старшинъ: обознаго Носача, Тетери, Богдановича, Ковалевскаго и своего брата Данила. Ромодановскій уже два мѣсяца стоялъ подъ Переяславомъ съ ратными людьми и не получалъ никакихъ запасовъ. Онъ жаловался, что его прислали сюда по просьбѣ козаковъ, чтобъ оборонять край отъ непріятеля, а продовольствія не даютъ, и грозилъ уйти назадъ.

Не смотря на подозрѣніе, которое раждалось отъ прихода великороссійскихъ войскъ, гетманъ старался удержать всѣми способами Ромодановскаго, и совсѣмъ не въ томъ духѣ съ нимъ говорилъ, какъ на радѣ въ Корсунѣ. Онъ извинялся въ недачѣ запасовъ тѣмъ, что въ Украинѣ, послѣ см рти Богдана, онъ, Выговскій, еще не былъ настоящимъ гетманомъ; не было еще начальства, котораго бы всѣ слушали; онъ представлялъ, что непріятели сдѣлаютъ нападеніе на Украину, какъ только великороссійское войско отступитъ прочь, и наконецъ описывалъ внутреннее безпокойство края. »Послѣ Богдана Хмельницкаго«,—говорилъ онъ,—»въ черкасскихъ городахъ учинился мятежъ и шатости и бунтъ; а какъ скоро ты, окольничій его царскаго величества и воевода князь Григорій Григорьевичь, пришелъ въ черкасскіе города съ ратными людьми, то, милостію Божіею и государевымъ счастіемъ, все утишилось; теперь въ Запорожьѣ большой мятежъ: хотятъ побить своихъ старшинъ и поддаться крымскому хану! Я, помня свое крестное цѣлованіе, за такіе заводы, бунты и измѣну царскому величеству, поѣду ихъ усмирять съ войскомъ, а ты, окольничій и воевода, съ ратными людьми перейди за Днѣпръ; съ тобой будутъ полковники: бѣлоцерковскій, уманскій, брацлавскій и другіе; а я управлюсь съ бунтовщиками и предателями. Они наговариваютъ на насъ, бунтовщики, будто бы мы царскому величеству невѣрны; а мы живымъ Богомъ обѣщаемся и клянемся небомъ и землею: чтобъ намъ Богъ своей милости не показалъ, если мы мыслимъ или впередъ будемъ мыслить какое-нибудь дурно и неправду! Какъ за Бога, такъ и за него, великаго государя, держимся.«

Но Ромодановскій отвѣчалъ, что не пойдетъ за Днѣпръ безъ воли государя. Напрасно Выговскій, черезъ три дня послѣ того, снова просилъ его и извѣщалъ, что пойманы Татары, которые объявляютъ, что ханъ собирается съ Поляками нападать на Украину. Ромодановскій не пошелъ за Днѣпръ. Совѣтуя такимъ образомъ и стараясь перевести Рамодановскаго за Днѣпръ, Выговскій въ самомъ дѣлѣ, кажется, руководился страхомъ. Ему хотѣлось отрѣзать Ромодановскаго отъ Трубецкаго и поста-

вить его въ такомъ краѣ, гдѣ всякое покушеніе, еслибы оно въ самомъ дѣлѣ могло быть, какъ ходили слухи, было бы встрѣчено съ негодованіемъ и съ противодѣйствіемъ, и гдѣ Ромодановскій не въ силахъ былъ бы противостать туземной массѣ.

Потомъ Выговскій отправилъ Юрія Хмельницкаго въ Кіевъ учиться, а самъ вынулъ изъ-подъ земли зарытые имъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ сокровища—болѣе милліона и началъ дарить и угощать старшинъ, значныхъ и простыхъ козаковъ. Веселыя пирушки нѣсколько недѣль шли безъ перерыва. Выговскій былъ человѣкъ трезвый, но чтобъ понравиться толпѣ, прикидывался пьянымъ, показывалъ бурлацкое обращеніе съ простыми козаками, былъ чрезвычайно обходителенъ съ подчиненными, и козаки въ восторгѣ кричали: »отъ щи́рий, не гордий козакъ!«

IV.

Въ Литвѣ, въ послѣднее время, распространилось козачество, какъ нѣкогда въ самой Украинѣ; хлопы самовольно записывались въ козаки. Польское правительство старалось ограничить ихъ число; такъ, подобно послѣднему, поступили теперь московскіе воеводы въ покоренной Литвѣ, по приказанію своего правительства. Въ могилевскомъ повѣтѣ вписывались въ козаки пашенные крестьяне. Правительство запретило это, но полковникъ Нечай, бывшій наказнымъ гетманомъ въ Литвѣ, принималъ ихъ въ реестръ. Московскіе воеводы лишнихъ самовольныхъ козаковъ исключали сами, били ихъ батогами, били ослопьемъ и сотниковъ и есауловъ, чтобъ тѣ не вписывали новыхъ козаковъ. Правительству хотѣлось, чтобъ эти пашенные крестьяне несли тягло; а они, дѣлаясь козаками, не хотѣли платить ничего съ тѣхъ земель, на которыхъ были населены. Напрасно полковникъ Нечай жаловался и ссылался на приказанія гетмана Богдана Хмельницкаго и Выговскаго, которые запрещали ему выводить козаковъ. »Война наступаетъ« — представлялъ онъ, — »козаки нужны будутъ; нельзя выгонять и бить людей заслуженныхъ, которые и раны терпѣли и въ осадахъ сидѣли.« 27 августа, Нечай отправилъ къ царю жалобу на воеводъ мстиславскаго, оршанскаго, борисовскаго, шкловскаго, копыльскаго, минскаго. »Воеводы«, писалъ онъ, »отнимаютъ у насъ деревни, съ которыхъ мы могли бы имѣть хлѣбъ себѣ; подданныхъ вашего царскаго величества, козаковъ моихъ, выгоняютъ насильно изъ домовъ, требуютъ съ нихъ какъ

съ мужиковъ податей, рѣжутъ имъ чупри́ны, бьютъ кнутами и грабятъ; и еслибъ подробно все противное намъ описывать, то много времени было бы потребно«. Полковникъ приписысалъ такіе поступки наущенію шляхтичей, которые желаютъ всячески вывести козачество изъ Литвы. Онъ писалъ: »какъ волкъ выкормленный все въ лѣсъ смотритъ, такъ и шляхта въ Польшу. Шляхтичи передаютъ секреты польскому королю, и оттого польскій король все знаетъ и готовится воевать на ваше царское величество, заключаетъ договоръ съ цесаремъ и крымскимъ ханомъ; и вотъ, по наговору этихъ хитрыхъ лисицъ, измѣнники воеводы теперь меня и товарищество мое преслѣдуютъ, какъ непріятелей«. Въ особенности жаловался онъ на боярина Василія Шереметьева; »козакомъ беретъ и сажаетъ въ тюрьму, а другихъ дѣваетъ невѣсть гдѣ«, говоритъ о немъ Нечай.

Ожиданіе прихода Трубецкаго и ратныхъ людей произвело смятеніе. Полковники писали объ этомъ по сотнямъ; начали собираться на рады, толковать; на лѣвой сторонѣ Днѣпра, миргородскій полковникъ Лѣсницкій разсылалъ по сотнямъ своего полка такого рода извѣстіе: »Мы присягали его царскому величеству, чтобъ намъ по обычаю быть на своихъ вольныхъ правахъ въ Запорожскомъ Войскѣ, и были мы вѣрны въ подданствѣ его царскаго величества по смерть гетмана Богдана Хмельницкаго; а теперь идетъ на насъ боярин царскій князь Трубецкой съ войскомъ да князь Ромодановскій съ ратными людьми; и вамъ приказано давать имъ живность беззаборонно; хотятъ учинить на Украинѣ по городамъ воеводъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Умани и по всѣмъ другимъ, чтобъ вездѣ имъ давали живность, и будутъ брать на государя всѣ тѣ подати, что народъ платилъ когда-то польскимъ панамъ; а козацкаго войска только и останется, что въ Запорожьѣ десять тысячъ, и они будутъ получать изъ нашихъ доходовъ жалованье отъ *орандъ* и мельницъ; а больше уже и не будетъ войска, а станутъ всѣ — мѣщане и хлопы; а кто не захочетъ быть мѣщаниномъ или хлопомъ, тотъ будетъ въ драгунахъ и солдатахъ. Крымскій же ханъ присылаетъ къ намъ и проситъ, чтобъ мы по прежнему были съ нимъ въ дружбѣ. И отъ насъ не требуетъ никакихъ поборовъ...«

Бросивши волненіе въ массу народа, полковникъ чрезъ нѣсколько дней разсылалъ другія приказанія: чтобъ козаки не тревожились. И такъ одинъ разъ онъ въ народѣ возбуждалъ опасеніе, въ другой разъ обращалъ народное раздумье къ догадкѣ, что это опасеніе напрасно. Такимъ образомъ Лѣсницкій держалъ народъ въ недоумѣніи, чтобъ тѣмъ удобнѣе управлять имъ и повести, когда нужно будетъ, къ своей цѣли.

Другіе полковники за Днѣпромъ также волновали народъ такими вѣстями. За Днѣпромъ отзывалось болѣе намѣренія защищать свои права, и заднѣпровскіе полковники разсылали на лѣвую сторону универсалы, въ которыхъ писали: »мы, заднѣпровскіе козаки, не привыкли къ неволѣ, и не хотимъ ее. А если вы поддадитесь царскому изволенію, такъ мы съ Татарами на васъ войною пойдемъ. »Великій государь« , говорилъ миргородскій полковникъ одному великороссіянину,— »не устоялъ въ прежнемъ договорѣ; панъ гетманъ Выговскій и мы, старшины, царскому величеству воли своей не уступимъ; не хотимъ воеводъ царскихъ и отступимъ отъ царя; крымскій царь за насъ пойдетъ,—мы будемъ слыть его подданными; а податей никакихъ не будемъ платить.«

Противники московскаго владычества толковали народу: »вотъ, какъ возмутъ васъ царь и москва въ руки, тогда и кабаки введутъ, горілки и меду нельзя будетъ дѣлать всякому и въ сапогахъ чо́рныхъ не прикажутъ ходить, и суконныхъ кафтановъ носитъ не вольно будетъ; поповъ своихъ нашлютъ, митрополита въ Кіевѣ своего поставятъ, а нашего въ Московщину возмутъ, да и весь народъ туда же погонятъ, а останется тысячъ десять козаковъ, да и тѣ на Запорожьѣ; а тѣ, что́ въ городахъ будутъ, тѣ службу станутъ держать подъ капитанами.«

Распустивъ по сотнямъ вѣсти, миргородскій полковникъ надѣялся, что народъ этимъ слухомъ достаточно настроенъ, и приказалъ собраться въ Миргородѣ на полковую раду всѣмъ сотникамъ и атаманамъ своего полка, и изъ каждаго города и мѣстечка по пяти человѣкъ выборныхъ.

Полковникъ сталъ имъ читать пункты, гдѣ были изложены показанныя выше предположенія о перемѣнахъ. Чтобъ раздражить еще болѣе народные интересы, полковникъ читалъ имъ между прочимъ, что государь приказываетъ сбирать со всѣхъ хозяевъ десятину.

»Хотите поддаться крымскому хану или Ляхамъ?« сказалъ онъ послѣ этого.

Но козаки — говоритъ одинъ изъ простаго народа, тамъ бывшаго,— сейчасъ догадались, что эти пункты не правые, и сказали: а мы что́ сдѣлаемъ безъ черни? Тогда полковникъ роздалъ каждому сотнику и атаману экземпляръ возбудительнаго писанія, велѣлъ собрать рады и прочитать простому народу. Вездѣ по селамъ чтеніе это произвело совсѣмъ другое впечатлѣніе, нежели какого ожидали; козаки говорили: »мы хотимъ служить великому государю и за нимъ жить, а ни къ крымскому хану, ни къ Ляхамъ не пойдемъ,—мы государскіе. Куда намъ великій государь укажетъ, туда всѣ пойдемъ. »Такіе отвѣты послѣдовали изо всѣхъ со-

тень. Нѣкоторые сотники и атаманы оповѣщали простымъ козакамъ, что гетманъ приказывалъ имъ свинецъ и пульки наготовить, въ походъ за Днѣпръ пойдутъ. — »Мы за Днѣпръ не пойдемъ по приказу гетмана; а послушаемъ и пойдемъ, когда царскій указъ будетъ.«

Услыша о неблагопріятномъ для его цѣлей настроеніи народнаго духа, миргородскій полковникъ собралъ снова раду и отдавалъ свое полковничество, и положилъ булаву. Сотники и отаманы и есаулы начали его уговаривать, чтобъ онъ оставался, и полковникъ, какъ будто нехотя, уступая волѣ народной, взялъ опять свой знакъ. Но этотъ обычный маневръ козацкій вовсе не такъ подѣйствовалъ на чернь, какъ на чиновныхъ лицъ; стоя кругомъ полковника, чернь бранила его матерно, а полковникъ слушалъ и притворялся, что не слышитъ, но видѣлъ ясно, что народъ его ненавидитъ. Присылкою бояръ и уничтоженіемъ козацкаго правленія трудно было тогда испугать народъ. »Мы« — говорилъ московскому послу лубенскій войтъ Котляръ — »рады будемъ, когда придутъ къ намъ воеводы съ ратными людьми; а гетмана мы всѣ недолюбливаемъ; и мы и мѣщанство и чернь заодно; вотъ будетъ ярмарка объ Николинѣ днѣ, и мы станемъ совѣтовать съ своею братіею, чтобъ намъ послать къ государю бить челомъ о воеводахъ, чтобы у насъ были царскаго величества воеводы.«

Тогда въ Москву стали являться изъ Украины письма, объяснявшія, въ чемъ состоитъ народное желаніе. Протопопъ Филимоновъ переписывался секретно съ бояриномъ Ртищевымъ и сообщалъ ему о состояніи умовъ въ Украинѣ.

»Какъ только прослышали мы, — писалъ онъ, — что прійдетъ сюда князь Алексѣй Трубецкой съ товарищами на государя праведнаго сей край отбирать и постановить государевы власти, то всѣ меньшіе стали очень радоваться этому и вся чернь обрадовалась, желая, чтобъ уже мы имѣли единаго государя, до кого мы бы могли прибѣгать. Правда, отчасти опасаются, чтобъ воеводы не нарушили здѣшнихъ обычаевъ и правилъ, какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ строеніи, и чтобъ отсюда насильствомъ въ Московщину людей не гнали; но мы ихъ обнадеживаемъ, что государь царь и великій князь ничего этого не хочетъ. И я, доброхотъ государевъ, желаю отъ сердца, чтобъ ужъ мы знали государя праведнаго себѣ за совершеннаго государя и его полную власть надъ собою; и многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ того хотятъ, а не хотятъ этого гетманъ да полковники да старшины; и это дѣлаютъ они для своего лакомства: они бы рады были одни пановать и тѣшиться своимъ самовла-

стіемъ, ибо уже разлакомились въ господствѣ своемъ, и не хочется имъ его потерять. Сказываютъ о войсковой казнѣ, а войско ея и не знаетъ; только и знаютъ о ней, что одинъ или два человѣка старшинъ, а войску изъ ней заплаты нѣтъ. Того ради изволь твоя милость вступиться предъ его царскимъ величествомъ, чтобы непремѣнно государь прислалъ воеводъ и взялъ на себя всѣ наши города; въ Украинѣ никто не станетъ противиться. Это будетъ добро, а мы будемъ всячески къ тому людей приводить.«

Филимоновъ переслалъ это письмо черезъ другого священника Василія, который тогда хлопоталъ о мѣстѣ для себя въ кіевскомъ софійскомъ соборѣ. Тоже писалъ къ Татищеву изъ Чернигова другой духовный, архимандритъ черниговскаго монастыря Иванъ Мещериновъ; онъ давалъ совѣты ввести въ Украинѣ кабаки и вѣрныхъ головъ и воеводъ.

»Мы слышали, — выражался онъ, — что имѣетъ быть къ намъ князь Трубецкой. Какъ бы скорѣе конецъ былъ съ панами, нашими начальными! всѣ мы сего ждемъ, а я желаю, чтобъ единаго небеснаго Христа царя имѣючи, и единаго царя православнаго имѣли; дай же намъ, Христе царю, того дождати!«

Съ своей стороны, Запорожье интриговало противъ Выговскаго. Туда убѣгали изъ Украины толпы простого народа. Кто для промысловъ, а кто промотается и пропьется — и тотъ бѣжалъ въ Запорожье, покинувъ семью свою; и такіе-то составляли оппозицію Выговскому. Главою ихъ былъ Яковъ Барабашъ. Имъ на́ руку была народная молва, что царь хочетъ оставить въ одномъ Запорожьѣ только десять тысячь; они-то и думали, вѣроятно, сдѣлаться этими привиллегированными остатками. Барабашъ отправилъ въ Москву посланцами Самойла, Михайла Иванова, Степана Дьякова да Семена Остапенка.

Это была депутація отъ простого народа, показывавшая московскому правительству, что простонародье хочетъ не того, чего старшины. Она жаловалась на старшинъ, что имъ не даютъ ловить рыбу, держать вино, берутъ поборы и наживаются сами, а простымъ не даютъ жалованья; доносили на Выговскаго, что онъ сносится съ Поляками, съ ханомъ, съ шведскимъ королемъ. Запорожцы представляли, что гетманъ избранъ неправильно, безъ участія Запорожцевъ; что онъ самъ не Запорожецъ, а Полякъ, и жена у него шляхтянка; что хоть Хмельницкій и сдѣлалъ его писаремъ, но ни онъ, ни жена его не хотятъ добра Запорожью; что радѣ слѣдуетъ быть на Запорожьѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Лубнахъ;

послѣднее мѣсто нравилось имъ оттого, что бѣглецы изъ того края составляли въ то самое время зерно запорожской вольницы.

Въ заключеніе они просили, чтобъ въ Украину ввести воеводъ и московское управленіе. »Вся наша чернь и мѣщане этого желаютъ«, говорили они, »да козацкая старшина недопускаетъ ради своей корысти.« Посольство изъ Запорожья отправили Запорожскіе старшины, а толпа неистово порывалась итти на города и шарпать имѣнія знатныхъ и богатыхъ. Выговскій, услышавъ объ этомъ, собирался съ своей стороны итти съ городовыми козаками усмирять Запорожье и приказалъ разставить караулы (заставы), чтобъ перенять запорожскихъ посланцевъ, когда они будутъ возвращаться изъ Москвы, — да еще не велѣлъ торговцамъ возить въ Запорожье порохъ, свинецъ и припасы, чтобъ край этотъ отрѣзать отъ Украины и лишить продовольствія. Въ то же время Выговскій отправилъ письмо къ боярину Морозову, умолялъ его ходатайствовать предъ царемъ, чтобъ доносы враговъ не получили успѣха, и просилъ задержать посланцевъ. »Пусть бы, государь«, писалъ онъ, »покаралъ ихъ по своему премудрому разуму; ибо они, своевольники, только о суетной своей волѣ помышляютъ, не радѣютъ о вѣрѣ и о прислугѣ его царскому величеству; нѣтъ у нихъ ни женъ, ни дѣтей, ни пожитковъ, ни добычи, только на чужое добро дерзаютъ, чтобъ ѣсть имъ да пить да въ карты играть да всякія безчинства Богу и людямъ чинить; а мы за вѣру православную и за достоинство государя, при женахъ и дѣтяхъ и маетностяхъ нашихъ, всегда умирать готовы.«—

Барабашенко, отправивъ уже посольство и роя подъ Выговскимъ яму, послалъ къ нему письмо, увѣрялъ въ своемъ расположеніи и покорности и возбуждалъ неудовольствіе гетмана на толпу повѣсъ, пришлецовъ изъ Украины. »Тѣ, которые поднимали бунтъ«, писалъ онъ, »пришли изъ миргородскаго повѣта. Часть ихъ уже повязана, да у половины у нихъ ни самопала, ни корма, ни одежишки не спрашивай, а мы сверстные козаки́ зимовчаки́ ихъ не послушали; и въ мысли у насъ не было, чтобъ итти на города грабить.«

Въ такомъ положеніи было общее настроеніе умовъ, когда прибылъ въ Москву Миневскій съ товарищемъ. Въ распросахъ, которые ему дѣлали бояре, онъ отъ имени Выговскаго чернилъ всячески Лѣсницкаго, указывалъ, что этотъ-то полковникъ даетъ поводъ ко всѣмъ волненіямъ, потому что ему хотѣлось булавы, но онъ ея не получилъ, и теперь вотъ онъ наущаетъ народъ къ неповиновенью и возбуждаетъ чернь противъ царской власти: распустилъ слухъ, будто царь прислалъ князя Трубецкаго съ

тѣмъ, чтобы вездѣ по городамъ поставить войско и уничтожить козацкія вольности. Бояре объяснили ему, что у его царскаго величества и въ мысли не было, чтобы ломать права и вольности ихъ, и приписывали такіе выдумки наущенію враговъ. Посланцы старались выставить въ благопріятномъ свѣтѣ сношенія Выговскаго со Шведами и Поляками и откровенно объявляли, что польскіе послы пріѣзжаютъ для того, чтобъ склонить козаковъ къ измѣнѣ царю, и увѣряли, что не успѣть имъ въ этомъ. Запорожскіе посланцы были тогда въ Москвѣ; выслушавши отъ нихъ доносъ, бояре стали вывѣдывать отъ посланцевъ Выговскаго, были ли Запорожцы на радѣ? На это Миневскій отвѣчалъ, что не были; но въ самомъ Запорожьѣ народъ въ то время состоялъ изъ козаковъ разныхъ полковъ городовыхъ, а изъ этихъ полковъ на радѣ были и старшины и выборные козаки. »На Запорожьѣ« , объясняли они, »людей вовсе немного, всего тысячь пять, и тѣ не живутъ тамъ постоянно; одни изъ городовъ приходятъ, другіе уходятъ назадъ.«

Посланцы доказывали, что Запорожье не есть что-нибудь особое, а часть того же войска.

»Мы не чаемъ бунта« , говорили они, »потому что Ивана Выговскаго выбрали цѣлымъ Войскомъ; а лучше было бы учинить такъ, чтобы великій государь изволилъ послать кого укажетъ въ войско, чтобъ собрать полковниковъ и сотниковъ и всю городовую чернь вновь на большую раду; кого на этой радѣ выберутъ, тотъ будетъ и проченъ; а гетманъ самъ желаетъ этого; и если кого иного выберутъ, Иванъ Выговскій о томъ не оскорбляется.«

— »А прежніе гетманы гдѣ выбирались?« спрашивали бояре, слышавшіе предъ тѣмъ отъ запорожскихъ посланцевъ, что они выбирались на Запорожьѣ. »Гдѣ Богданъ Хмельницкій выбранъ?«

»На Запорожьѣ прежніе гетманы выбирались« , сказалъ Миневскій, »и Богданъ выбранъ на Запорожьѣ и Запорожанинъ былъ.«

Бояре замотали себѣ на усъ, что Миневскій говорилъ въ-одно съ Запорожцами, и это доставляло оправданіе послѣднимъ во мнѣніи бояръ.

Посланцы Выговскаго были отправлены съ честію, съ жалованною грамотою, составленною буквально по образцу данной Богдану Хмельницкому, и съ письменнымъ милостивымъ словомъ царскимъ ко всему Войску, гдѣ сказано, что такъ-какъ козаки обѣщаются служить вѣрою и правдою его царскому величеству, то и великій государь вѣрныхъ подданныхъ, православныхъ христіанъ, будетъ держать въ вольностяхъ безъ

всякаго умаленія; а на подтвержденіе новоизбраннаго гетмана и для принятія отъ него присяги на вѣрность пошлется бояринъ Хитрово.

Въ то время, какъ эти посланцы были еще въ Москвѣ, Выговскаго уже посѣтилъ одинъ московскій гонецъ, стряпчій Рагозинъ. Онъ посланъ былъ въ Украину подъ предлогомъ извѣстить гетмана о дарованіи отъ Бога радости царскому семейству рожденіемъ царевны Софіи, но въ самомъ дѣлѣ у него былъ наказъ — провѣдывать, что́ дѣлается на Украинѣ, и любятъ ли и желаютъ Выговскаго? По всей дорогѣ, отъ московской границы до Чигирина и обратно до московской границы, простые люди, проводники и подводчики, въ одинъ голосъ, какъ будто бы сговорившись, утверждали, что Выговскаго недолюбливаетъ народъ. Въ Чигиринѣ говорили ему, что Выговскаго выбрали одни старшины, чернь его не желаетъ, а хочетъ Хмельниченка; но на лѣвой сторонѣ Днѣпра не вспоминали и Хмельниченка.

»Вотъ, сказываютъ«, говорили поселяне Рагозину, »будто бояре и воеводы съ ратными московскими людьми придутъ къ намъ, а мы этому и рады.«

Такъ, съ одной стороны, Выговскому и его партіи представлялся поводъ къ подозрѣніямъ и непріятнымъ ожиданіямъ перемѣнъ отъ царя, а съ другой — московскому правительству приходили вѣсти, что народъ не любитъ новоизбраннаго правителя, что народъ расходится съ нимъ и съ его партіею въ желаніяхъ, что Выговскій и значные—тайные недоброжелатели Москвы. Запорожцы поймали посланцевъ Выговскаго, отправленныхъ въ Крымъ, перехватили письма гетмана къ хану; по извѣстію современника Поляка, самыхъ посланцевъ утопили, а письма отправили въ Москву съ своимъ посломъ. Они доносили, между прочимъ, что къ Выговскому ѣздилъ какой-то ложный монахъ Данило, французъ родомъ, который ведетъ тайныя сношенія и подстрекаетъ его къ отпаденію отъ Московщины, старались растолковать письма гетмана къ хану такъ, что гетманъ съ ханомъ и Поляками хочетъ итти войною на Московщину.

Явился Выговскому сильнѣйшій врагъ, который образовалъ около себя центръ недовольной партіи, полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь; пользуясь разстройствомъ народнаго смысла, недовольствомъ черни противъ значныхъ, Пушкарь надѣялся сдѣлаться самъ гетманомъ, свергнувши Выговскаго, созвалъ у себя раду, и объявилъ на ней, что Выговскій измѣнникъ, сносится съ Поляками, Крымцами, думаетъ измѣнить царю.

Вмѣстѣ съ запорожскими гонцами онъ отправилъ въ Москву и сво-

его атамана, Стринджу, съ товарищами; они повезли доносъ, что гетманъ измѣнникъ, сносится съ Ордою и Поляками. Рѣшившись въ то же время дѣйствовать оружіемъ, Пушкарь отправилъ къ Запорожцамъ просьбу помогать ему противъ Выговскаго: шестьсотъ молодцовъ отправилось къ Пушкарю подъ начальствомъ атамана Якова Барабаша (1). Но главная сила Пушкаря состояла въ народѣ. Полтавскій полковникъ, чтобъ вредить своему врагу, постоянно призывалъ козаковать посполитыхъ, стремившихся къ уравненію правъ своихъ съ козаками. Ненависть, прежде обращенная на польскихъ пановъ, теперь готова была съ тѣмъ же неистовствомъ обратиться на единоземцевъ, которымъ болѣе другихъ послужило житейское счастіе. Призывы Пушкаря подѣйствовали на бездомовныхъ и безземельныхъ: такихъ было множество въ Украинѣ отъ разореній, смутъ и отвычки къ работамъ во время безпрерывныхъ войнъ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ Пушкарю работники изъ винокурень и пивоварень, — а винокурни и пивоварни тогда находились чуть не въ каждомъ зажиточномъ домѣ, — сбѣгались пастухи, наймиты; не имѣвшіе своего угла и жившіе изъ куска хлѣба у богатыхъ теперь бѣжали козаковать — въ надеждѣ отомстить за побои хозяевамъ и присвоить ихъ имущества, для того, чтобъ пропить и промотать награбленное въ нѣсколько дней; все, что носило названіе *голо́ты* (т. е. голи, голяковъ), являлось подъ знамена Пушкаря. Они шли безъ лошадей, безъ оружія, нерѣдко безъ одежды и обуви, въ лохмотьяхъ, съ рогатинами, дубинами, косами и, по замѣчанію лѣтописца, съ сердцами, готовыми на убійства и грабежи (2).

Пушкарь составилъ изъ нихъ пѣхотный полкъ: они назывались *дейнѐками*, (т. е., можетъ быть, *де-не-які*, кой-какіе), и въ короткое время у Полтавскаго полковника было, какъ думали, до двадцати тысячъ.... (3) и съ каждымъ днемъ партія его увеличивалась; окрестности Гадяча, Зинькова, Ромна, Миргорода, возмутились; поспольство обращалось въ козаковъ.

Выговскій побѣжалъ въ Гадячъ, захватилъ на мѣстѣ нѣсколько возмутителей народа противъ гетманской власти и казнилъ смертію; потомъ отправилъ гадячскаго *намисныка* Тимоша въ Полтаву и ласково просилъ Пушкаря оставить свои враждебныя намѣренія и предлагалъ миръ.

---

(1) Лѣтоп. Величка, I. 317.
(2) Лѣтоп. Величка, I. 328.
(3) Кратк. повѣст. о Коз. Мал. Нар. 83.

»Чи не такъ«, сказалъ Пушкарь, »Виго́вський хо́че мене́ зъ собо́ю погоди́ти, якъ погоди́въ въ Га́дячомъ бра́ттю на́шу, лу́ччихъ одъ се́бе това́ришівъ Війська Запоро́зского, поутина́вши імъ го́лови?... але́ не дiжде сёго́!«

Приказалъ Пушкарь оковать Тимоша и отослалъ его къ воеводѣ московскаго царя, Колонтаеву, своему пріятелю, въ Каменное (1).

Тогда Выговскій рѣшился успокоить Пушкаря оружіемъ и послалъ противъ него два полка: нѣжинскій и стародубскій. Но на пути простые козаки взволновались, отказывались подымать руки на братьевъ и разошлись.

Выговскій увидѣлъ, что на козаковъ плоха надежда въ междоусобной войнѣ. Но бурная эпоха Хмельницкаго привлекла въ Украину толпы иноземцевъ: у гетмана были *затяжные* полки (*затя́зці*, наемные): въ нихъ были Сербы, Волохи, Поляки, Нѣмцы. 25 генваря 1658 года, гетманъ послалъ противъ соперника отрядъ Сербовъ, подъ начальствомъ Ивана Серби́на, и Малороссіянъ, подъ предводительствомъ Богуна. Они должны были напасть на Полтаву въ расплохъ и схватить Пушкаря.

Отъ скорости зависѣлъ успѣхъ. Сербы прошли удачно и быстро до Полтавы, но подъ самымъ городомъ сбились съ зимней дороги, и промедлили день. Въ Полтавѣ узнали объ нихъ, и 27 генваря Барабашъ съ Запорожцами напалъ на нихъ во время обѣда при урочищѣ Жуковомъ-Байракѣ. Триста человѣкъ легло на мѣстѣ, не успѣвши схватиться за оружіе. Остальные не пошли впередъ и убѣжали. Многіе попались въ плѣнъ и были отосланы къ московскому воеводѣ, пріятелю Пушкаря. Лѣсницкій, узнавъ о несчастіи, дѣлалъ кличь по всему миргородскому полку, призывалъ спѣшить противъ бунтовщика Пушкаря, но многіе миргородцы переходили на сторону враговъ (2).

Въ это время уже совершился выборъ митрополита. Новоизбранный архипастырь, Діонисій Балабанъ, сторонникъ Выговскаго, написалъ къ Пушкарю увѣщательное письмо и грозилъ церковнымъ проклятіемъ за непослушаніе гетману.

»Хотя ваша святительская милость«, отвѣчалъ Пушкарь, »и возложили свое благословеніе на Ивана Выговскаго, но Войско Запорожское не признаетъ его гетманомъ. Когда будетъ полная рада, на которой вся чернь Украинская единомысленно съ чернью Войска Запорожскаго изберутъ его гетманомъ, тогда и я признаю его. А ваше архипастырское неблагосло-

---

(1) Лѣтоп. Величка, I. 325. — (2) Лѣтоп. Величка, I. 325.

веніе извольте возлагать на кого-нибудь такого, кто не желаетъ добра его царскому величеству и ищетъ невѣрныхъ царей; мы же почитаемъ царемъ одного царя православнаго (1).«

Пушкарь выступилъ изъ Полтавы и дейнѣки повсюду грабили зажиточныхъ и опустошали ихъ имѣнія. Этотъ походъ увеличивалъ войско Пушкаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздражалъ всѣхъ имѣвшихъ собственность.

Но въ то время, когда такое волненіе поднялось въ восточной части Украины, прибылъ Хитрово. Еще онъ былъ въ дорогѣ, а уже козацкіе старшины сильно тревожились. Посланники Выговскаго, возвратившись къ гетману, извѣщали, что царскій посолъ ѣдетъ собирать новую раду для новаго избранія. Опасались, чтобъ противная Выговскому партія не взяла верхъ и не избранъ былъ другой гетманъ; это значило уступить свои свободныя сословныя права произволу самодержавной власти; тогда показали бы примѣръ, что вольное избраніе ничего не значитъ. Вопросъ о воеводахъ и великорусскихъ войскахъ въ Украинѣ долженъ былъ разрѣшиться съ пріѣздомъ боярина. Зловѣщіе слухи объ уничтоженіи козаковъ должны были съ нимъ или оправдаться, или обличиться. Страшная для всѣхъ гроза примирила всякія несогласія; гетманъ и Григорій Лѣсницкій стали друзьями. Многіе готовились стать грудью за Выговскаго, не изъ любви къ нему, а потому, что съ нимъ вмѣстѣ должны были защищать самихъ себя и все свое сословіе.

V.

17 генваря, Хитрово пріѣхалъ въ Лубны; и отъ гетмана и старшинъ явился посланецъ съ письмомъ просить, чтобъ рада была не въ Переяславѣ, а въ иномъ мѣстѣ. Бояринъ подарилъ гонцу пару соболей да пять рублей денегъ и сказалъ ему: »это тебѣ за то, чтобъ, пріѣхавши къ гетману, наговаривалъ его ѣхать на раду въ Переяславъ, а не въ иное мѣсто.«

25 генваря прибылъ Хитрово въ Переяславъ и остановился въ домѣ какого-то Грека Ивана, а 30-го получилъ извѣщеніе, что гетманъ пріѣдетъ на раду. Выговскій былъ предъ тѣмъ въ Миргородѣ вмѣстѣ съ Лѣсницкимъ. Еще не было рады, не порѣшили дѣлъ съ Хитрово, а ужъ путивльскій воевода спрашивалъ Выговскаго, когда онъ поѣдетъ въ Мос-

(1) Истор. М. Росс. II. прим. 12.

кву. Выговскій обѣщалъ ѣхать какъ только утишится волненіе и кончится дѣло, по которому пріѣхалъ бояринъ Хитрово.

Собрались съ Переяславъ полковники. Прибылъ гетманъ. Старшина роптала. Выговскій не показывалъ охоты начальствовать. Онъ говорилъ старшинамъ такъ: »Москаль ни во что считаетъ выборы по нашимъ стародавнимъ правамъ, и хочетъ, чтобъ у козаковъ гетманы были не выборные, не изъ нашего народа. Они думаютъ навязать намъ какого нибудь своего бородача. Если вы теперь это допустите, то навѣки потеряете права и вольности; не поддавайтесь Москалю, не позволяйте себѣ давать гетмана, выбирайте вольными голосами, какъ прежде всегда въ старину бывало.«

На раду прибылъ и новоизбранный митрополитъ Діонисій и знатное духовенство. Рада произошла въ одинъ изъ первыхъ дней февраля. Прибылъ въ собраніе бояринъ; Выговскій не явился; вмѣсто его выступилъ монахъ Петроній и сказалъ:

»Пано́ве рада! Приказалъ вамъ Выговскій сказать, что онъ отказывается отъ булавы, которую ему дала рада; онъ увидѣлъ къ себѣ неблаговоленіе его царскаго величества, да притомъ и въ Войскѣ много у него недоброжелателей. Пусть бояринъ назначитъ вамъ гетмана, кого пожелаетъ, а Выговскій, утомленный долгими трудами и видя на себѣ отовсюду гоненія, желаетъ остатокъ дней своихъ посвятить Богу въ монастырѣ.«

Съ негодованіемъ выслушали козаки оффиціальный отказъ своего гетмана. Они были научены заранѣе, будто отъ Выговскаго требуетъ этого бояринъ.

Одинъ смѣльчакъ такъ говорилъ:

»А бода́й того́ ніхто́ не діжда́въ, щобъ Вигóвського зъ булави́ запоро́зькоі зки́нули; ані царе́ві, ані тобі, воево́до, козаки́ нічо́го не зді́лали, щобъ ви пра́во на́ше коза́цьке — обіра́ти гетьма́на — у насъ ви́дерли; Вигóвський го́лову сма́живъ, насъ зъ тяжкóі невóлі ля́дськоі визволя́ючи; всі при німъ умира́ти, изъ нимъ жи́ти гото́вісьмо; то вся Украіна: полковники́, осау́ли, отама́ни, сотники́ и чернь, поприсяга́емо!«

»Зго́да! зго́да!« раздалось множество голосовъ.

»Все«, говорилъ какой-то полковникъ, »все, що́ царь и ти, боя́рине, намъ ска́жешъ, ми учи́нимо, а зъ рукъ у се́бе обіра́ння гетьма́на ви́дерти не дамо́: на те постріли ра́ни й лю́ту сме́рть у битва́хъ зъ вороґа́ми одва́жно терпимо́, щобъ дослужи́ти сла́ви й че́сти въ на́шімъ коза́цькімъ наро́ді!«

—»Если такъ, паны рада«, сказалъ бояринъ: »если вы желаете, чтобъ Выговскій былъ у васъ гетманомъ, то пусть будетъ по вашей волѣ и по вашимъ старымъ обычаямъ, съ тѣмъ, чтобы новый гетманъ присягнулъ передъ крестомъ и евангеліемъ, что не будетъ сноситься съ царскими врагами, а Поляковъ будетъ считать непріятелями, если они не выберутъ на престолъ его царское величество, и противъ Турковъ и иныхъ, кто будетъ его царскому величеству непріятелемъ, будетъ съ козаками биться; а потомъ пусть отправляется въ Москву видѣть свѣтлыя очи его царскаго величества (1).«

Полковники увѣряли боярина, что Выговскій всегда былъ и будетъ вѣренъ царю. Тогда разрѣшилось наконецъ загадочное дѣло о воеводахъ. Воевода изложилъ прежнее состояніе Украины, когда въ ней не было крѣпостей, и польскіе люди, соединяясь съ Крымцами, приходили войною и опустошали города и мѣстечки; припомнилъ, какъ государь присылалъ своихъ ратныхъ людей для защиты края и велѣлъ устроить въ Кіевѣ крѣпость, и сами козаки хвалили это.

»И теперь«, говорилъ бояринъ, »великій государь, желая по христіанству, чтобъ было все Войско Запорожское въ осторожности и въ безстрашіи отъ внезапнаго прихода непріятеля, изволилъ учредить своихъ воеводъ и ратныхъ людей въ знатныхъ городахъ Малой Россіи: въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ, въ Переяславлѣ и въ другихъ, гдѣ будетъ пристойно, также какъ въ Кіевѣ, для вашей обороны. Воеводы и ратные люди будутъ укрѣплять города и устроивать осады, а въ городахъ и мѣстечкахъ будутъ вѣдать козаковъ и чинить между ними расправу полковники и войты и бурмистры — по вашимъ правамъ; а осадныхъ людей въ городахъ будутъ судить и расправу чинить надъ ними — воеводы, только также по вашимъ правамъ. Тѣ поборы, которые сбирались у васъ — *подымное* и съ *орандъ*, будутъ сбираться въ оныхъ городахъ въ войсковую казну и даваться на жалованье Запорожскому Войску и на царскихъ ратныхъ людей, которые будутъ съ воеводами, да на войсковые расходы.«

Бояринъ доказывалъ, что такое устройство принесетъ большую пользу всему краю. »Тогда«, говорилъ онъ, »если непріятели и наступятъ на города Малой Россіи, то Войско Запорожское надежно будетъ стоять противъ нихъ; въ городахъ въ то время будутъ для береженья воеводы и ратные люди и не дадутъ непріятелю пустошить городовъ и уѣздовъ;

(1) Hist. panow. Jana Kaz. II, 327. Annal. Polon. Climact. II. 272.

а сверхъ того, на то время войску будетъ заплата, когда оно пойдетъ противъ непріятеля, не будетъ никакой нужды, и вамъ всѣмъ будетъ охотнѣе служить: будете знать, что домы ваши цѣлы и не разорены: воеводы берегутъ.«

Простые козаки должны были видѣть въ этомъ свою выгоду. Но эти нововведенія парализовали власть старшинъ, потому что отнимали у нихъ распоряженіе доходами, которые они собирали какъ хотѣли и употребляли въ свою пользу. Приходилось согласиться на требованіе боярина. Постановили быть воеводамъ въ малороссійскихъ городахъ.

»Но въ которыхъ именно городахъ«, сказалъ Выговскій, »надобно быть воеводамъ, я самъ доложу о томъ великому государю, царскому пресвѣтлому величеству, когда, Богъ дастъ, буду оглядать его царскія пресвѣтлыя очи и принесу вѣчное свое подданство.«

Посолъ требовалъ, чтобъ козаки, водворившіеся въ литовской землѣ, именно въ Старомъ Быховѣ и Чаусахъ, были выведены оттуда, и пашенные крестьяне, вступавшіе самовольно въ козацкое званіе, были обращены въ прежнее состояніе; московское правительство считало Литовское Великое Княжество уже своимъ завоеваннымъ достояніемъ, размѣстило своихъ воеводъ по городамъ и приписало къ нимъ повѣты. Находили, что Быховъ принадлежалъ къ оршанскому, а Чаусы къ могилевскому повѣтамъ, и слѣдовательно этими городами должны начальствовать воеводы, помѣщенные въ Оршѣ и Могилевѣ. Полковникъ козацкій долженъ выйти прочь, и въ Литвѣ не слѣдуетъ быть козачеству.

Приходилось радѣ безропотно согласиться и на это требованіе, а оно также сильно щекотало козацкій патріотизмъ и внушало опасеніе за будущее: если московское правительство теперь по своей волѣ уничтожало козачество въ одномъ изъ краевъ, гдѣ козачество уже завелось, то могло впослѣдствіи уничтожить его и въ другихъ мѣстахъ, и такъ постепенно обрѣзывать территорію, какую козачество успѣло занять во время войнъ съ Поляками. Бояринъ давалъ знать, что правительство не хочетъ слишкомъ сильнаго разширенія козачества и признаетъ его вреднымъ для гражданскаго порядка. Бояринъ жаловался, что изъ сосѣднихъ краевъ Великороссіи, изъ уѣздовъ: брянскаго, карачевскаго, рыльскаго, путивльскаго, крестьяне, живущіе въ имѣніяхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, и холопы бѣгаютъ въ Малороссію, потомъ приходятъ оттуда на прежнее жительство толпами, подговариваютъ къ побѣгу съ собой другихъ крестьянъ и холоповъ, и нерѣдко отмщаютъ своимъ господамъ, если прежде были ими недовольны: набѣгаютъ на ихъ домы—сожигаютъ

ихъ, убиваютъ хозяевъ и ихъ семейства; иногда они запирали господъ въ домахъ и закапывали дома со всѣхъ сторонъ землею, и такъ оставляли жильцовъ умирать взаперти голодною смертію. Ясно было, что козачество, которое возникло изъ возстанія простаго народа противъ владѣльцевъ, было искушеніемъ для сосѣдняго великороссійскаго простонародья.

»О всѣхъ тѣхъ людяхъ,« отвѣчалъ Выговскій, »мы сдѣлаемъ розыскъ, и всякій полковникъ и урядникъ подвергнется наказанію, если не будетъ поступать согласно нашему приказанію.«

—»Великому государю учинилось вѣдомо,« сказалъ бояринъ, »что въ Запорожское Войско не однажды пріѣзжалъ старецъ Данило, родомъ изъ французской земли; но онъ на самомъ дѣлѣ не старецъ, и теперь уже скинулъ съ себя черпеческое платье, и ходитъ въ мірскомъ; онъ пріѣзжалъ сюда отъ шведскаго короля лазутчикомъ и чинитъ ссору въ Запорожскомъ Войскѣ; и потому, какъ только онъ пріѣдетъ, вели, гетманъ, задержать его и отписать объ немъ его царскому величеству.«

Гетманъ отвѣчалъ на это:

»Мы и прежде не слушали никакихъ сплетней и теперь не станемъ слушать. Если же этотъ Данило станетъ дѣлать что-нибудь противное у насъ, мы его самого отошлемъ къ его царскому величеству.«

Бояринъ, какъ органъ московской власти, выражалъ и теперь, какъ дѣлалось прежде, неудовольствіе со стороны этой власти за склонность къ дружелюбному отношенію къ Шведамъ; съ выговоромъ замѣчалъ, что до сихъ поръ не послано отъ Козаковъ посольства къ шведскому королю съ объявленіемъ ему непріязни, въ случаѣ если онъ не исполнитъ требованій царя и не примирится съ нимъ по желанію послѣдняго. Выговскій долженъ былъ обѣщать отправить такой отзывъ къ шведскому королю, съ которымъ втайнѣ велъ мирныя сношенія. Въ отношеніи Поляковъ, бояринъ объявилъ, что война будетъ неизбѣжна, потому что Поляки уклоняются отъ исполненія виленскаго договора 1656 года, не думаютъ собирать сейма и разсуждать на немъ объ избраніи на королевство московскаго государя. Бояринъ приказывалъ козацкому войску быть наготовѣ къ выступленію на войну, когда придетъ указъ изъ Москвы о началѣ военныхъ дѣйствій.

»Мы«, отвѣчалъ гетманъ, »готовы итти на польскаго короля и велѣли написать универсалы, чтобъ разослать козакамъ, когда будетъ нужно; желаемъ сложить наши головы за достояніе его царскаго величества и противъ шведскаго короля, и противъ каждаго царскаго непріятеля пойдемъ покорно, по царскому приказанію.«

Наконецъ бояринъ замѣтилъ слѣдующее:

»Въ прошлыхъ годахъ, покойный гетманъ Хмельницкій подписывался въ своихъ листахъ отъ козаковъ къ царю — *вѣчными* подданными его царскаго величества, а ты, Иванъ, въ листѣ своемъ къ великому государю подписался — *вольными* подданными; такъ тебѣ не годилось писать, и впредь вамъ подписываться просто — *вѣчными* подданными царскаго величества, а не *вольными*. Да еще ты писалъ листъ къ крымскому хану и не подписался въ немъ подданнымъ царскаго величества, а въ грамотахъ къ крымскому хану и къ султану Калгѣ пишутъ васъ отъ великаго гусударя царскими подданными и приказываютъ посланникамъ говорить, чтобъ ханъ шертовалъ на томъ, чтобы не ходить на васъ, запорожскихъ козаковъ и не чинить вамъ никакого лиха, потому что вы подданные царскіе; а если бъ васъ царскими подданными не писать въ грамотахъ къ крымскому хану, то на васъ бы давно война была.«

Отвѣта на это замѣчаніе не дошло до насъ; трудно было что нибудь и отвѣчать на него; оставалось молчать, потупивъ головы.

Въ соборной церкви святыхъ апостолъ произнесъ гетманъ присягу,— по выраженію того времени, — его царскому величеству прямить и добра хотѣть. Выговскій счастливо увернулся отъ немедленной поѣздки въ Москву, и боярин изъ своихъ рукъ далъ ему булаву, бунчукъ и царскую грамоту на гетманское достоинство. Украинскій лѣтописецъ говоритъ, что Выговскій расположилъ къ себѣ боярина угощеніями и подарками. Съ своей стороны, боярин щедрою рукою раздавалъ царскіе дары, состоявшіе въ соболяхъ и рубляхъ, и Выговскому и всѣмъ старшинамъ и духовенству и многимъ простымъ козакамъ, съ кѣмъ только приходилось ему имѣть сношеніе (1). 18 февраля уѣхалъ боярин съ своею свитою изъ Переяслава.

VI.

Во все продолженіе времени когда боярин находился въ Переяславѣ, Пушкарь со своими дейнѣками стоялъ въ Гадячѣ; власть его рас-

(1) Тогда полковниками, по свѣдѣніямъ изъ посольскихъ дѣлъ, были слѣдующія лица: миргородскій — Лѣсницкій, черниговскій — Іоанникій Силичъ, корсунскій — Тимофей Аникіевъ(?), каневскій — Иванъ Стародубъ, бѣлоцерковскій — Яковъ Люторенко, переяславскій — Иванъ Кульбака, ирклѣевскій — Матвѣй Пацкѣевъ(?), уманскій — Михайло Ханенко, паволочскій — Михайло Суличичъ, нѣжинскій — Григорій Гуляницкій, кіевскій — Павелъ Яненко-Хмельницкій; но и сверхъ того упоминается наказный кіевскій — Василій Дворецкій.

ширялась на побережьѣ Псла. Съ нимъ были: весь полтавскій полкъ и толпа изъ миргородскаго полка, изъ чигиринскаго и другихъ. Предводитель хотѣлъ было итти прямо на Переяславль, но остановился. Тамъ былъ царскій бояринъ, пріѣхавшій рѣшить дѣло о Выговскомъ. Нападать теперь на Переяславль показалось бы бунтомъ противъ царской власти. Притомъ, разнесся слухъ, что Выговскій опять посылаетъ войско на полтавскій полкъ; Полтавцы боялись, если они отойдутъ далеко на западъ и оставятъ за собою свои мѣста, то противники разрушатъ ихъ беззащитныя жилища. Пушкарь стоялъ въ Гадячѣ, посылалъ къ Хитрово въ Переяславль и просилъ собрать великорусскую рать и приходить къ нему на Лубны: онъ увѣрялъ, будто Выговскій намѣренъ напасть врасплохъ на Великороссіянъ. Онъ отправилъ снова козака, по имени Яковенка, гонцемъ въ Москву съ доносомъ, писалъ сверхъ того угрожающія вѣсти путивльскому воеводѣ. Выговскій, —увѣрялъ онъ всѣхъ,— помирился тайно съ Ляхами и съ Ордою, идетъ противъ нашего войска на украинскіе наши города, хочетъ взять ихъ, опустошить огнемъ и разрушить всю Украину, а потомъ итти на рать его царскаго величества. Онъ прибавлялъ, будто получилъ отъ Юрія Хмельницкаго извѣщеніе, что Выговскій измѣняетъ царю. Съ своей стороны, Григорій Лѣсницкій, письмомъ къ путивльскому воеводѣ, указывалъ на Пушкаря, какъ на измѣнника царю, увѣрялъ, что онъ желаетъ разоренія православной Россіи и производитъ смуту, къ искорененію святой вѣры, на радость окрестнымъ непріятелямъ: Татарамъ, Ляхамъ, Волохамъ, Мултянамъ, Венграмъ, которые всегда угрожаютъ набѣжать на Украину и разорить ее. Тогда какъ Пушкарь, обвиняя Выговскаго въ измѣнѣ, ссылался на свидѣтельство Юрія Хмельницкаго, Лѣсницкій, воспитатель Юрія, изъявлялъ готовность ѣхать съ Юріемъ въ Москву за гетмана Выговскаго, если послѣднему нельзя будетъ оставить Украины безъ главы.

Хитрово, который былъ посланъ утишить безпокойство утвержденіемъ Выговскаго, возвращаясь назадъ, видѣлся съ Пушкаремъ и уговаривалъ его оставить вражду и пребывать въ повиновеніи у гетмана. Онъ въ тоже время увѣрялъ въ царской милости и Пушкаря, одарилъ его, какъ и всѣхъ чиновниковъ, подарками и деньгами, и вообще оказывалъ къ нему знаки расположенія. Пушкарь старался какъ можно болѣе очернить своего врага гетмана и увѣрялъ, что онъ измѣнникъ и недостоинъ милостей царя. Бояринъ терпѣливо выслушалъ эти увѣренія, и все-таки приказалъ ему оставить возмущеніе.

»Побáчите«, сказалъ Пушкарь, »якúй огóнь зъ сёго разгорúтця!«

Полтавскій полковникъ не оставилъ своей вражды, и продолжалъ писать доносы. Московское правительство хвалило его за вѣрность, въ которой онъ увѣрялъ, ласкало, но не давало ему перевѣса.

Прибыли къ нему посланники: стольникъ Иванъ Олфимовъ и дворянинъ Никифоръ Волковъ. Они привезли Пушкарю приказаніе оставаться въ покоѣ и не нападать на гетмана.

»Не я нападаю на Выговскаго«, отвѣчалъ Пушкарь, »а Выговскій нападаетъ на меня, хочетъ принудить меня не мѣшать его замысламъ; но я, вѣрноподданный его царскаго величества, не хочу нарушать своей присяги; я замѣчаю изъ поступковъ Выговскаго недоброжелательство, а потому отдѣлился отъ его властолюбія и прошу, какъ себѣ, такъ и всѣмъ вѣрноподданнымъ, царскаго заступленія и покровительства (1).«

Съ такимъ отвѣтомъ гонцы отправились обратно въ Москву. Пушкарь продолжалъ посылать въ Москву доносъ за доносомъ и въ то же время возстановлялъ народъ противъ гетмана.

Гетманъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Онъ видѣлъ, что московское правительство, настроенное Пушкаремъ и Запорожцами, не благоволитъ къ нему, хотя и признаетъ его начальникомъ края; Пушкарь и Запорожцы, высказывая желаніе подчинить малороссійскій край тѣснѣйшей зависимости отъ Московіи, естественно должны были въ Москвѣ нравиться больше, чѣмъ Выговскій и старшина и вообще партія, стоявшая за мѣстную независимость.

Требованіе ѣхать въ Москву не нравилось гетману. Въ ожиданіи его пріѣзда, правительство не приступало ни къ какимъ измѣненіямъ: не вводило воеводъ, не посылало войска. Онъ понималъ, что если поѣдетъ въ Москву, то долженъ будетъ согласиться на всякія условія, какія ему предложатъ. Мысль отторгнуться отъ Московіи и сойтись съ Польшею стала теперь тверже въ головѣ его. Онъ выжидалъ только, чѣмъ кончатся дѣла Польши съ Швеціею, и откладывалъ свою поѣздку подъ благовидными предлогами. Хитрово писалъ къ нему безпрестанно и торопилъ ѣхать. Въ Путивлѣ готовили ему подводы и провожатыхъ. Онъ отговаривался въ письмѣ своемъ тѣмъ, что нельзя ему покинуть Украины въ смутныхъ обстоятельствахъ. »Хотя (писалъ онъ отъ 18 марта къ отцу своему, съ увѣренностію, что это письмо покажется воеводѣ)

(1) Лѣтоп. повѣсть о Малорос., II. 4.

»окольничій его царскаго величества часто ко мнѣ пишетъ; но поѣздка моя замедляется, и я остаюсь въ раздумьи болѣе отъ того, что меня со всѣхъ сторонъ извѣщаютъ: польскій король со шведскимъ помирился и оба государя хотятъ вмѣстѣ итти на великаго государя; полки подходятъ къ Межибожью; съ другой стороны великая литовская рать подвигается, а тутъ у насъ дома отъ Татаръ добра не надѣяться, стоятъ уже на Кисиляхъ съ ханскою великою ратью.« Заднѣпровскіе полковники: брацлавскій, уманскій, корсунскій и другіе собрались въ Чигиринъ и представили, что гетману не слѣдуетъ ѣхать. »Ума не приберу, какъ мнѣ и быть«, писалъ онъ въ Кіевъ, »куда мнѣ повернуться не знаю.«

Въ Москву поѣхалъ Лѣсницкій; онъ оставилъ полковническій урядъ; мѣсто его заступилъ избранный полковникъ Стефанъ Довгаль. Это былъ недоброжелатель Поляковъ, сторонникъ Пушкаря. Онъ, 7 апрѣля, писалъ къ путивльскимъ воеводамъ для доставленія сообщаемаго извѣстія въ Москву: »Извѣщаемъ вашимъ милостямъ, что никогда Иванъ Выговскій къ его пресвѣтлому величеству ѣхать на столицу не думаетъ; вездѣ пословъ своихъ поразсылалъ: къ Туркамъ, къ крымскому хану, и письма Татарамъ и Ляхамъ послалъ!«

Не надѣясь выиграть въ Москвѣ, потому что противники его предлагали больше, чѣмъ онъ съ своею партіею могъ предложить, Выговскій искалъ помощи у Татаръ. Первое его посольство въ Крымъ было неудачно. Запорожцы утопили посла и письмо отослали къ царю. Второе достигло Крыма. Перекопскій бей извѣстилъ гетмана, что и ханъ соглашается оказать ему помощь. Въ половинѣ апрѣля донесли Выговскому, что обѣщанные Татары пришли въ Украину. Гетманъ, въ сопровожденіи старшинъ, полковниковъ и сотниковъ, отправился на встрѣчу желаннымъ союзникамъ на берега Ирклѣя. Прибылъ старинный пріятель козаковъ, побѣдитель при Батогѣ—Карабей съ ордою, которая, по сказанію одного современника, простиралась до сорока тысячъ, а сверхъ того находилось пятьдесятъ тысячъ, по извѣстіямъ самого Выговскаго, съ султаномъ Нураддиномъ у Полтавы.

Оба предводителя выѣхали другъ къ другу, и послѣ привѣтствій уѣхали въ уединенное мѣсто и тамъ около двухъ часовъ разговаривали между собою. Потомъ они вмѣстѣ пріѣхали въ козацкій лагерь и тамъ, предъ собраніемъ чиновниковъ, утвержденъ былъ дружественный союзъ между Козаками и крымскимъ ханомъ. Татары и Козаки обязывались помогать одни другимъ и идти повсюду, гдѣ бы ни предстояла опасность кому нибудь изъ союзниковъ. Козаки цѣловали крестъ. Потомъ отправлялась ве-

селая пирушка съ пушечной пальбой; Татары не уступали союзникамъ въ употребленіи напитковъ. Вечеромъ Карабей уѣхалъ въ свой лагерь и двое козацкихъ чиновниковъ сопровождали его: они отобрали отъ Татаръ присягу или шерть по ихъ закону (1).

Въ слѣдующую ночь Выговскій чуть было не лишился жизни. Тайный разговоръ его съ Карабеемъ возбуждалъ подозрѣніе. Оно усилилось, когда въ тотъ же день пріѣхалъ въ лагерь Джеджалы. Природный Татаринъ, онъ, во время бесѣды, услышалъ такія двусмысленности въ разговорѣ Выговскаго съ Карабеемъ, которыхъ не поняли другіе, но молчалъ и пилъ за здоровье Карабея. Выговскій, по обыкновенію своему, прикинулся пьянымъ и, послѣ ухода Карабея, легъ спать въ своемъ шатрѣ. Джеджалы, самъ пьяный, подкрался къ шатру гетмана и пустилъ въ него копье: онъ думалъ, что убилъ Выговскаго, и, выскочивши, гордо кричалъ: »Лежи́ть соба́ка, що коза́цькую кровъ Ляха́мъ та Тата́рамъ продае́! У чо́рта тепе́ръ гро́ші лічи́тимешъ!« Но гетманъ былъ живъ, и понявши, что противъ него существуетъ заговоръ, убѣжалъ въ татарскій лагерь (2).

Неизвѣстно, какъ расплатился Джеджалы за эту выходку, но съ тѣхъ поръ имя этого сподвижника Хмельницкаго не упоминается въ исторіи. Уже онъ ирклѣевскимъ полковникомъ не былъ и прежде, ибо во время послѣдней Переяславской рады при боярынѣ Хитрово, вмѣсто его полковницкій урядъ занимало другое лицо, какой-то Матѳей Пацкѣевъ (Пацько?). Дружелюбныя сношенія Выговскаго съ Ордою напугали народъ, настроенный и безъ того противъ гетмана его недоброжелателями. Паволочскій полковникъ Суличичъ извѣщалъ кіевскаго воеводу о соединеніи гетмана съ крымскимъ ханомъ, о сношеніи съ Ляхами. Кіевскій полковникъ Павелъ Яне́нко-Хмельницкій, наказный кіевскій полковникъ Дворецкій, кіевскіе мѣщане, духовенство и самъ митрополитъ показывали знаки негодованія, хотя неискренно, потому что сами принадлежали къ партіи Выговскаго. Пріѣзжавшіе съ разныхъ сторонъ въ Кіевъ Украинцы, кричали: »уже Татары пришли къ гетману; скоро и Ляхи придутъ, начнутъ враги церкви Божіи раззорять, людей нашихъ въ полонъ погонятъ.« Нѣкоторые письменно изъявляли Бутурлину желаніе, чтобы государь прислалъ свое войско на помощь Пушкарю и оборонилъ бы Украину; иначе Ляхи съ Татарами бросятся и на порубежныя московскія об-

(1) Лѣтопись Самов. 29.
(2) Hist. panow. Jana Kazim. 1. 339. Ann. Pol. Clim. II. 274.

ласти. Съ другой стороны, Бутурлинъ получалъ письма въ противномъ духѣ: излагались жалобы, что Москали стоятъ больше за гетмана, старшину, а не за все Войско; въ одномъ такомъ письмѣ было сказано: »Пушкарь никакой услуги не учинилъ царю, развѣ то за услугу считать, что вырѣзалъ царскихъ людей надъ Донцомъ (фактъ неизвѣстный), и теперь пожогъ загородные дворы, а его люди грабятъ; однако онъ становится праведенъ съ своею злобою, а мы съ правдою мѣста не находимъ; онъ сродниковъ нашихъ и козаковъ много побилъ, и женъ и дѣтей ихъ помучилъ, а у васъ чистъ.« Бутурлинъ послалъ поскорѣй гонцовъ въ Москву просить войска, извѣщалъ, что Украина въ опасности: Поляки уже пришли, Татары принимаютъ угрожающее положеніе, внутри края неурядица. Въ Москвѣ пришли въ нерѣшительность. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля пріѣхалъ въ столицу Лѣсницкій посланцемъ отъ гетмана и всего Запорожья; за нимъ вслѣдъ прибыли и другіе гонцы — Бережецкій и Богунъ съ дополнительною просьбою объ усмиреніи мятежниковъ. Малороссіяне объясняли, что Татары призваны по крайней необходимости, и если бы они не пришли, то мятежники убили бы гетмана и раззорили бы весь край.« Предложенія, которыя тогда дѣлалъ Лѣсницкій, сообразовались съ тѣмъ, чего только могло желать московское правительство. Видно, что желая вооружить московское правительство противъ Пушкаря, Выговскій и его партія рѣшились прельстить Москалей такими же предложеніями, какія дѣлалъ Пушкарь: Лѣсницкій отъ имени гетмана и всего Запорожскаго Войска просилъ комиссаровъ для приведенія въ строгій порядокъ реестра, чтобъ Козаковъ было не болѣе опредѣленнаго числа — шестидесяти тысячъ, чтобъ такимъ образомъ отбить у мужиковъ охоту самовольно дѣлаться козаками; ибо отъ этого происходятъ и смуты и бунты; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ послать въ украинскіе города воеводъ и указывалъ на шесть городовъ, гдѣ удобно пребывать воеводамъ: Бѣлую Церковь, Корсунь, Нѣжинъ, Черниговъ, Полтаву и Миргородъ; »объ этомъ«, говорилъ Лѣсницкій, »и гетманъ и все Запорожское Войско бьетъ челомъ пренизко; только тѣмъ и можетъ усмириться бунтъ; но хотя бы великій государь пожелалъ и въ другіе города помѣстить воеводъ, тѣмъ лучше будетъ для войска: смирнѣе станетъ. Вотъ и теперь Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, уѣзжая, оставилъ немного ратныхъ людей, а бунту стало меньше.«

Правительство приняло благосклонно посольство и назначило комиссаромъ для реестрованія козаковъ боярина Василья Борисовича Шереметева; онъ опредѣлялся въ Кіевъ на воеводство, и долженъ былъ вести перепись

по полкамъ, начиная съ тѣхъ полковъ, которые размѣщаются по близости къ польскимъ границамъ. Въ подтвержденіе извѣстій о неистовствахъ Пушкаря, Лѣсницкій привезъ просьбу отъ Юрія Хмельницкаго. Юрій жаловался, что Пушкаревцы разорили его имѣнія, ограбили его людей, нѣкоторыхъ варварски замучили, другихъ взяли въ неволю, и просилъ приказать освободить задержанныхъ.

Не смотря на расположеніе, которое въ Москвѣ оказывали Выговскому, его поступки начали казаться двусмысленными; послали къ нему стольника Скуратова надзирать за его дѣйствіями. Скуратовъ встрѣтилъ гетмана, когда тотъ шелъ къ Полтавѣ и остановился съ войскомъ подъ Голтвою. Гетманъ, не видавшись съ посланцемъ, оставилъ его въ Голтвѣ и велѣлъ ждать, пока самъ не кончитъ дѣла съ Пушкаревцами. Это дѣлалось подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы царскій посолъ не подвергался опасности; но Скуратовъ объявилъ напрямки, что присланъ государемъ провѣдывать вѣстей, что ему велѣно быть при гетманѣ и разузнавать, нѣтъ ли еще какой смуты въ войскѣ, въ послушаніи ли у гетмана полковники и всѣ козацкіе чиновники; онъ требовалъ настоятельно, чтобы Выговскій взялъ его съ собою. Вслѣдъ за тѣмъ, не дождавшись отвѣта, Скуратовъ поѣхалъ прямо къ козацкому обозу и далъ знать, что прибылъ съ царскими милостивыми грамотами. Гетманъ поневолѣ долженъ былъ принять его, но уже плохо скрывалъ свою досаду.

Посла ввели въ обозъ и помѣстили близко гетманскаго шатра; явился козакъ и объявилъ, что гетманъ зоветъ его итти пѣшкомъ въ свой шатеръ, потому что недалеко; посолъ заупрямился: ходить пѣшкомъ вообще для знатнаго человѣка считалось несообразнымъ съ его достоинствомъ. Ему начали сѣдлать коня; какъ увидѣлъ это вводившій посла въ обозъ Самойло Выговскій, родственникъ гетмана, то сейчасъ далъ знать, и отъ гетмана привели лошадь. Около шатра козацкаго предводителя встрѣтили посла полковники. Самъ гетманъ выступилъ нѣсколько шаговъ изъ шатра. Посолъ проговорилъ передъ нимъ заученую рѣчь, написанную до слова въ наказѣ, и подалъ царскія грамоты. Ихъ было двѣ. Подавая грамоты отъ имени царя, онъ спросилъ о здоровьѣ гетмана и полковниковъ. И гетманъ и полковники поклонились низко въ знакъ благодарности. Одну грамоту гетманъ прочелъ про себя. Въ этой грамотѣ извѣщали его о скоромъ прибытіи въ украинскіе города воеводъ съ ратными людьми. Гетману не понравилась эта грамота, онъ не читалъ ея вслухъ, но и не изъявлялъ неудовольствія, пока дѣло съ врагомъ еще не кончилось. Другую грамоту Выговскій велѣлъ читать вслухъ писарю своему

Грушѣ. Едва только Груша окончилъ въ грамотѣ длинный царскій титулъ и приступилъ къ дѣлу, Выговскій сѣлъ на свою походную постель и приглашалъ сѣсть гостя. Но Скуратовъ сказалъ: »достоитъ царскаго величества грамоту слушать всю со всякою подобающею честію, а не сидя«. — »Все у васъ высоко«, сказалъ гетманъ, и прослушалъ грамоту стоя. Эта грамота извѣщала, что къ Пушкарю посланы убѣжденія прекратить бунтъ и пребывать въ согласіи съ гетманомъ и старшинами. Взявъ ее у Груши, Выговскій пробѣжалъ ее самъ и сказалъ:

»Этой грамотою не унять Пушкаря; взять бы его самого, да голову ему отрубить или прислать въ Войско Запорожское живого.«

— »Такая грамота«, объяснялъ Скуратовъ, »отправлена къ полтавскому полковнику со стольникомъ Алфимьевымъ, и въ Запорожье тоже послано, и уже два раза, и со мною присланъ тебѣ, гетману, списокъ для вѣдома, а мнѣ велѣно при гетманѣ побыть.«

Выговскій заговорилъ сердито: »Давно бы слѣдовало вора поймать и прислать въ войско, какъ я и писалъ уже много разъ его царскому величеству; можно было укротить Пушкаря еще до Пасхи; а если не изволятъ его смирить, то я самъ съ нимъ управлюсь: можно было до сихъ поръ его усмирить; цѣлы были бы православные христіане, которые отъ него безвинно побиты; а я все терпѣлъ, все ждалъ указа его царскаго величества. Иначе еще зимою я смирилъ бы Пушкаря огнемъ и мечемъ. Я не домогался булавы, хотѣлъ жить въ покоѣ, но Богданъ Матвѣевичъ Хитрово обѣщалъ мнѣ взять Пушкаря и привести ко мнѣ, да не только не привелъ, но пуще ободрилъ его, надарилъ ему соболей и отпустилъ, и къ Барабашу написалъ. Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Мы присягали его царскому величеству на томъ, чтобъ никакихъ правъ нашихъ не нарушать; и въ пунктахъ написано, что государь вольность намъ обѣщаетъ паче того, какъ было при польскихъ королѣхъ, а по нашимъ правиламъ слѣдуетъ такъ: ни къ полковнику, ни къ кому иному не должно посылать грамотъ мимо гетмана. Одинъ гетманъ чинитъ во всемъ расправу; а вы всѣхъ въ гетманы произвели; подавали Пушкарю и Барабашу грамоты, и отъ такихъ грамотъ и бунты начались. А какъ мы присягали царю, въ ту пору Пушкаря и не было; все это сдѣлалъ покойникъ Богданъ Хмельницкій; да я другихъ статей, кромѣ нашихъ, никакихъ не видалъ. Не слѣдовало было того начинать. Теперь Пушкарь пишетъ, будто ему позволено взять на четыре года на всякаго козака по десяти талеровъ на годъ, а на сотниковъ побольше; будто бы мы завладѣли шестьюдесятью тысячами талеровъ, а этого и не бывало.

Не впервые къ нему такія грамоты посылаются, да Пушкарь ихъ не слушаетъ вовсе.«

— »Это уже въ послѣдній разъ«, сказалъ Скуратовъ; »подожди, панъ гетманъ, что сдѣлаетъ Пушкарь. Если онъ теперь не учинитъ по государевой грамотѣ, тогда своевольство ему отъ его царскаго величества даромъ не пройдетъ, а я останусь и буду ждать.«

»Ты, стольникъ«, сказалъ гетманъ, »пріѣхалъ проповѣдывать, а проповѣдывать тутъ нечего, — все явно; вѣстей про непріятеля нѣтъ; я иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечемъ. Куда бы онъ ни убѣжалъ, я его тамъ найду и стану доставать; хоть бы онъ ушелъ и въ царскіе города, такъ я и туда пойду, и кто за него станетъ, тому самому отъ меня достанется, а государева указа долго ждать. Я передъ Пушкаремъ не виноватъ; не я началъ: онъ собрался съ самовольниками и пришелъ подъ Чигиринъ-Дубраву. Я съ нимъ хочу биться не за гетманство, а за свою жизнь. Дожидаюсь рады; я булаву покину, а самъ пойду къ Волохамъ или Сербамъ или къ Мультянамъ,— вездѣ мнѣ рады будутъ. Великій государь насъ прежде жаловалъ, а теперь вѣритъ ворамъ, которые государю не служивали, на степи царскихъ людей убивали, казну царскую грабили, — тѣхъ государь жалуетъ, принимаетъ ихъ посланцевъ, деньги и соболей имъ отпускаетъ, а этихъ бунтовщиковъ надобно было бы прислать въ Войско Запорожское.«

Выговскій съ досадою разстался съ царскимъ посланцемъ; его очень огорчало то, что посланецъ открыто возвѣщалъ, что пріѣхалъ смотрѣть за нимъ. Въ тотъ же день сошелся съ нимъ Самойло Выговскій и говорилъ:

»Въ Войскѣ Запорожскомъ большое сомнительство: думаютъ, что царь потакаетъ Пушкарю; самъ Пушкарь толкуетъ, что во всемъ войскѣ были царскіе воеводы; кричатъ они, что не замолчатъ до тѣхъ поръ, пока воеводъ не пришлютъ. А при королѣхъ польскихъ было подобное: назначили полковниковъ изъ Ляховъ, и при каждомъ изъ нихъ было человѣкъ по десяти Ляховъ; за то сдѣлалось возмущеніе: и полковниковъ и Ляховъ побили.«

Здѣсь, очевидно, былъ намекъ на положеніе Скуратова; его предостерегали, хотѣли, чтобы онъ самъ побоялся оставаться при гетманѣ.

17 мая пригласилъ Выговскій московскаго посланца обѣдать въ свой шатеръ. Гетманъ уважительно поднялъ чашу за здоровье государя, но потомъ заговорилъ еще рѣзче, чѣмъ прежде:

»Обычай, видно, у васъ таковъ, чтобъ все дѣлать по своей волѣ. Отъ

чего бунты начались? — Все отъ вашихъ посланцевъ; вотъ также и при короляхъ польскихъ бывало: какъ начали *ломать* наши вольности, такъ и бунты стали. Вотъ и теперь въ Колонтаевѣ задержаны наши козаки и Сербы, и терпятъ муку такую, что и невольникамъ подобной не бываетъ. Что же, развѣ не вѣдаетъ этого его царское величество? Я готовъ поклясться, что ему хорошо это извѣстно. Михайла Стрынджу зачѣмъ отпустили изъ Путивля? подержали, подержали, да и выпустили, а его бы въ войско — вотъ бы и бунты унялись!«

— »Не дѣломъ клянешься, панъ гетманъ«, сказалъ Скуратовъ; »великому государю неизвѣстно, что твои козаки и Сербы задержаны. Это сдѣлалось безъ государева указа; и какъ только твои посланцы пожаловались — сейчасъ велѣно было задержанныхъ выпустить и воеводу перемѣнить; а Михайло Стрынжа и его товарищи изъ Путивля ушли, а не отпущены.«

Стольникъ старался опровергнуть жалобы Выговскаго, а гетманъ оставался на своемъ.

»Тебѣ нельзя итти со мною«, говорилъ Выговскій; »оставайся въ Голтвѣ, пока я покончу съ Пушкаремъ. Ждать нельзя: къ пушкареву совѣту много черни пристаетъ и кое-кто изъ полковой старшины противъ меня; оставайся въ Голтвѣ, я пойду и буду тебя извѣщать.«

VII.

Въ то время возвратился изъ Москвы Лѣсницкій и извѣщалъ, что царь принялъ его отлично; а Пушкаренкова посланца, Искру, велѣлъ задержать въ Москвѣ. Выговскій былъ доволенъ расположеніемъ московскаго правительства, и прежде чѣмъ приступилъ къ Полтавѣ, отправилъ еще разъ послѣднее увѣщаніе къ Полтавцамъ и хотѣлъ этимъ показать передъ царскимъ посланцемъ, что онъ непрочь исполнить миролюбивую царскую волю, да не хочетъ Пушкарь. Гетманъ желалъ добраго здоровья старшинѣ, черни полтавскаго полка и всѣмъ Запорожцамъ, находящимся при Пушкарѣ. »Мы не знаемъ до сихъ поръ«, писалъ гетманъ, »съ какого повода Запорожцы вышли изъ Запорожья, пришли до Кременчуга и другихъ городовъ, чинятъ похвалки на войско наше, обѣщаются грабить пожитки наши и убивать насъ. Только и слышно о безпрестанныхъ убійствахъ; мы долго терпѣли, но теперь должны защищать жизнь свою и идемъ на васъ вовсе не для пролитія крови, какъ завѣряютъ васъ старшины ваши, а для усмиренія своевольства. Ваши старшины достали себѣ

какія-то грамоты и возмущаютъ и обманываютъ васъ, простыхъ людей; у насъ теперь есть списокъ съ грамоты, что̀ прислалъ государь къ Пушкарю съ дворяниномъ Никифоромъ Хрисантовичемъ Волковымъ; пришлите двухъ своихъ товарищей прочитать ее, — увѣритесь, что царское величество не соизволяетъ никакому своевольству, а повелѣваетъ вамъ, такъ какъ и намъ, жить между собою въ любви и соединеніи; изъ того правду нашу можете понять, что царское величество милостиво и ласково принялъ и отпустилъ посланцевъ нашихъ Прокопія Бережецкаго и Ивана Богуна, и миргородскаго полковника Григорія Лѣсницкаго, съ почестью отпустилъ, а Искру съ товарищами за неправду велѣлъ задержать въ столицѣ. Что̀ не хотимъ проливать крови, можете видѣть изъ того, что мы задержали своевольныхъ и непослушныхъ людей, и не убивали никого, а хранимъ ихъ. Самъ Барабашъ — свидѣтель нашей кротости и разсудительности. Хотя онъ и много дурного надѣлалъ, однако мы не лишили его маетностей, какъ онъ лжетъ на насъ, а напротивъ, хлѣбомъ и деньгами дали ему вспоможеніе; такъ и никому изъ васъ не хотимъ мстить; оставьте только ваши затѣи и не слушайте старшихъ своихъ, которые ложно вамъ пишутъ, будто бы отъ царя прислана за четыре года заплата войску, а мы будто удержали ее себѣ, и вамъ не даемъ; старшины ваши полковые у себя въ рукахъ имѣли за тѣ годы винныя и табачныя аренды и всѣ доходы полтавскаго полка, а мы ничѣмъ не корыстовались, и теперь вамъ ничего возвращать не можемъ; когда не хотите терпѣть никакого зла, такъ присылайте скорѣе товарищей; а если этого не сдѣлаете, то уже послѣ вамъ времени не будетъ, потому что война начинается.«

Товарищи не прибыли съ покорностью. Между тѣмъ въ маѣ была первая стычка Пушкаревцевъ съ гетманскими людьми, неудачная для первыхъ: гетманцы отняли два знамени и литавры, и Выговскій всѣмъ обозомъ подвинулся къ Полтавѣ. Скуратовъ, не смотря ни на какія представленія, оставленъ въ Голтвѣ. »Не кручинься, прошу твою милость«, написалъ къ нему Выговскій съ похода, »что ты оставленъ въ Голтвѣ, ибо какъ вѣрить врагамъ царскаго величества? Я оберегаю тебя, чтобъ ты не попалъ въ ихъ руки. Я послалъ увѣщательное посланіе къ бунтовщикамъ: не знаю, что̀ изъ того выйдетъ; но если покорятся, то все будетъ имъ прощено; я не такъ скоръ на кровопролитіе, какъ Пушкарь, и если мы помиримся, то сейчасъ же извѣщу тебя и отпущу къ его царскому величеству.«

Скуратовъ остался на нѣсколько дней, прислушивался къ народному говору и замѣчалъ полное раздвоеніе: одни хвалили Выговскаго, другіе

Пушкаря, но вообще простой народъ, черпь, явно склонялся на сторону послѣдняго. Простые козаки бѣгали толпами изъ войска Выговскаго. Козаки мѣстечка Голтвы, въ виду царскаго посла, упрямились и не хотѣли идти съ Выговскимъ на Пушкаря; гетманъ только тѣмъ и принудилъ ихъ, что обѣщалъ сжечь и разорить мѣстечко, если они не послушаютъ. »Куда я ни ѣхалъ«, писалъ Скуратовъ въ Москву, »съ кѣмъ только ни говорилъ, козаки на этой сторонѣ Днѣпра желаютъ, чтобъ государь прислалъ въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей, но заднѣпрскіе не того желаютъ: »Пушкарь, — говорятъ они, — хочетъ, чтобъ были въ Украинѣ государевы воеводы, — никогда этого у насъ не будетъ, мы не допустимъ!«

Поразвѣдавши что́ нужно, царскій посланникъ опять сталъ требовать, чтобъ гетманъ допустилъ его находиться при себѣ. Неизвѣстно, какъ случилось, — позвалъ ли его наконецъ самъ гетманъ, или Скуратовъ противъ его воли пріѣхалъ, — только во время войны подъ Полтавою Скуратовъ былъ въ козацкомъ лагерѣ.

Въ послѣднихъ числахъ мая, Выговскій размѣстилъ орду въ ущельѣ въ Сокольемъ-Байра́кѣ; потомъ съ козаками и нѣмцами пошелъ ближе къ Полтавѣ, оставилъ нѣмцевъ въ долинѣ Полузорі, а самъ съ козаками и съ многочисленнымъ обозомъ отправился еще далѣе, и, приблизившись къ самой Полтавѣ, растянулъ свой обозъ въ виду города между селеніями Жука́ми и Рябцами на полугорѣ такъ, что возы бросались въ глаза.

Пушкарь не рѣшался-было выходить и предпочиталъ засѣсть въ Полтавѣ и отражать непріятеля; но дейне́ки взбунтовались, кричали, что войска Выговскаго очень мало, укоряли предводителя своего въ трусости и требовали, чтобъ онъ велъ ихъ на непріятеля. Голо́ту соблазняли возы въ обозѣ Выговскаго: голо́та не предвидѣла, что Выговскій расчитывалъ именно на это желаніе овладѣть возами и для того выставилъ ихъ на показъ.

1 іюня, на разсвѣтѣ, Пушкарь вышелъ изъ Полтавы. Войско Выговскаго тотчасъ же разбѣжалось во всѣ стороны. Голота бросилась на возы: тамъ были бочки съ горілкою: »тутъ« говоритъ лѣтописецъ, »они не надѣялись конца своему счастью.«

Того только и хотѣлъ Выговскій. Онъ прибѣжалъ въ долину Полузорі и двинулъ впередъ Нѣмцевъ, а самъ побѣжалъ въ Сокольи-Байраки за Ордою.

Нѣмцы исполнили свое порученіе худо. Дейнеки отколотили имъ

бока дубинами и прогнали, а сами опять принялись за горілку и перепились мертвецки.

Тогда Выговскій и Карабей ударили на нихъ съ Татарами. Барабашъ заранѣе отступилъ и ушелъ съ своими Запорожцами. Пьяная голо́та не въ силахъ была не только защищаться, но даже двигать руками и ногами, и вся погибла подъ татарскими саблями.

Пушкарь держался до послѣдней минуты: умолялъ, заклиналъ, грозилъ.... все было напрасно. Негдѣ было взять столько воды, чтобъ протрезвить несчастное войско. Наконецъ, какой-то козакъ, желая прислужиться Выговскому, умертвилъ полтавскаго полковника, отрубилъ мертвому голову и принесъ къ ногамъ побѣдителя.

Выговскій вошелъ въ Полтаву; половина города была тогда же разорена и сожжена. Полтава, по замѣчанію лѣтописца, удаленнная отъ войны въ продолженіе сорока девяти лѣтъ, со всѣмъ окрестнымъ краемъ, находилась въ цвѣтущемъ состояніи, а послѣ посѣщенія Выговскимъ не скоро оправилась. Татары разсѣялись по окрестностямъ, жгли селенія, умерщвляли людей, насиловали женщинъ. Такъ продолжалось четыре дни, пока наконецъ войско не взволновалось: козаки стали укорять Выговскаго за позволеніе Ордѣ разорять отечество. Тогда Выговскій сказалъ, что охотники могутъ остановить своеволіе Крымцевъ. Хотя Татаръ было много, но такъ какъ они разбились на отряды или загоны, те козаки отбивали у нихъ и плѣнниковъ и награбленную добычу; и Татары, оказавшіе Выговскому помощь, возвратились ни съ чѣмъ. Выговскій не боялся раздражить ихъ, потому что всегда могъ передъ ханомъ сложить вину на своевольныхъ козаковъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Полтавѣ, гетманъ вновь организовалъ полтавскій полкъ и назначилъ надъ нимъ полковникомъ Филона Горкушу. (1)

Въ то же время Гуляницкій усмирилъ волненіе въ Лубнахъ. Хотя лубенскій полковникъ Швець держалъ сторону Выговскаго, но простые козаки и посполитые пристали къ Пушкарю и Швець по неволѣ долженъ былъ исполнить общую волю. Когда Гуляницкій подошелъ къ Лубнамъ, жители заперлись. Швець убѣжалъ. Городъ былъ взятъ приступомъ. Народъ въ безпамятствѣ бѣжалъ, спасаясь отъ враждебной партіи; множество потонуло въ Сулѣ. Миргородскаго наказнаго полковника, Довгаля, сами Миргородцы, опасаясь участи Лубенъ, схватили и арестовали; выбрали другаго — Козла, и объявили себя за Выговскаго. Оттуда Гуля-

(1) О битвѣ съ Пушкаремъ—лѣтоп. Величка 329-333; Самов. стр. 30.

ницкій пошелъ къ Гадячу и также взялъ его. Все покорялось Выговскому. Мятежная голота бросала свои рогатины и дубины и просила пощады, втайнѣ оплакивая своего защитника.

VIII.

Гетманъ хотѣлъ отпустить Скуратова, но посланникъ, исполняя наказъ, оставался при немъ и объявилъ, что будетъ сопровождать его назадъ въ Чигиринъ. Это не понравилось Выговскому. Когда обозъ двинулся назадъ и дошелъ до мѣстечка Манжелика, явился къ гетману козакъ-бѣлоцерковецъ съ письмомъ отъ бѣлоцерковскаго полковника: полковникъ извѣщалъ его, что въ его городъ пріѣхалъ изъ Москвы воевода, и за нимъ вслѣдъ будутъ наѣзжать по городамъ воеводы, какъ прежде было сказано. Между тѣмъ, гетманъ, хотя и далъ согласіе на воеводъ боярину Хитрово, но, разумѣется, притворно; онъ тогда долженъ былъ согласиться: дѣло шло о томъ, быть ли ему самому избраннымъ, или нѣтъ. Поэтому-то онъ отложилъ это дѣло до пріѣзда своего въ Москву. Теперь, побѣдивъ своего главнаго непріятеля, Выговскій рѣшился не удерживать болѣе затаеннаго нерасположенія къ Москалямъ, и заговорилъ съ посломъ язвительно и рѣзко.

»Видишь ли, твоя милость: пріѣхали воеводы — пріѣхали опять заводить бунты. Бѣлоцерковскій полковникъ пишетъ, что Бутурлинъ изъ Кіева извѣстилъ его: воевода въ Бѣлую-церковь назначенъ; а я еще въ Кіевѣ говорилъ: пиши, пиши, Андрей Васильевичъ, да самъ берегись«.

— »Не за дѣло, панъ гетманъ, сердитуешь«, замѣтилъ ему Скуратовъ: — »ты самъ писалъ къ великому государю, чтобъ въ государевыхъ черкасскихъ городахъ были воеводы.«

»Нѣтъ«, сказалъ гетманъ: »я этого никогда не просилъ; я писалъ къ великому государю, чтобъ мнѣ прислали тысячу человѣкъ драгуновъ, да тысячу человѣкъ солдатъ — усмирить бунтовщиковъ, да на Москвѣ смѣются надъ моими письмами. Павелъ Тетеря и Ѳедоръ все мнѣ разсказали. Посланцевъ моихъ задерживаютъ въ Москвѣ, а Ковалевскій говорилъ, что ему сказывалъ Артемонъ Матвѣевъ, будто великій государь не хочетъ, чтобъ я былъ гетманомъ. Вамъ, видно, надобно гетмана по вашей волѣ, такого гетмана, чтобъ взять его за хохолъ да и водить какъ угодно!«

— »Если«, возразилъ Скуратовъ, »тебѣ нужны были ратные цар-

скіе люди, отчего же ты не взялъ ихъ у окольничаго и воеводы князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго? Да и съ окольничьимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово были ратные люди: ты могъ взять и у него. Неправду говорятъ тебѣ твои посланцы, будто ихъ задерживаютъ: сами они мѣшкаютъ по своимъ дѣламъ да отговариваются,— хотятъ себя чѣмъ нибудь оправдать. Поѣзжай, панъ гетманъ, въ Москву: самъ увидишь къ себѣ царскую милость. Ковалевскій лгалъ тебѣ, что ему Артемонъ говорилъ; Ковалевскій хотѣлъ тебѣ прислужиться. Артемонъ не станетъ такихъ рѣчей говорить. Если бъ великій государь не хотѣлъ тебя имѣть гетманомъ, такъ не послалъ бы къ тебѣ и грамотъ на подтвержденіе гетманства; великому государю извѣстно, что ты вѣрнѣе многихъ въ Запорожскомъ Войскѣ.

»Мы«, говорилъ Выговскій, »воеводъ не просили у государя; я не знаю и не вѣдаю о воеводахъ.«

— »Какъ же, панъ гетманъ«, возражалъ Скуратовъ, »ты не вѣдаешь, когда со мною же доставлена тебѣ великаго государя грамота, и въ этой грамотѣ извѣщали тебя, что скоро отпущены будутъ воеводы и ратные люди? Сказано было, чтобъ ты написалъ во всѣ государевы города и велѣлъ принимать воеводъ и ратныхъ людей честно, и давать имъ дворы и всякое споможенье. Ты взялъ эту грамоту, прочелъ ее, и ни слова мнѣ тогда не говорилъ про воеводъ. Воеводы и ратные люди ѣдутъ сюда для вашего же обереганья и защиты.«

»Я никогда«, говорилъ Выговскій съ возрастающею досадою, »не просилъ, чтобъ въ Бѣлую-Церковь присылали воеводу. Я не писалъ объ этомъ къ государю. Воевода какъ пріѣхалъ, такъ пусть и ѣдетъ. Я не велю ему ничего давать. Если ужъ пришлось пріѣзжать сюда воеводамъ государевымъ, такъ они ко мнѣ, къ гетману, должны были пріѣхать, а потомъ уже разъѣхаться по малороссійскимъ городамъ, куда я самъ ихъ назначу; а какъ же они, минуя меня, гетмана, по городамъ ѣдутъ? Это все для одной смуты. Не надобны намъ воеводы и царскіе ратные люди! Вонъ въ Кіевѣ не первый годъ государевы люди съ нашими людьми кіями бьются, а какъ пришлось управляться съ самовольниками, такъ я и безъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей управился. А государевы люди гдѣ были? Съ Пушкаремъ! Какъ былъ бой съ мятежниками, такъ наши Нѣмцы взяли у нихъ московскій барабанъ!«

— »Да я же самъ«, возражалъ Скуратовъ, »былъ съ тобою вмѣстѣ на бою противъ Пушкаря подъ Полтавою и не видалъ государевыхъ людей, я только казаковъ тамъ видалъ. Хоть бы одного убитаго Моска-

ля изъ нашихъ украинныхъ городовъ ты мнѣ тогда показалъ! А что́ сказываешь, панъ гетманъ, про барабанъ, такъ это вовсе и не барабанъ, а бубенъ; такіе у насъ бываютъ у медвѣдниковъ. А хоть бы и въ самомъ дѣлѣ настоящій барабанъ былъ, такъ что́ жъ тутъ такого? Малороссіяне ѣздятъ въ царствующій градъ Москву, и въ разные города пріѣзжаютъ и покупаютъ, что́ имъ надобно. Заказу имъ на то никакого нѣтъ. Людей же царскихъ не было съ Пушкаремъ ни одного человѣка.«

»А зачѣмъ же украинные воеводы«, говорилъ Выговскій, »моихъ измѣнниковъ и своевольниковъ у себя укрываютъ? и теперь ихъ довольно въ Зміевѣ и въ Колонтаевѣ; воеводы ихъ держатъ и не выдаютъ мнѣ. Наши бездѣльники надѣлаютъ здѣсь дурна, да и бѣгутъ въ московскіе городы, а тамъ ихъ укрываютъ! А отъ насъ требуютъ, чтобъ мы государевыхъ злодѣевъ отдавали! Теперь я объявляю вамъ: не стану отдавать вашихъ злодѣевъ, что́ къ намъ прибѣгаютъ изъ московскихъ городовъ, и воеводъ къ себѣ не пущу въ города. Ка́къ государевы воеводы съ нами поступаютъ, та́къ и мы съ ними будемъ поступать. Государь только тѣшитъ меня, а его воеводы бунты противъ меня поджигаютъ; въ Москвѣ ничего не допросишься. Теперь я вижу, что подъ польскимъ королемъ намъ хорошо было: къ нему доступъ прямой, и говорить можно все, о чемъ нужно, и рѣшеніе сейчасъ скажутъ.«

— »Ты, гетманъ, говоришь: при короляхъ польскихъ вамъ было хорошо; только, вспоминаючи объ этомъ, слѣдовало бы вамъ плакать. Тогда всѣ благочестивые христіане были у Ляховъ въ порабощеніи и терпѣли всякія насилія и принужденія къ латинской вѣрѣ, и между вами уніатство множилось. А какъ вы стали въ подданствѣ у великаго государя, такъ теперь и благочестивая вѣра множится на хвалу милостивому Богу и вамъ на безсмертную славу, и милостію царскою вы отъ непріятелей оборонены; надобно вамъ милость царскую къ себѣ знать, и не говорить такихъ высокихъ рѣчей. Негоже говорить, что тебѣ воеводы ненадобны и не станешь выдавать царскихъ измѣнниковъ: это ты чинишься царскому указу не послушенъ.«

»Я«, сказалъ Выговскій, »радъ служить вѣрно царскому величеству, а воеводы и ратные люди мнѣ ненадобны, — отъ нихъ только бунты начнутся.«

Тогдашній тонъ рѣчи гетмана былъ до крайности страненъ, послѣ того какъ Лѣсницкій въ Москвѣ именемъ гетмана и всего войска просилъ присылки воеводъ. Лѣсницкій самъ предлагалъ сдѣлать перепись въ козацкомъ войскѣ; теперь старшины были этимъ очень недовольны.

»Не надобно, не надобно воеводъ!« кричалъ Богунъ:« женъ и дѣтей нашихъ пріѣхали переписывать! Да и ты, стольникъ, ѣдешь къ намъ въ Чигиринъ, кажется, воеводою: ну, смотри, нездорово будетъ!«

Оскорбленный посолъ просилъ Выговскаго унять Богуна. »Перестань!« сказалъ послѣднему гетманъ: »это не теперешняя рѣчь!«

Скуратовъ попробовалъ было напомнить гетману, что онъ обѣщался ѣхать въ Москву, и теперь кажется пришла пора, когда бунты усмирены. Гетманъ отвѣчалъ очень холодно: »Нельзя мнѣ ѣхать къ великому государю ударить ему челомъ: бунтовъ въ Войскѣ новыхъ опасаюсь.«

17 іюня прибылъ Скуратовъ съ гетманомъ въ Чигиринъ, и видѣлъ каждый день возрастающую къ себѣ холодность и даже презрѣніе. Предъ его глазами пріѣзжалъ крымскій посолъ подвигать Выговскаго воевать вмѣстѣ области Ракочія, и Выговскій отправилъ къ хану посольство; вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ польскій гонецъ Стрѣлковскій и извѣстилъ, что скоро пріѣдетъ посолъ, знакомый козакамъ, Янъ Бенёвскій. Скуратовъ четыре раза посылалъ къ гетману просить свиданія, но гетманъ не допускалъ его къ себѣ и приказалъ ему сказать, что ему нечего дѣлать въ Чигиринѣ.

Неизвѣстно, какъ и когда уѣхалъ Скуратовъ, но въ іюлѣ его не было въ Чигиринѣ. Между тѣмъ прибылъ въ Кіевъ новый воевода, бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. Бутурлинъ простился съ Украиною, гдѣ его полюбили: Бутурлинъ умѣлъ какъ-то ладить съ народомъ, и хотя и при немъ ратные люди часто изъ-за дѣла дрались съ туземцами, но онъ не потакалъ имъ. Бояринъ Шереметевъ пріѣхалъ въ Украину съ понятіями своенароднаго превосходства, силы, преемственной гордости и великорусской полной простоты. Число недоброжелателей увеличилось....

»Василій Борисовичъ«, говорилъ Выговскій одному игумену, который передавалъ его слова боярину Ртищеву,« не только сажаетъ мѣщанъ всякихъ въ тюрьму, но обижаетъ козаковъ и духовныхъ, похваляется отбирать церковныя имущества, и, вдобавокъ, меня знать не хочетъ, ни во что почитаетъ и самъ гетманомъ именуется.«

Подозрительный, онъ началъ видѣть измѣну; не нравился ему и въ Великой Россіи вольный духъ украинцевъ; сталъ онъ поступать съ ними, какъ привыченъ былъ въ Великой Россіи, выставлялъ свою власть, говорилъ, что онъ старше гетмана. Еще онъ и осмотрѣться хорошенько не успѣлъ, а уже заслужилъ всеобщее недоброжелательство.

У гетмана возникла ссора и съ Ромодановскимъ Уже послѣ пораженія Пушкаря, Ромодановскій вступилъ въ Украину и расположил-

ся въ прилуцкомъ полку; Барабашъ находился у него; съ нимъ были нѣкоторые другіе подвижники пушкаревой партіи: Довгаль, Семенъ писарь (онъ находился подъ видомъ арестованнаго, а въ самомъ дѣлѣ на волѣ). Выговскій почелъ эти поступки за явное противодѣйствіе себѣ. Выговскій жаловался, что Ромодановскій, пришедши въ Украину, не ссылается съ нимъ, съ главою страны; Ромодановскій, почитая себя старше гетмана, обвинялъ Выговскаго, что гетманъ къ нему не является. Гетманъ говорилъ, что Ромодановскій похваляется схватить его и притащить къ себѣ; »нельзя жить иначе, какъ окружить себя Татарами«, говорилъ гетманъ. Выговскій писалъ къ царю и жаловался, что къ нему отъ царя не присылаютъ отвѣта. »Побѣдивъ Пушкаря«, говорилъ онъ, »я сейчасъ же написалъ съ дьякомъ Василіемъ Петровичемъ Кикинымъ, а мнѣ ничего не сказали; или жалобы мои не доходятъ, или что-то другое тутъ дѣлается—не знаю и не приберу ума: по указу ли царскому дѣлаютъ мнѣ обиды Шереметевъ и Ромодановскій, или нѣтъ«. По просьбѣ Выговскаго о выводѣ войскъ, Ромодановскому велѣно было выступить; онъ оставилъ часть войска въ городахъ; у нихъ съ жителями начались ссоры и драки; гетманъ потворствовалъ народному нерасположенію, какъ только ему случалось прорываться противъ Москалей. Когда миргородскій полковникъ Козелъ извѣстилъ его, что въ Гадячѣ стали великорусскіе ратные люди, Выговскій позволилъ ему выгонять ихъ силою и биться съ ними, какъ съ непріятелемъ. По обычаю, пограничные воеводы отправляли своихъ людей провѣдывать вѣстей въ Украину; прежде такіе молодцы ѣздили безопасно, а теперь ихъ стали ловить и сажать въ тюрьмы. Украинные молодцы Сѣверской земли шайками стали набѣгать на пограничныя великорусскія села сѣвскаго уѣзда, грабить и жечь....

IX.

Въ Польшѣ, къ 10 іюля, собирался сеймъ. »Въ настоящее время«, писалъ король въ оповѣстительномъ универсалѣ, »для насъ нѣтъ ничего желаннѣе примиренія съ московскимъ государемъ и соединенія польской державы съ московскою. Виленская коммиссія можетъ достаточно служить доказательствомъ нашего расположенія къ этому. Мы созываемъ генеральный сеймъ всѣхъ чиновъ королевства польскаго, преимущественно съ цѣлію утвержденія дружественной связи съ народомъ московскимъ

и соединенія обѣихъ державъ, дабы вѣчный миръ, связь и союзъ непоколебимаго единства образовался между Поляками и Московитянами — двумя сосѣдними народами, происходящими отъ одного источника славянской крови и мало различными между собою по вѣрѣ, языку и нравамъ. Поручаю чинамъ королевства размыслить о средствахъ такого соединенія, дабы народъ московскій, соединенный съ польскимъ, получилъ право старинной польской вольности и свободнаго избранія государей« (1).

Козацкій гетманъ и старшины послали изъ Украины депутатовъ на этотъ сеймъ, какъ-будто для того, чтобъ, заключить заранѣе съ Польшею союзъ, обезпечивающій Украину, дабы впослѣдствіи, когда Московія и Польша соединятся, и Украина могла бы вступить въ это соединенное государство съ своими правами. Посломъ въ Варшавѣ былъ обозный Тимофей Носачъ съ товарищами. Выговскій въ то время приказалъ всѣмъ козакамъ быть въ вооруженіи.

Между тѣмъ, изъ Варшавы донесли царю его послы, что, въ противность договора съ Хмельницкимъ, козацкіе послы прибыли въ Варшаву, и для поддержанія царской чести, они не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры съ Поляками, пока не вышлютъ козацкихъ депутатовъ; паны принуждены были удалить козаковъ на предмѣстіе (2). Чрезъ нѣсколько времени царь получилъ новое донесеніе отъ пословъ о совершенномъ нежеланіи Поляковъ избирать царя на престолъ; послы приписывали эту перемѣну вліянію козаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Тимофей Носачъ былъ допущенъ къ королю, то требовалъ отъ имени всей Украины, чтобъ Польша, согласно данному обѣщанію, даровала корону Алексѣю Михайловичу, а права Украины обезпечила на будущее время особымъ съ нею трактатомъ. Носачъ выражалъ свои требованія съ жаромъ и даже грубо. Паны отвѣчали, что присланы будутъ особые коммиссары для заключенія договора съ Украиною (3). Депутаты сейма, обнадеженные возможностью присоединить Украину къ Польшѣ, прервали, подъ предлогомъ повальныхъ болѣзней, засѣданія и ограничились единственно тѣмъ, что обѣщали посламъ московскимъ назначить коммиссію для разсужденія, на какихъ началахъ могутъ обѣ державы приступить къ соединенію (4). Царскіе послы поняли, что Поляки только хотятъ протянуть время.

Поляки дѣятельно хлопотали, чтобъ преклонить Выговскаго и всю

---

(1) Ann. Pol. Cl. II, 295. Hist. pan. Jan. Kaz. I, 345. (2) Hist. pan. Jan. Kaz., 347. (3) Hist. ab. exc. VI. IV, 416. (4) Dzieje pan. Jan. Kaz. I, 95.

Украину къ соединенію съ Польшею. Хитрый Бенёвскій безпрестанно переписывался съ гетманомъ, со старшинами (1), держалъ въ Чигиринѣ агента, львовскаго мѣщанина Грека Ѳеодосія Томкевича, который вкрался въ довѣренность къ Полякамъ и козакамъ, и безпрестанно ѣздилъ изъ Украины въ Польшу и обратно, и служилъ посредникомъ между козацкимъ правительствомъ и Бенёвскимъ (2). Сначала Выговскій повидимому подавалъ Полякамъ такую же невѣрную надежду, какъ и покойный Хмельницкій. Послѣ избранія его, король послалъ къ нему поздравленіе; Выговскій отвѣчалъ съ благодарностію, но не показывалъ охоты къ возобновленію подданства Польшѣ (3). Гнѣзненскій архіепископъ написалъ ему, что вольному народу съ вольнымъ удобно соединиться. Выговскій въ отвѣтѣ своемъ соглашался,—съ такимъ, однако, замѣчаніемъ: »по Божіему устроенію, ни одинъ изъ нашихъ союзниковъ не оказалъ такого благородства, какъ царь московскій, не лишающій насъ милости (4)«. Онъ казался стоекъ и твердъ въ сношеніяхъ съ Поляками, не хотѣлъ уступать Пинска, отдавшагося Хмельницкому, и грозилъ войною, когда Поляки выгнали оттуда козацкій гарнизонъ (5).

Мало по малу все измѣнялось. Весною неутомимый Бенёвскій писалъ, что надежды его оправдываются, что козаки не уживаются съ Московіею, и приписывалъ это своимъ трудамъ (6). Къ-сожалѣнію, неизвѣстны всѣ продѣлки, какія употреблялъ этотъ ловкій дипломатъ, чтобъ внушать Выговскому и козацкимъ старшинамъ ненависть къ московскому правительству. Знаемъ только, что Поляки разсылали по Украинѣ воззванія и писали разнымъ лицамъ письма, гдѣ пытались напугать старшинъ разными опасностями, грозящими изъ Москвы. Несомнѣнно, что наклонность къ соединенію съ Польшею усиливалась вмѣстѣ съ тѣми недоразумѣніями, какія возникали съ Московіею.

Въ половинѣ іюня Выговскій отправилъ къ Бенёвскому Тетерю, самаго ревностнаго приверженца Поляковъ; писалъ, что отрекается отъ союза съ царемъ и, въ случаѣ надобности, готовъ съ Татарами идти на царя (7). Что касается до Бенёвскаго, то этотъ видимый благопріятель Украины, расточавшій козакамъ самыя мирныя, самыя лестныя обѣщанія, въ письмѣ своемъ коронному гетману изъяснялъ, что необходимость заставляетъ вести переговоры, но, конечно, лучше было бы, если бъ мож-

---

(1) Пам. кіев. комм. III, 3. 161. 181. 190. 191. 202 203. 204. 244. 248. 251. 270. 211. (2) Ibid., 217. 219. 220—227. (3) Ibid., 166—169. (4) Ibid., 173. (5) Ibid., 362. 193. 212. (6) Ibid., 221. (7) Ibid., 270. 276.

но привести козаковъ во власть Польши оружіемъ, безъ всякихъ трактатовъ (1).

Новыя сборища остатковъ партіи Пушкаря и Барабаша зашевелились на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Враги Выговскаго искали содѣйствія у Ромодановскаго и у пограничныхъ украинныхъ воеводъ; между тѣмъ гетманская политика склонялась къ рѣшительному союзу съ Польшею, и Виговскому надобно было опасаться, что какъ скоро на Москвѣ узнаютъ объ этомъ, такъ сейчасъ войско двинется въ Малороссію. Гетману нужно было поговорить о важномъ дѣлѣ съ народомъ на генеральной радѣ. Гетманъ, въ августѣ, разослалъ по всѣмъ полкамъ приказанія, чтобъ всѣ были въ сборѣ, въ вооруженіи и готовились въ походъ. Между тѣмъ московское правительство, хотя знало о волненіи умовъ въ Украинѣ, но приписывало его происканъ Поляковъ и показывало прежнюю довѣренность къ гетману. Изъ Москвы посланъ былъ къ Выговскому новый посланецъ, подъячій Яковъ Портомоинъ, съ подарками и милостивымъ царскимъ словомъ. Онъ прибылъ въ Чигиринъ 9 августа. Въ царской грамотѣ, поднесенной Выговскому, объявлялась ему похвала за вѣрность, предостерегали гетмана и козаковъ не вѣрить прелестнымъ письмамъ, которыя разсылаютъ Поляки по Украинѣ и въ нихъ клевещутъ на московскихъ бояръ и воеводъ, желая произвести ссору.

Но подъячій увидѣлъ, что вѣтеръ уже сильно перемѣнился. На его дружелюбныя рѣчи гетманъ отвѣчалъ, что онъ радъ служить государю; потомъ выразился въ такихъ словахъ:

»Изъ разныхъ мѣстъ пишутъ мнѣ полковники и сотники и эсаулы, что воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Ромодановскій присылаются къ намъ въ Малороссію для того, чтобъ меня известь. Въ разныхъ мѣстахъ по Украинѣ ратные люди полку князя Ромодановскаго убивали нашихъ людей, чинили грабежи и разоренія; самъ князь Ромодановскій принялъ къ себѣ въ полкъ Барабаша и Лукаша и иныхъ враговъ моихъ. Когда я просилъ помощи противъ Пушкаря, государь не послалъ мнѣ, а какъ я управился съ Пушкаремъ самъ, такъ тогда и войска пришли для того, чтобъ укрѣплять своевольниковъ да новые бунты заводить. Я не хочу ждать, пока ратные люди придутъ на насъ войною. Иду самъ за Днѣпръ со всѣмъ козацкимъ войскомъ и съ Татарами. Буду отыскивать и казнить мятежниковъ, а если государевы ратные люди вздумаютъ заступаться за нихъ, или сдѣлаютъ какой-нибудь задоръ въ на-

(1) Ibid., 239.

шемъ малороссійскомъ краѣ, то я молчать не стану; и буду биться съ государевыми войсками, если они станутъ укрывать мятежниковъ; и въ Кіевъ пошлю брата своего Данила съ войскомъ и съ Татарами; велю выгнать оттуда боярина Шереметева и разорить городъ, который былъ состроенъ по указу его царскаго величества.«

— »Объ этомъ«, возразилъ ему посланецъ, »тебѣ, гетману, и мыслить нельзя, не токмо что говорить. Бояринъ Шереметевъ и околничій князь Ромодановскій посыланы были по твоему челобитью. Нечего тебѣ вѣрить письмамъ твоихъ полковниковъ и сотниковъ и эсауловъ. По государеву указу ратнымъ людямъ учиненъ заказъ, чтобъ они никакихъ задоровъ не дѣлали и никого не обижали, и если бъ что такое сдѣлалось, такъ тебѣ бы гетману объ этомъ писать къ великому государю, и его царское величество велѣлъ бы сыскать, и про то учинить свой указъ по сыску; а когда ты собралъ войско да призвалъ Татаръ, такъ это значитъ: ты преступаешь священную заповѣдь и нарушаешь крестное цѣлованіе.«

»Много я писалъ«, отвѣчалъ Выговскій, »и пословъ своихъ не разъ посылалъ, а теперь только и осталось мнѣ, что идти съ войскомъ да съ Татарами.«

Въ это время, какъ бы на обличеніе гетмана, бояринъ Шереметевъ прислалъ гонца съ письмомъ, приглашать Выговскаго на свиданіе.

»Уже не одинъ разъ ко мнѣ пишетъ бояринъ«, сказалъ Выговскій, »о томъ, чтобы намъ сойтись, да времени нѣтъ. Вотъ какъ полки соберутся, тогда и разговоръ у насъ будетъ.«

Царскаго посланца отпустили на квартиру. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ другой гонецъ изъ Москвы, Ѳедоръ Тюлюбаевъ, спрашивать: что значитъ, что Войско Запорожское вооружается, и противъ кого?

11 августа, гетманъ выѣхалъ изъ Чигирина. Къ Портомоину явилось шесть человѣкъ съ ружьями и объявили, что гетманъ послалъ ихъ держать стражу у двора московскаго посланца. Вслѣдъ затѣмъ привели на тотъ же дворъ Тюлюбаева и помѣстили, вмѣстѣ съ Портомоинымъ, подъ карауломъ. Но караулъ былъ не крѣпокъ. Вѣроятно, гонцы имѣли возможность переговариваться съ приходящими, получать и передавать вѣсти. 30 августа, по приказанію гетмана, присланному въ Чигиринъ, явились на дворѣ, гдѣ сидѣли гонцы, мѣщанскій эсаулъ и два бурмистра съ отрядомъ козаковъ, взяли обоихъ посланцевъ и съ ними провожатахъ изъ Путивля, обобрали у нихъ платье и лошадей, повели въ гетманскій дворъ, заковали въ кандалы и приставили стражу. »И терпѣли мы«,

доносилъ Портомоинъ, »и голодъ и всякую нужу, а корма намъ давали мало. Три недѣли сидѣли мы въ кандалахъ, потомъ насъ расковали и развели по дворамъ, и сидѣли мы тамъ подъ карауломъ, какъ прежде.«

Между тѣмъ, въ началѣ августа, Ромодановскій препроводилъ Барабаша подъ стражею въ Кіевѣ къ Шереметеву — какъ послѣ объяснили — для того, чтобъ предать его войсковому суду. Московское правительство считало его виновнымъ и не хотѣло предоставить его безъ войсковаго суда мести Выговскаго. На дорогѣ, уже недалеко отъ Кіева, въ мѣстечкѣ Гоголевѣ, когда сотенный отрядъ, провожавшій Барабаша, сталъ на ночлегъ, вдругъ напалъ на него козацкій отрядъ черкасскаго полка, подъ начальствомъ черкасскаго полковника Джулая. Нѣсколько дѣтей боярскихъ были побиты, другіе ограблены, нѣкоторые разбѣжались; самъ начальникъ конвоя Левшинъ попался въ плѣнъ съ Барабашемъ. Ихъ посадили на телѣги и умчали въ Переяславъ. Выговскій велѣлъ Барабаша везти за Днѣпръ въ обозѣ, чтобъ предать суду козацкой рады.

Около этого времени, какъ разсказывали, случилось будто бы сдѣдующее происшествіе.

Говорили, будто по Днѣпру плылъ гонецъ изъ Москвы съ грамотою къ кіевскому воеводѣ Шереметеву. Козаки схватили его и привели къ Выговскому.

На козацкой радѣ прочитана была перехваченная грамота. Въ ней, по сказкѣ современныхъ лѣтописцевъ польскихъ, было написано, что Выговскій и старшины хотятъ измѣнить царю, и предписывалось Шереметеву тайно схватить неблагонамѣреннаго гетмана съ соумышленниками и подъ стражею отправить въ Москву. Это, безъ сомнѣнія, выдумка, и если что-нибудь было подобное, то, вѣроятно, это была польская интрига. Грамота была подложная.

»Это еще не все« , говорилъ козакамъ гетманъ: »перебѣжчики изъ московскаго войска сказывали, что царь хочетъ послать на насъ свои силы и истребить все Козачество, оставить всего на все только десять тысячъ« .

Раздались крики негодованія.

»Чого́ ще ма́емо жда́ти? Ходи́ли до грома́ди и до оборо́ни сами́хъ себе́ и старшини́, присяга́ли еди́нъ дру́гому лягти́, рятуючи панівъ полковниківъ и старшину́.»

Выговскій воспламенялъ такой духъ, выкативши козакамъ нѣсколько бочекъ горілки (1).

Выговскій потянулся съ войскомъ къ восточнымъ предѣламъ малороссійскаго лѣвобережнаго края. А между тѣмъ, разсылались универсалы по всей Украинѣ, возбуждать народъ къ возстанію противъ Москалей.

Настроенные противъ Москалей козаки стали вездѣ задерживать, грабить и оскорблять Великороссіянъ, гдѣ только встрѣчали въ своей землѣ. Тогда между козаками были молодцы, что безъ всякаго повода готовы были пограбить и посвоевольничать надъ человѣкомъ; и теперь, конечно, такіе были рады случаю, когда своевольство не только могло пройти даромъ, а еще допускалось. Не было ни прохода, ни проѣзда: »и твоихъ государевыхъ проѣзжихъ всякихъ чиновъ людей по дорогамъ Черкасы побиваютъ, а иныхъ задерживаютъ и отсылаютъ къ гетману Ивану Выговскому«, доносили въ Москву пограничные воеводы.

Братъ гетмана, Данило, по порученію гетмана, покусился взять Кіевъ; съ нимъ было пять полковъ: бѣлоцерковскій, кіевскій, паволоцкій, брацлавскій и поднѣстрянскій.... Но порученіе окончено очень неудачно. Козаки, подступая къ Кіеву, стали ловить лошадей на пастьбищѣ и ударили на сторожевыя сотни, разставленныя въ разныхъ мѣстахъ для наблюденія за приходомъ непріятеля. Сторожи побѣжали и дали знать въ пору, и воеводы собрали ратныхъ людей. Козаки вторгнулись на посадъ, перебили нѣсколько Великороссіянъ, зажгли посадъ, чтобъ очистить мѣсто для приступа, и начали копать шанцы, чтобъ вести правильный приступъ на городъ. Но Великороссіяне вышли изъ города, напали на козацкіе окопы, выбили изъ нихъ козаковъ и захватили знамена, литавры, бубны, бунчукъ, печать; простые козаки покидали оружіе и сдавались, другіе пустились бѣжать и хотѣли переправиться черезъ Днѣпръ, но потонули. Самъ Данило убѣжалъ раненый. Плѣнныхъ козаковъ подвергли пыткѣ. Со страху они старались какъ можно болѣе чернить Выговскаго, и увѣряли, что пошли подъ Кіевъ по неволѣ, что ихъ сѣкли и били для того, чтобъ они шли. Шереметевъ далъ имъ приказаніе не слушаться болѣе гетмана, и отпустилъ ихъ.

Выговскій жаловался, что послѣ того Шереметевъ началъ розыскивать, мучить, рубить головы—по подозрѣнію, и вообще преслѣдовать непокорный духъ. Отецъ Выговскаго, Евстафій, пріятель Бутурлина, съ се-

(1) Hist. panow. Jan. Kaz. I, 358. Ann. Pol. Cl. II, 308.

мействомъ убѣжалъ въ Чигиринъ. Шереметевъ сжегъ Боришполь близъ Кіева, гдѣ, какъ узналъ, собиралось мятежное ополченіе.

Когда, такимъ образомъ, разыгралось неудачное покушеніе отнять столицу южнорусскаго края у Москалей, Выговскій пошелъ къ Гадячу, подъ предлогомъ преслѣдовать и карать мятежниковъ и своевольниковъ, которые въ этихъ мѣстахъ снова воскрешали пушкаревскую партію. Съ нимъ были Татары и польскій отрядъ. Съ нимъ ѣхали польскіе послы Бенёвскій и Евлашевскій съ инструкціею для заключенія союза. Немиричъ былъ устроителемъ согласія.

X.

Когда войско достигло мѣстечка Камышни, 31 августа прибылъ новый царскій гонецъ, дьякъ Василій Михайловичъ Кикинъ, уже бывавшій прежде у Хмельницкаго и у Выговскаго. Въ Москвѣ узнали уже о вооруженіи, о похвалкахъ на великорусскія войска, и новый гонецъ ѣхалъ уже не такъ какъ злополучный Портомоинъ съ милостивымъ словомъ, а съ выговоромъ и съ упреками.

Первая встрѣча показывала новому послу, ка́къ идутъ дѣла у козаковъ. Къ нему явился Полякъ и объявилъ, что будетъ у него приставомъ. Но тѣмъ не менѣе, соблюдены были всѣ почести. Когда посолъ ѣхалъ къ гетману на свиданіе, выстроена была пѣхота и стрѣляла начесть; Кикинъ замѣтилъ послѣ, что пѣхота была плохо и худо одѣта. Высланный къ нему отрядъ чигиринскаго полка въ двѣсти человѣкъ сошелъ съ лошадей; всѣ кланялись, а полковникъ говорилъ привѣтствіе. Другая встрѣча ожидала его далѣе: ее отправлялъ Ковалевскій. Когда посолъ приблизился къ шатру гетмана, — на третью встрѣчу къ нему вышелъ Немиричъ: присутствіе такого лица и участіе въ дѣлахъ не обѣщало хорошаго.

Гетманъ изъ Камышни перешелъ въ Липовую-Долину, и тамъ принялъ посла торжественно, въ шатрѣ, окруженный полковниками, сидѣвшими около своего предводителя кругомъ. Дьякъ подалъ увѣщательную грамоту, и Выговскій пригласилъ его сѣсть возлѣ себя. Не смотря на неудовольствіе, которое было и поводомъ посольства, дьякъ отъ имени государя спросилъ гетмана о здоровьѣ.

Дошло до переговоровъ о дѣлахъ.

Посланникъ спросилъ отъ имени царя: »на какого непріятеля собрались вы съ такими силами козацкими и татарскими?«

Гетманъ роптalъ, что, послѣ усмиренія Пушкаря, его приверженцы нашли покровительство у Ромодановскаго.

»Барабашъ«, говорилъ Выговскій, »именуетъ себя гетманомъ, при живомъ гетманѣ, а окольничій Ромодановскій величаетъ себя великимъ княземъ, а бояринъ Шереметевъ погубилъ безвинно много православныхъ душъ и пожегъ христіанскія церкви. Бояринъ Василій Борисовичъ меня зазывалъ къ себѣ, чтобъ погубить; я это зналъ, и не поѣхалъ къ нему, а послалъ на разговоръ брата своего Данила и въ предостереженіе далъ ему нѣсколько полковъ, именно для того, чтобъ бояринъ не учинилъ какого-нибудь зла. Такъ и сталось. Бояринъ нежданно напалъ ратью, и Данила и многихъ козаковъ и мѣщанъ побили. Глупъ мой Данило, не умѣлъ отдѣлать ихъ! За то я пошлю на боярина войско, и со всѣми его людьми прахомъ выкину изъ Кіева!«

— »Какъ же«, говорилъ дьякъ, »ты, гетманъ, это говоришь, не боясь страшнаго владыки херувимскаго? Своими устами читалъ ты присягу на евангеліи и цѣловалъ крестъ быть до смерти вѣрнымъ царскому величеству и никакого лиха не замышлять: а теперь поджидаешь Татаръ, идешь на помазанника и своего благодѣтеля, который васъ денежною казною надѣлялъ такъ щедро, что не можно и вмѣстить, и воинству своему повелѣвалъ кровь свою проливать за васъ! Блюдитесь же, чтобъ вамъ не навести на себя, за преступленія, праведнаго Божія наказанія! Вотъ то́, что́ мнѣ прилучилось слышать о Кіевѣ—это примѣръ, что Богъ свыше зритъ на неправду и мститъ за нее!«

»Мы отъ руки его царскаго величества не отступили«, сказалъ гетманъ, »а воеводы его Ромодановскій да Шереметевъ много намъ зла надѣлали: и права́ наши поломали, и церкви Божіи пожгли, и иноковъ и инокинь и христіанскія души невинно погубили. Мы зато будемъ имъ мстить и управляться съ ними, пока насъ самихъ станетъ. Какъ и при королѣхъ польскихъ мы за свои права стояли, такъ и теперь будемъ стоять.«

Дьякъ замѣтилъ: »это не дѣло подданныхъ—управляться между собою самимъ, воздвигать междоусобную брань и проливать кровь. Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій — люди честные и великородные; не годится ихъ такъ безчестити, а еслибъ что́ отъ нихъ и было, то можно послать бить челомъ государю нашему и ожидать его указа, а того и помыслить страшно, чтобъ, собравшись съ врагами креста Христова, нападать на людей его царскаго величества и воздавать зломъ за добро, на радость латинщикамъ и бу-

сурманамъ! А лучше вамъ, вспомня свое обѣщаніе предъ евангеліемъ, отстать отъ злыхъ дѣлъ и неправдъ, распустить войска свои и отпустить Татаръ, впередъ съ ними не ссылаться и не чинить соединенія.«

— »Этого и въ мысли нашей нѣтъ«, сказалъ гетманъ, »чтобъ не управясь съ непріятелемъ, да разойтись по домамъ и Татаръ отпустить; не токмо Татаръ — и Турокъ и Ляховъ сюда притянемъ!«

»Такъ если вы задоръ учините«, сказалъ дьякъ, »то его царское величество пошлетъ на васъ многія свои пѣшія и конныя силы, и будетъ вамъ разоренье самимъ отъ себя!«

— »Мы писали уже къ его царскому величеству, а государь не показалъ намъ своей милости, не изволилъ прислать намъ бунтовщиковъ, и окольничему Ромодановскому за его неправды никакого указа не далъ; такъ мы, посовѣтовавшись съ старшиною, идемъ на бунтовщиковъ и на тѣхъ, кто стоитъ за нихъ!«

— Князь Ромодановскій отправилъ уже Барабаша въ Кіевъ, чтобъ отдать его на войсковой судъ.«

— »Барабашъ уже въ монхъ рукахъ«, сказалъ Выговскій.

»Зрадлива Москва«, сказалъ черкасскій полковникъ Джулай, »дала Левшину наказную память, чтобъ Барабаша везли съ великимъ береженьемъ: это значитъ, чтобъ мы его не отбили да не взяли!«

— »Не годилось бы вамъ дѣлать такія грубости и Барабаша отбивать: и безъ боя отдали бы его тебѣ; а написано въ наказѣ: *везти съ береженьемъ* — не отъ васъ, а отъ такихъ своевольниковъ, какъ самъ Барабашъ. Вы жалуетесь, что воеводы вашихъ бунтовщиковъ укрываютъ, а нѣжинскій полковникъ зачѣмъ это держитъ у себя вора, у котораго за воровство уши порѣзаны? Онъ-то его на всякое дурно подводитъ. Вамъ бы прислать его къ его царскому величеству, да и впередъ не принимать такихъ воровъ.«

»Съ чего это взяли?« сказалъ Гуляницкій: »у меня такого московскаго бѣглаго человѣка нѣтъ и не бывало!«

Еще принялся дьякъ истощать свое краснорѣчіе, убѣждая оставить непріязненныя дѣйствія. Но гетманъ повторилъ тоже, что прежде говорилъ:

»Не враги мы царскому величеству; а боярамъ, которые насъ отъ царской милости отлучаютъ, будемъ мстить! Довольно. Въ другой день потолкуемъ, а мы пока со старшиной посовѣтуемся!«

Тѣмъ и кончилось это интересное свиданіе. На другой день, 3 сентября, пришелъ къ дьяку Немиричъ и сказалъ:

»Гетмана извѣстили, что Шереметевъ послалъ своихъ Москалей жечь и разорять города и мѣстечки: въ Боришполѣ всѣхъ людей побили; прямо на Переяславъ отправилъ воевода полковника Корсака; мучатъ православныхъ христіанъ разными муками. Пошли къ нему, чтобъ онъ пересталъ такъ поступать.«

»Я не смѣю«, сказалъ дьякъ, »писать къ нему: онъ бояринъ и воевода, и намѣстникъ бѣлозерскій, человѣкъ честный; за это мнѣ быть у его царскаго величества въ опалѣ.«

Затѣмъ дьякъ началъ просить отпуска.

Нѣсколько дней послѣ того пробылъ дьякъ безъ дѣла, и вотъ приходитъ къ нему эсаулъ Ковалевскій.

»Хотѣлъ бы«, говорилъ онъ, »гетманъ и всѣ старшины отправить пословъ своихъ къ царю, да не смѣетъ никто ѣхать — боятся гнѣва царского, задержанія и ссылки.«

Дьякъ сказалъ:

»Великій государь нашъ щедръ и милостивъ. Поѣзжай, Иванъ, ты безъ сумнѣнія, а старшину разговори, чтобъ войной не ходили на царскіе украинные города.«

Тогда Ковалевскій, сторонникъ Выговскаго, хотѣлъ поддѣлаться къ царскому послу и началъ наговаривать на своего предводителя:

»Правду скажу, и я и многіе изъ насъ не чинили бы этого, да гетманъ страшитъ насъ смертью и муками; да и всѣ козаки въ Запорожскомъ Войскѣ видятъ, что гетманъ великое разоренье дѣлаетъ, — видятъ да терпятъ, боятся татарской сабли.«

4 сентября, царскаго посла пригласили въ шатеръ къ Немиричу. Тамъ сидѣлъ гетманъ и нѣсколько полковниковъ. За день передъ тѣмъ привезли въ обозъ скованнаго Барабаша. По извѣстіямъ, сообщеннымъ предъ тѣмъ тайно послу отъ одного козака, Барабашъ подъ пыткою сказалъ, что онъ гетманомъ назывался по своей охотѣ, а вовсе не по наущенію Ромодановскаго, и ему никакихъ грамотъ не присылано отъ царя. Но теперь гетманъ послу сказалъ такъ:

»Открылось намъ вотъ что: какъ мы съ войскомъ и съ крымскими Татарами пошли на бунтовщиковъ и злочинцевъ нашихъ, то царское величество, услыша объ этомъ, приказалъ бунтовщика Барабаша послать въ Кіевъ—будто бы отдавать его въ Войско Запорожское, на войсковыя права, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ гетманъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и тутъ бы Шереметевъ гетмана схватилъ. Барабашъ такъ говоритъ, можешь его спросить. Да еще видно немилосердіе къ намъ цар-

скаго величества: перебѣжчики изъ московскаго войска говорили намъ, что сами слушали царскую грамоту, присланную къ Ромодановскому, велѣно чинить промыселъ надъ гетманомъ и старшиною: всѣхъ переловить и побить.«

— »Какъ это вы Бога не боитесь! выдумываете такую неправду на его царское величество, когда великій государь прислалъ меня къ вамъ съ своею милостью? Яшка Барабашъ говоритъ воровски, затѣваетъ съ досады, чѣмъ бы гетмана отъ милости государевой отлучить; и простой человѣкъ разсудитъ: какое ужъ добро говорить вору и измѣннику, на смерть осужденому! Незачѣмъ мнѣ видѣть Барабаша: съ такимъ воромъ мнѣ и говорить не годится!«

Послѣ того Немиричъ пригласилъ посла къ гетману на обѣдъ.

Когда обѣдали, Барабашъ стоялъ у полы шатра, прикованный къ пушкѣ.

»Что́ дѣлается въ Бѣлгородѣ«? спрашивалъ его Выговскій, пируя съ гостьми: »много ли ратныхъ людей въ Бѣлгородѣ?«

— »Бага́то людей», отвѣчалъ Барабашъ.

»Это Барабашъ на ссору наговариваетъ«, замѣтилъ дьякъ: »въ Бѣлгородѣ людей немного.«

Гетманъ пилъ чашу государеву. Пили гости. Барабашъ стоялъ на поруганіе предъ гостьми въ злополучномъ видѣ.

5 сентября опять позвали дьяка къ гетману:

»Говоришь ты, гетманъ« сказалъ дьякъ, »что царскаго величества воевода Ромодановскій и ратные люди, будучи въ Запорожскомъ Войскѣ, козакамъ и крестьянамъ учинили обиды и насильства и разореніе; а мнѣ случилось видѣть твой листъ къ Богдану Матвѣеевичу Хитрово: ты просилъ его бить челомъ государю, чтобъ его царское величество приказалъ Ромодановскому съ ратными людьми выступить изъ черкасскихъ городовъ только потому, что своевольство у васъ укрѣпилось, и утруждать войска́ нечего. Тамъ ты не писалъ о насильствахъ и разореньяхъ, а теперь говоришь мимо истинной правды, будто тебѣ дѣлаются отъ нихъ насильства и обиды! Вскладывать напраслину и затѣвать неправду отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдно!«

Гетманъ на это отвѣчалъ:

»Когда я писалъ письмо къ Богдану Матвѣевичу Хитрово, мнѣ еще не было подлинно извѣстно о тѣхъ невыносимыхъ несправедливостяхъ, какія дѣлали войска; а какъ мнѣ стало вѣдомо про всѣ насилія, и грабежи, и разоренія, и убійства, тогда я, посовѣтовавшись съ старши-

ною, призвалъ Татаръ и пошелъ на отмщеніе своихъ обидъ, и буду биться, пока насъ всѣхъ станетъ.«

Дьякъ началъ расточать прежнія убѣжденія, напоминалъ о присягѣ, о единовѣріи, о царской милости, и просилъ по крайней мѣрѣ удержаться отъ непріятельскихъ дѣйствій, пока придетъ царскій указъ.

Гетманъ отвѣчалъ:

»Неудобно намъ съ большимъ войскомъ стоять на мѣстѣ. У насъ не заготовлено припасовъ, войско будетъ дѣлать тягости мѣщанамъ и пашеннымъ крестьянамъ.«

Дьякъ снова началъ убѣждать и стращалъ козаковъ гнѣвомъ Божіимъ. Послѣ долгаго упорства, гетманъ наконецъ сказалъ:

»Хорошо, я напишу съ тобою къ его царскому величеству и буду ожидать царскаго указу отъ сего числа три недѣли и четыре дни.«

— »Такъ скоро? Я за дебелостью своею не поспѣю!« сказалъ дьякъ.

»Болѣе четырехъ недѣль мы ждать не будемъ«, сказалъ гетманъ, »и послѣ четырехъ недѣль начнемъ биться съ княземъ Ромодановскимъ и съ измѣнниками своими, которые поселились въ новыхъ городахъ. Да еще вотъ что. Какъ листъ мой гетманскій придетъ къ государю, такъ принимаетъ его посольскій думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, а государю кажетъ не подлинные листы, а списки съ нихъ; а самъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ недоброхотенъ ни мнѣ, ни Войску Запорожскому, и я думаю, что онъ къ великому государю взноситъ несходные съ подлинными листами списки. Я самъ, какъ былъ писаремъ при Богданѣ Хмельницкомъ, то бывало—кто мнѣ недругъ, и о чемъ нибудь пишетъ гетману, такъ я читаю гетману не то, что писано, нарочно, чтобъ гетмана разсердить на того, кто пишетъ. Пусть его царское величество пожалуетъ гетмана и все Войско Запорожское: не велитъ вѣдать листовъ нашихъ думному дьяку Алмазу Иванову, а поручитъ кому-нибудь другому изъ ближнихъ людей; да чтобъ государь велѣлъ предъ собою читать подлинные мои листы, а не списки.«

— »Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ«, объяснялъ Кикинъ, »по милости его царскаго величества, человѣкъ честный, навычный книжному ученью и многимъ философскимъ наукамъ; ему вручены и повѣрены отъ государя всѣ грамоты отъ разныхъ христіанскихъ и бусурманскихъ государствъ; не для чего ему быть къ тебѣ и къ Запорожью недоброхотнымъ; и не годится тебѣ такъ безчестить думнаго палатнаго человѣка его царскаго величества.«

»Мнѣ мои посланцы сказывали«, — говорилъ Выговскій.

— »Посланцы твои«, сказалъ дьякъ, »пьяницы и баламуты, на ссору тебѣ говорятъ, не хотя видѣть тебя въ милости у его царскаго величества. Будь надеженъ на милость великаго государя нашего, не прельщайся на злохитрыя прелести и не вѣрь ссорнымъ и смутнымъ рѣчамъ.«

Съ этимъ словомъ дьякъ вышелъ отъ гетмана.

По приходѣ въ свой шатеръ, явился къ нему войсковой Ѳедоръ Лобода съ чигиринскимъ козакомъ Коробкою. Онъ былъ ему знакомъ издавна по прежнимъ его поѣздкамъ въ Малороссію.

»Гетманъ«, сказалъ Лобода, »положилъ тебя отпустить, а полковники, корсунскій Краховецкій, да черкасскій Джулай, да Павелъ Тетеря приговариваютъ тебя отдать Татарамъ, а Татары докучаютъ объ этомъ безпрестанно: но гетманъ отговаривается, сказываетъ, что отправитъ тебя въ Чигиринъ на работу — дѣлать городъ. Всей измѣнѣ у насъ заводчикъ Павелъ Тетеря: онъ все нынѣшнее лѣто проживалъ въ Корцѣ съ Ляхами и съ ними сговаривался, какъ бы освободиться изъподъ власти царскаго величества.«

На другой день явился Немиричъ и потребовалъ Кикина къ гетману на отпускъ. Гетманъ отдалъ ему свое письмо къ государю и изъявилъ желаніе, чтобъ государь умилосердился и оказалъ справедливость.

»О справедливости«, сказалъ дьякъ, »бей челомъ государю чрезъ своихъ посланцевъ, а войско распусти по домамъ и Татаръ отпусти.

— »Войска я не распущу и Татаръ не отпущу, а буду ожидать указа царскаго величества отъ настоящаго дня четыре недѣли.«

Посолъ поклонился и вышелъ. Въ тотъ же день пріѣхалъ сотенный отрядъ, и выпроводилъ его не на прямую дорогу, а въ Миргородъ. Подозрительно это казалось и давало достовѣрность тому, что говорилъ Лобода, но посла увѣряли, что это дѣлается для предостереженія отъ Татаръ.

Н. Костомаровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОБЗОРЪ
УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

IV.
ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья первая.

Когда г. Артемовскій-Гулакъ умолкнулъ, какъ-бы сознавъ несостоятельность украинскаго слова, вопросъ о нашей словесности былъ, казалось, рѣшенъ окончательно. Пара крошечныхъ сборниковъ народныхъ пѣсень украинскихъ, изданныхъ въ 1819 и 1827 годахъ, одна пародія, двѣ театральныя пьесы да нѣсколько небольшихъ стихотвореній представлялись чѣмъ-то въ родѣ надгробныхъ памятниковъ нашей народности, къ которымъ только изрѣдка обращали взоры живые люди. Россійская словесность, усиленная и облагороженная Пушкинымъ, вступила во всѣ права своего господства на Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, на Волыни, на Подоли, въ Черноморіи, Новороссіи и вездѣ, гдѣ есть Украинцы. Судьбѣ угодно было, чтобы въ этотъ періодъ нашего литературнаго безсилія изъ среды насъ, Украинцевъ, явился писатель съ первостепеннымъ талантомъ, но съ словомъ не-украинскимъ. Онъ убѣдительнѣе всѣхъ доказалъ своими повѣстями тогдашнему обществу, что для изображенія Украины нѣтъ надобности въ украинскомъ словѣ. Занявъ почетное мѣсто въ великорусской литературѣ, онъ сдѣлался единственнымъ представителемъ нашего народнаго духа, склада ума, юмора, вкуса и чего угодно. Господство его въ области понятій объ Украинѣ продолжалось и тогда, когда появились въ печати истинно украинскіе писатели, Квитка и Шевченко; оно ощутительно еще и въ наше время, когда у

многихъ уже совершенно измѣнились историческія и этнографическія воззрѣнія на эту страну. Вотъ почему, проходя критикой постепенное развитіе украинской идеи въ литературныхъ ея проявленіяхъ, мы дѣлаемъ и украинскія повѣсти Гоголя предметомъ своего изслѣдованія.

Въ эпилогѣ къ *Чорной Радѣ* я ужъ представилъ небольшой опытъ подобнаго изслѣдованіи: я набросалъ въ общихъ чертахъ характеристику Гоголя, какъ живописца прошедшей и настоящей жизни украинской и, между прочимъ, указалъ на нѣкоторые погрѣшности *Вечеровъ на Хуторѣ* и *Миргорода* противъ исторіи и народнаго быта нашего. Это было дѣло смѣлое послѣ рецензій Бѣлинскаго и другихъ великорусскихъ критиковъ, признавшихъ повѣсти Гоголя вѣрнымъ отраженіемъ украинской прошедшей и настоящей жизни. *Русская Бесѣда*, вѣровавшая во многое съ дѣтскимъ простодушіемъ, рѣшилась отстоять Гоголя и дала у себя мѣсто очень странной статьѣ М. А. Максимовича, который съ перваго слова объявилъ, что будто бы я »умаляю достоинства повѣстей Гоголя изъ желанія возвысить этимъ значеніе *Черной Рады*« въ глазахъ читающаго общества (1). По мнѣнію г. Максимовича, личные виды могли заставить покривить искреннимъ судомъ о Гоголѣ даже и того, кто употребилъ столько трудовъ на собираніе матеріаловъ для біографіи Гоголя, кто дважды составилъ опытъ его біографіи, кто, изъ опасенія бросить какую-либо тѣнь на память высоко цѣнимаго имъ поэта, пересвѣтлилъ мѣстами его нравственный образъ и подвергся за то справедливому порицанію со стороны другихъ біографовъ, кто еще недавно издалъ, со всевозможно кропотливой повѣркой по рукописямъ *Сочиненія и Письма* этого поэта, и вмѣняетъ себѣ въ особенную честь такое дѣло, радуясь, что холодная рука издателя спекулянта не прикоснулась къ бумагамъ его земляка, умершаго вдали отъ родины.

Еслибы сказать, что біографъ и издатель Гоголя, въ началѣ своего дѣла, не имѣлъ никакихъ литературныхъ претензій, но что потомъ, написавъ *Чорную Раду*, возгордился мнимыми преимуществами своими въизученіи и пониманіи украинской жизни и исторіи; то это придавало бы еще обвиненію г. Максимовича какую-нибудь послѣдовательность. Но *Чорная Рада* могла быть напечатана уже въ 1846 году, еслибъ это отъ меня зависѣло. Ссылаюсь на людей извѣстныхъ въ литературѣ, Н. И. Костомарова и Т. Г. Шевченка (1), которые уже тогда читали ее

(1) См. *Русск. Бес.* 1858 года.

(2) Писано при жизни Шевченка и читано въ его присутствіи, въ украинскомъ литературномъ кругу.

въ рукописи, на украинскомъ языкѣ. Слѣдовательно, собирая по листочку матеріалы для біографіи Гоголя, заводя объ этомъ переписку съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ самимъ г. Максимовичемъ, разъѣзжая по этому дѣлу въ разныя мѣста и лѣпя въ книгу всякую мелочь, относящуюся къ Гоголю, съ благоговѣніемъ къ его невозвратному существованію,—я былъ тѣмъ же авторомъ *Чорной Рады*, что и нынѣ, и преклонялся предъ его высокимъ талантомъ точно такъ же, какъ и теперь преклоняюсь.

Въ изданныхъ мною *Запискахъ о жизни Гоголя* я не подвергалъ его сочиненій критическому разбору, во исполненіе завѣщанія его, чтобы *не спѣшить ни хвалой, ни осужденіемъ его произведеній* (1). Если же, начертывая, въ эпилогѣ къ *Чорной Радѣ*, историческое развитіе южнорусской словесности, я упомянулъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ украинскихъ повѣстей Гоголя, то это вовсе не значитъ, что я умышленно понижалъ ихъ достоинства. Извѣстно каждому, что полнаго совершенства достигаютъ поэты въ періодъ полной своей зрѣлости. Гоголю было 23 года, когда онъ писалъ *Тараса Бульбу*. Тогда онъ еще не былъ авторомъ произведеній, которыя составляютъ его истинную славу, и не напрасно сохранилось преданіе, что Пушкинъ, заинтересованный въ началѣ чтеніемъ *Тараса Бульбы*, сталъ потомъ обнаруживать неудовольствіе и наконецъ началъ говорить автору-чтецу: »Дурно! дурно! никуда не годится!« Само собою разумѣется, что негодившееся никуда для такого великаго поэта и строгаго судьи искусства, какъ Пушкинъ, безразлично восхитительно для такого критика, какъ г. Максимовичъ. Онъ называетъ *Тараса Бульбу* »дивнымъ созданіемъ«, не видя въ немъ вовсе недостатковъ, которые, по преданію, очень ясно видѣлъ Пушкинъ. Мало ли кто чему удивляется! но не мѣрою нашего удивленія опредѣляется достоинство поэтическихъ созданій. Иной дивится всему въ великомъ писателѣ, потому только, что это великій писатель; а другой гораздо болѣе дивится, что есть на свѣтѣ грамотные люди, которые нападаютъ на критика за то, что онъ обратилъ вниманіе цѣнителей искусства на погрѣшности писателя, къ которому уваженіе засвидѣтельствовалъ цѣлыми годами спеціальнаго труда своего.

Очень понятно для меня, что замѣтки, подобныя моимъ указаніямъ на недостатки Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей, могли бы болѣе или менѣе вредить литературной репутаціи какого-нибудь ав-

(1) *Соч. и П. Гоголя*, т. III, стр. 333.

тора средней руки. Но вѣдь Гоголь богачъ, для котораго ничего не значитъ—заплатить дань критикѣ. Лучшія изъ его украинскихъ повѣстей, какъ бы мы ни понизили ихъ уровень, всё таки могутъ быть понижены только въ отношеніи къ послѣдовавшимъ за ними его произведеніямъ; въ сравненіи же со всякими другими повѣстями, онѣ до сихъ поръ остаются, въ своемъ родѣ, единственными.

Если бы я, внявъ замѣчаніямъ г. Максимовича, отказался отъ своего взгляда на украинскія произведенія Гоголя и призналъ ихъ, какъ онъ, просто *дивными*, тогда бы я долженъ былъ признать, что великому писателю совершенство дается сразу. Напротивъ, въ жизни такого таланта, какъ Гоголь, каждые пять лѣтъ — а пожалуй и менѣе — составляютъ новый періодъ развитія. Только люди съ посредственными способностями, поднявшись до извѣстной высоты умственнаго развитія въ эпоху своей зрѣлости, не идутъ далѣе, а подъ старость, пожалуй, тупѣютъ и становятся ниже самихъ себя. Ничего нѣтъ мудренаго, что кто-нибудь, четверть столѣтія назадъ, чувствовалъ живѣе и смекалъ кое-что лучше, нежели въ 1858 году; но было бы очень странно, еслибы Гоголь былъ столь же дивенъ въ *Тарасѣ Бульбѣ*, въ какъ и въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Я полагаю, что г. Максимовичъ написалъ свою критику противъ меня не по какимъ-нибудь побужденіямъ въ родѣ тѣхъ, которыя предполагаетъ онъ во мнѣ. Я долженъ думать, что онъ писалъ ее искренно и прямодушно. Поэтому я прочелъ ее очень внимательно и, не смотря на то, что ея ревностный къ истинѣ авторъ присвоилъ себѣ право хозяйничать даже въ моей душѣ, вижу изъ нея, что представленная мною характеристика Гоголя коснулась предмета слишкомъ поверхностно, что, будучи очень сжата, она возбуждаетъ вопросы, не давая на нихъ отвѣтовъ, и что, какъ ни ясна она для автора, имѣющаго спеціальныя свѣдѣнія о предметѣ, — въ глазахъ читателей она, можетъ быть, не болѣе, какъ собраніе афоризмовъ. Эти мысли приводятъ меня къ заключенію, что не слѣдуетъ мнѣ останавливаться на томъ, что́ высказано мною въ эпилогѣ къ *Чорной Радѣ*, а слѣдуетъ взяться за критическую работу вновь и внести въ нее возможную полноту изложенія, которая бы сама собой разрѣшала недоумѣнья, могущія опять возникнуть въ умѣ читателей.

Прежде всего, я нахожу нужнымъ выписать изъ моего эпилога къ *Чорной Радѣ*, всю характеристику Гоголя. Прошу читателей, при чтеніи моей критики, постоянно имѣть въ виду высказанный въ этой характеристикѣ мой взглядъ на нашего великаго поэта.

»..... Гоголь отъ своего отца, автора и актера нѣсколькихъ драматическихъ пьесъ на украинскомъ языкѣ, получилъ первое побужденіе къ изображенію украинской жизни въ повѣстяхъ. Кругъ людей, въ который онъ попалъ по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и вліяніе окружавшихъ его личностей указали ему формы рѣчи, въ которыхъ его созданія могли быть доступны обществу: онъ началъ писать по-великорусски. Многіе изъ Украинцевъ сожалѣютъ, что онъ не писалъ на родномъ языкѣ; но я нахожу это обстоятельство одною изъ счастливѣйшихъ случайностей. По своему воспитанію и по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, онъ не могъ владѣть украинскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагу въ своемъ творчествѣ, за недостаткомъ формъ и красокъ. Каковъ бы ни былъ его талантъ, но, при этомъ условіи, онъ имѣлъ бы слабое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, а на великорусское общество — никакого. Но, заговоривъ объ Украинѣ на языкѣ, общедоступномъ для обоихъ народовъ, онъ, съ одной стороны, показалъ своимъ землякамъ, что́ у нихъ есть и было прекраснаго, а съ другой — открылъ для Великороссіянъ своехарактерный и поэтическій народъ, извѣстный имъ дотолѣ въ литературѣ только по каррикатурамъ. Судя строго, украинскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ въ себѣ этнографической и исторической истины, но въ нихъ чувствуется общій поэтическій тонъ Украины. Онѣ подходятъ ближе къ нашимъ народнымъ пѣснямъ, нежели къ самой натурѣ, которую отражаютъ въ себѣ эти пѣсни. Нельзя сказать, чтобы произведенія Гоголя объяснили Украину, но они дали новое, сильное побужденіе къ ея объясненію. Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать до конца родной народъ въ его прошедшемъ и настоящемъ. Онъ брался за исторію Украины, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ, и кончилъ все это *Тарасомъ Бульбою*, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній объ украинской старинѣ и необыкновенный даръ »пророчества въ прошедшемъ«. Перечитывая теперь *Тараса Бульбу*, мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсня, лѣтопись или преданіе брасаютъ ему искру свѣта, — съ необыкновенной зоркостью пользуется онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобъ распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ *Тарасъ Бульба* только поражаетъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ зиждущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины. Здѣсь опять многіе изъ Украинцевъ сожалѣютъ, что Гоголь не продолжалъ изучать Украины и не посвятилъ себя худо-

жественному воспроизведенію ея прошедшаго и настоящаго; и опять я въ его стремленіи къ великорусскимъ элементамъ жизни вижу счастливѣйшій инстинктъ генія. Въ его время не было возможности знать Украину больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ *мы*, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь. Но если предположить, что Гоголь вдался бы въ разработку украинскихъ архивовъ и лѣтописей, въ собираніе пѣсень и преданій, въ разъѣзды по Украинѣ, съ цѣлью видѣть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключить о прошедшей, — наконецъ, въ изученіе политическихъ и частныхъ международныхъ связей Польши, Россіи и Украины; то приготовленія къ художественному труду поглотили бы всю его дѣятельность, и, можетъ быть, мы ничего бы отъ него не дождались. Напротивъ, обратясь къ современной великорусской жизни, онъ дохнулъ свободнѣе: матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственнаго саморазвитія останавливало его творчество. Всё таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ *Мертвыхъ Душахъ*, этой великой попыткѣ произвесть нѣчно колоссальное. Приверженцы развитія украинскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ Русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало украинскаго вошло въ *Мертвыя Души?* Сами Москвичи признаютъ, что, не будь Гоголь Украинецъ, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго (1). Но созданіе *Мертвыхъ Душъ*, или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ *Авторской Исповѣди* и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губерніи, которая была поприщемъ послѣдняго усилія извѣстной партіи Украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ Великорусскимъ, поэтъ воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденія *бардъ* козацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностью къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному Русскому народу, какой только можетъ желать отъ Украинца уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это— самое великое дѣло Гоголя, по своимъ послѣдствіямъ, и, можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чемъ-либо, оправдает-

(1) См. *Нѣсколько словъ о Поэмѣ Гоголя: Мертвыя Души*, К. Аксакова. Москва. 1842, стр. 17—18.

ся зародившееся въ немъеще съ дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра (1). Со временъ Гоголя, взглядъ Великоруссовъ на натуру Украинца перемѣнился: почуяли въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнію и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ, болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, Украинцы, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставилъ насъ такъ же почувствовать. Назначеніе Гоголя было—внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоразумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки.«

Вотъ онѣ, несчастныя страницы моего эпилога къ *Черной Радѣ*, которыя неумышленно огорчили г. Максимовича и подали ему поводъ къ психологическимъ догадкамъ на счетъ сокровенныхъ моихъ побужденій! Развернемъ теперь первый томъ *Сочиненій и Писемъ Гоголя*.

Съ самого появленія въ свѣтъ *Вечеровъ на Хуторѣ*, а потомъ и *Миргорода*, много было въ журналахъ толковъ объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя. Нѣкоторые изъ критическихъ разборовъ написаны были людьми, весьма опытными въ законахъ искусства, и утвердили въ русской эстетикѣ, по этому поводу, нѣсколько новыхъ понятій о художественности изображенія людей и природы. Но, какъ видно, никто изъ журнальныхъ судей Гоголя не былъ приготовленъ къ этнографичеткому разбору украинскихъ повѣстей его, а пожалуй — не настала еще для критики пора, въ которую отъ художественнаго произведенія требуется безусловная вѣрность относительно нравовъ и обычаевъ изображаемаго народа. Напримѣръ, въ первой повѣсти *Вечеровъ на Хуторѣ*, всѣ у-

---

(1) См. *Авторскую Исповѣдь* въ *Соч. и П. Гоголя*, т. III, стр. 500.

влеклись блестящимъ началомъ и не обратили вниманія на механизмъ повѣсти, противорѣчащій глубоко, до религіозности вкорененному у украинскихъ поселянъ обычаю выхода въ замужество....

Гоголь начинаетъ свою повѣсть *Сорочинская Ярмарка*, словами: »Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!« и т. д.

Все это правда, если смотрѣть на украинскую природу сквозь природу отсутствующаго изъ родины двадцати-лѣтняго поэта, который не навыкъ еще строго взвѣшивать значеніе и силу каждой фразы, а между тѣмъ у него въ тѣлѣ —

Младая кровь играетъ

и грезятся ему во-снѣ и на-яву, какъ изображенному имъ въ послѣдствіи козаку-семинаристу, сладострастные, хоть и опоэтизированные, образы.

Этими словами я вовсе не хочу »умалить« цѣну молодому творчеству автора *Вечеровъ на Хуторѣ*. Я хочу только показать степень его физической температуры, которая должна была болѣе, чѣмъ въ послѣдствіи, имѣть вліяніе на неокрѣпшую еще силу его творчества. Кому угодно посмотрѣть съ этой стороны на *Сорочинскую Ярмарку*, тотъ увидитъ ясно, отчего она такъ жарко и въ такомъ преувеличенномъ блескѣ начата Гоголемъ; тотъ безъ улыбки прочтетъ, на первыхъ ея страницахъ и про »влюбленную землю« и про »золото«, которое »прыщетъ« при сильномъ вѣтрѣ на живописныхъ массахъ листьевъ, и про »изумруды, топазы, яхонты эѳирныхъ насѣкомыхъ«, и про »сладострастіе и нѣгу« украинскаго лѣта; тотъ почувствуетъ душою, что первыя страницы первой повѣсти поэтическихъ *Вечеровъ на Хуторѣ* суть не что иное, какъ радужное облако юныхъ грёзъ, окружавшее голову поэта при началѣ его литературной дѣятельности и препятствовавшее ему видѣть природу тѣмъ »прозрѣвшимъ сквозь всякій туманъ« взглядомъ *великаго* писателя, какимъ онъ впослѣдствіи видѣлъ ее при созданіи *Мертвыхъ Душъ*.

Развернувъ первый томъ сочиненій Гоголя на началѣ *Сорочинской Ярмарки*, мы коснулись только самой манеры Гоголя изображать украинскую природу и показали фантасмагорическое преувеличеніе этой манеры. Это, однакожъ, вовсе не значитъ, что мы низводимъ Гоголя, даже

и въ самыхъ первыхъ его повѣстяхъ, до уровня посредственности. Въ непомѣрной яркости красокъ, въ эскизности контуровъ, въ недоконченности исполненія пейзажа видна уже и тамъ болѣе или менѣе самостоятельная манера писать съ натуры. Перечитывая *Вечера на Хуторѣ*, мы имѣемъ право повторять отзывъ о нихъ самого Гоголя, въ предисловіи къ изданію 1842 года: »Много незрѣлаго, много необдуманнаго, много дѣтски несовершеннаго!« но при этомъ никогда не должны терять изъ виду его же постепенной »зрѣлости« въ послѣдовавшихъ сочиненіяхъ, его многосторонней »обдуманности«, его достойнаго мужескихъ лѣтъ »совершенства.« Только тогда чтеніе его сочиненій, въ хронологическомъ порядкѣ, будетъ для насъ художественнымъ курсомъ критики; безразличнымъ же восхищеніемъ ничего не выиграемъ, ничему не научимся. Мы, пожалуй, повторили бы даже съ Гоголемъ: »Это первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя« (1). Но такой строгости, съ какою великій и »взыскательный художникъ« оцѣниваетъ свои произведенія, мы, въ качествѣ судей между нимъ и обществомъ, не должны позволять себѣ; и если авторъ *Мертвыхъ Душъ* включилъ *Сорочинскую Ярмарку* и другія подобныя ей повѣсти въ собраніе своихъ сочиненій, изданное имъ 1842 года, то какое право имѣетъ критика исключать ихъ изъ предметовъ своего *строгаго* вниманія?

Сдѣлаю кстати замѣчаніе о живописи и скульптурѣ, имѣющее свою параллель и въ поэзіи. Когда пишется молодымъ художникомъ картина, или когда молодой скульпторъ изсѣкаетъ изъ мрамора статую, — какъ бы ни былъ великъ природный его геній, онъ долженъ имѣть много технической опытности, чтобы, какъ выражаются художники, *докончить* изящное произведеніе. Смѣлость сочиненія, гармонія всѣхъ частей, красота въ почувствованіи художественной идеи, облеченной въ цвѣта или въ мраморъ, — все это дается всякому таланту въ пластическихъ искусствахъ гораздо ранѣе, нежели то, что на языкѣ художниковъ выражается словомъ *доконченность*. Написать бойкую вещь могутъ многіе; докончить свою картину или статую могутъ только художники вполнѣ образовавшіеся. Поэтому-то, когда подходитъ къ картинѣ профанъ и предается очень понятному удивленію, его озадачиваетъ иногда отзывъ знатока: »Жаль, что не докончилъ!« и онъ, забравъ кой-какія справки о судьѣ, готовъ обвинить его очень неблаговидно въ »умаленіи« цѣны изящному произведенію. Эта же самая доконченность даетъ относительную

(1) Въ томъ же предисловіи.

цѣнность и художественнымъ произведеніямъ въ литературѣ. Въ глазахъ знатока важно не одно то, что поэтъ задумалъ свое созданіе смѣло; для знатока мало и гармоніи въ частяхъ; не удовлетворяетъ его вполнѣ и красота въ почувствованіи всей идеи созданія. Все это необходимыя условія изящнаго произведенія; но надобно, чтобы это произведеніе въ каждой мелкой своей чертѣ носило печать той же творческой силы, что и въ самыхъ крупныхъ своихъ массахъ, другими словами — чтобы оно было *докончено*. Въ глазахъ знатока, поэтому, небольшая картинка, исполненная con amore великимъ мастеромъ, стоитъ выше большой картины самаго геніальнаго, но еще не созрѣвшаго ученика. Какъ ни широка рама *Тараса Бульбы*, какъ ни живы въ ней мѣстами краски, какъ ни могущественна кисть живописца, создававшаго натуру даже и тамъ, гдѣ она существовать не могла въ такомъ видѣ; но его скромная повѣсть *Шинель*, написанная въ сѣромъ тонѣ, далеко превосходитъ эту повѣсть-поэму и поэму-повѣсть, а въ сущности ни то, ни другое.

Что́ я говорю здѣсь о доконченности вообще, то еще сильнѣе чувствуется, при чтеніи Гоголя, относительно стороны мѣстной и этнографической въ особенности. Акакія Акакіевича со всею его обстановкою Гоголь видѣлъ, поэтическимъ своимъ зрѣніемъ, среди бѣла дня; Тараса Бульбу онъ отыскивалъ—и съ трудомъ отыкалъ—въ историческихъ потемкахъ, и сколько онъ ни озарялъ эти потемки пѣсенными и лѣтописными преданіями старины, всѣ таки многія стороны жизни, вызванной имъ изъ прошедшаго, остались для него и для строгаго критика очень неясны, а иныя совершенно покрыты мракомъ, какъ это мы увидимъ послѣ, когда освѣтимъ *Тараса Бульбу* новыми свѣдѣніями и понятіями историческими. Теперь мы всѣ еще, покамѣсть, имѣемъ передъ собой *Сорочинскую Ярмарку* и заходимъ впередъ единственно по принятому нами правилу — измѣрять достоинство повѣстей Гоголя его же собственными, постепенно совершенствовавшимися произведеніями. Но, какъ уже мы сблизили между собой двѣ разнородныя повѣсти Гоголя, одну изъ настоящаго, другую изъ прошедшаго времени и высказали мнѣніе о томъ, что́ помогало ему въ возсозданіи одной сферы и что́ препятствовало ему въ ясновидѣніи другой; то кстати привести изъ *Авторской Исповѣди* собственное объясненіе автора, согласное съ нашимъ взглядомъ. »У меня не было влеченья къ прошедшему«, говоритъ онъ. »Предметъ мой была современность и жизнь въ ея нынѣшнемъ быту, — можетъ быть, оттого, что умъ мой былъ всегда наклоненъ къ существенности и пользѣ, болѣе осязательной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось во мнѣ же-

ланіе быть писателемъ современнымъ« (1). Далѣе: »Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самого тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и какъ-бы его собственное тѣло.... Это полное воплощенье въ плоть, это полное округленье характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умѣ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрязгъ жизни, когда, содержа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ него все тряпье, до малѣшей бумажки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка, словомъ—когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, то есть способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. Мнѣ всегда нужно было выслушать слишкомъ много людей, чтобы образовалось во мнѣ собственное мое мнѣніе, и тогда только мое мнѣніе находили здравымъ и умнымъ. Когда же я не всѣхъ выслушаю и тороплюсь выводомъ, оно выходило только рѣзко и необыкновенно« (2).

Эти послѣднія слова какъ нельзя больше идутъ въ характеристику *Тараса Бульбы*. Гоголь далеко не всѣхъ выслушалъ, кого надобно было выслушать ему (т. е. изучить) для того, чтобы козакъ временъ Остряницы вполнѣ воплотился у него въ плоть, чтобы духъ того вѣка, нравы и обычаи того времени олицетворились въ такой безукоризненности, какъ чиновники и вся ихъ прозаическая обстановка въ повѣсти о шинели. Но возвратимся къ *Сорочинской Ярмаркѣ* и бросимъ этнографо-критическій взглядъ на завязку и развязку этой повѣсти. Тутъ мы укажемъ на слишкомъ крупный недостатокъ относительно знанія простонародной Украины, изображенной Гоголемъ въ этой, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ повѣстяхъ. Мелкихъ же промаховъ или невѣрностей мы исчислять не намѣрены, ибо повѣсть — не статистика, и учесть всего, что̀ въ ней есть и чего нѣтъ, невозможно; а если бы и было возможно, то ни къ чему не послужило бы.

Сорочинская Ярмарка начинается встрѣчею на мосту удалого па́рубка съ сельской красавицей, которая ѣхала на ярмарку, вмѣстѣ съ своей мачихой, на возу, наваленномъ мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею. Возъ былъ запряженъ парой воловъ. За возомъ шелъ самъ хозяинъ, а рядомъ съ нимъ — назначенная въ про-

(1) Т. III, стр. 511.
(2) Тамъ же, стр. 515.

дажу и привязанная къ возу старая кобыла. Изъ описанія воза и наряда путешественницъ можно видѣть, что на ярмарку выѣхало семейство богатое. Все это намъ нужно взять во вниманіе для того, чтобы потомъ представить дѣло во всей ясности. Дѣвушка, ѣхавшая на возу, очень приглянулась парубку, которому имя — и подъ перомъ автора, и въ устахъ познакомившагося потомъ съ нимъ отца красавицы — Голопу́пенковъ сынъ или Голопу́пенко. Авторъ могъ давать своимъ дѣйствующимъ лицамъ какія угодно смѣшныя имена, но народъ нашъ, въ сосѣдскихъ сношеніяхъ между собой, соблюдаетъ, на свой ладъ, ту же учтивость, что́ и мы, грѣшные, отвернувшіеся въ сторону отъ его жизни. Неугодно ли заглянуть въ повѣсти Квитки (Основьяненка). Тамъ вы увидите не ту простонародную Украину, которая, мимо вѣдома Гоголя, высовывается вовсе не по-украински въ украинскихъ повѣстяхъ его. Но мы увлеклись мелочью. Послѣдуемъ за новыми знакомыми и рѣшимъ, Украинцы ли это, по ихъ разговорамъ и обычаямъ?

»Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и на вѣки жить вмѣстѣ.«

Это влюбленный молодой человѣкъ относится къ отцу своей возлюбленной. Сколько *мы* знаемъ *нашъ* народъ, такимъ тономъ могъ бы обратиться къ Солопію только близкій къ нему сверстникъ, присватываясь за своего сына, да и тотъ выбралъ бы для этого иное время и иное мѣсто, а не площадь, на которой происходитъ ярмарочная шумная возня и толкотня, да и тотъ назвалъ бы его не Солопіемъ, а по имени и пожалуй — еще и по отчеству. Если бы и къ самому послѣднему изъ простолюдиновъ обратился парубокъ такимъ образомъ съ сватовствомъ, то и тотъ обидѣлся бы неучтивостью, понятною для мужика, такъ же какъ и для каждаго изъ насъ. Но Солопій, при всей карикатурности даннаго ему имени, былъ не послѣдній изъ своей братіи, какъ это видно уже по одному тому, что онъ одной пшеницы вывезъ на ярмарку десять мѣшковъ (1). Въ Украинѣ замо́жность (зажиточность) хозяина соотвѣтствуетъ понятію о его трезвости, трудолюбіи и вообще, что́ называется, порядочности: украинскій пахарь не имѣетъ никакихъ *безгрѣшныхъ* доходовъ, подобно инымъ сословіямъ, и если что́ пріобрѣтаетъ, то не иначе, какъ трудомъ и хозяйственностію. Отъ этого и происходитъ у него извѣстная степень гордости своимъ достаткомъ, такъ какъ достатокъ есть его документъ на званіе достойнаго человѣка. Отъ этого же онъ держитъ

(1) См. разговоръ о пшеницѣ на стр. 17 *Сорочинской Ярмарки*.

себя въ какомъ-то неприкосновенномъ величіи относительно и къ равнымъ, а не только къ младшимъ. Но Гоголь, при сочиненіи первой повѣсти *Вечеровъ на Хуторѣ*, не зналъ поселянина близко. Онъ видѣлъ его только съ помѣщичьяго крыльца, или изъ коляски. Онъ не сиживалъ съ нимъ рядомъ; онъ не бывалъ его обычнымъ гостемъ; онъ не носилъ на его свадьбахъ какого-нибудь почетнаго званія, онъ даже не умѣлъ отличить свадебнаго термина *дружко́* отъ слова *дру́жка*, что́ читатель и увидитъ изъ примѣчанія, сдѣланнаго мною, какъ издателемъ его сочиненій (1). Словомъ, Гоголь не зналъ простонародной Украины и изображалъ ее, какъ баринъ, видящій въ мужикѣ одно смѣшное (2). Но обратимся къ новымъ знакомымъ на ярмаркѣ, знавшимъ дотолѣ другъ друга только по слуху.

Когда парубокъ зарекомендовалъ себя столь пріятно для будущаго тестя — предложеніемъ себя въ зятевья, Солопій ни мало не обидѣлся, нужды нѣтъ, что былъ въ трезвомъ видѣ, что былъ занятъ дѣломъ и что была тогда самая рабочая пора, въ которую у пахарей нѣтъ и помину о сватовствѣ, а пожалуй еще и *Спа́сівка* (Спасовъ постъ), ибо на страницѣ 12 сказано: »Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа.« (А первая половина августа жарче второй.) Если бы парубокъ-хлѣборобъ и вздумалъ приволокнуться въ это время за сельской красавицей, то всё таки не тѣмъ способомъ, какой представленъ у Гоголя. *Заня́ть* публично дѣвушку изъ чужого села по-Гоголевски ни одинъ, что-называется, *хазя́йський синъ* не осмѣлится и не захочетъ. *Не осмѣлится* потому, »что стыдно людей« и страшно порубковъ одного съ нею села, которые очень ревнивы къ неприкосновенности своихъ дівча́тъ вообще, а не то, что только невѣстъ или возлюбленныхъ, и, какъ извѣстно, приколачиваютъ до смерти на вечерницахъ непрошеныхъ гостей изъ другого села. *Не захочетъ* потому, что па́рубокъ *че́сного и хоро́шого ро́ду*, какимъ по всему надобно предположить Гоголева парубка, очень остороженъ и разборчивъ въ выборѣ себѣ подруги. Надобно, чтобъ было такъ, какъ, говоритъ въ пѣснѣ козакъ, котораго дівчи́на, лаская, назвала *сте́лющимся зелене́нькимъ барві́ночкомъ*:

Ой сла́вся я, дівчи́нонько, по твоймý горо́ду, —
Не тобі лишъ сподоба́вся, *всёму твоймý ро́ду*.

---

(1) Тамъ же, стр. 18.

(2) Я покажу, въ своемъ мѣстѣ, что́ и какъ ему казалось не-смѣшнымъ, и въ какомъ отношеніи это не-смѣшное находится къ смѣшному.

Точно то же надобно разумѣть и относительно къ дѣвушкѣ. Есть пѣсня:

Пійшóвъ би я нъ ýлоньку, — голóвка болúть:
Свáтавъ би я дівчúноньку, — такъ рідъ не велúть.

Видите, какъ народъ крѣпко держится своихъ обычаевъ! Это святыня, охраняющая его отъ нравственной порчи. Но Гоголь народныхъ обычаевъ не зналъ въ той мѣрѣ, въ какой это требуется современною критикою отъ автора украинскихъ повѣстей изъ народной жизни. Поэтому онъ и не могъ оскорбиться въ душѣ за представленнаго имъ Украинца *Солопія*, а, напротивъ, заставилъ его отвѣчать на предложеніе *Голопупенкова сына*, обращаясь со смѣхомъ къ дочери, вотъ что: »Что жъ, Параска? Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того.... чтобъ и паслись на одной травѣ? Что, по рукамъ? А ну ка, новобраный зять, давай могарычу!«

»И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной ресторацiи — подъ яткою у Жидовки«, и проч.

Оно, можетъ быть, и смѣшно, только не для тѣхъ, кто знаетъ простонародную Украину и не видитъ въ мужикѣ столько смѣшного, сколько видѣлъ Гоголь. Да и каждый, кому угодно сойти ниже крыльца помѣщичьяго дома, или, очутясь среди народа, выдти изъ коляски и поселить въ немъ къ себѣ дружелюбiе, увидитъ, что приволакиваются къ дівчáтамъ, по указанному Гоголемъ способу, на ярмаркахъ солдаты, судовые паничи, а пожалуй и заѣзжiе изъ столицъ Хлестаковы. Зато жъ о нихъ и не думаютъ такъ, какъ подумала Параска среди ярмарки: »Можетъ быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого«, а просто кричатъ: »Геть къ нечúстому!« или: »Тю, навіжéний (1)! чи е въ тéбе сóромъ мирський« (2)? И если у оскорбленной дѣвушки есть отецъ или братъ, то онъ не будетъ говорить такъ, какъ Гоголевъ Солопій: »Эге, ге, ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать свою Феську, да и то спасибо куму: бывши дрýжкою (т. е. дружкóмъ: дрýжка унасъ — дѣвушка), уже надоумилъ«.

Кто въ этихъ непристойныхъ словахъ узнáетъ Украинца-отца, котораго совершеннѣйшiй типъ представилъ Квитка въ отцѣ непорочной Маруси, а Шевченко въ отцѣ падшей Катерины? Вспомни каждый, кто

(1) Сумашедшiй.
(2) Не стыдно ли тебѣ предъ обществомъ?

пролилъ слезу изъ сочувствія къ высокимъ душевнымъ движеніямъ Квиткина пахаря, отеческія рѣчи Наума Дрота (1). Вспомни каждый, кто знаетъ цѣну таланту Шевченка, его мрачно-торжественные стихи:

Сидѝть ба́тько кінéць сто́ла,
На ру́ки схили́вся,
Не ди́вится на світъ Бо́жий,
Тя́жко зажури́вся!

И потомъ этотъ приговоръ отца опозорившей его дочери, послѣдній приговоръ, въ которомъ слышится вся глубина отеческой любви и вмѣстѣ вся убивающая, клонящая къ землѣ тяжесть позора:

Неха́й тебе́ Богъ проща́е
Та до́брні лю́де!
Моли́сь Бо́гу та йди собі —
Мині ле́гше бу́де.

Вѣдь обѣ эти личности въ сочиненіяхъ нашихъ народныхъ писателей принадлежатъ къ тому же классу, обѣ эти личности того же воспитанія, того же образа жизни, что и Солопій Гоголя, а, между тѣмъ, какая разница въ воззрѣніи на предметъ! Гоголь былъ такой же, какъ и они, талантъ, но онъ воспитался въ иной средѣ, жилъ въ иномъ кругу, былъ повѣствователь иной эпохи — и заплатилъ дань своему сословію, своему кругу товарищей по ремеслу, своему времени.

Но гдѣ же нашъ Украинецъ, изуродованный Гоголемъ такъ простодушно, такъ беззаботно, такъ *залюбки́*, какъ часто случалось дѣлать и другимъ господамъ съ подвластными имъ Украинцами? Мы находимъ его съ будущимъ зятемъ и дочкою въ подвижномъ кабакѣ у Жидовки. За горожанку-прачку намъ бы не было стыдно; но за сельскую непорочную красавицу, въ свѣжихъ, какъ сама она, цвѣтахъ, намъ стыдно и даже больно! А Гоголю и нужды было мало. Насмотрѣвшись на испорченное лакейство да на столичную рыночную чернь, онъ спокойно заставилъ свою сельскую чету публично обниматься среди народа, а потомъ затащилъ ее, какъ непотребныхъ людей, въ кабакъ. Но пускай онъ отвѣчаетъ за себя собственноручными показаніями:

---

(1) Главное дѣйствующее лицо въ повѣсти Квитки: *Маруся*. Никогда я не забуду, какъ оцѣнила Наума Дрота одна очень развитая въ области вкуса дама. »Это такой мужикъ, у котораго можно съ почтеніемъ поцѣловать руку«, сказала она.

—»Что́ жъ это за *красная свитка?*«

»Тутъ у нашего внимательнаго слушателя (Солопія) волосы поднялись дыбомъ.« (Такъ-то легко и испугать, среди бѣла дня и въ толпѣ народа, разсказомъ о чортѣ и его красной свиткѣ, человѣка, у котораго въ памяти есть пословица: *Не такій чортъ страшній, якъ єго́ малю́ють.*) »Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и па́рубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки.«

Тутъ-то онъ отъ ужаса перешелъ къ такъ называемому *малороссійскому юмору* и, что называется, *ля́пнувъ* такія слова о себѣ и о своей женѣ, какихъ ни у кого не поворотится языкъ сказать при дочери. Мужикъ нашъ сказалъ бы на это: »Можетъ, у пановъ такъ и водится, но у насъ—крий Боже!« Подобныя вещи можно слышать только отъ пьяницъ въ кабакахъ, куда всё-таки и пьяницы не ходятъ съ дочерьми, а развѣ съ жінкою, да и то въ такомъ горькомъ случаѣ, какой представленъ въ одномъ изъ лучшихъ печатныхъ произведеній Шевченка, которое оканчивается такъ:

Умо́вкъ кобза́рь, суму́ючи:
Щось ру́ки не гра́ють....
Круго́мъ хло́пці та дівча́та
Слізонькій втира́ють.
Пійшо́въ кобза́рь по у́лиці,
Зъ журби́ якъ загра́е!
Круго́мъ хло́пці навприсядки,
А вінъ примовля́е:
»Неха́й бу́де отта́кечки:
»Сидіть, діти, у за́пічку,
»*А я зъ журби́ та до ши́нку*,
»А тамъ найду́ мою́ жінку,
»Найду́ жінку, почасту́ю,
»Зъ ворбженькі́въ покепку́ю!«

Низведя величаваго и поэтическаго своего земляка до уровня съ петербургскими фризовыми шинелями, Гоголь рисуетъ въ прежнемъ тонѣ и сцену въ кабакѣ, да еще у Жидовки. Чувства украинскихъ поселянъ къ Евреямъ извѣстны. Оправдывать ихъ, или опровергать здѣсь не мѣсто; но объявляю не обинуясь, что поселянинъ сорочинскихъ окрестностей сказалъ бы: »Се все одно́, що запива́ти сва́тання у чо́рта въ пе́клі!«

Вотъ, вамъ еще разъ—уровень защищаемаго г. Максимовичемъ Го-

голева знанія простонародной Украины во время сочиненія украинскихъ повѣстей. Онъ конечно болѣе или менѣе зналъ ее, сколько могъ знать въ то время *паничъ*, несходившій ниже помѣщичьяго крыльца, сколько могъ знать пансіонеръ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, сколько могъ знать столичный чиновникъ и институтскій преподаватель исторіи географіи,— не болѣе.

Сцена въ кабакѣ у Жидовки написана *дивно*, какъ сказалъ бы иной критикъ.

»Эхъ, хватъ! за это люблю!« говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварты и, ни мало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ её въ дребезги. »Что́ скажешь, Параска? Какого жениха я тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!«

Для наблюдающихъ простонародную жизнь съ помѣщичьяго крыльца я долженъ здѣсь замѣтить, что зажиточный поселянинъ, мозольнымъ трудомъ содержащій свое семейство, ни коимъ образомъ не можетъ восхищаться пьянымъ, рекрутскимъ молодечествомъ будущаго своего зятя. Народныя пѣсни, тысячами доходящихъ до сердца голосовъ, жалуются на мужей, предающихся пороку пьянства (1). Народныя пословицы опредѣляютъ слишкомъ выразительно, какъ смотрятъ родители на участь своихъ дочерей, которыхъ мужья оказались пьяницами. Народный повседневный толкъ можетъ удостовѣрить каждаго, что въ ужасъ пришелъ бы отецъ, сдѣлавъ открытіе, что будущій зять его — опытный пьяница, и ему представилась бы та самая перспектива, какую увидѣла предъ собой, въ народной пѣснѣ, безпомощная вдова, которой кабачный повѣса (*нетяга*, неработящій и неимущій) сдѣлалъ предложеніе съ ироническою откровенностію пьянаго человѣка:

Ой зажури́лась бідная вдова́:
»Якъ мині жи́ти, якъ горюва́ти!
»Якъ своіхъ діточокъ прогодува́ти!«
Ой обізве́тця коза́къ-нетя́га:
»Ой не жури́ся, бідная вдо́во!
»Я жъ тебе́ люблю́, за се́бе візьму́:

(1) Напримѣръ:

Ой не спиня́йте у ставу́ води́, неха́й вода́ ри́не:
Не да́йте мене́ за пъяни́чку, неха́й вінъ изги́не!
Я съ пъяни́цею жи́ти не бу́ду, тільки роско́ші забу́ду;
Я съ пъяни́цею жи́ть не пійму́ся, хиба́ піду́ утоплю́ся.

»Я твою́ худібоньку попропива́ю,
»Я твоіхъ діточокъ порозганя́ю,
»Я твої ка́рі о́чи попідбива́ю!«

Гоголь слишкомъ мало имѣлъ и могъ имѣть подъ рукой источниковъ, изъ которыхъ могъ бы почерпнуть живыя понятія объ Украинѣ. Каждому, надѣюсь, ясно, какъ онъ удаленъ былъ отъ непосредственнаго изученія народа, и »по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и по вліянію окружающихъ его личностей, и по своему воспитанію, и по самому времени, съ которымъ совпало его дѣтство« (слова моего эпилога). Оставались ему однѣ книги и рукописи; и въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ столько, сколько возможно было сдѣлать, при его талантѣ. Но много ли въ то время было дѣльныхъ книгъ объ Украинѣ? Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народоизученія, то что́ же сказать объ эпохѣ тридцать лѣтъ назадъ? Что́ могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украину, но неузнавшему ея въ такой степени, чтобы своими повѣстями не профанировать своего народа и собственнаго великаго таланта? Онъ исчерпалъ все, и изъ всего читаннаго и слышаннаго создалъ какой-то необыкновенный, причудливый міръ, который критика въ правѣ поставить очень, очень низко, въ сравненіи съ его петербургскими повѣстями и другими позднѣйшими его произведеніями. Напримѣръ, сцена въ кабакѣ на ярмаркѣ. Вѣдь это перифразированная рѣчь каррикатурнаго Зевеса, Котляревскаго, объ Енеѣ:

Чи бачишъ, вінъ яки́й парни́ще?
На світі тро́хи е таки́хъ:
Сиву́ху, такъ якъ бра́гу, хли́ще!
Я въ парубка́хъ коха́юсь сихъ!

Что́ было хорошо въ устахъ *лиха́вшого съ постаця́* Юпитера, относительно *завзя́тійшого изъ всіхъ бурла́къ* Троянца, то вышло дико и оскорбительно для человѣческаго чувства въ устахъ отца, честнаго, работящаго пахаря, ввѣряющаго свою дочь-красавицу *хвату* въ попойкѣ! Но Гоголь не виноватъ, что въ его время никто не смотрѣлъ на мужика такъ, какъ онъ самъ на себя смотритъ, если и наше время московскій журналъ возстаетъ противъ новаго воззрѣнія на *Вечера* и *Миргородъ*.

Послѣдуемъ далѣе за повѣстью, въ качествѣ этнографа, желающаго видѣть въ произведеніи словесности вѣрный образъ своего народа.

Натянувшись порядочно сивухи вмѣстѣ съ будущимъ зятемъ, въ при-

сутствіи дочери, — Солопій отправился къ женѣ, »посмѣиваясь и пока чиваясь.«

»Ну, жинка, а я нашелъ жениха дочкѣ«, сказалъ онъ.

Еслибъ Гоголь *зналъ* простонародную Украину, то онъ въ язвительную рѣчь Хиври вложилъ бы факты, выражающіе бытъ народный. Она бы отвѣчала мужу, что добрыхъ людей женихи сами ищутъ, а только такой безпутный человѣкъ, какъ онъ, Солопій, не знаетъ, какъ слѣдуетъ вести себя отцу. Но Хивря смотрѣла на дѣло по-гоголевски, точно какъ будто и въ украинскомъ простонародьи существуетъ унизительная для достойныхъ родителей ловля жениховъ. Хивря отвѣчаетъ своему Солопію языкомъ московской купчихи: »Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы женіховъ отыскивать!... Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть«, и проч.

Если бы Солопій выразился у Гоголя предъ женой въ духѣ народнаго быта, то есть: »Ну, жінко, находится женихъ нашей дочери!« то и тогда язвительный языкъ супруги-Украинки залепеталъ бы иныя рѣчи. Она сказала бы: »*Хорошъ долженъ быть женихъ* (1), который не чрезъ старостовъ, а самъ лѣзетъ въ глаза, да еще среди ярмарки! *Думаю, оборванньйшій изъ всьхъ голодрапцевъ*: отцовскіе сыновья (2) думаютъ теперь объ уборкѣ хлѣба! отцовскіе дѣти теперь чумакуютъ! добрые люди ожидаютъ Святой Покро́вы (3) для сватовства! А это видно какой-нибудь *пьяница* и *бродяга*, который, по твоей милости, срамитъ насъ ярмарочнымъ сватовствомъ своимъ!«

Вотъ мотивы, которые долженъ былъ имѣть въ виду Гоголь, изображая озлившуюся украинскую бабу! У него же она, сколько ни употребляетъ украинскихъ побранокъ, въ-перемежку съ такими анти-украинскими бранными терминами, какъ *сорванецъ*, но никакъ не можетъ выбиться изъ типа театральной великорусской мѣщанки. Скажу болѣе: она даже и въ ролѣ съ поповичемъ вовсе не украинская поселянка. Послушайте, что́ пишетъ новѣйшій наблюдатель украинскихъ нравовъ, объѣздившій всѣ наши ярмарки, И. С. Аксаковъ (4), говоря о козакахъ,

---

(1) Въ этомъ мѣстѣ слова, напечатанныя курсивомъ, принадлежатъ Гоголю.

(2) *Отѣцька дитина, отѣцький синъ* значитъ у Украинцевъ — парубокъ изъ порядочнаго семейства, а не бездомный бурлакъ.

(3) То, что́ по велико-русски *Покрава́*.

(4) Въ *Русской Бесѣдѣ*, 1858, въ статьѣ: *Украинскія Ярмарки*, стр. 98—99. Когда была писана эта статья, интересная книга г. Аксакова *О торговлѣ на Украинскихъ Ярмаркахъ* еще не появилась отдѣльно.

хуторянахъ и мѣщанахъ: »Женщины еще менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія. Природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, до нельзя доведенная утонченность въ области чувства — равно присущи всѣмъ Малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія.«

Это говоритъ Москвичъ, это говоритъ сѣверно-русскій баринъ, сошедшій, по духу вѣка, ниже помѣщичьяго крыльца, вышедшій изъ коляски для того, чтобы вмѣшаться въ инообычный и инноязычный ему народъ и внушить этому народу дружелюбіе къ себѣ. Въ немногихъ словахъ его слышится уже *непосредственное* изученіе простонародной Украины. У Гоголя, въ его сценѣ между Хиврею и поповичемъ, этого изученія не слышится, потому что еще не наступило въ немъ требованіе со стороны общества, мало развитаго въ области этнографическихъ свѣдѣній. Разверните *Сорочинскую Ярмарку* на 23-й страницѣ и читайте влюбленныя рѣчи Украинки *съ природною граціею, со вкусомъ къ изящному, съ художественнымъ складомъ мыслей и съ доведенною до нельзя утонченностью въ области чувства, заслоняющими недостатокъ образованія*:

»Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже борони, шеи?« говорила Хивря.«

Сломить шею, говорится по-великорусски въ смыслѣ грубомъ, или въ томъ, который выражается польскимъ словомъ rubaszne. Скажетъ ли любящая великорусская женщина упавшему возлюбленному: »Не сломили ли вы шеи?« На украинскомъ народномъ языкѣ *сломить шею* выражается еще рѣжче, грубѣе или *рубашнье;* именно: *скрутíть вя́зи*, или *звернýть вя́зи*. Въ устахъ любящей женщины эти слова звучатъ дико, кто бы она ни была, хотя бы послѣдняя изъ послѣднихъ. Можетъ быть, то и вѣрно, что́ написалъ г. Гончаровъ о медвѣжьихъ нѣжностяхъ великорусскихъ дворовыхъ людей въ повѣсти: *Обыкновенная Исторія* (1); но въ нашемъ украинскомъ народѣ, даже и между дворовою, панскою челядью можно услышать еще очень много *человѣческихъ* рѣчей. Любить у насъ до сихъ поръ умѣютъ, и формы выраженій, предназначенныхъ только для *одной* особы, да еще въ ночной тишинѣ, какъ у Гоголя, до сихъ поръ у насъ полны мѣстной поэзіи. Но спрашиваю, что́ за поэзія въ слѣдующихъ словахъ влюбленной Хиври: »Пойдем-

(1) Не имѣя подъ рукой книги, не могу указать страницъ. Но это мѣсто легко припомнятъ всѣ по похваламъ, которыми осыпали его въ великороссійскихъ критическихъ статьяхъ.

те же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Афанасій Ивановичъ, что къ вамъ *бóлячка* или *сóняшниця* пристала: нѣтъ да и нѣтъ!«

Какой восхитительный первый мигъ свиданья! Очень понятно, что типографскіе наборщики, какъ это мы знаемъ изъ письма Пушкина къ Гоголю, »пырхали отъ смѣху«, трудясь надъ *Вечерами на Хуторѣ*. Очень понятно и поздравленіе Пушкина съ *первымъ успѣхомъ*, сдѣланное молодому, начинающему автору. Очень понятенъ также и общій восторгъ столичныхъ земляковъ Гоголя, знавшихъ Украину не больше его самого и смотрѣвшихъ на простолюдина съ тѣхъ же помѣщичьихъ и чиновничьихъ подмостокъ, что и самъ авторъ.

Sed alia tempora!

комическое паясничанье теперь уже ничего не значитъ въ литературѣ. Теперь отъ писателя сценъ изъ народнаго быта требуется такой внутренней связи автора съ народомъ, которая на каждомъ шагу видна въ произведеніяхъ Квитки и Шевченка.

Я думаю, многіе согласятся, что Гоголь смотрѣлъ на простонародную Украину, представленную имъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, не по-украински, то есть, онъ ея незналъ, и что изображалъ онъ своихъ земляковъ по-городски, то есть, онъ между сельскимъ народомъ проживалъ не иначе, какъ въ роли барина. Прошу послѣ этого вспомнить приводимое г. Максимовичемъ, въ упрекъ мнѣ, сужденіе покойнаго Полевого, который, взглянувъ на нравы и обычаи, изображенные Гоголемъ, поглубже своего живого до сихъ поръ хулителя, подумалъ очень основательно, что Гоголь »вовсе не Малороссіянинъ, а Москаль, да еще и горожанинъ«. Если понимать слова Полевого въ буквальномъ смыслѣ, то, разумѣется, Полевой ошибся. Но если подъ именемъ автора-Малороссіянина разумѣть знатока Малороссіи, который не скажетъ ни одного этнографическаго факта въ разладъ съ характеромъ и бытомъ своего народа, то конечно Гоголь, по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, по своему воспитанію, по окружавшимъ его людямъ, между которыхъ поставили его житейскія обстоятельства, по вліянію важныхъ для него авторитетовъ и просто личностей, дѣлающихъ невольное впечатлѣніе, наконецъ по образу жизни въ Украинѣ и въ Петербургѣ, и по удаленію изъ родины въ періодѣ только-что выпущеннаго изъ затвора школьника, — Гоголь, какъ живописецъ быта украинскаго, былъ больше Москаль и горожанинъ, нежели Украинецъ, хорошо знающій жизнь изображаемаго народа.

У насъ въ Украинѣ до сихъ поръ въ ходу по хуторамъ веселые и говорливые вечера, которые желалъ, *искренно* желалъ изобразить Гоголь, да, къ несчастью, краски приготовлены были для него въ книгахъ и въ *его обществѣ* совсѣмъ не мѣстныя; потому онъ и характеризовалъ великорусскою балалайкою украинскія вечорйицi (1), а къ пасічнику Рудому Панькý назвалъ въ гости каррикатуръ. Впрочемъ, можетъ быть, въ тѣ времена гдѣ-нибудь на хуторѣ, близкомъ къ барской кухнѣ, въ самомъ дѣлѣ водились вечерницы съ балалайкою; а къ такому пасичнику, который пишетъ россійскія городскія повѣсти изъ украинской сельской жизни, ѣзжали гости, дававшіе другъ-другу *дулю* (кукишъ). Можетъ быть, геніальная каррикатура Гоголя вовсе и не каррикатура въ какомъ-нибудь уголкѣ, занимаемомъ барскимъ дворомъ съ передними и задними ходами. Если бы Гоголю дать всѣ тѣ этнографическія познанія, какія имѣлъ Квитка, еслибы Гоголь проникнулся духомъ своего народа, такъ какъ Шевченко, то, при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его *Вечера на Хуторѣ* были бы столь же неизмѣнно-многоцѣннымъ твореніемъ, какъ многія изъ его послѣдовавшихъ созданій, и Украинецъ какого-нибудь XXI столѣтія, прочитавъ у Гоголя о своихъ прототипахъ XIX вѣка, сказалъ бы: »Да́, это мои предки! Хоть они часто подходятъ подъ категорію существъ, которыхъ natura prona atque ventri obedientia finxit, хоть они двигаются точно волы въ ярмѣ, хотя ихъ неразвитая свободною гражданственностію жизнь очень во многомъ расходится съ моею; но тѣмъ не менѣе представленные великимъ поэтомъ ихъ образы драгоцѣнны для меня, какъ фамильные, вѣрные съ подлинниками, портреты варварскаго вѣка«. Подобныя этимъ слова произнесетъ, можетъ быть, отдаленный потомокъ Великороссіянина о *Мертвыхъ Душахъ*, но не могутъ быть они произнесены нашими потомками о простонародныхъ украинскихъ повѣстяхъ Гололя, — или ужъ пишущій эти строки и все, чѣмъ онъ ихъ оправдываетъ, есть грубая ошибка, и XXI столѣтіе будетъ смотрѣть на вещи тѣми же самыми глазами, какъ и вторая четверть XIX-го, тѣми же самыми глазами, какими мой почтенный критикъ до сихъ поръ смотритъ.

Если искусство состоитъ въ томъ, чтобы замѣтить въ народѣ самое пошлое, самое безобразное, самое грубое и отвратительное и *выставить* все это *выпукло и ярко на всенародныя очи* (2); то не для

---

(1) См. предисловіе къ *Вечерамъ на Хуторѣ*.

(2) *Мертвыя Души* въ *Соч. и П.* стр. 135.

того надобно это дѣлать, чтобы необразованность и нравственный упадокъ нашихъ меньшихъ братій сдѣлать смѣшными въ глазахъ тѣхъ людей, которые обязаны, съ высоты своего положенія, протянуть руку помощи къ людямъ пресмыкающимся гдѣ-то глубоко у нихъ подъ ногами. Если высокое искусство не допускаетъ со стороны автора какихъ бы то ни было объяснительныхъ сценъ или лицъ, и предоставляетъ самому читателю, *имущему возрастъ*, уразумѣть весь ужасъ картины, на которую онъ смѣясь заглядѣлся; то и тогда всё таки надобно изображать происходящее предъ глазами нашими дѣйствіе такимъ образомъ, чтобы видно было, на какой почвѣ оно происходитъ и чѣмъ обставлены дѣствующія лица; надобно, чтобы поселянинъ, въ своихъ порокахъ и невѣжествѣ былъ дѣйствительно поселяниномъ, а не горожаниномъ; чтобы Украинецъ дѣйствовалъ хоть и безумно, хоть и скотски, но всё же подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и всенародныхъ его обычаевъ. Сватовство среди ярмарки для украинскаго парубка рѣшительно невозможно; сватовство у пахарей въ такое время, когда идетъ уборка хлѣба и вообще горячая работа—просто небылица; сватовство въ Спасовъ постъ (ибо къ такому времемени пригналъ Гоголь свою повѣсть) прусто — *чортъ знаетъ что̀ такое*. Отсутствіе стыда у украинской дѣвушки, которую Гоголь заставилъ стоять обнявшись съ чужимъ парубкомъ среди ярмарки, для насъ, »преемниковъ Гоголя въ самопознаніи«, такое оскорбительное изображеніе, какъ если бы кто въ нашемъ присутствіи изобразилъ чистую и непрочную женщину въ видѣ рыночной вакханки. Наконецъ, отзывъ отца о публичныхъ поцѣлуяхъ, влѣпленныхъ его дочери кѣмъ-то среди многочисленнаго общества (¹), долженъ быть возмутителенъ для каждаго, кому понятны отеческія чувства. И такія произведенія россійская столичная критика своего времени назвала вѣрною живописью украинской простонародной жизни! такія произведенія московскій журналъ до сихъ поръ держитъ подъ своею охраною и упрекаетъ критика въ самохвальствѣ, потому только, что онъ не принадлежитъ къ критикамъ, пишущимъ однѣ критики и ничего болѣе!

Упреки, сдѣланные мною искусству Гоголя-Украинца, были бы слишкомъ тяжки и уничижительны для всякаго иного писателя съ его недо-

(¹) Прошу извиненія за употребленное такимъ образомъ слово. Для мужика ярмарка — такое же общество, какъ для насъ клубъ или иное мѣсто, и если мы дорожимъ мнѣніемъ своего общества, зная въ немъ честныхъ людей, то онъ въ своемъ обществѣ знаетъ ихъ слишкомъ много и не можетъ не дорожить ихъ мнѣніемъ.

статками; но Гоголю слѣдовало сдѣлать эти упреки, во славу его торжества надъ самимъ собою. Какая поразительная у него разница между изображеніемъ мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ* и въ *Мертвыхъ Душахъ!* Здѣсь онъ уже не новичекъ въ искусствѣ, снисходительно похваленный Пушкинымъ, тоже не знавшимъ Украины, — здѣсь онъ полный, самостоятельный вѣдатель той среды, которую изображаетъ. »Умаляя«, по словамъ критика *Русской Бесѣды*, »достоинство украинскихъ повѣстей Гоголя, мы вовсе не умаляемъ цѣны имъ, какъ созданіямъ, безъ которыхъ не ясно было бы поступательное движеніе генія великаго поэта. Геній, произведшій *Мертвыя Души*, былъ тотъ же самый, который произвелъ и *Вечера на Хуторѣ*; но между ними та разница, что́ между зрѣніемъ образованнымъ и необразованнымъ. Сила зрѣнія одна и та же, но пониманіе и воспроизведеніе натуры въ картинкѣ—совершенно иныя. Человѣкъ, родившійся съ истиннымъ талантомъ, уже въ дѣтствѣ — геній; уже въ дѣтствѣ чудится ему какое-то высшее призваніе; уже въ дѣтствѣ — это не одинъ случай — лепечетъ онъ неточнымъ дѣтскимъ языкомъ о подвигахъ, которые онъ совершитъ когда-то. Но геній, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣля, опытностію—дѣло иное, и геній, созрѣвшій и выразившій себя вполнѣ — опять дѣло совершенно иное. Поэтому, если уже отстаивать неприкосновенность достоинствъ Гоголева таланта, то слѣдуетъ разумѣть подъ этими словами не непогрѣшительность Гоголя въ искусствѣ, а геніальную работу его надъ искусствомъ, освободившую его мало-помалу отъ прежнихъ, слишкомъ важныхъ недостатковъ.

П. Кулишъ.

26 іюня, 1858.
Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

NB. Этнографо-критическій разборъ *Сорочинской Ярмарки* не могъ быть оконченъ въ первой статьѣ, безъ нарушенія ея предѣловъ. Мы посвятимъ этой повѣсти и вторую статью.

МУЗЫКА

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ.

(Продолженіе).

Напѣвы, которые здѣсь будутъ изданы, сообщены Аѳ. Вас. Марковичемъ; они записаны имъ изъ устъ народа со всевозможною вѣрностью. Онъ же, со своимъ счастливымъ слухомъ, служилъ и главною живою повѣркою гармонической обработки при каждой отдѣльной пѣснѣ. Будемъ совѣтоваться и съ другими знатоками Украинскаго пѣнія. Приглашаемъ всѣхъ ихъ содѣйствовать намъ въ настоящемъ случаѣ, по мѣрѣ силъ. Пусть каждый принесетъ свою лепту на народный олтарь.

При обработкѣ пѣсень мы будемъ далеки отъ всякаго притязанія на то, чтобы »блеснуть« виртуозною стороною гармоническаго дѣла, »щегольнуть« такимъ-то контрапунктомъ.

Всему, что̀ хоть сколько нибудь отзовется ухищреніемъ искусства, кабинетнымъ обдумываніемъ, здѣсь отнюдь не мѣсто. Въ отношеніи къ простонародной пѣснѣ все подобное — »отъ лукаваго«.

Вслѣдъ за переложеніемъ каждой пѣсни на ноты — мелодіею съ двумя строками аккомпанимента (переложенія эти должны быть приняты не больше, какъ въ видѣ *опыта*), помѣстимъ эстетико-техническій разборъ пѣсни, въ соединеніи съ ея текстомъ; сдѣлаемъ намеки на сокровища собственно-музыкальныя, зерномъ лежащія въ каждомъ изъ этихъ напѣвовъ, не »сочиненныхъ« а—повторяемъ—народомъ, т. е. самою натурою »созданныхъ«.

Въ выборѣ и группировкѣ матеріаловъ мы будемъ держаться разнообразія.

Въ каждой группѣ будутъ собраны пѣсни, по возможности, разнаго характера. Поле Украинскихъ напѣвовъ въ этомъ отношеніи замѣчательно-обильно.

Обработка техническая и критическая достаточнаго количества избранныхъ и прежде еще не бывавшихъ въ печати южнорусскихъ мелодій замкнется разборомъ замѣчательнѣйшихъ изъ доселѣ изданныхъ сборниковъ Украинскихъ пѣсенъ, — а именно:

1. М. А. Максимовича. Голоса Украинскихъ пѣсенъ (въ аранжировкѣ Алябьева). Москва. 1833.

2. П. А. Кулиша. Записки о Южной Руси. Т. 2-й. С. П. Б. 1857. (Переложеніе пѣсенъ, числомъ 25, сдѣлано Андреемъ Ник. Маркевичемъ).

3. Гр. П. Галагана. Южно-руські пісні зъ голосами. Кіевъ. 1857.

4. Алоизія Едличка. Южно-русскія пѣсни, переложенныя для одного голоса съ фортепіано. (Изданіе М. Бернарда).

Эта провѣрка собраній пѣсенъ, уже извѣстныхъ публикѣ, будетъ полезна —

во-первыхъ, для указанія *варіантовъ* одной и той же мелодіи, записанной въ разныхъ мѣстахъ, а иногда видоизмѣненной при самомъ переложеніи на ноты;

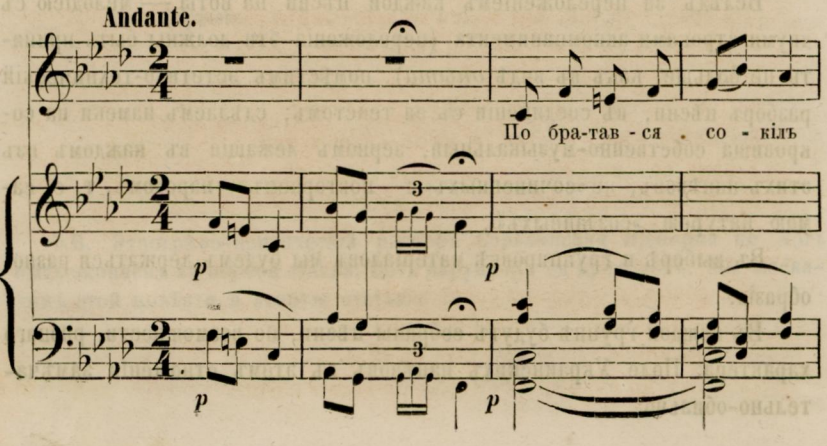
во-вторыхъ, для указанія бо́льшей или меньшей, по нашимъ понятіямъ, близости печатной *обработки* пѣсни къ характеру народной Украинской музыки.

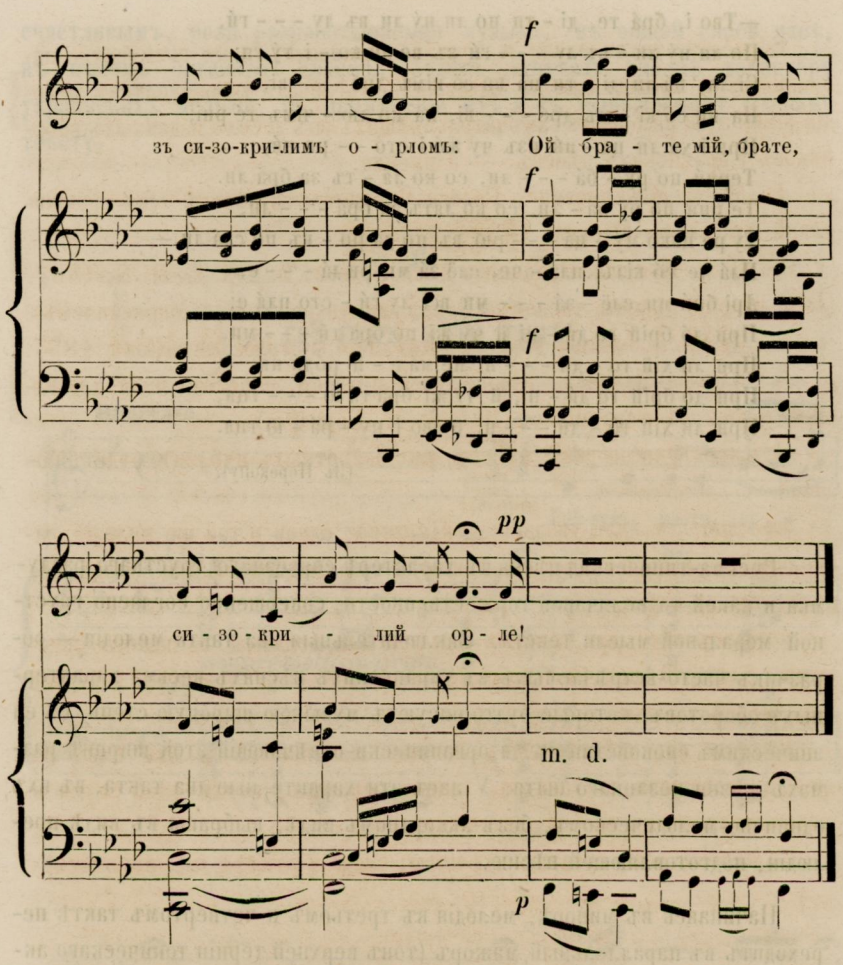
Выводы изъ собственныхъ нашихъ матеріаловъ и изъ сличенія прежде изданныхъ составятся, такимъ образомъ, почти сами собою и будутъ предметомъ особой, заключительной статьи.

На первый разъ предлагаемъ ноты, слова и разборъ *шести* пѣсенъ.

I.

ПОБРАТАВСЯ СОКІЛЪ.





По бра та́ вся со́ - кілъ зъ си зо кри́ лимъ о - - - рло́мъ:
»Ой бра́ - - те мій, бра́ те, си зо кри́ - лий о́ рле!
Зоста вля́ ю то бі всі мо і ро ско́ - - - ші,
Всі мо і ро - ско́ - - - ші, всі мо і - у жи́ тки;
Всі мо і ро ско́ - ші, всі мо і у жи́ - - - тки,
Всі мо і у - жи́ - - - тки, и ма ле́ - нькі ді тки.
А самъ по - ли - ну́ у чу жу́ - сто́ - - ро ну,
Въ чу жу́ сто ро - но́ - - - ньку шу ка́ть та - ла́ но ньку.
Ой якъ до́ бре бу́ - де, то я й за ба рю́ - - - ся;
А якъ ху́до - бу́ - - - де, то й на за́ - дъ ве рну́ ся.
Літа́ со́кілъ лі - то, літа́ со́ кілъ дру́ - - - ге,
На тре́ те е - лі - - - то со́ кілъ при - лі та́ е;
Со́ кілъ при лі та́ - е та ор ла́ пи та́ - - - е:
»А де́ жъ мо і -, бра́ - - - те, ма ле́ ньки - і діти?«

—Тво і, бра́ те, ді - ти по ли ну́ ли въ лу - - - ги́,
По ли ну́ ли - въ лу - - - ги́ зъ ве ли́ ко - і ту́ ги;
Сі ли, па́ ли ді - ти на ви со́ кімъ дре́ - - - ві,
На ви со́ кі - мъ дре́ - - - ві, на ко лю́ - чімъ те́ рні;
При і ха ли па - ни́ изъ чу жо́ і сто - - ро ни́,
Терни́ по ру - ба́ - - - ли, со ко ля́ - тъ за бра́ ли.
Те рни́ по ру ба́ - ли, со ко лятъ за бра́ - - - ли,
Ту ре́ цько му - ца́ - - - рю въ по да́ ро - къ по сла́ ли.—
Пла́ че со́ кілъ, пла́ - че, слё за́ ми ри да́ - - - е,
Дрі бни́ ми слё - за́ - - - ми всі лу ги́ - сто пля́ е:
При до́ брій го ди́ - ні й чу жі по бра ти́ - - - ми,
При ли хій го - ди́ - - - ні не ма́ е - й роди́ ни;
При до брій го ди́ - ні, й чу жі бра та́ ю - - - тця,
При ли хій го - ди́ - - - ні й сво і цу - ра́ - ю тця.

(Зъ Перекопу).

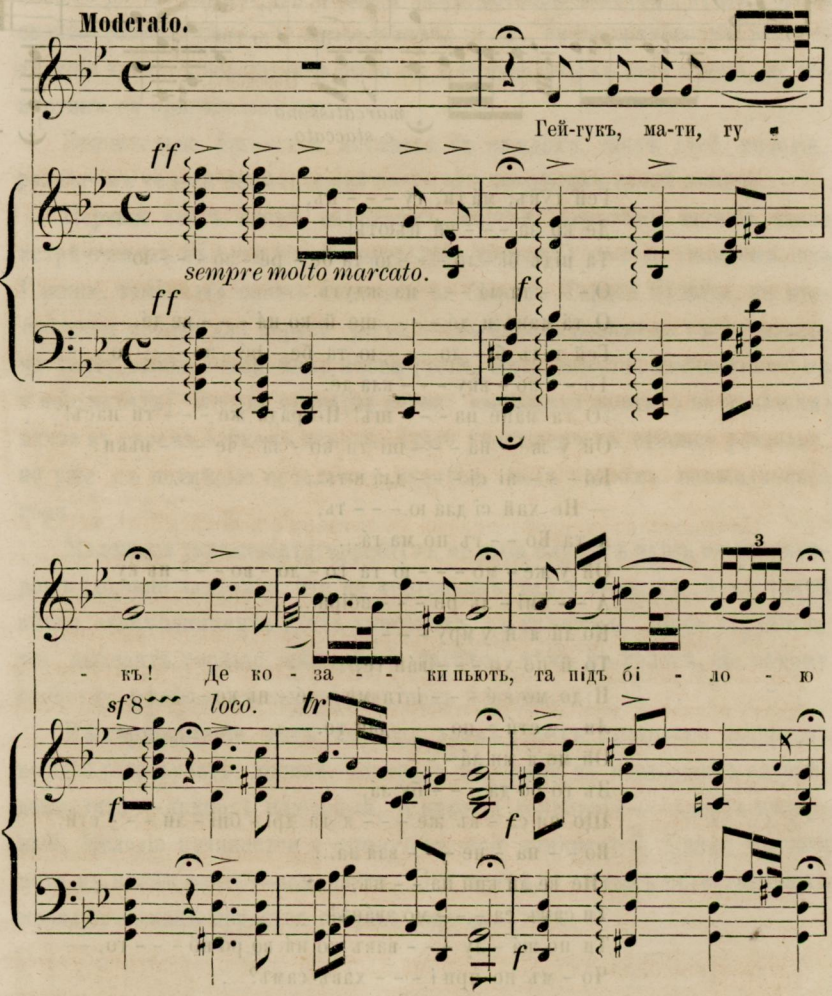
Весьма-типическая пѣсня въ характерѣ серьёзнаго, грустнаго раздумья и какой-то величавой торжественности, совершенно согласно грустной моральной мысли текста. Заключительныя два такта мелодіи — образчикъ часто-встрѣчаемыхъ въ украинскихъ пѣсняхъ весьма характерныхъ оборотовъ, которые будто рисуютъ музыкою широкую степь, съ ея эпическимъ спокойствіемъ, и органически-отвѣчающій этой ширинѣ размахъ жизни козацкаго быта. У насъ эти характерные два такта, въ ихъ единично-мелодическомъ, безъ-аккордномъ видѣ, выбраны въ видѣ прелюдіи, подготовляющей пѣсню.

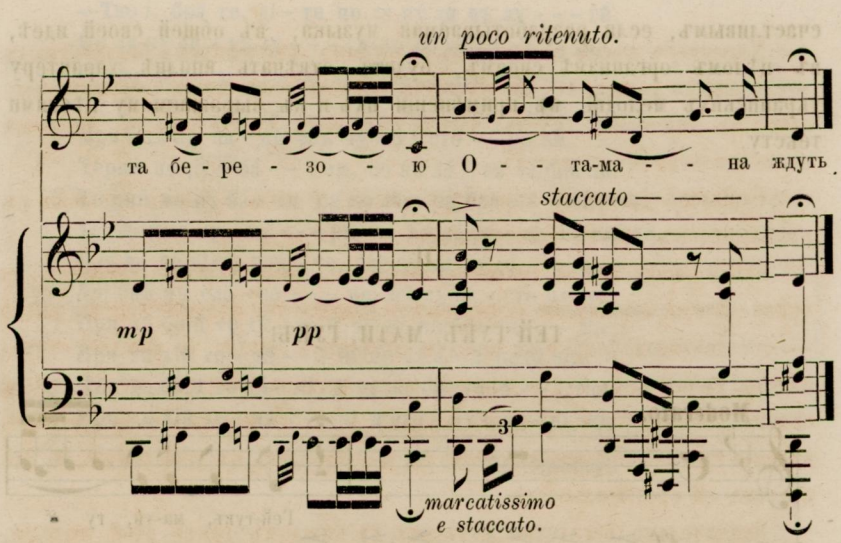
Начинаясь въ минорѣ, мелодія въ третьемъ и четвертомъ тактѣ переходитъ въ параллельный мажоръ (тонъ верхней терціи тоническаго аккорда) и остается въ этомъ мажорномъ тонѣ на весь пятый тактъ, а на шестой, седьмой и восьмой такты опять въ главномъ, минорномъ тонѣ. Это равновѣсіе минора и мажора (1, 2, 7, 8 въ минорѣ; 3, 4, 5, 6 въ мажорѣ) придаетъ логическому складу мелодіи весьма спокойный характеръ въ отношеніи къ модуляціи. Равновѣсіе такое будетъ встрѣчаемо нами весьма-часто и лучше всѣхъ умствованій говоритъ въ пользу естественныхъ законовъ гармоніи, присущихъ народному музыкальному инстинкту. Отдѣльно-взятый каждый мелодическій рисунокъ мотивовъ этой пѣсни (то есть, такты 1-й со 2-мъ, такты 3-й съ 4-мъ, 5-й съ 6-мъ, 7-й съ 8-мъ) — по нашему мнѣнію можетъ служить обильною темою для разработки симфонической. Но пользованіе этимъ богатымъ матеріяломъ въ такомъ только случаѣ поведетъ къ результатамъ для искуства

счастливымъ, если разработываемая музыка, въ общей своей идеѣ, въ цѣломъ организмѣ своемъ, будетъ отвѣчать вполнѣ характеру украинскихъ мелодій, въ примѣненіи ихъ и къ выражаемому пѣснями тексту.

II.

ГЕЙ ГУКЪ, МАТИ, ГУКЪ!





Гей гукъ, ма́ти, гу - - - къ,
Де́ ко за - - - ки́ пъють!
Та підъ бі - ло - - - ю та бе - ре́ - зо - - - ю
О - - - та ма́ - - - на ждуть.
О та́ манъ и де́ - - -, ще й ко ня́ - - - ве де́,
Гей підъ бі - ло - - - ю та бе - ре́ - зо - - - ю
Го - - ло́ - вку - - - кла де́.
»О та ма́не на - - - шъ! По ра́дь же - - - ти насъ!
Ой у же́ - на́ - - - ші та ко - за́ - че - - - ньки
Ко́ - - - ні сі - - - дла́ ють.
— Не хай сі дла́ ю - - - ть,
А та Бо - - гъ по ма га́...
Ой у же́ - мо - - - ю́ та го - ло́ - во - - - нь ку
А - - хмі - ль ро - - - збіра́...
Ко ли́ я й у мру́ - - -,
То й по хо - - - ва́й те,
И до мо - е́ - - - і та ми - ле́ - нь ко - - - і
Ли - - сти́ - по - - - дай те.
Ой мо я́ ми ла́ - - -
Зъ го́ ро да - - - бу ла́,
Що пи са́ - въ же - - - я та дрі - бні́ - ли - - - сти́,
Во - - на́ - не - - - взя ла́...
»Не ве ли́ кий па - - нъ,
Ти самъ са - - - мо зва́нъ!
Ти по жа́ - лу - - - вавъ ко ня́ во ро но́ - - - го, —
Чо - мъ не при і - - - хавъ самъ?

(Зъ хутора Петрушовки, Борзенського повіту).

Характеръ пѣсни проникнутъ разгуломъ, пированьемъ беззаботныхъ »гульливыхъ рыцарей« . Но на этомъ общемъ фонѣ тѣмъ выпуклѣе выступаетъ эпическая грусть. Среди пира подъ бѣлою березою любимый козаками атаманъ умираетъ...

Согласно главному характеру пѣсни, у насъ сдѣлана прелюдія въ размашистомъ, почти буйномъ духѣ.

Особенность самой пѣсни — ферматы, оканчивающія *каждую* ея фразу. Этими ферматами безпрерывно нарушается плавное теченіе ритма — его хватаетъ только на каждую отдѣльную мысль, на каждый стихъ; потомъ ритмъ какъ будто каждый разъ останавливается, чтобъ снова сильно размахнуться. О правильномъ, т. е. симметрическомъ распредѣленіи тактовъ невозможно было бы и помышлять въ этой пѣснѣ, не испортивъ ея оригинальности.

Значительно богатство мотивовъ въ каждомъ тактѣ этой мелодіи, размѣромъ голоса невыходящей почти изъ предѣловъ одной октавы.

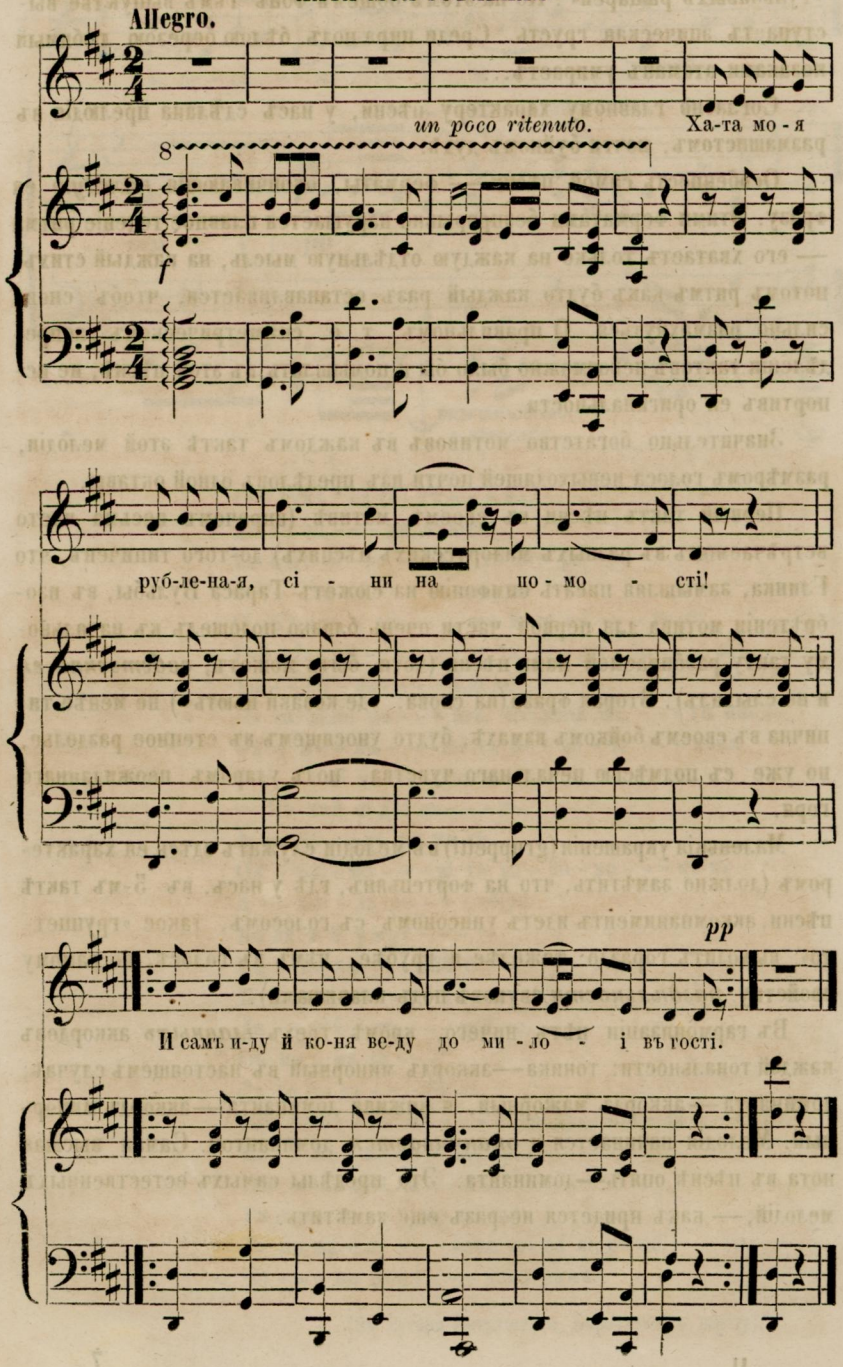
Первый тактъ пѣсни въ своемъ мотивѣ (впрочемъ весьма часто встрѣчаемомъ въ разныхъ малорусскихъ пѣсняхъ) до-того типиченъ, что Глинка, замышляя писать симфонію на сюжетъ Тараса Бульбы, въ изобрѣтеніи мотива для первой части очень близко подошелъ къ начальному такту разбираемой нами пѣсни (хотя, быть можетъ, *собственно ея* и не слыхалъ). Вторая фраза (на слова: »де козаки пьютъ«) не менѣе типична въ своемъ бойкомъ взмахѣ, будто уносящемъ въ степное раздолье, но уже съ подмѣсью печальнаго чувства, подъ ударомъ неожиданнаго горя.

Маленькія украшенія (gruppetti) въ мелодіи служатъ здѣсь ея характеромъ (должно замѣтить, что на фортепьянъ, гдѣ у насъ, въ 5-мъ тактѣ пѣсни, аккомпаниментъ идетъ унисономъ съ голосомъ, такое »групметто« выходитъ гораздо тяжелѣе и грубѣе, чѣмъ въ голосѣ, по самому свойству *раздѣльности* звуковъ подъ клавишами).

Въ гармонизаціи нѣтъ ничего, кромѣ трехъ *главныхъ* аккордовъ каждой тональности: тоника—аккордъ минорный въ настоящемъ случаѣ; доминанта—аккордъ мажорный, и нижняя доминанта—аккордъ минорный. Мелодія начинается и *оканчивается* доминантой. Самая высшая нота въ пѣснѣ опять—доминанта. Это предѣлы самыхъ естественныхъ мелодій,— какъ придется не разъ еще замѣтить.

III.

ХАТА МОЯ РУБЛЕНАЯ.



Ха́та мо я́ ру́ бле на я,
Сі ни на - - по мо́ - сті;
И самъ и ду́ й ко ня́ ве ду́ } bis
До ми́ ло - - - і въ го́ сті. }

Охъ кінь не йде, води́ не пье,
Вінъ не бу́ - - де пи́ - ти:
Де ре́ вго́ ру го ло́ воньку, } bis
Хо́ че ме - - - не́ вби́ти. }

— — — — —

(Съ Чорномо́рії).

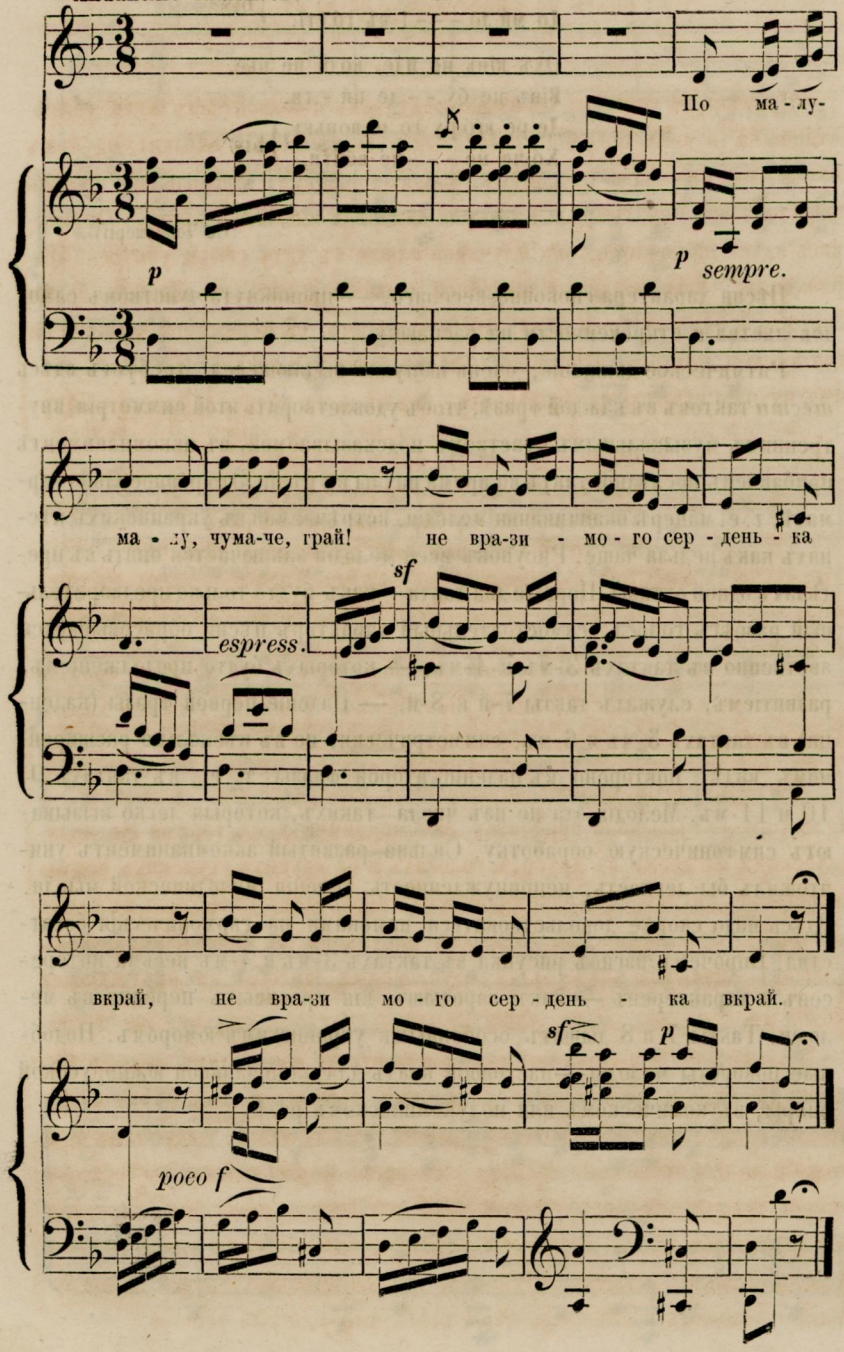
Пѣсня характера спокойно-веселаго, — проникнута чувствомъ самодовольства и откровенности на распашку.

Ритмическое движеніе, очень выпукло выдающееся, требуетъ здѣсь *шести* тактовъ въ каждой фразѣ; чтобъ удовлетворить этой симметріи, внутреннимъ музыкальнымъ чувствомъ подсказываемой, въ аккомпаниментѣ прибавленъ послѣдній тактъ во время паузы въ пѣніи. Это равносильно фермать, т. е. манерѣ оканчиванья мелодіи, встрѣчаемой въ украинскихъ пѣсняхъ какъ нельзя чаще. Рисунокъ всей мелодіи заключается опять въ предѣлахъ одной октавы. Первые два такта—какъ-будто только предварительный разбѣгъ голоса; самостоятельный характеръ пѣсни обрисовывается явственно въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ, — которыхъ будто продолженіемъ, развитіемъ, служатъ такты 7-й и 8-й. — Паденіе первой фразы (каденца) въ тактахъ 5-мъ и 6-мъ, симметрически, но въ нѣсколько расширенномъ видѣ, повторено въ паденіи второй фразы, т. е., въ тактахъ 9, 10 и 11-мъ. Мелодія эта не изъ числа такихъ, которыя легко вызываютъ симфоническую обработку. Сильно развитый аккомпаниментъ уничтожилъ бы легкость, непринужденность теченія мелодической мысли. Здѣсь надо скорѣе довольствоваться намеками на гармоническія богатства. Впрочемъ изгибъ рисунка въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ весьма интересенъ и характеренъ — какъ зародышъ для красивыхъ переливовъ мелодіи. Такты 7 и 8 дышатъ особеннымъ украинскимъ юморомъ. Подобные повороты мелодіи—настоящій кладъ для національной южнорусской оперы, въ комическомъ или полукомическомъ родѣ.

IV.

ПО МАЛУ-МАЛУ.

Andantino lamentoso.



По ма́ - лу - ма́ - лу, чу - ма́ че, грай!
Не - вра зи́ - мо - го́ - се рде́ - нька вкрай (2)!
Братъ ме - не́ - у би́въ, на ла ну́ за ри́въ
За - то́ го - ве́ - при - ка, що въ саду́ ривъ (2)!

Припѣвъ въ сказкѣ. Любимый родителями меньшой сынъ былъ убитъ старшимъ (о чемъ подробно разсказывается въ началѣ сказки), на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ схороненъ, выросла калина. Проходившіе чумаки вырѣзали изъ нея свирѣль, которая заиграла имъ эту пѣсенку. Остановясь здѣсь на ночлегъ, они случайно зашли въ хату семьи убитаго. Пораженные, взволнованные жалобной волшебною пѣснью, старики брали свирѣль и она имъ тоже пѣла, что́ и чумакамъ, съ перемѣной *чума́че* на *тату́сю* и *мату́сю*. Когда же долженъ былъ приложить къ губамъ своимъ чудную свирѣль старшій братъ, она въ немъ обличила своего убійцу:

По ма́ - лу - ма́ лу, бра́ ті ку, грай!
Не - вра зи́ - мо́ - го - се рде́ - нька вкрай (2)!
Ти жъ ме - не́ - у би́въ, на лану́ за ри́въ,
За - то го́ - ве́ - при - ка, що въ саду́ ри́въ (2)!

(Зъ с. Кула́женець, Пирятинського повіту.)

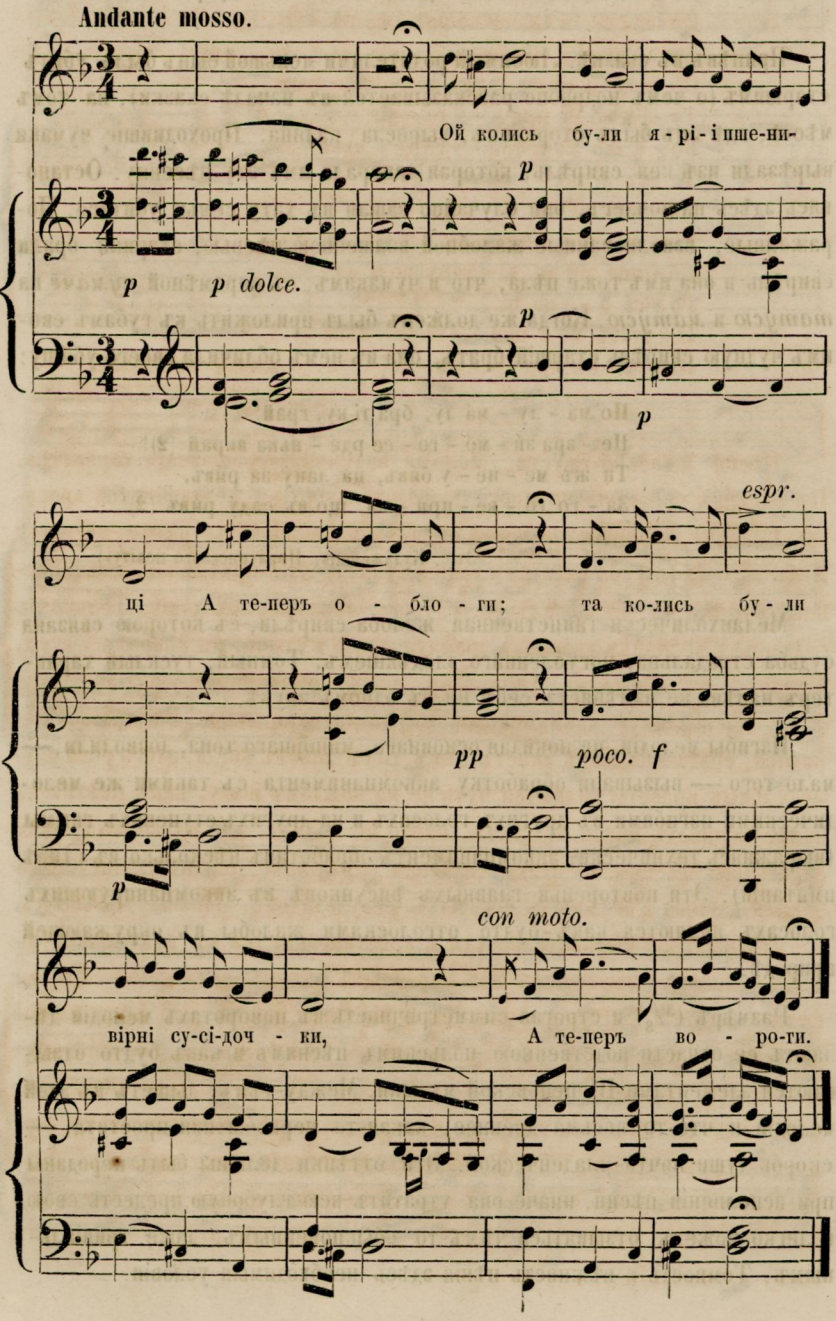
Меланхолически таинственная жалоба свирѣли, съ которою связана судьба страдальца, погубленнаго злодѣяніемъ. Томный, тусклый характеръ напѣва не измѣняетъ себѣ ни въ одномъ звукѣ.

Изгибы мелодіи, не покидая основнаго, минорнаго тона, дозволяли,— мало того — вызывали обработку аккомпанимента съ такими же мелодическими изгибами въ другихъ голосахъ и на другихъ ступеняхъ гаммы (выражаясь технически: аккомпаниментъ обработанъ нѣсколько въ стилѣ имитацій). Эти повторенья главныхъ рисунковъ въ аккомпанирующихъ голосахъ являются какъ-будто отголосками жалобы въ окружающей природѣ.

Размѣръ ($^3/_8$) и строгая симметричность въ поворотахъ мелодіи дѣлаютъ ее отчасти родственною польскимъ пѣснямъ и какъ будто отзываются элементами Шопеновской музыки. Между-тѣмъ, дышетъ въ этой мелодіи и что-то весьма древнее, какая-то первобытная простота, — скорбь души почти-младенческой. Эти оттѣнки должны быть переданы при исполненіи пѣсни, иначе она утратитъ всю глубокую прелесть свою и легко можетъ отзываться чѣмъ-то обыкновеннымъ, даже тривіальнымъ. Томность и нѣжность пѣнія здѣсь необходимыя условія.

V.

»ОЇ КОЛИСЬ БУЛИ«,



Ой ко ли́сь бу ли́ я́рі і пше ни́ці,
А те пе́ръ о - - бло ги́;
Та ко ли́ - сь бу ли́ вір ні су сі до - чки,
А те пе́ - ръ во - - - ро - ги́.
Ой не сте ли́ ся, зе ле́ ний спо ри́ - шу,
А по кру ті - - й го рі;
Ой не ра - дій те, зли́ і во ро же́ - ньки,
Та объ мо́ ій при - - - го́ - ді!
Бо - й що мо я́ при - - го́ до - нька
Та якъ лі тня - - ро са́:
Со́ - нце зій де, ві - теръ по ві - е,
Ро - са́ - о - - - па - де́;
Со́ - нце зій де, ві - теръ по ві - е,
Ро - са́ о - - па де́:
О - тта́къ мо я́ при - - го до - нька
На - ві - къ про - - - па - де́!

(Зъ-підъ Лубе́нь.)

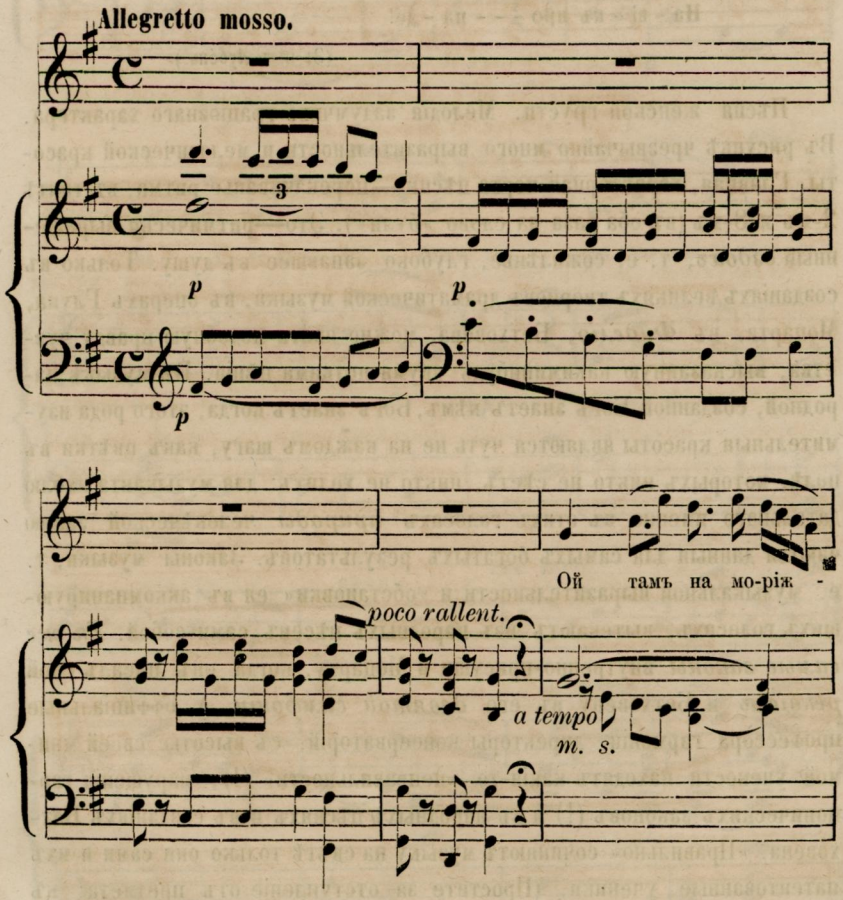
Пѣсня женской грусти. Мелодія задумчиво-граціознаго характера. Въ рисункѣ чрезвычайно много выразительности и мелодической красоты. Главная, характерная черта пѣсни—перекачиванье ритма, въ тактѣ 2-мъ и 8-мъ (въ оба раза на слово »були́«). Это—ритмически выраженный *вздохъ*, т. е. сожалѣнье, глубоко запавшее въ душу. Только въ созданіяхъ великихъ творцовъ драматической музыки, въ операхъ Глука, Моцарта, въ *Фиделіо*, Бетховена, можно найти подобную правду чувства, высказанную какимнибудь двумя нотками пѣнія. Въ музыкѣ народной, созданной Богъ знаетъ кѣмъ, Богъ знаетъ когда, этого рода изумительныя красоты являются чуть не на каждомъ шагу, какъ цвѣтки въ полѣ, которыхъ никто не сѣетъ, никто не холитъ: для музыканта наблюдательнаго именно въ этихъ голосахъ *природы* человѣческой заключаются данныя для самыхъ богатыхъ результатовъ. Законы музыки, т. е. музыкальной выразительности и »обстановки« ея въ аккомпанирующихъ голосахъ, вытекаютъ изъ народныхъ пѣсенъ сами-собой. *Тѣ же самые законы* внутренно-присущи и Моцарту, когда онъ писалъ свой *реквіемъ* и Бетховену въ его *девятой симфоніи*. А оффиціальные профессора гармоніи, директоры консерваторій, съ высоты своей мнимой учености находятъ какія-то »неправильности« (!), нарушенія гармоническихъ законовъ (!) и въ народныхъ пѣсняхъ и въ созданіяхъ Бетховена. »Правильно« сочиняютъ музыку на свѣтѣ только они сами и ихъ патентованные ученики. (Простите за отступленіе отъ предмета: къ слову пришлось).

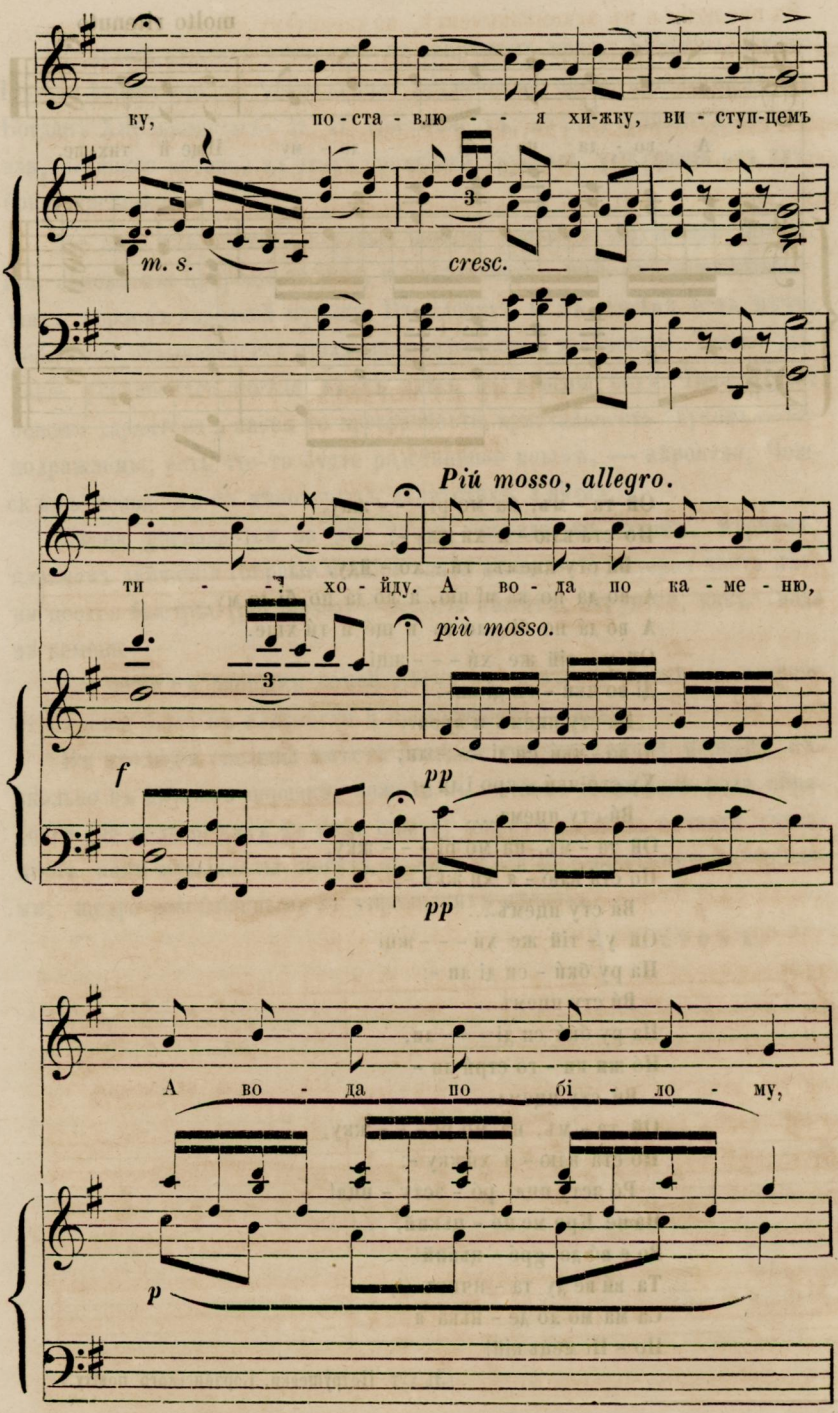
Въ прелюдіи и въ аккомпаниментѣ, по характеру пѣсни, здѣсь главная цѣль была—сердечность общаго тона; оттого—простота въ сочетаніяхъ аккордовъ, но вмѣстѣ ихъ тѣсная сплоченность между собою, довершаемая добавочными рисунками аккомпанимента, во время паузъ голоса (такты 4, 6, 10). Въ этихъ окаймляющихъ рисункахъ (опять въ стилѣ легкихъ »имитацій«) повторены главные мотивы самой пѣсни.

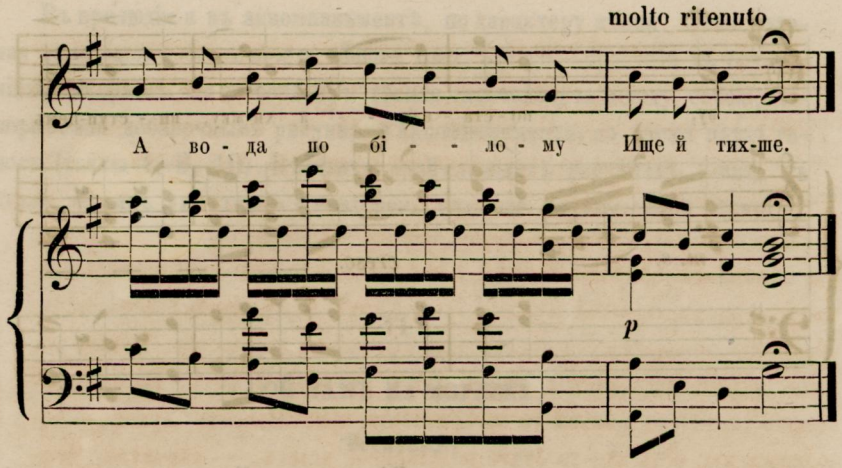
VI.

ОЙ ТАМЪ НА МОРІЖКУ.

(Веснянка.)




ку, по-ста-влю - - я хи-жку, ви-ступ-цемъ
m. s.
cresc.
Più mosso, allegro.
ти - -? хо-йду. А во-да по ка-ме-ню,
più mosso.
f
pp
pp
А во-да по бі-ло-му,
p



Ой та - мъ, на мо рі - - - жку,
По ста́ влю - я хи́ жку –;
Ви́ сту пцемъ, ти́ - хо - йду,
А во да́ по ка́ мі ню, а во да́ по бі ло му,
А во да́ по бі - ло му и ще́ й ти́ хше.
Ой у - тій же хи́ - - - жці
Ді во чки́ - си ді ли–;
Ви́ сту пцемъ *и проч.*
Ді во - чки́ си ді - - - ли,
Ху сто чки́ - кро і ли –;
Ви́ сту пцемъ....
Ой та - мъ, на мо рі - - - жку,
По ста́ влю - я хи́ жку –;
Ви́ сту пцемъ....
Ой у - тій же хи́ - - - жці
Па ру бки́ - си ді ли –;
Ви́ сту пцемъ...
Па ру бки́ си ді - - - ли,
Но́ жи ки - го стри́ ли –
Ви́ сту пцемъ....
Ой та - мъ, на мо рі - - - жку,
По ста́ влю - я хи́жку –;
Ро́ зсту пця! ро́ - зсту - пця!
Па́ не Кре ме не́ - цький,
Во е во́ до gpé - цький!
Та ви́ ве ду та́ - нчикъ (¹)
Са ма́ мо ло де́ - нька я
По - Ні ме́ць кій!

(Зъ хут. Петру́шевки, Борзе́нського повіту.)

(¹) Стихъ *Та ви́веду та́нчикъ* поется такъ, какъ предъидущій.

Послѣдній куплетъ относится къ свирѣпому врагу Украины, князю Іереміи Вишневецкому, збаражскому заключенцу, какъ указалъ на это въ Богданѣ Хмельницкомъ« П. И. Костомаровъ; но это, сравнительно, новая, недавняя вставка въ этотъ чистѣйшій хрусталь, уцѣлѣвшій отъ глубокой древности.

Это одна изъ пѣсенъ, которыя поются бо́льшею частію дѣвушками, при обновленіи природы весною, и составляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ народной музыки. Въ словахъ и въ напѣвѣ есть нѣчто обрядовое, отзывающееся отдаленною, языческою древностію. Теплое дыханіе украинскаго апрѣля вѣетъ здѣсь въ каждой нотѣ. Простодушіе общаго характера и какая-то прозрачность, кристальность звуковъ—неподражаемы; есть что-то будто родственное имъ, — вѣроятно, Чешскимъ мелодіямъ въ нѣкоторыхъ квартетахъ Гайдна.

Пѣсня распадается на двѣ части—первая въ тихомъ, мѣрномъ, плавномъ движеніи (первые четыре такта въ голосѣ); вторая часть пѣсни поется быстрѣе (più mosso)—мелодія бѣжитъ, струится, какъ »вода по ка́меню«.

Согласно съ данными самой пѣсни, — и въ обработкѣ ея главное стремленіе было къ наивности и прозрачности звуковъ.

Въ прелюдіи сведены вмѣстѣ главные рисунки самой мелодіи, нѣсколько въ другомъ порядкѣ, нежели въ напѣвѣ. Подобнаго рода обработка (не больше какъ въ видѣ опыта) можетъ служить отчасти указаніемъ какъ музыканты могутъ пользоваться мелодическими матеріалами, щедро разсыпанными въ украинскихъ пѣсняхъ.

А. Сѣровъ.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА,

изданная бывшимъ инспекторомъ татаровской гимназіи, Линейкинымъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Въ теченіе моей тридцатилѣтней службы перебывалъ я во многихъ гимназіяхъ этого края,—сначала въ должности младшаго учителя нѣмецкаго языка и ариѳметики, потомъ—старшаго учителя русской словесности, наконецъ — инспектора. Эту послѣднюю должность, со дня опредѣленія къ оной до конца моей службы, занималъ я въ татаровской гимназіи. Какъ инспекторъ гимназіи, я былъ обязанъ слѣдить за образомъ мыслей и связями учащихся. Немаловажнымъ къ тому средствомъ служило мнѣ, между прочимъ, пересматриваніе ученическихъ писемъ. Признаюсь, мѣра эта, которой пользу я испыталъ на опытѣ, навела меня на мысль разширить кругъ моего инспекторскаго контроля, и я сталъ, собственно въ интересахъ службы, заодно съ ученическою, пересматривать корреспонденцію и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Близкое знакомство съ татаровскимъ почтмейстеромъ, сынъ котораго воспитывался въ нашей гимназіи, и авторитетъ моей инспекторской должности облегчили мнѣ это довольно щекотливое занятіе. Съ особенно-интересныхъ писемъ я снялъ копіи и хранилъ ихъ на всякій случай.

Прослуживъ свое двадцатипятилѣтіе и еще одно пятилѣтіе, и потерявъ наконецъ всякую надежду добиться директорскаго мѣста, распрощался я съ татаровскою гимназіею и со службою. Очевидно, что, послѣ этого, хранившаяся у меня въ копіяхъ корреспонденція потеряла для меня весь свой прежній интересъ. Я было рѣшился сжечь ее и уже вынулъ изъ шкатулки письма, чтобы исполнить это намѣреніе, какъ во мнѣ родилось желаніе прочесть ихъ еще разъ. Господи, какъ мы измѣнились! Правда,

на служебной сценѣ многіе изъ прежнихъ дѣятелей остались, но какое различіе въ началахъ или, какъ теперь говорятъ, въ принципахъ ихъ дѣятельности! Въ послѣднее время моей службы, я самъ не узнавалъ себя: дотого, по долгу служебной исполнительности, усвоилъ себѣ принципы. Ревностью къ просвѣщенію отличались мы всегда; но какимъ образомъ столь внезапно успѣли проникнуться чувствомъ собственнаго достоинства и въ равной мѣрѣ чувствомъ уваженія къ личному достоинству другихъ; откуда вдругъ явились у насъ эта утонченная гуманность воспитательныхъ мѣръ, это глубокое знаніе таинствъ педагогіи и такое обиліе системъ улучшеннаго преподаванія? Собственнымъ ушамъ не вѣришь, слыша, какъ тотъ, кто еще вчера говорилъ о выправкѣ и маршировкѣ, какъ о надежнѣйшихъ средствахъ здравой педагогіи, теперь твердитъ о превосходствѣ непринужденнаго умственнаго труда. Собственнымъ глазамъ не вѣришь, видя какъ тотъ кто прежде съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ, какъ величайшую учебную контрабанду, пестрыя брюки, теперь и усовъ не замѣчаетъ. Но что удивительнѣе всего, такъ это то, что извѣстные дѣятели, отличившіеся особенною изобрѣтательностью на поприщѣ старой педагогіи, и на поприщѣ новой обнаружили такой же духъ изобрѣтательности на поприщѣ старой педагогіи. Какъ удачно разсуждали они прежде, напримѣръ, о преимуществахъ формы, такъ удачно разсуждаютъ теперь о суетѣ ея. И при перемѣнѣ точки зрѣнія, привилегія природной дальновидности осталась за ними! Но не объ этомъ рѣчь. Къ-удивленію моему, чтеніе хранившихся у меня въ копіяхъ писемъ въ этотъ разъ не произвело на меня того непріятнаго чувства, которое производило прежде, когда еще я самъ вращался въ учебномъ мірѣ сплетень, интригъ, желчи и педантизма. Какъ душа, разставшись съ тѣломъ, равнодушно, говорятъ, смотритъ на свое тѣло, такъ я, вышедши въ отставку, сталъ равнодушно смотрѣть на всѣ гимназіи въ мірѣ. Что прежде, въ письмахъ моихъ сослуживцевъ, возбуждало во мнѣ зависть, раждало опасеніе, оскорбляло самолюбіе, вызывало чувство мести, то теперь, подъ примирительнымъ вліяніемъ отставки съ пансіономъ, показалось не болѣе какъ безобиднымъ образчикомъ здѣшнихъ гимназическихъ нравовъ, и притомъ нравовъ не теперешнихъ, а прежнихъ, въ настоящее время только по преданію извѣстныхъ. Теперь уже нѣтъ обязательныхъ ученическихъ квартиръ; надзиратели старой школы перевелись, по крайней мѣрѣ измѣнили свое обращеніе съ учениками; отношенія членовъ педагогическаго совѣта къ властямъ административнымъ стали другія; прежній способъ производства гимназическихъ и университетекихъ испытаній за-

мѣненъ новымъ; положеніе господъ учителей во всѣхъ отношеніяхъ измѣнилось; измѣнились даже отношенія общества къ учебнымъ заведеніямъ края. Посмотрѣвши съ этой точки зрѣнія на мою коллекцію писемъ, я не только не сжегъ ее, но напротивъ — рѣшился напечатать. Картина учебной жизни, которую представляетъ »переписка«, какъ картина прошедшаго, и безъ-того не имѣетъ никакого обличительнаго значенія для настоящаго времени; независимо однако отъ того, я употребилъ всевозможное стараніе, чтобы изображенія разныхъ лицъ, встрѣчающіяся въ этой картинѣ, какъ можно менѣе походили на портреты лицъ живыхъ, то есть обрѣтавшихся и обрѣтающихся *in rerum natura*. Для этого, настоящія фамиліи, упоминаемыя въ письмахъ, я замѣнилъ вымышленными и уничтожилъ, до малѣйшаго слѣда, всѣ нескромныя черты, прямо указывавшія на отдѣльныя личности. Такимъ образомъ, пусть никто не ищетъ въ »перепискѣ« никакихъ намековъ, никакихъ извѣтовъ на отдѣльныя лица, пусть никто не старается узнать здѣсь ни себя, ни своихъ знакомыхъ. По моему мнѣнію, было бы крайне несправедливо слагать на личную отвѣтственность кого бы то ни было общую принадлежность мѣста и времени. Когда холера въ воздухѣ всякій легко можетъ сдѣлаться ея жертвою. Каяться намъ, а не обличать другъ друга, каяться всѣмъ, и первому мнѣ многрѣшному, бывшему татаровскому инспектору! Господи, аще бо назриши прегрѣшенія, кто постоитъ? Да не подумаетъ кто нибудь, что, говоря это, я хочу только оправдать утайку фактовъ, лично до меня относящихся. Какъ несправедливо было бы такое предположеніе, доказательствомъ служитъ, что всѣ мѣста, въ которыхъ не слишкомъ лестно говорится о татаровскомъ инспекторѣ, то есть обо мнѣ и которыя безъ нескромности можно было напечатать, я напечаталъ. Уничтоживъ въ издаваемой мною перепискѣ все непріятное для самолюбія или скромности отдѣльныхъ лицъ, я расположилъ письма въ хронологическомъ порядкѣ и въ выноскахъ дополнилъ необходимыми поясненіями.

Бывшій инспекторъ татаровской гимназіи, Иванъ Линейкинъ.

№ 1. *Отъ надзирателя татаровской гимназіи, Тропаревича, къ секретарю крюкославской духовной консисторіи.*

Ваше высокоблагородіе,

милостивый государь и благодѣтель,

Ѳома Петровичъ!

Священнымъ долгомъ считаю увѣдомить васъ, что послѣ всѣхъ испытанныхъ мною треволненій, достигъ я наконецъ мирной пристани подъ кровомъ татаровской гимназіи въ званіи надзирателя (1). Рекомендаціонное письмо ваше къ господину директору премного къ тому способствовало и, такъ сказать, открыло мнѣ путь моего поприща. Да наградитъ васъ за то Всевышній!

Представъ со страхомъ предъ особу господина директора, я доложилъ ему о моемъ пребываніи въ семинаріи до риторики включительно. Въ отвѣтъ на сіе ихъ высокородіе изволили спросить меня, искусенъ ли я въ нотномъ пѣніи. Часть эта достаточно мнѣ извѣстна, и я, не обинуясь дерзнулъ увѣрить въ томъ господина директора. Тогда ихъ высокородіе, принявъ отъ меня прошеніе, благоволили немедленно допустить къ исправленію надзирательской должности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возложили на меня и обязанность регента гимназическаго хора.

Всѣхъ насъ надзирателей при татаровской гимназіи седмь человѣкъ. Пять блюдутъ за воспитанниками общихъ квартиръ, два—за вольнопри-

---

(1) Какъ добросовѣстный издатель, я старался сохранить текстъ писемъ во всей его полнотѣ и подлинности, на сколько это было согласно съ требованіями скромности. Однако, что̀ касается правописанія, то я предпочелъ сообразоваться не съ подлиннымъ правописаніемъ издаваемыхъ мною писемъ, а съ господствующими въ наше время правилами грамматики. Въ слѣдствіе этого, во многихъ письмахъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими особенностями ихъ подлиннаго правописанія, я не сохранилъ и всѣхъ тѣхъ орѳографическихъ тонкостей, которыхъ сущность заключается въ выраженіи бо́льшей или меньшей степени уваженія къ разнымъ лицамъ и предметамъ посредствомъ относительной величины буквъ, которыми начертаны названія этихъ лицъ и предметовъ. Впрочемъ выраженія характеристическія, (попадающіяся, напримѣръ, въ письмахъ надзирателя Михайлова) переданы здѣсь безъ всякаго измѣненія, хотя выраженія эти, какъ кажется, и противорѣчатъ господствующимъ въ наше время правиламъ грамматики. Говорю: какъ кажется, потому что съ другой стороны выраженія эти—фактъ, un fait accompli, и слѣдовательно, въ нашъ безпристрастный вѣкъ, имѣютъ свой авторитетъ даже для науки.

ходящими. Мнѣ воспослѣдовало назначеніе въ общія квартиры (1). Квартиры сіи именуются общими по совокупности пребыванія въ нихъ учениковъ. Это родъ бурсы, съ платою за содержаніе по усмотрѣнію начальства. Разумѣется, возможна въ семъ и нѣкая экономія, паче же, по внушенію господина директора, облегченіе надзора и духъ воспитанія. Сего ради и содержатся здѣсь надзиратели: я и еще другихъ четыре. Два, подобно мнѣ, изъ духовнаго званія, одинъ изъ отставныхъ воинской службы, одинъ изъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства. Дежуримъ мы чредою, каждый не болѣе четырехъ разъ въ седмицу.

Переписка есть и здѣсь, только умѣренная: двѣ книги для записыванія штрафовъ, одна—для успѣховъ, одна для ученическихъ отлучекъ, одна для внесенія именъ посѣтителей, одна для особыхъ произшествій и, кромѣ того, ежедневно составляется краткое извлеченіе изъ всѣхъ книгъ и при рапортѣ подается его высокородію господину директору.

Жалованія надзирателю полагается ежемѣсячно 16 рублей 33 копѣйки. По особому условію съ подрядчикомъ, продовольствующимъ учениковъ пищею, надзиратели, кромѣ квартиры, пользуются и столомъ отъ заведенія. Понеже одобреніе яствъ зависитъ отчасти отъ надзирателей, то подрядчикъ пріемлетъ особенное попеченіе о надзирательскихъ порціяхъ.

Что касается доброхотныхъ приношеній, или, такъ сказать, приватной

---

(1) Общія квартиры были открыты здѣсь въ 1840 году, въ видѣ опыта на 10 лѣтъ, и просуществовали съ своимъ первоначальнымъ, обязательнымъ, характеромъ до 1856 года. Всѣ воспитанники извѣстнаго учебнаго заведенія, если только не жили у своихъ родителей, обязаны были квартировать въ общей ученической квартирѣ: исключенія допускались рѣдко, и только по очень уважительнымъ причинамъ. Вслѣдствіе такого сосредоточенія учащихся, во-первыхъ, облегчался училищному начальству надзоръ за ними, во-вторыхъ, самое содержаніе обходилось дешевле. Поэтому плата за содержанія въ общей квартирѣ была самая умѣренная. Всѣ расходы по общей квартирѣ (не исключая и жалованія надзирателямъ и прочимъ чиновникамъ) производились единственно изъ денегъ, вносимыхъ родителями за содержаніе своихъ дѣтей. Не смотря однако на свои ограниченныя средства, многія общія квартиры, стараніемъ опытныхъ педагоговъ, доведены были до возможной степени не только внутренняго, но и внѣшняго, совершенства. Не хвастая могу сказать, что во время моего инспекторства, и въ особенности въ первые годы, общія квартиры при татаровской гимназіи представляли образецъ чистоты, порядка и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже великолѣпія. Мы гордились тѣмъ, что изъ остатковъ суммъ, положенныхъ на продовольствіе и учебныя пособія, безъ всякаго впрочемъ ущерба продовольствію и учебнымъ пособіямъ, могли содержать мебель и зданія общихъ квартиръ въ блестящемъ видѣ, который сдѣлалъ бы честь и заведенію, располагающему значительными штатными суммами.

благостыни, то, по недавности моего здѣсь пребыванія, въ точности еще не знаю. Слыхалъ, однако, что сослуживецъ мой, надзиратель Кондаковскій, имѣетъ нѣкіе источники, изъ коихъ главный заключается въ отдачѣ ученикамъ денегъ въ ростъ. Въ случаѣ несостоятельности должниковъ, займы взыскиваются съ ихъ родителей, подъ видомъ уплаты за будто бы разбитую учениками посуду и якобы утерянныя казенныя книги.

Хотя при опредѣленіи моемъ имѣлось въ виду и нотное пѣніе, однако, по малочисленности учениковъ православнаго исповѣданія, господинъ директоръ еще не успѣлъ составить гимназическаго хора. Безъ поддержки со стороны господъ учителей, изъ коихъ многіе и сами нечужды нотному искусству, басъ мой былъ бы, на клиросѣ гимназической церкви, въ нѣкоторомъ смыслѣ, гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Мѣстечко Татаровка на видъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстечекъ нашей губерніи: такое же множество Іудеевъ и такія же ветхія іудейскія корчмы. Грязь однако здѣшняя превосходитъ все извѣстное по губерніи въ этомъ родѣ.

По случаю, мнѣ достался очень изрядный турецкій табачекъ, коего три фунтика честь имѣю вашему высокоблагородію почтительнѣйше представить. Не отвергните, достопочтеннѣйшій благодѣтель, сіе приношеніе отъ глубины благодарнаго сердца.

№ 2. *Отъ надзирателя татаровской гимназіи, Цаповскаго, къ столоначальнику крюкославскаго губернскаго правленія.*

Честь имѣю рекомендоваться вамъ, любезнѣйшій Артемій Спиридоновичъ: надзиратель за волѣноприходящими учениками татаровской гимназіи, Амфилохій Аввакумовичъ Цаповскій. Пусть не думаетъ твой господинъ совѣтникъ, выживній меня, по наущенію жидковъ, изъ крюкославскаго городоваго магистрата, что всѣ мѣста въ губерніи зависятъ отъ губернскаго правленія. На зло господину совѣтнику и всѣмъ врагамъ моимъ, я, послѣ трехмѣсячной безмездной переписки бумагъ въ канцеляріи учебнаго округа, получилъ мѣсто надзирателя гимназіи, по предписанію господина управляющаго округомъ отъ 17-го сентября сего года за № 9,999.

Изъ дѣлъ губернскаго правленія тебѣ извѣстно особое положеніе сего края: оно остается особымъ и по учебной части. Поэтому въ над-

зиратели при учебныхъ заведеніяхъ назначаются предпочтительно такія лица, которыя, по своей служебной опытности, могли бы имѣть бдительный надзоръ за ходомъ воспитанія.

Директоръ татаровской гимназіи удивилъ меня своимъ знаніемъ всякаго канцелярскаго порядка. И самому Вавилѣ Аммосовичу, первому докѣ крюкославскаго губернскаго правленія, поучиться бы у господина директора. Пріятно служить у такого начальника: можешь спать покойно, въ полной увѣренности, что никакая въ мірѣ бумажка не захватитъ тебя врасплохъ. Похвалюсь, что и господинъ директоръ почтилъ меня своимъ довѣріемъ на значительную сумму, по части заготовленія дровъ и разныхъ матеріаловъ для общихъ ученическихъ квартиръ, а госпожа директорша приблизила къ своему дому порученіетъ закупки съѣстныхъ припасовъ для ихъ собственной кухни. Въ общей сложности, однако, я не въ убыткѣ. Бываютъ также и экстренные случаи, не говоря уже о пестромъ платьи, чубукахъ, кисетахъ и о прочемъ, подлежащемъ, по нашимъ гимназическимъ правиламъ, конфискаціи. Разумѣется, для всякаго желательнѣе монетою; но по возможности отъ сего удерживаюсь, чувствуя благовидность учебной службы.

Въ сущности и учителя подлежатъ нашему надзору, особенно касательно аккуратнаго хожденія въ классъ и содержанія въ чистотѣ и опрятности классныхъ журналовъ; но отъ учителей, кромѣ непріятностей, не жди ничего. Эти люди не чувствуютъ никакой благодарности. Справедливо, что безъ учителей не можетъ состояться и гимназія; но, сколько я понимаю это дѣло, присмотрѣвшись къ гимназіи на мѣстѣ, въ учительскомъ штатѣ возможны значительныя сокращенія. Довольно сказать, что всегда только одна половина этихъ господъ бываетъ на должности, а другая въ то время разгуливаетъ. Особенно не нравятся мнѣ въ учителяхъ ихъ азартные манеры. Иной, вбѣжавши изъ класса въ инспекторскую, броситъ передъ тобою на столъ классный журналъ, такъ что столъ задрожитъ. Не могу однако пожаловаться на учителей нѣмецкихъ: эти ужъ, видно, отъ природы расположены ко всякой служебной деликатности. Даромъ что и двухъ словъ не умѣютъ правильно сказать по русски, однакожъ требованія высшаго начальства смекаютъ не хуже нашего брата, стараго служаки. Право, въ нихъ гораздо больше настоящей преданности и кореннаго духа, нежели въ учителяхъ русскаго языка и словесности.

Прощай, любезный Артемій Спиридоновичъ; кланяйся крюкославскому городовому магистрату и пожелай ему отъ меня, чтобы онъ про-

валился, вмѣстѣ съ твоимъ господиномъ совѣтникомъ, который болѣе вѣритъ жидамъ, чѣмъ благородному офицеру.

№ 3. *Отъ надзирателя татаровской гимназіи, Михайлова, къ его женѣ.*

Дражайшая наша супруга,

Анна Семеновна!

Увѣдомляю тебя, что, по теперешнему моему званію и офицерскому чину, получилъ я мѣсто надзирателя въ татаровской гимназіи, крюкославской губерніи. Должность моя смотрѣть за мальчишками, чтобы не портили казенной небели и не начкали книгъ, а болѣе же по гардеробной части, на счетъ сапогъ. Еще обучаю я здѣшнихъ школьниковъ пѣшей выправкѣ и маршировкѣ: теперь вся ихняя гимназія прикомандирована подъ начальство его превосходительства нашего генерала.

На второй недѣлѣ великаго поста пріѣзжалъ къ намъ начальникъ: кто говоритъ—казенный инспекторъ, а кто—визитатуръ. Выправкою остались довольны и благодарили. Одно показалось мнѣ обидно: сравнили наше ученіе съ танцованіемъ. Танцмейстеромъ я не былъ и быть не желаю.

Съ пріѣздомъ своимъ ко мнѣ ты, мать моя, повремени. Здѣшнія учительскія и надзирательскія жены говорятъ на языкахъ и наряжаются, какъ помѣщицы. Гимназическая попадья и та въ шляпкѣ подъ зонтикомъ. Тебѣ покажется скучновато, а особенно безъ хозяйства, по строгости здѣшняго начальства на счетъ чистоты: въ гимназическомъ дворѣ свиней не терпитъ. Я самъ одной перешибъ полѣномъ ноги; кажись, письмоводительской.

Просилъ я тебя не называться и не писаться прежнимъ нашимъ прозваніемъ — Сопляковой, а теперешнимъ — Михайловой. Забыла развѣ, что когда на смотру фельдфебель первой роты при всѣхъ ляпнулъ свою фамилію, то былъ приказъ, чтобы въ полкахъ не было разныхъ мужицкихъ прозваній и что тогда и меня переименовали изъ Сопляка въ Михайлова.

Посылаю тебѣ 25 рублей денегъ и два фунта жидовскаго чаю: онъ, какъ сама увидишь, не хуже нашего деркачевскаго, а между тѣмъ не въ-примѣръ дешевле.

№ 4. *Отъ ученика татаровской гимназіи къ бывшему ученику той же гимназіи.*

Имя твое, дорогой Саша, исключенное рукою директора изъ гимназическихъ списковъ, живетъ по прежнему въ сердцахъ твоихъ товарищей. Страшно подумать, въ какомъ ты теперь безвыходномъ положеніи, по милости директорской отмѣтки: *поведенія былъ добропорядочнаго*. Роковыя слова! Тяжелымъ камнемъ легли они на пути твоемъ. Казалось, близокъ былъ конецъ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ испытаній; еще шагъ — и университетъ спасалъ жертву татаровскаго воспитанія; но не такъ было угодно судьбѣ. Скажи, какъ принялъ тебя отецъ, что сказала мать?

У насъ все по старому: надзиратель, по милости котораго тебя исключили, такой же какъ и былъ; Соня (да простятъ мнѣ боги, что упоминаю ея имя рядомъ съ именемъ негодяя) по прежнему составляетъ главный предметъ стиховъ и воздыханій нашихъ поэтовъ.

Недавно ярыжка Цаповскій посѣщалъ нашу квартиру и при этомъ, по обыкновенію, утащилъ одесскій чубукъ Стася и прекрасный кисетъ Больця, вышитый ручками его божественной Мариси. Больця не было въ квартирѣ; мы знали, что онъ дорожитъ кисетомъ, какъ святыней, поэтому предложили Цаповскому, вмѣсто кисета, девять злотыхъ, то есть все, что имѣлось тогда у насъ въ наличности. Какъ нарочно, не согласился.

Миша Чупинскій съигралъ недавно отличную штуку съ Филиппомъ Потаповичемъ. Ты знаешь, бѣдняжкѣ Митѣ не далась географія. Не желая оставаться на третій годъ въ третьемъ классѣ, за незнаніе водяныхъ коммуникацій, задумалъ Миша уволиться изъ гимназіи и поступить въ аптекарскіе ученики. Но и для этого необходимо представить свидѣтельство объ удовлетворительномъ знаніи предметовъ третьяго класса, слѣдовательно необходимо было держать экзаменъ и получить переводный шаръ изъ географіи. Настало время годичныхъ испытаній; Филиппъ Потаповичъ, по обыкновенію, развѣсилъ у себя на заборѣ, вмѣстѣ съ сушившимся бѣльемъ, разныя географическія карты и открылъ свою фабрику частныхъ уроковъ. Не хотѣлось Мишѣ выбросить 25 рублей за частно-гуртовые уроки и онъ придумалъ слѣдующую штуку. Въ день экзамена изъ георафіи, Миша пораньше отправился въ классъ, а къ Филиппу Потаповичу отправилъ нѣсколькихъ товарищей, съ тѣмъ чтобы они, подъ

видомъ переговоровъ о частныхъ урокахъ, задержали его дома, какъ можно долѣе. Встрѣтивши Филиппа Потаповича въ корридорѣ, Миша извѣстилъ его о своемъ намѣреніи поступить въ аптекарскіе ученики, показалъ свое прошеніе объ увольненіи изъ гимназіи, помѣченное рукою директора, просилъ снисходительно экзаменовать его и въ заключеніе сунулъ Филиппу Потаповичу въ руку десять мѣдныхъ пятаковъ, завернутыхъ въ чистенькую бумажку. Не приходилось Филиппу Потаповичу при свидѣтеляхъ повѣрять содержаніе свертка: онъ спряталъ пятаки въ карманъ и отправился прямо въ экзаменаціонный залъ, гдѣ уже поджидали его предсѣдатель и ассистенты. Такимъ образомъ и здѣсь не удалось ему пересчитать деньги, что, по своей примѣрной на этотъ счетъ аккуратности, онъ непремѣнно сдѣлалъ бы, если бы дѣло происходило съ глазу на глазъ. Кончился экзаменъ, Миша получилъ переводной шаръ, а Филиппъ Потаповичъ принужденъ былъ молча проглотить пилюлю, искусно приготовленную рукою будущаго аптекаря.

Сообщаю тебѣ печальную новость: Петя попалъ въ число директорскихъ любимцевъи уже два раза пилъ чай у директора. Ты знаешь уловку нашего директора — зазвать къ себѣ ученика, поить чаемъ, кормить конфектами, ласкать, а между тѣмъ искусно вывѣдывать отъ него разныя ученическія тайны. Кто пилъ у директора чай, того мы считаемъ директорскимъ шпіономъ. На другой день, когда Ваня Гробельскій спросилъ Петю, вкусенъ ли ему показался директорскій чай, Петя покраснѣлъ, отвернулся и сквозь слезы отвѣчалъ: »со временемъ узнаете«. Упрекнула ль его совѣсть, или оскорбился онъ намекомъ?

Прощай, другъ Саша: ждемъ визитаціи, поэтому надо приняться за дозубриваніе положеннаго числа страницъ. Право, какъ подумаешь, что иные изъ насъ остаются по два и по три года въ одномъ и томъ же классѣ для того только, чтобъ одно начальство могло похвалиться нашими твердо выученными отвѣтами предъ другимъ начальствомъ....

№ 5. *Отъ бывшаго ученика татаровской гимназіи къ его товарищамъ.*

Благодарю тебя, дорогой другъ, благодарю всѣхъ васъ за память и участіе. Правда твоя: *добропорядочное поведеніе* закрыло мнѣ много путей, но не закрыло всѣхъ; остался свободнымъ одинъ, намъ близкій, на который такъ часто бросались мы ккати и некстати, но по которо-

му всегда шли съ честью — это путь военной службы. Поздравь меня, я солдатъ. Вотъ какъ это случилось.

Когда безъ спроса и вѣдома моихъ родителей, мнѣ приказали уволиться изъ гимназіи, то я, чтобы не попасть въ руки Татаровскаго становаго, тотчасъ нанялъ балагулу (1) и отправился домой. Ты знаешь моего отца, поэтому догадаешься, что не безъ страха за свою шкуру приближался я къ родительскому дому. Какія ни придумывалъ оправданія, чтобы представить отцу дѣло въ самомъ выгодномъ для меня свѣтѣ, какъ ни подбиралъ патетическія фразы, а все казалось мнѣ, что не обойдется безъ расправы. Увидѣвъ меня, старикъ строго спросилъ: зачѣмъ я пріѣхалъ домой въ учебное время. Поклонившись отцу въ ноги, я признался, что удаленъ изъ гимназіи за то, что безъ позволенія инспектора пошелъ въ костелъ; разумѣется, о столкновеніи моемъ въ костелѣ съ надзирателемъ Цаповскимъ я благоразумно умолчалъ. »Pierwsze posłuszeństwo, łajdaku, jak nabożeństwo« (повиновеніе, негодяй, важнѣе набожности), отвѣтилъ старикъ и уже снялъ со стѣны нагайку, какъ явились въ комнату моя мать и нашъ приходскій священникъ, ксендзъ Галуха. Разсказы мои, подтвержденые свидѣтельствомъ матери, которая, во время пріѣздовъ своихъ въ Татаровку, имѣла случай вдоволь наслушаться разныхъ былей и небылицъ о строгости татаровскаго директора, и нѣсколько сентенцій въ пользу набожности ксендза Галухи, спасли меня отъ родительскаго жезла. »Видно, не умѣютъ теперь васъ сѣчь въ школѣ и придумали выгонять«, сказалъ старикъ и повѣсилъ нагайку на ея мѣсто, между одноствольнымъ ружьемъ и охотническимъ рогомъ.

Все состояніе моего отца заключается въ дворянской родословной, которой подлинности не успѣли опровергнуть и строжайшія розъисканія современныхъ критиковъ; поэтому мнѣ необходимо было подумать о службѣ, какъ единственномъ для меня кускѣ хлѣба. Туда нельзя, тамъ не принимаютъ, здѣсь самому не хотѣлось бы: оставалось одно, ѣхать въ корпусную квартиру и опредѣлиться въ полкъ. И здѣсь однако чуть не помѣшало мнѣ *добропорядочное поведеніе*, отмѣченное въ моемъ гимназическомъ свидѣтельствѣ крупнымъ директорскимъ почеркомъ. Начальникъ штаба, пересмотрѣвъ мои документы, спросилъ меня, за что это я выпущенъ изъ гимназіи не съ хорошимъ, а только съ добропорядочнымъ поведеніемъ? Тебѣ извѣстно, какъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ

(1) Балагулами называются въ Западныхъ губерніяхъ Евреи, промышляющіе извозомъ.

всѣ подобные мнѣ гимназическіе отверженцы. »За куреніе папироски, полковникъ«, сказалъ я. Почтенный ветеранъ улыбнулся. »Въ такомъ случаѣ, надѣюсь«, замѣтилъ онъ, »что въ военной службѣ, гдѣ курить позволяется, поведеніе ваше будетъ безупречно«, и меня опредѣлили.

Военная служба и кругъ людей, въ который я попалъ, пришлись мнѣ по душѣ. По крайней мѣрѣ здѣсь нѣтъ выгнанныхъ изъ магистрата надзирателей и другихъ высшаго разбора соглядатаевъ. Въ искренномъ, задушевномъ кружкѣ военной молодежи, я въ три мѣсяца успѣлъ въ русскомъ языкѣ болѣе, нежели въ теченіи всего гимназическаго курса. Но, говорятъ, впечатлѣнія школьной жизни неизгладимы. Жаль, что для насъ съ воспоминаніемъ о школѣ соединено теперь такъ много горькаго и обиднаго. Надѣюсь однако, что время и добрыя силы незлопамятной юности скоро изгладятъ въ душѣ моей непріятные образы надзирателей и директоровъ, пріучающихъ насъ къ подличанью и шпіонству. Уже и теперь я, кажется, встрѣтилъ бы ихъ безъ вражды и чувства обиды; а учителей, которые, сказать правду, такія же безотвѣтныя жертвы татаровской дисциплины, какъ и мы несчастные, встрѣтилъ бы съ радостью. Воспоминаніе же о васъ, друзья мои, и о той, дорогое имя которой ты упомянулъ въ своемъ письмѣ, воспоминаніе о первыхъ порывахъ сердца и первыхъ мечтахъ воображенія я свято сохраню на всю жизнь. Прощай, дорогой другъ; обними крѣпко всѣхъ товарищей. Пишите комнѣ, адресуя Александру Францовичу Ращу, въ полковой штабъ.

№ 6. *Отъ помѣщика бабинскаго уѣзда, Колпаковскаго, къ помѣщику того же уѣзда, Рогатовскому.*

Исполняя твое желаніе, любезный сосѣдъ, спѣшу какъ можно подробнѣе разсказать тебѣ о всѣхъ обстоятельствахъ опредѣленія сыновей моихъ въ татаровскую гимназію, чтобы ты, наученный моимъ опытомъ, зналъ, какъ лучше поступить и тебѣ, при опредѣленіи своего дитяти.

Само собою разумѣется, что въ такомъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе дѣтей въ учебное заведеніе, голосъ матери особенно важенъ; поэтому въ нашемъ домашнемъ совѣтѣ положено было ѣхать съ дѣтьми въ Татаровку не только мнѣ, но и женѣ моей. Жену, вмѣстѣ съ паномъ Цибовичемъ, нашимъ домашнимъ учителемъ и дѣтьми, отправилъ я въ особомъ экипажѣ; самъ же выѣхалъ послѣ и догналъ ихъ въ Кривомъ-Рогѣ, сдѣлавъ на моихъ гнѣдыхъ болѣе 35 верстъ въ два часа. Переночевали мы

у Тренбовича, въ Романсовкѣ, и на другой день благополучно пріѣхали въ Татаровку, гдѣ, выдержавъ неизбѣжный натискъ мишуресовъ (1), остановились въ постояломъ домѣ Янкеля Цимеса. Кое-какъ устроившись, а главное—защитивъ себя отъ напора разныхъ разнощиковъ, пригласили мы къ себѣ ветхозавѣтную чету, Янкеля и его почтенную Сару, чтобы пораспросить ихъ о татаровской гимназіи и о всемъ, относящемся до учебнаго и административнаго въ ней порядка. Ветхозавѣтная чета насказала намъ три короба разныхъ ужасовъ о высокомѣріи татаровскаго директора, о строгости пріемныхъ испытаній и о притѣсненіяхъ, которыя дѣлаются родителямъ въ выборѣ для дѣтей квартиры. Предметъ этотъ, повидимому, очень близко интересовалъ Янкеля и его Сору, и они съ большимъ жаромъ передавали намъ различныя черты татаровской дисциплины. Едва успѣлъ Янкель разсказать намъ одинъ случай, рисующій нравъ и политику татаровскаго директора, какъ Сора уже начинала разсказывать другой, по ея мнѣнію, болѣе поразительный; лишь только Сора собиралась перевести духъ, чтобы продолжать свой разсказъ, какъ перебивалъ ее Янкель и начиналъ свое. Когда же кому-либо изъ нихъ приходилось говорить о событіи, которое обоимъ казалось особенно замѣчательнымъ, тогда голоса ихъ сливались, и они вмѣстѣ воспѣвали одно и то же: точь въ точь италіянскіе артисты, которыхъ мы съ тобою слышали, въ прошедшемъ году, на одесской сценѣ. Выслушавъ этотъ дуэтъ, я показалъ Янкелю кошелекъ и спросилъ его, не улаживаются ли здѣсь дѣла посредствомъ вотъ этого; но, къ удивленію моему, онъ отрицательно замоталъ головою. Недовѣряя разсказамъ Янкеля и его Соры, отправился я, за полученіемъ свѣдѣній о гимназіи, къ извѣстному въ нашемъ уѣздѣ фортепьянному мастеру и настройщику; жену же отправилъ пораспросить о гимназіи татаровскую модистку. То, что услышали мы здѣсь, еще болѣе испугало насъ. Особенно смущали меня разсказы о манерѣ татаровскаго директора принимать родителей, какъ провинившихся подчиненныхъ и просителей. Чтобы избавить меня отъ непріятныхъ объясненій съ директоромъ, моя добрая Юзя вызвалась взять на себя первую аудіенцію, въ томъ предположеніи, что для ней, какъ для дамы, татаровскій директоръ будетъ вѣжливѣе и уступчивѣе. Но увы! только напрасно моя бѣдная барыня провела лишній часъ за своимъ туалетомъ. Представь себѣ: этотъ камчадалъ, татаровскій директоръ, вы-

(1) Мишуресъ — Еврей, исполняющій въ еврейскихъ постоялыхъ домахъ обязанности и дворника, и лакея, и фактора.

шелъ къ моей Юзѣ въ какомъ-то бекешѣ и, не обращая вниманія на ея вѣжливости, не давши ей кончить комплимента, съ которымъ она обратилась къ нему, сухо спросилъ: »что вамъ угодно«, и затѣмъ узнавши, что дѣло состоитъ въ опредѣленіи нашихъ дѣтей въ гимназію, сказалъ: »подайте прошеніе; экзаменъ въ 5 часовъ«; повернулся и ушелъ. Чортъ ихъ знаетъ, у кого эти люди учились учтивости и съ кѣмъ они живутъ! Юзя моя, обиженная пріемомъ директора, страшно его бранила, панъ Цибовичъ ей вторилъ, дѣти слушали, я молчалъ. Но вѣдь какъ ни разсуждай, а гимназіи теперь не обойдешь.... За полтинникъ мнѣ написали гдѣ-то прошеніе о принятіи моихъ дѣтей въ гимназію, и я рѣшился повести ихъ на экзаменъ, пригласивъ съ собою и Цибовича. Когда дѣтей экзаменовали, мы съ Цибовичемъ оставались у порога экзаменаціоннаго зала и издали могли видѣть только испуганныя физіономіи Яся и Стася, отвѣтовъ же ихъ не слышали. Оказалось, что дѣти, которыхъ Цибовичъ взялся приготовить въ третій классъ, могли, по своимъ познаніямъ, поступить только въ первый. Я бы не повѣрилъ этому, если бы меня увѣряли только учителя и директоръ; но и учитель Закона Божія, ксендзъ Пущайло, сказалъ то же самое. Между тѣмъ Цибовичъ старался убѣдить Юзю, что всему виною одно русское произношеніе, которымъ будто бы въ отвѣтахъ моихъ дѣтей остался недоволенъ директоръ и которое одно было причиною, что учителя поняли въ превратномъ смыслѣ отвѣты моихъ дѣтей изъ географіи и ариѳметики. Боюсь однако, не надулъ ли меня самъ Цибовичъ: здѣшніе учителя узнали его и сказали мнѣ, что, года четыре тому назадъ, онъ, по неспособности къ ученію, уволился изъ третьяго класса татаровской гимназіи. Если это дѣйствительно такъ, то, разумѣется, поступивъ въ гувернеры, не могъ другихъ научить тому, чего и самъ не зналъ. Обманщикъ! а когда поступалъ ко мнѣ, то говорилъ, что знаетъ гимназическую программу, со всѣми ея правилами, исключеніями, толкованіями и дополненіями, какъ своихъ пять пальцевъ. Такъ-то нашего брата, помѣщика, всякій надуваетъ!

Сколько я ни увѣрялъ директора и господъ учителей, что дѣти мои прекрасно приготовлены, что только по робости могли сбиться въ отвѣтахъ, сколько ни упрашивалъ членовъ педагогичекаго совѣта — принять моихъ дѣтей, если не въ третій, то по крайней мѣрѣ во второй классъ (въ который дѣйствительно и намѣренъ былъ опредѣлить ихъ; въ третій же запросилъ для вѣрнѣйшаго пріема во второй); но всѣ просьбы мои были напрасны. Наконецъ, умолялъ, чтобы хотя старшаго сына, щадя

его самолюбіе и сердце матери, приняли во второй; но и въ этомъ не успѣлъ: оба поступили въ первый.

Послѣ преній о классѣ, перешли (уже въ директорской квартирѣ и собственно съ директоромъ) къ преніямъ о помѣщеніи моихъ дѣтей на квартирѣ. Я намѣренъ былъ помѣстить ихъ у госпожи Чубацкой. Дочь этой почтенной дамы говоритъ по французски; зять отчасти тоже говоритъ по французски и кромѣ того играетъ на скрипкѣ; сынъ отлично танцуетъ. Мнѣ очень понравилось соединеніе столькихъ талантовъ въ одномъ семействѣ, и я, чтобы не потерять случая помѣстить дѣтей моихъ на квартирѣ съ такими воспитательными преимуществами, очень охотно согласился дать госпожѣ Чубацкой, въ счетъ платы за содержаніе моихъ дѣтей, 50 рублей задатку. Но директоръ и слушать не хотѣлъ о помѣщеніи моихъ дѣтей на вольной квартирѣ и требовалъ, чтобы ихъ помѣстить въ такъ называемыя казармы, или общія квартиры. Полагаю, нѣтъ нужды разсказывать тебѣ, что это такое—общія квартиры: всѣ мы очень хорошо знаемъ, въ чемъ заключается вся сила этого милаго учрежденія. Напрасно выставлялъ я директору нѣжный возрастъ моихъ дѣтей, привычку жить въ семьѣ, напрасно умолялъ, горячился, наскучалъ, напрасно самъ просилъ и подсылалъ другихъ просить за меня; онъ былъ неумолимъ. Каменное сердце! Если бы я на свои глаза не видѣлъ, какъ десятки другихъ отцовъ возились съ нимъ тоже безъ всякаго успѣха, то подумалъ бы, что бѣсъ этотъ не расположенъ только лично ко мнѣ. Три дня осаждалъ я татаровскаго директора: ловилъ его дома, въ гостяхъ, на улицѣ, въ гимназіи, въ церкви, все не теряя надежды уломать его какъ нибудь; наконецъ принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ и согласился помѣстить сыновей въ общія ученическія квартиры. Пошли счеты. Въ началѣ нашихъ переговоровъ, восхваляя дешевизну содержанія въ общей квартирѣ и выставляя эту дешевизну, какъ одно изъ преимуществъ, директоръ сказалъ мнѣ, что за содержаніе въ общей квартирѣ обоихъ моихъ сыновей, въ первомъ полугодіи, слѣдуетъ заплатить только 120 рублей; но когда дошло дѣло до расплаты, то вдругъ прибавилось еще 80 рублей на какое-то первоначальное обзаведеніе; затѣмъ, при сдачѣ бѣлья и платья, обраковали, подъ предлогомъ неформеннаго вида, почти весь гардеробъ моихъ дѣтей, и обракованныя вещи надо было перевести на звонкую монету; наконецъ потребовалось представить, въ пользу заведенія, нѣчто и натурою, именно серебренную ложку, ножъ, вилку и 20 аршинъ какого-то салфеточнаго холста. Всѣ эти сдѣлки облечены въ законную форму, и, въ полученіи отъ меня вещей и денегъ, директоръ вы-

далъ мнѣ формальныя квитанціи. Покончивъ съ директоромъ, я завернулъ въ общія квартиры, чтобы увидѣть будущее помѣщеніе моихъдѣтей. Здѣсь ожидали меня новыя, уже приватныя сдѣлки и новые расходы. Надзиратель совѣтовалъ мнѣ, чтобы я, для сугубѣйшаго повторенія уроковъ, договорилъ особаго репетитора; особый репетиторъ намекалъ, что, для вящшаго надзора за моими дѣтьми, не мѣшало бы мнѣ пригласить особаго надзирателя; инспекторъ рекомендовалъ поручить бѣлье и платье особому попеченію гардеробщика; гардеробщикъ отсылалъ, для особыхъ переговоровъ о чаѣ, къ буфетчику; буфетчикъ во всемъ ссылался на инспектора. Когда я уладилъ все это, то оказалось, что дешевое помѣщеніе въ 120 рублей на бумагѣ, обошлось мнѣ на дѣлѣ въ 220. Задатокъ, данный Чубацкой, пропалъ. Дома я не могъ поймать никого изъ членовъ талантливаго семейства: ни дочери, говорящей по французски, ни музыканта — зятя, ни танцмейстера — сына. Наконецъ удалось мнѣ застать дома старуху Чубацкую, которая на отрѣзъ сказала, что задатка не возвратитъ, потому что издержалась на заготовленіе необходимой для моихъ дѣтей мебели и отказала въ это время другимъ квартирантамъ. Въ заключеніе моихъ татаровскихъ похожденій, плутъ Янкель, подъ предлогомъ большаго съѣзда родителей и дороговизны квартиръ, содралъ съ меня лишнее и по своей части. Когда я выѣхалъ изъ Татаровки, у меня въ душѣ и въ карманѣ было такъ пусто, какъ послѣ пожара.

Такимъ образомъ, любезный сосѣдъ, какъ плодъ моей горькой опытности, можешь принять къ свѣдѣнію и руководству слѣдующія замѣчанія.

1-mo. Когда повезешь сына въ татаровскую гимназію, то не бери съ собой жены,— по крайней мѣрѣ не посылай ее къ татаровскому директору. Сколь я могъ замѣтить, видъ прекраснаго пола еще болѣе раздражаетъ этого варвара, который, вопреки обычаю образованныхъ націй, готовъ скорѣе уважить резоны отцовъ, какъ резоны матерей.

2-do. Не входи съ татаровскими жителями въ необдуманныя сдѣлки и никому изъ нихъ не давай задатку: это народъ деморализованный.

3-tio. Отправляясь къ татаровскому директору, сними съ себя всѣ туалетныя украшенія: часы, перстни, брелоки, булавки, пуговки; надѣнь старые сапоги и старое пальто, словомъ нарядись бѣднякомъ; бѣдняковъ, какъ я узналъ, они освобождаютъ отъ помѣщенія дѣтей въ общей квартирѣ. Только предупреждаю тебя, что обмануть этого чорта, татаровскаго директора, черезвычайно трудно: у него вездѣ свои шпіоны. При выдачѣ квитанціи, онъ шутя сказалъ мнѣ, копѣйка въ копѣйку,

сколько я привезъ съ собою денегъ и какою монетою, также пересказалъ слово въ слово, какъ бранила его моя Юзя.

4-to. Отправляясь въ Татаровку, потуже набивай бумажникъ. Тамъ всякій своимъ манеромъ умѣетъ заставить нашего брата заплатить дань воспитанію.

№ 7. *Отъ помѣщика бабинскаго уѣзда, Рогатовскаго, къ помѣщику того же уѣзда, Колпаковскому.*

По совѣту твоему, любезный сосѣдъ, я одинъ повезъ сына въ Татаровку; Касю же мою, какъ ни больно ей было разстаться съ ребенкомъ, оставилъ дома. Пришлось также оставить дома и нашего домашняго учителя, пана Трежесконкаго, потому что, какъ справедливо замѣтила моя Кася, въ Татаровкѣ привезенный мною домашній учитель могъ бы показаться роскошью, несообразною съ средствами бѣдняка, роль котораго я намѣренъ былъ, по твоему совѣту, разъиграть передъ татаровскимъ директоромъ. Чтобы выдержать эту роль не только въ костюмѣ, но и въ декораціяхъ, отправился я въ Татаровку шарабаномъ, на парѣ фоль-верковыхъ лошадокъ. Въ Татаровкѣ, подъѣзжая къ постоялому дому, кучеръ мой, позабывши, что держитъ въ рукѣ простой мужицкій кнутъ, а не тотъ трехъ-аршинный бичъ, которымъ такъ мастерски владѣетъ, замахнулся и хотѣлъ хлопнуть; но слабый звукъ кнутика, не соразмѣрный съ артистическимъ размахомъ руки, только возбудилъ хохотъ и ѣдкія замѣчанія въ толпѣ мишуресовъ, равнодушно взиравшихъ на появленіе незвачнаго шарабана, мало обѣщавшаго поживы для хозяина постоялаго дома и его мишуреса.

Тщательно побрившись, надѣлъ я на себя самое старое изъ моихъ пальто и тотчасъ же отправился къ директору. У воротъ директорской квартиры, сквозь рѣшетчатый заборъ, замѣтилъ я выбѣжавшую изъ дверей директорскаго дома знакомую намъ даму, жену чернобродскаго управляющаго, госпожу Роскидальскую. Щеки ея пылали, глаза сверкали гнѣвомъ, бурнусъ, небрежно наброшенный, развѣвался на подобіе флага, шляпка подалась назадъ, какъ уланскій киверъ. Не шла, а летѣла она, крича: »piechotą pójdę do Petersburga! piechotą pójdę do Petersburga!« (пѣшкомъ пойду въ Петербургъ). Встрѣтившись съ нею въ калиткѣ, я посторонился и подалъ ей руку, чтобы помочь переступить черезъ лужу; но она, не обращая вниманія ни на лужи, ни на мою вѣжливость,

промчалась мимо меня, прокричавъ еще разъ »piechotą pójdę do Petersburga!« Еще звучалъ у меня дискантъ Роскидальской, какъ тѣ же слова: »piechotą pójdę do Petersburga!« ,произнесенныя громкимъ мужскимъ басомъ, вновь раздались въ директорскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на оныя директорскихъ индюковъ. Я оглянулся и увидѣлъ огромную фигуру нашего сосѣда Цимбалинскаго. Лице его побагровѣло отъ гнѣва; извѣстная тебѣ малиновая шапочка, надѣтая на бекрень, отчаянно подалась къ лѣвому уху; славутская бурка, вѣроятно, второпяхъ, во время быстрой ретирады отъ господина директора, была надѣта на выворотъ, то есть, красною подкладкаю наружу; такъ что въ ту минуту, когда я его увидѣлъ, онъ весь былъ красенъ, какъ свекла. Ступая гигантскими шагами и повторяя тотъ же кликъ: »piechotą dójdę do Petersburga!« онъ пронесся, вслѣдъ за Раскидальской, тоже не замѣтивъ меня.

Разсудивъ, что благочестивый обѣтъ Роскидальской и Цимбалинскаго — пѣшкомъ свершить столь дальній путь, обѣтъ, возвѣщенный всенародно и притомъ тотчасъ по выходѣ отъ директора, вѣроятно, былъ слѣдствіемъ какихъ либо непріятностей съ директоромъ, и что поэтому и этотъ послѣдній можетъ находиться теперь въ раздражительномъ состояніи духа, я отложилъ мой визитъ до болѣе благопріятнаго времени и поспѣшилъ догнать Цимбалинскаго. Исправивъ превратный видъ своей бурки, онъ велъ уже подъ руку Раскидальскую. Оказалось, что причиной ихъ волненія были дѣйствительно неудачи по части воспитанія. Раскидальская просила директора позволись ея сыну квартировать у ея родственницы, Щупальской, а Цимбалинскій просилъ позволить его экономку помѣститъ своего сына на вольной квартирѣ для бѣдныхъ. Директоръ отказалъ и той, и другому, находя, что для удовлетворенія просьбы Раскидальской не довольно достаточна степень родства, а для удовлетворенія просьбы Цимбалинскаго, недовольно достаточна степень бѣдности. Экономъ Цимбалинскаго, впрочемъ, дѣйствительно бѣденъ, какъ только можетъ быть бѣденъ экономъ небогатаго помѣщика, но нечистый духъ хвастовства подстрекнулъ Цимбалинскаго явиться предъ блюстителемъ татаровскаго просвѣщенія въ роли мецената и хлопотать за своего эконома. Увидѣвъ такую важную персону, разумѣется, для перваго визита прилично костюмированную, директоръ заключилъ, что персона эта изволитъ безпокоиться не безъ особенно важныхъ побудительныхъ причинъ; поэтому не только отказалъ помѣстить экономскаго сына на вольной квартирѣ для бѣдныхъ, но, какъ искусный негоціантъ въ торгахъ это-

го рода, еще потребовалъ, чтобы онъ былъ помѣщенъ въ самый дорогой разрядъ общей ученической квартиры.

Разставшись съ Цимбалинскимъ и Роскидальскою, которые завернули къ родственницѣ Роскидальской, вѣроятно, посовѣтоваться на счетъ своего путешествія въ Петербургъ, я встрѣтился съ господиномъ, въ которомъ узналъ моего стараго знакомаго, чиновника крюкославскаго городоваго магистрата, Цаповскаго, сочинявшаго и переписывавшаго мнѣ въ Крюкославѣ разнаго рода дѣловыя бумажки. Я очень удивился, увидѣвъ его въ синемъ фракѣ съ бархатнымъ воротникомъ и пуговицами министерства народнаго просвѣщенія. Занятый мыслями о своемъ собственномъ маскарадѣ, я и на костюмъ Цаповскаго сначала смотрѣлъ съ маскарадной точки зрѣнія; но онъ увѣрилъ меня, что костюмъ этотъ составляетъ дѣйствительную принадлежность его оффиціальной роли—надзирателя за вольноприходящими при татаровской гимназіи. Тогда я пригласилъ его къ себѣ и, представивъ ему несомнѣнныя доказательства моей расположенности къ благодарности, просилъ посовѣтовать, какимъ бы образомъ избѣгнуть мнѣ помѣщенія дѣтей моихъ въ общей ученической квартирѣ. По совѣту и при содѣйствіи Цаповскаго, я взялъ отъ уѣзднаго врача свидѣтельство о болѣзненномъ тѣлосложеніи моего сына, именно такомъ тѣлосложеніи, которое требуетъ особаго діетическаго содержанія, несогласнаго съ нормальнымъ порядкомъ общихъ ученическихъ квартиръ; затѣмъ послалъ къ нашему уѣздному предводителю за свидѣтельствомъ о моемъ близкомъ родствѣ съ какимъ-то майромъ, у котораго Цаповскій договорилъ для моего сына квартиру, и наконецъ оба эти свидѣтельства, вмѣстѣ съ прошеніемъ объ освобожденіи сына моего отъ квартированія въ общей квартирѣ, послалъ по эстафетѣ, на имя нашего всеобщаго ходатая, Загоновскаго, съ приличнылъ приложеніемъ, въ его безотчетное расположеніе. Дня черезъ два Загоновскій увѣдомилъ меня, что на прошеніе мое вскорѣ послѣдуетъ благопріятная резолюція; но что, для окончательнаго успѣха моего дѣла, мнѣ необходимо расположить въ мою пользу и Татаровскаго директора, которому для формы предложить сказать свое мнѣніе по этому дѣлу. По совѣту того же благодѣтеля Цаповскаго, я отправился къ директору тотчасъ послѣ одного изъ моментовъ, опредѣленныхъ у него для пріема пищи (въ это время, по замѣчанію подчиненныхъ, онъ сговорчивѣе), выразилъ ему, что я считаю учрежденіе общихъ квартиръ одною изъ благодѣтельнѣйшихъ воспитательныхъ мѣръ нашего времени; изъявилъ сожалѣніе мое о томъ, что по болѣзненному тѣлосложенію, требующему особаго діетическаго содержанія,

сынъ мой не можетъ воспользоваться воспитательными преимуществами общихъ ученическихъ квартиръ, ввѣренныхъ его попеченію и славящихся по округу своимъ образцовымъ устройствомъ; предложилъ позволить мнѣ внести, въ пользу этого благодѣтельнаго учрежденія, сумму, положенную за годичное содержаніе ученика, и наконецъ просилъ засвидѣтельствовать предъ высшимъ начальствомъ, что резоны мои, изложенные въ прошеніи, посланномъ по эстафетѣ, заслуживаютъ уваженія. Директоръ сразу на все согласился. При мнѣ же пожертвованныя мною деньги были записаны въ кассовую книгу прихода. Въ послѣдствіи Цаповскій, за стаканомъ пунша, объяснилъ мнѣ, что изъ суммъ подобнаго рода, равно какъ и изъ денегъ, вносимыхъ родителями за дѣйствительное содержаніе дѣтей, при соблюденіи всевозможной экономіи въ расходахъ, составляется общая экономическая сумма, которая, въ концѣ учебнаго года, совершенно легальнымъ образомъ переписывается изъ кассовой книги прихода въ кассовую книгу расхода и распредѣляется по карманамъ благоразумныхъ составителей экономическихъ суммъ и всѣхъ пріемлющихъ о томъ попеченіе. Вещь, какъ изволишь видѣть, организована очень прилично.

И такъ, любезный сосѣдъ, какъ говоритъ ксендзъ Галуха, est modus in rebus. При пособіи одной лжи, засвидѣтельствованной медикомъ, и другой — предводителемъ дворянства, мнѣ удалось обдѣлать мои дѣла успѣшнѣе твоего. Противъ моихъ аргументовъ не устоялъ и самъ татаровскій директоръ.

Въ заключеніе, позволь и мнѣ, любезный сосѣдъ, окончить письмо мое, въ видѣ совѣта тебѣ на будущее время, слѣдующимъ замѣчаніемъ: самая лучшая гарантія отъ всѣхъ золъ и напастей — это листъ чистой гербовой бумаги, съ приличнымъ приложеніемъ.

(Продолженіе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НАРОДНОСТИ ВЪ РЕЛИГІОЗНОЙ ЖИЗНИ,

(по поводу смерти Шевченка).

Одно изъ характеристическихъ явленій жизни человѣчества въ наше время есть стремленіе каждаго народа къ уясненію и развитію своей *народной* жизни. Славяне восточные, или точнѣе—Славяне великорусскіе, довольно разработавъ прошедшее своей жизни, порываются установить свой славянорусскій взглядъ на многое въ жизни своей и чужой. Не одобряя крайностей въ воззрѣніяхъ этого рода, мы тѣмъ не менѣе, признаёмъ, что въ основаніи этихъ воззрѣній лежитъ начало справедливое. Безъ сомнѣнія, быть замкнутымъ въ своей жизни и отрицать постороннія *разумныя* вліянія не значитъ дѣйствовать ко благу своей народности: народность не исключаетъ усвоенія извнѣ того, что необходимо для ея развитія, точно такъ же, какъ, напримѣръ, то или другое растеніе, самобытное въ своей жизни, не исключаетъ внѣшнихъ условій, необходимыхъ для его развитія. Каждый народъ имѣетъ право усвоять себѣ *лучшее* у другихъ народовъ на столько, на сколько оно дѣйствительно есть лучшее *для него*. Онъ не теряетъ въ этомъ случаѣ своей самобытности, потому что въ выборѣ для себя того или другого изъ внѣшнихъ вліяній онъ самъ господинъ себѣ, а не внѣшнія вліянія располагаютъ имъ по своему произволу. Безусловное подчиненіе — такая же крайность въ жизни народа, какъ и замкнутость.

Среди народныхъ стремленій разныхъ народовъ не только славянскихъ, но и неславянскихъ, могъ ли быть равнодушнымъ къ этимъ стремленіямъ народъ южнорусскій, имѣющій свою исторію, говорящій своимъ языкомъ, не смѣшавшійся ни съ однимъ изъ окружающихъ его народовъ славянскихъ, но сохранившій свою самобытную жизнь, и съ свѣтлыми надеждами смотрящій въ будущее?... Находясь въ благопріятныхъ для

развитія условіяхъ своего существованія, —не какъ Славяне австрійскіе и турецкіе, — онъ обратилъ вниманіе на свою *внутреннюю* жизнь, сталъ вникать въ свое прошедшее, присматриваться къ своему настоящему, для того, чтобы уловить черты своей *народной* жизни. Плодомъ этихъ стремленій было появленіе украинской литературы, еще весьма юной, но уже успѣвшей обратить на себя вниманіе не однихъ Малороссовъ.... И во главѣ этого-то современнаго литературнаго движенія стоялъ одинъ изъ отличныхъ сыновъ народа—Шевченко!... Нѣтъ надобности говорить, чѣмъ онъ былъ для насъ Украинцевъ и чего мы лишились въ немъ.... Еще такъ недавно мы опустили его въ могилу, а уже онъ является для насъ какимъ-то миѳическимъ героемъ, предъ которымъ до земли склоняешь свою голову.... Шевченко успѣлъ сдѣлать то, къ чему былъ призванъ: онъ доказалъ собою, что стремленіе народа южнорусскаго къ своенародной жизни — не мечта, какъ казалось и нашимъ маловѣрамъ, и другимъ невѣрамъ. Народъ, среди котораго появилась такая личность, какъ Шевченко, не погибнетъ въ круговоротѣ исторіи, не совершивъ своего назначенія.... Послѣ Шевченка наша народность имѣетъ законное право на свое существованіе.

Но если, подобно другимъ народомъ, народъ южнорусскій имѣетъ право развивать свою народную жизнь вообще: то можетъ ли онъ быть народнымъ и въ жизни *религіозной* въ частности? Безъ сомнѣнія, религія христіанская — одна истинная религія для всѣхъ народовъ; православная церковь, къ которой принадлежитъ вмѣстѣ съ другими, и народъ южнорусскій, сохраняетъ догматы религіи христіанской во всей чистотѣ и неповрежденности; но можетъ ли нашъ народъ (равно какъ и другіе народы) быть *народнымъ* и въ своей православно-христіанской жизни— *безъ противорѣчія* какъ догматамъ христіанства вообще, такъ и догматамъ православія въ частности? Вопросъ о значеніи народности въ жизни религіозной, какъ онъ ни новъ, заслуживаетъ вполнѣ нашего вниманія, особенно при настоящихъ стремленіяхъ. Религія составляетъ важный элементъ жизни народной. А народъ южнорусскій отличается глубокою религіозностью, какъ это замѣчаютъ и не Малороссы тамъ, гдѣ сталкивается онъ съ другимъ народомъ. При своихъ стремленіяхъ къ жизни народной, народъ нашъ можетъ ли поэтому оставить въ сторонѣ вопросы религіозные? Напротивъ, не захочетъ ли онъ, чтобъ и религія принимала участіе въ важномъ для него дѣлѣ народной жизни? Стараясь рѣшить этотъ вопросъ—вопросъ объ участіи народности въ жизни религіозной, мы высказываемъ только свое *мнѣніе*, не считая его обязатель-

нымъ для чьей бы то ни было совѣсти: ученые и строгіе догматисты могутъ соглашаться и не соглашаться съ нами.

Задача жизни человѣчества—возможное для человѣка совершенствованіе. Милліоны дѣятелей во всѣ времена стремятся къ выполненію этой задачи: но искомое совершенство всегда будетъ для человѣчества тѣмъ идеаломъ, который человѣчество будетъ стараться вмѣстить въ себѣ, но котораго никогда не обниметъ. Иначе и быть не можетъ: конечнымъ дѣятелямъ не обнять совершенства — безконечнаго по самой природѣ своей.... Однакоже, назначеніе человѣчества стремиться къ совершенству, и оно приближается къ этому совершенству, — не вдругъ, а по частямъ и постепенно. Каждый народъ, какъ соединеніе (нравственное) многихъ личностей въ одну общую великую личность, призванъ выполнить одну какую нибудь *частную* задачу жизни, указываемую ему природою и исторіею, и онъ выполнитъ ее непремѣнно, если достигъ необходимой для этого степени развитія сознательно-разумной жизни.... Такъ, древній греческій народъ развивалъ однѣ идеи, напримѣръ идею искусства, тогда-какъ древній римскій народъ—другія, напримѣръ, идею права. Когда народъ выполнитъ уже свое назначеніе, тогда онъ уступаетъ мѣсто другому народу, который въ свою очередь дѣлаетъ свое дѣло. Такимъ-образомъ, одна великая задача человѣчества—совершенствованіе рѣшается многими народами, дѣйствующими не только совмѣстно—другъ подлѣ друга, но и преемственно другъ за другомъ. Каждый народъ вноситъ свою долю истины и добра на пользу общую. Такъ какъ цѣль человѣчества — усовершенствованіе, то нѣтъ и не будетъ ни одного народа, который могъ бы сказать, что уже все сдѣлано для блага человѣчества и ему ничего не остается дѣлать. Одинъ народъ начинаетъ новое какое нибудь дѣло, другой продолжаетъ начатое,—одинъ дѣлаетъ болѣе, другой менѣе, но чѣмъ болѣе выступаетъ великихъ дѣятелей, т. е. народовъ, вырабатывающихъ своею жизнію ту или другую идею, тѣмъ болѣе движется впередъ общечеловѣческое усовершенствованіе. Такимъ образомъ, безъ множества и разнообразія народностей невозможенъ никакой прогрессъ человѣчества. Школа, которая старается выкроить головы своихъ воспитанниковъ по одной задуманной мѣркѣ, не допуская никакой свободы въ развитіи, подавляетъ и губитъ развитіе подпавшихъ ея вліянію личностей. Но надъ человѣчествомъ нѣтъ такаго деспота-губителя: оно развивается свободно, хотя и борется со многими препятствіями. Если развитіе жизни общечеловѣческой совершается посредствомъ различныхъ частныхъ народностей: то отчего такимъ же образомъ не можетъ совершаться и разви-

тіе жизни религіозно-христіанской? Вѣдь и христіанство проповѣдуетъ нравственное усовершенствованіе. Вѣдь и жизнь христіанская есть идеалъ необъятный ни для кого, слѣдовательно ничего не будетъ противнаго христіанству, если тотъ или другой народъ своею жизнію разовьетъ ту или другую сторону жизни христіанской; напротивъ, это весьма естественно—при ограниченныхъ силахъ человѣка съ одной стороны и при необъятности идеала жизни христіанской съ другой. Это тѣмъ болѣе возможно, что христіанство не отвергаетъ всего человѣческаго: напротивъ, старается возстановить и утвердить въ человѣкѣ все, что̀ есть въ немъ истиннаго, добраго, законнаго. Христіанство ведетъ человѣка къ совершенству не только средствами сверхъестественными, но и естественными. Слѣдовательно тѣ или другія особенности народныя не отвергаются христіанствомъ, если въ этихъ особенностяхъ есть сторона добрая, а она всегда есть въ характерѣ народномъ; напротивъ, чѣмъ сообразнѣе съ характеромъ народа взятая имъ сторона жизни христіанской, тѣмъ успѣшнѣе будетъ развитіе этой жизни... она, въ такомъ случаѣ, своя, *родная* для народа. Такимъ образомъ, различныя народности, развивая различныя стороны жизни христіанской, мало по малу приближаютъ къ человѣчеству общій великій идеалъ жизни христіанской, хотя вполнѣ этотъ идеалъ не можетъ быть обнятъ человѣчествомъ ни въ одно время.

Въ исторіи христіанства у различныхъ народовъ, мы можемъ замѣтить, что тотъ или другой христіанскій народъ развивалъ у себя *преимущественно* одну какую нибудь сторону христіанства — ту, которая болѣе сообразна съ его народнымъ характеромъ. Такъ справедливо замѣчаютъ, что въ первыя времена христіанства, на востокѣ—среди господствующаго народа греческаго—развивалась преимущественно теоретическая, или догматическая, сторона христіанства, а на западѣ—среди господствующаго народа римскаго — развивалась преимущественно сторона практическая. Народъ греческій, съ одной стороны — примыкающій къ Востоку, любившему созерцаніе, съ другой—самъ развившій мыслительную способность свою философіею,—естественно, болѣе всего разсуждаетъ о теоретической сторонѣ христіанства. Народъ римскій, народъ практическій, способенъ владѣть мечемъ, а не разсуждать. Оттого на Востокѣ спорили о догматахъ вѣры, а на Западѣ и лучшіе умы не совсѣмъ искусны въ теоретическихъ соображеніяхъ: такъ, Тертулліанъ разсуждаетъ, что если Богъ не создалъ овецъ зелеными или голу-

быми, то намъ и не нужно цвѣтныхъ одеждъ... и это въ одно почти время съ существованіемъ на Востокѣ знаменитаго философа-христіанина, Климента Александрійскаго! Самый аскетизмъ христіанскій на Востокѣ имѣемъ характеръ болѣе созерцательный,—на Западѣ—болѣе практическій. Въ послѣдствіи времени, различнымъ народамъ предстояло продолжать начатое, развивая то ту, то другую сторону въ ихъ широкомъ содержаніи. Такъ-какъ сторона теоретическая и сторона практическая обнимаютъ всю полноту христіанства, необъятную ни для кого, то различныя народности всегда могутъ найти для себя ту или другую задачу жизни христіанской, которая (задача) оставалась до этихъ поръ не разрѣшенною и которая, при томъ, вполнѣ сообразна съ природнымъ характеромъ народа... Трудно указать, какую сторону христіанства развили новые народы христіанскіе, занявшіе мѣсто древне-греческаго и древне-римскаго и достигшіе необходимой для этого степени нравственнаго развитія: объ этомъ можно будетъ судить тогда, когда они сдѣлаются предметомъ исторіи, окончивъ свое назначеніе; но и теперь, нельзя не замѣтить, что развивая разныя стороны жизни христіанской, каждый изъ этихъ народовъ дѣлаетъ то, что вполнѣ сообразно съ его народнымъ характеромъ. Не бѣда, если тотъ или другой народъ не рѣшитъ окончательно взятой имъ задачи: онъ сдѣлаетъ то, что можетъ сдѣлать, а другой народъ продолжитъ начатое. Иныя частныя задачи не такъ легко рѣшить, какъ это представляется: кто, напримѣръ, можетъ указать предѣлъ развитію искусства христіанскаго?... Одна опасность предстоитъ здѣсь народамъ, раскрывающимъ въ своей жизни тѣ или другія частныя стороны христіанства: чтобы, развивая ту или другую частную сторону христіанства, народъ не унижалъ другихъ сторонъ жизни христіанской, раскрываемыхъ или раскрытыхъ иными христіанскими народами,—чтобы своего частнаго дѣла не возводилъ въ законъ общій для всѣхъ, какъ единственно лучшее дѣло жизни христіанской,—чтобы вообще не считалъ себя обнявшимъ всю полноту жизни христіанской. Такъ, Германецъ, любящій углубляться мыслію въ предметъ, остается вѣренъ своей природѣ и народности и дѣлаетъ законно-христіанское дѣло, если старается открыть въ религіи христіанской то, что есть въ ней удобопостижимаго для ума человѣческаго: но онъ погрѣшаетъ, если единственнымъ руководительнымъ началомъ въ жизни религіозно-христіанской полагаетъ разумъ. Такъ, Англичанинъ правъ и предъ своею народностію, и предъ христіанствомъ, когда дорожитъ свободою совѣсти: но онъ погрѣшаетъ, если принципъ свободы считаетъ единственнымъ началомъ

въ жизни христіанской. Такъ, Итальянецъ вправѣ развивать и ею искусства христіанскаго: но если онъ увлекается своимъ предметомъ до того, что забываетъ прочія стороны жизни христіанской и все христіанство полагаетъ въ искусственной сторонѣ его, то онъ погрѣшаетъ, какъ это и видно на самомъ дѣлѣ: напримѣръ, богослуженіе римской церкви до того блестяще, пышно и разнообразно, что заслоняетъ собою внутреннюю сторону жизни христіанской. Такъ, общительность Француза — прекрасное дѣло: но если онъ навязывается всѣмъ и всякому съ своими услугами и старается утвердить свое вліяніе во всемъ мірѣ, то онъ заблуждаетъ: любовь христіанская не дѣлаетъ насилія независимости ближняго. Словомъ, тотъ или другой народъ, желающій быть народнымъ и въ жизни религіозной, не долженъ смотрѣть на *все* христіанство сквозь призму своей *исключительной* народно-христіанской жизни, а, оставаясь роднымъ въ своей собственной жизни — какъ общечеловѣческой, такъ и христіанской, отдавать должное уваженіе и всѣмъ прочимъ сторонамъ христіанства, которыя раскрыты или раскрываются другими народами. Въ противномъ случаѣ, онъ отступитъ отъ истины и погрѣшитъ противъ христіанскаго ученія. Такъ возникли церковь римско-католическая и общество германо-протестантское съ своими народно-исключительными взглядами, перенесенными на христіанство: особенности католицизма — главенство Папы и особенность протестантства — раціолизмъ имѣютъ свое основаніе въ характерѣ обоихъ народовъ — римскаго, привыкшаго къ обладанію всесвѣтному, и германскаго, склоннаго къ самоуглубленію. Но если они захотятъ сдѣлать эти свои особенности общимъ правиломъ для всѣхъ, если они всю полноту христіанства заключатъ въ эти особенности свои: то становятся въ высшей степени неправы. Пусть римскій первосвященникъ признается главою римско-католической церкви: но зачѣмъ онъ распространяетъ свое владычество на *всю* церковь? Пусть народу германскому будетъ особенно близка теоретическая сторона христіанства, пусть онъ съ особенною любовію останавливается на понятіи *о вѣрѣ* съ теоретической точки зрѣнія: но зачѣмъ онъ отвергаетъ сторону практическую и не даетъ надлежащаго значенія *дѣламъ* (добрымъ)? Вѣроученіе одной православной церкви обнимаетъ всѣ стороны христіанства; она, въ своей *догматикѣ*, отдаетъ должное каждой сторонѣ жизни христіанской, хотя *на дѣлѣ* — въ практикѣ, развиваетъ болѣе то ту, то другую сторону христіанства, сообразно народнымъ требованіямъ.

Понятно теперь, отчего церковь римско-католическая подавляетъ

развитіе народностей, а церковь православная не препятствуетъ самостоятельному развитію народовъ, принадлежащихъ ей, (если только не злоупотребляютъ представители церкви....) Первая хочетъ сдѣлать всѣхъ *римскими* католиками, послѣдняя заботится о томъ, чтобы всѣ были *истинно-вѣрующими* христіанами. Оттого, на Западѣ, народы римско-католическіе тотчасъ отлагаются отъ католической церкви, если захотятъ быть самостоятельно народными, какъ, напримѣръ, народы германскій, англійскій, даже (въ извѣстной степени) французскій и даже—италіянскій. На Востокѣ, православно-христіанскіе народы получаютъ самостоятельность народную и церковную, ни сколько не нарушая единенія съ древне-греческою православною церковію и не отступая отъ православія какъ напримѣръ, народы — русскій, сербскій, ново-греческій, или болгарскій.... Православная церковь, давая развитіе различнымъ народностямъ, къ ней принадлежащимъ, возвышается надъ всѣми этими частными народными развитіями въ своемъ общемъ вѣроученіи, которое обнимаетъ всѣ стороны жизни христіанской и при которомъ, поэтому, возможно развитіе всякой частной стороны — безъ противорѣчія общей полнотѣ христіанства. Впрочемъ, можно думать, что съ теченіемъ времени западные народы оставятъ свой исключительный взглядъ на христіанство и станутъ воздавать должное уваженіе и другимъ—разнообразнымъ, но тѣмъ не менѣе законнымъ — взглядамъ на него, хотя въ то же время, каждый народъ будетъ жить своею особною жизнію, отличною отъ жизни другихъ, но и не противорѣчащею ей. Папа, волей-неволей теряющій свое господство, основанное на историческихъ обстоятельствахъ,—вѣдь это шагъ къ сближенію христіанскаго Запада съ христіанскимъ Востокомъ...,

Какія же характеристическія черты жизни религіозной у народа южнорусскаго? Какія стороны жизни христіанской онъ взялъ для развитія у себя? Отвѣчаемъ прямо: мы еще не въ силахъ опредѣлить съ точностью и полнотою свои народныя отличія съ этой стороны; мы такъ еще недавно начали изучать свой народъ, такъ еще мало его знаемъ. Теперь мы можемъ указать на нѣкоторое отличіе религіозности народа южно-русскаго отъ религіозности великорусскаго. Въ религіозной жизни великорусскаго народа, прежде всего насъ поражаетъ громадное явленіе называемое *расколомъ*. Малороссы, не бывшіе въ Велико россіи, и не присматривавшіеся къ ея жизни, думаютъ, что расколъ есть какая-то секта, не стоющая вниманія, не подозрѣвая, что расколъ считаетъ сво-

ихъ послѣдователей милліонами, дышетъ здѣсь повсюду, пустилъ свои корни глубоко въ жизнь. Но сильный въ народѣ велико-русскомъ, расколъ нисколько не проникъ въ среду народа южно-русскаго, не смотря на постоянныя связи одного народа съ другимъ — гражданскія и церковныя: явленіе, заслуживающее вниманія! Безъ сомнѣнія, появленію раскола въ одномъ племени и отсутствію въ другомъ способствовали историческія обстоятельства, какъ церковныя, такъ и гражданскія: но тамъ, гдѣ расколъ такъ принялся и развился, нужна была предрасположенность къ нему: иначе историческія обстоятельства не подѣйствовали бы на народъ такъ сильно, какъ онѣ подѣйствовали. Равнымъ образомъ, нужно предположить, что и въ народѣ южно-русскомъ существуютъ такія черты нравственной жизни, въ которыя воспрепятствовали ему заразиться расколомъ, которыя прямо противоположны жизни народа великорусскаго иначе народъ нашъ не остерегся бы отъ раскола послѣ того, какъ великорусскіе раскольники стали появляться среди него не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми обществами, — слободами, монастырями. Какъ частный человѣкъ, такъ и народъ, если симпатизируетъ чему-нибудь или отвращается отъ чего-нибудь, то въ немъ самомъ — въ его природѣ — лежитъ основаніе его симпатіи или отвращенія. Объяснять происхожденіе и распространіе раскола какимъ-нибудь внѣшнимъ *случаемъ* — невозможно.... Какая же внутренняя, въ самой жизни двухъ народовъ скрывающаяся, причина того, что одинъ — допустилъ у себя появленіе раскола, а другой — отвергъ его? Что́ касается до Великоросіянъ, то она скрывается въ религіозной жизни этого народа, именно въ его привеженности къ внѣшней *церковно-богослужебной* сторонѣ жизни христіанской. Когда появилась нужда сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ церковномъ богослуженіи велико-русской церкви, то часть народа захотѣла лучше отложиться отъ Церкви, чѣмъ допустить поправку чего-нибудь. Расколъ есть *яркая*, *выпуклая* сторона этой приверженности къ существующему обряду (какъ бы ни было недавне существованіе его), есть *неумѣренное* ея выраженіе. Приверженность къ внѣшности церковной, въ существѣ своемъ, законна, но не законна только *степень* этой приверженности, обнаружившаяся въ расколѣ.

Не такимъ показалъ себя нашъ народъ при исправленіи церковнаго богослуженія въ южно-русской церкви. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, сдѣлалъ болѣе въ исправленіи церковнаго богослуженія въ южной церкви, чѣмъ Никонъ патріархъ московскій: но гдѣ протесты противъ

этого, подобные русскому расколу (1)? Мало этого: Петръ Могила допустилъ въ православное богослуженіе своей церкви нѣкоторые обряды изъ католическаго богослуженія, приспособивъ ихъ, конечно, къ православному богослуженію, напримѣръ, такъ называемыя *пассіи*, т. е. чтенія евангелій о страданіяхъ Христовыхъ въ первыя четыре пятницы великаго поста: и однако, южнорусскій народъ съ особенною любовію спѣшитъ на это трогательное богослуженіе. Можно себѣ представить, какъ было бы принято подобное въ Великороссіи, гдѣ четвероконечный крестъ, употребляемый всѣми не только не православными, но и православными народами, называется *печатію антихриста*.... Что же значитъ это разумное отношеніе народа южнорусскаго къ церковной обрядности? То, что тогда-какъ великорусскій народъ обращаетъ вниманія болѣе на внѣшнюю сторону богослуженія, народъ нашъ придаетъ больше значенія внутренней сторонѣ его, обращая вниманіе на его смыслъ. И тотъ, и другой народъ не противорѣчатъ другъ другу въ своемъ взглядѣ на богослуженіе, хотя и различаются другъ отъ друга, слѣдуя склонностямъ своей природы. Это отнюдь не значитъ, чтобы народъ южнорусскій менѣе цѣнилъ православно-церковное богослуженіе, чѣмъ великороссійскій: народъ, ведшій такія продолжительныя и кровавыя войны съ римской уніей — не только за догматы своей церкви, но и за ея обряды, доказалъ свою приверженность къ православію.... Если онъ допустилъ у себя нѣкоторые новые обряды, заимствованные изъ католической Церкви, то потому, что эти обряды непротивны духу православныхъ обрядовъ. Указывая на эти факты, мы хотимъ только сказать, что и теперь уже замѣтно нѣкоторое различіе въ нравственно-религіозной жизни двухъ народовъ, не смотря на то, что тотъ и другой народъ строго православны въ своемъ вѣроученіи.

Но если мы не знаемъ въ подробности, въ чемъ именно состоитъ народность религіозной жизни южно-русскаго народа, — то все таки знаемъ и видимъ, что религіозный элементъ *вообще* есть существенный элементъ его жизни, на основаніи котораго, раньше или позже, должна опредѣлиться народность и самой религіозной его жизни. Обращаемся къ представителю украинской народности—Шевченку. Шевченко—поэтъ

(1) Любопытныя историческія изслѣдованія объ изправленіи церковнаго богослуженія Петромъ Могилою помѣщены въ духовномъ журналѣ. »Руководство для сельскихъ Пастырей«, за 1860 г., подъ названіемъ: *Недостатки церковной обрядности въ южной Церкви и Требникъ Петра Могилы.«*

народный въ полномъ смыслѣ этого слова: но кто не замѣчалъ, что въ его народной поэзіи религіозность свѣтится яркими лучами (1). Такъ, представляя въ народно-художественныхъ чертахъ образъ поэта, Шевченко говоритъ, что слово поэта —

..... то Бо́жее сло́во,
То се́рце по во́лі зъ Бо́гомъ розмовля́,
То се́рце щебе́че Госпо́днюю сла́ву;

что мысль поэта стремится къ небу, а на землѣ не находитъ себѣ пріюта: — его

.....ду́мка край світа на хма́рі гуля́,
Орло́мъ сизокри́лимъ літа́е, ширя́е,
Ажъ не́бо блаки́тне широ́кими бье;
Спочи́не на со́нці, ёго́ запита́е:
Де́ воно́ ночу́е, я́къ воно́ встае́?
Послу́хае мо́ря, що́ воно́ гово́рить,
Спита́ чо́рну го́ру: чого́ ти німа́?
И зно́ву на не́бо, бо на землі го́ре,
Бо на ій, широ́кій, куто́чка нема́
Тому́, хто все зна́е, тому́, хто все чу́е:
Що́ мо́ре гово́рить, де со́нце ночу́е —
Ёго́ на сімъ сві́ті ніхто́ не прийма́.
Оди́нъ вінъ мі́жъ ни́ми, якъ со́нце висо́ке:
Ёго́ зна́ють лю́де, бо но́сить земля́;
А якъ-би́ почу́ли, що́ вінъ одино́кий
Співа́ на моги́лі, зъ мо́ремъ розмовля́,
На Бо́жее сло́во вони́ бъ насмія́лись,
Дурни́мъ би назва́ли, одъ се́бе прогна́ли.
»Неха́й по-надъ мо́ремъ«, сказа́ли бъ, »гуля́!«

Воспроизводя историческіе подвиги въ »Гайдамакахъ«, Шевченко рисуетъ своихъ героевъ и религіозными красками: они преслѣдуютъ Ляховъ и Жидовъ за то, что, по ихъ милости, козацкія

»Дiти не хре́щені расту́ть«,

или, какъ выразился Шевченко въ другомъ мѣстѣ, они, истребители Ляховъ и Жидовъ, »віру рятую́ть« (стр. 51). Приготовляясь къ своимъ кровавымъ подвигамъ, они молятся и притомъ не своею одною молитвою а и молитвою церковною — при служителяхъ церкви. Они освящаютъ молитвою церковною самое орудіе казни враговъ своихъ — »ножі« и уже

(1) Мы имѣемъ ввиду одни напечатанныя произведенія Шевченка.

»съ свячéнимъ гуляють....« Предводитель ихъ, Гонта, налагаетъ руку на собственныхъ дѣтей за то, что они католики, и — мы не можемъ безъ содроганія читать тѣхъ сценъ, гдѣ изображается борьба двухъ противоположныхъ чувствъ въ героѣ — любви отца-христіанина къ дѣтямъ съ ненавистью къ врагамъ-католикамъ? (Кобзарь, стр. 208—216). Но, можетъ быть, поэтъ, воспроизводя прошедшее народной жизни, не питаетъ сочувствія къ нему, а относится безразлично? О, нѣтъ:

....згадáешъ—
Сéрце усміхнéтця,

говоритъ Шевченко, при взглядѣ на прошедшіе подвиги народа (стр. 168, 169). Но тотъ жестоко ошибся бы, кто сказалъ бы, что поэтъ сочувствуетъ не чему нибудь другому въ герояхъ прошедшей народной жизни, а этой крававой расправѣ ихъ съ Ляхами и Жидами. Поэтъ прямо и ярко высказывается, что въ его сердцѣ лежатъ иныя истинно-христіанскія чуства, а не кровная месть:

.... за вiщо,
За́ що лю́де ги́нуть?
Того́ жъ ба́тька, такі́ жъ дiти,
Жи́ти бъ та брата́тьця,
Ні, не вмiли, не хотiли,
Тре́ба розъедна́тьця!
Тре́ба кро́ви бра́та, кро́ви,
Бо за́здро, що въ бра́та
Е въ комо́рі и на дво́рі
И ве́село въ ха́ті.
»Убье́мъ бра́та! спа́лимъ ха́ту!«
Сказа́ли и — ста́лось.
Все бъ, здае́тця; ні, на ка́ру
Си́роти зоста́лись.
Въ слiза́хъ росли́, та й ви́росли;
Замо́чені ру́ки
Розвъяза́лись — и кровъ за кровъ,
И му́ки за му́ки!
Боли́ть се́рце, якъ згада́ешъ:
Стари́хъ Славья́нъ дiти
Впили́сь кро́вью, а хто ви́неньъ?
Ксёндзи́, езуiти! (стр. 182).

Поэтъ сочувствовалъ своимъ героямъ не за ихъ кровавыя расправы, а за *народно-христіанскую идею*, одушевлявшую ихъ. Облечь эту идею въ иную форму поэтъ, конечно, не могъ — безъ противорѣчія *истори-*

ческой истинѣ. Правъ и чистъ не одинъ поэтъ; мы не можемъ осуждать и самыхъ героевъ его: ибо можно ли было дѣйствовать имъ иначе *въ то время* и *при тѣхъ обстоятельствахъ?*....Не герои виноваты, а »ксёндзи, езуіти«, Польша, съ своимъ римскимъ католицизмомъ.....

Въ исторіи »Наймички« поэтъ рисуетъ черты народной жизни, относящіяся къ прошедшему и *современному* быту народа: но не забыты и черты религіозныя. —Героиня разсказа ходитъ въ Кіевъ »усімъ святи́мъ поклони́тись« и изъ Кіева приноситъ своимъ домашнимъ нѣкоторые священные для нихъ предметы —»ша́почку зъ Ива́на свято́го и пе́рстеникъ одъ Варва́ри;« дома, въ ожиданіи своего Марка, долго не возвращающагося »изъ дороги,« она собирается

»Ака́ѳистъ наня́ти
Микола́еві свято́му
Й на ча́сточку да́ти,«

а въ послѣдніе минуты своей жизни, она тихо говоритъ: *Отче нашъ*.....

Шевченко влагаетъ въ свою поэзію элементъ религіозный не только тогда, когда воспроизводитъ жизнь народа—прошедшую или современную, — но и тогда, когда его собственная душа волнуется и кипитъ тѣми или другими мыслями и чувствами. Вспоминая, въ чужой сторонѣ, свою милую родину — предъ тѣмъ временемъ, когда

« . . . . надво́рі
Наступа́е свя́то,«

т. е. праздникъ Рождества Христова, Шевченко съ глубокою сердечною скорбію говоритъ о томъ, что

« . . . . за́втра ра́но
Заревуть дзвіни́ці
Въ Украіні; за́втра ра́но
Зберу́тця моли́тись
Лю́де до́бр. . . «

а здѣсь — на чужбинѣ

. . . за́втра ра́но
Завѝе голо́дний
Звіръ въ пусти́ні, та повіе
Урага́нъ холо́дний
И занесе́ снігомъ білимъ
Курінь, мою ха́ту....
Отта́къ мені доведе́тця
Свя́то зострічáти! (Хата, стр. 78.)

Но и въ этой далекой и негостепріимной сторонѣ, поэтъ-христіанинъ,

»свої ду́ми тя́жкі
И се́рце убо́ге
Захова́вши, хо́дить собі
Та мо́литця Бо́гу« (тамъ же)

Неволя, тягчайшее изъ бѣдствій человѣка, не вырываетъ у поэта ропота на Промыслъ, напротивъ —

» А я, во́ленько, въ нево́лі
Помоли́ся Бо́гу,« (стр. 83.)

говоритъ поэтъ, и, возводя очи къ небу, обращается къ »зарѣ — другу своему«, чтобы она »росказа́ла Бо́гові« о его тяжкихъ думахъ (стр. 68). Или, сравнивая прошедшую-бурную судьбу Украины съ настоящею, когда »все замо́вкло....« поэтъ замѣчаетъ: »така́ Бо́жа во́ля!«

Мы сдѣлали бы большой пропускъ, если бы, говоря объ участіи религіознаго элемента въ поэзіи Шевченка, не сказали о его переложеніи »Псалмовъ Давидовыхъ« съ церковно-славянскаго на украинскій языкъ. Много болѣла душа поэта по многимъ причинамъ.... и изливала свое горе въ тѣхъ звукахъ, которые вылились изъ скорбной души древняго библейскаго пророка. Не всѣ звуки пророческой поэзіи облекаются у поэта нашего въ родную рѣчь его, но только тѣ, которые отвѣчаютъ настроенію души его. Таково всегда отношеніе истинно-великаго поэта къ произведеніямъ другихъ (какъ и вообще къ окружающему міру); онъ не рабски копируетъ ихъ въ своей поэзіи, а относится къ тѣмъ изъ нихъ, которыя прямо совпадаютъ съ его душею, которыя составляютъ часть его собственной поэзіи... Это совпаденіе такъ велико у Шевченка, что не знаемъ: кто болѣе вызываетъ наше сочувствіе — древній ли пророкъ, или поэтъ, подражающій ему..... Приведемъ одинъ, LIII, псаломъ: онъ такъ живо припоминаетъ жизнь поэта.....

»Бо́же, спаси́, суди́ мене́
Ти по своїй во́лі.
Моли́ось, Го́споди, внуши́ їмъ
Устъ моіхъ глаго́ли!
Бо на ду́шу мою́ вста́ли
Си́лнії чужи́і,
Не зрять Бо́га надъ собо́ю,
Не зна́ють, що́ дію́ть.
А Богъ мінї помага́е,
Мене́ заступа́е

И імъ пра́вдою Свое́ю
Верта́е іхъ зла́я.
Помоли́ся Господеві
Се́рцемъ одино́кимъ,
И на злихъ моіхъ погля́ну
Незлимъ моімъ о́комъ.«

Заключимъ наши выписки изъ поэта величественною картиной, которую Шевченко рисуетъ красками, взятыми изъ Библіи, — когда въ посланіи къ Шафарику, главному дѣятелю возрожденія Славянъ, онъ изображаетъ живительную дѣятельность его въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ нему:

И Славъя́нъ семью́ вели́ку
— —
Перелічи́въ до о́дного,
Перелічи́въ тру́пи —
Ане Славья́нъ—и ставъ-еси́
На вели́кихъ ку́пахъ —
На роспу́тті всесві́тнёму —
Іезекіілемъ...
И—о ди́во! — тру́пи вста́ли
И о́чі роскри́ли!
И братъ зъ бра́томъ обняли́ся
И проговори́ли
Сло́во ти́хоі любо́ві
На віки и віки!

Такимъ образомъ, во всѣхъ родахъ поэзіи Шевченка, элементъ религіозный ярко видѣнъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что поэзія Шевченка есть поэзія религіозная: въ такомъ случаѣ мы приписали бы поэзіи Шевченка (вопреки всякой истинѣ) исключительность и лишили бы её той полноты, какая свойственна поэзіи всѣхъ истино-великихъ поэтовъ. Нѣтъ, мы хотѣли сказать только то, что въ поэзіи Шевченка есть и элементъ религіозный.....

О, еслибы истина религіозная такъ всегда была близка къ жизни народа! Намъ не нужно ни средневѣковаго фанатизма, ни схоластицизма, занесенныхъ къ намъ Богъ-знаетъ откуда..... Мы съ любовію остановливаемая на служителяхъ вѣры, когда они, какъ въ поэмѣ Шевченка (1) одушевлены тою же народно-религіозною идеею, какъ и окружающій ихъ народъ; но нельзя безъ отвращенія смотрѣть на такія лица, какъ

(1) См. »Гайдамаки« проповѣдь благочиннаго, »Кобзарь« стр. 164

монахъ Климентій, украинскій стихотворецъ XVII в., у котораго рука-об-руку идутъ, съ одной стороны, нестерпимый фанатизмъ и схоластицизмъ, съ другой — грязный цинизмъ, возмущающій всю душу! Странное примиреніе! Впрочемъ, изъ уваженія къ достоинству религіи и достоинству человѣка, мы готовы думать, что лица, подобныя Климентію, составляютъ меньшинство. Иногда недостатки общества, долго таившіеся внутри его, отъ тѣхъ или другихъ причинъ начинаютъ выявляться наружу и скопляться въ одно какое-нибудь мѣсто: тогда появляется одно или нѣсколько лицъ, въ которыхъ сосредоточиваются эти недостатки, какъ въ фокусѣ. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ Климентій и ему подобные. Но чѣмъ сосредоточеннѣе болѣзни общественнаго организма въ одномъ какомъ мѣстѣ, тѣмъ свободнѣе отъ болѣзней прочія части тѣла: значитъ, появленіе такихъ уродливо-болѣзненныхъ лицъ, какъ Климентій, — признакъ того, что у насъ есть надежда на исцѣленіе...., что скоро такихъ лицъ вовсе не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто̀ не видитъ теперь недостатковъ того направленія, которое обнаруживается въ поэзіи Климентія! Пусть же религіозная истина не извращается и не отгоняется отъ народнаго сердца схоластицизмомъ и фанатизмомъ, а проникаетъ въ него чистою, *живою* струею; пусть она не заключается въ мудреныя книги, а старается сблизиться съ жизнію народа, станетъ нашею *родною* истиною. Примѣръ для всѣхъ насъ — основатель нашей Вѣры: нѣтъ истинъ ближе къ нашему сердцу, какъ святыя и чистыя истины Евангелія..... Пусть же получаетъ и почерпаетъ нашъ народъ и истину изъ Евангелія. Оно же недавно и переведено на великорусскій языкъ, который всё-таки понятнѣе для Малоросса, чѣмъ церковно Славянскій. Но не пора ли подумать объ изданіи перевода Евангелія на языкъ Украинскій...

Г. Т.

5 марта 1861.
С. п. б.

ЛИСТИ́ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ IV.

ПРО ЗЛО́ДІЯ У СЕЛІ ГАКІВНИ́ЦІ.

Дивýются, ка́жете, добро́дію, лю́де, що десь на хýторі про Тара́сову смерть не згірш ъ одъ горо́дянъ письме́нныхъ метикýють, а ми дивýемось тимъ городя́намъ, що, якъ ска́же нашъ братъ пýтнє сло́во, то вонй й ротй пороззявля́ють: дивйсь, мовля́въ, про́стий чоловікъ, а гово́рить розýмно! Колй хо́чете зна́ти, добро́дію, то се *нам*ъ на-вдивовйжу, якъ тамъ по города́хъ лю́де не позабува́ли говори́ти и оберта́тися по-лю́дській. Почáтокъ и ко́рінь городя́нства зоста́вс ь у хýторі, то, здае́тця, тутъ би тре́ба й шука́ти осно́ви всякоі спра́ви городя́нськоі, тутъ би шука́ти й пра́ведного ро́зуму всякоі городя́нськоі устано́ви. Колй ви не цура́етесь мого́ писа́ння, то я вамъ де́-що оповідаю, що́ мині на вікý ба́чити й чýти лучáлося. Мо́же, зъ оповіда́ння бíльшъ дорозумýетця ва́ша городя́нська гро́мада, аніжъ изъ моéі хуторя́ньскоі философи́ні.

Згоріла въ насъ у селі, недале́чко одъ мого́ хýтора, це́рква. Селя́не й прийшлй до ме́не въ па́сіку: »Добро́дію, потурбýйтесь на послýгу грома́ді, объідте зъ на́шимъ ти́таремъ се́ла, чи не зна́йдете люде́й побо́жныхъ, щобъ допомоглй це́ркву збудува́ти.

Ви жъ бо такі всюди бували, усякихъ людей знаете, то, за вашимъ приводомъ, и титарь нашъ краще справитця.«

Ну, коли вамъ правду сказати, то въ насъ по хуторахъ люде не дуже-то звикли про церкви дбати. Байдуже намъ, хуторянамъ, про церкву; а селяне, то ті вже кажуть: »то намъ не хвала, якъ у селі церкви немае«, а городяне, то ажъ золотомъ верхи побивають. Ну, коли жъ хочете знати, то въ насъ по хуторахъ до зорявого неба, або вранці до сходъ сонця, на росі, люде щиримъ серцемъ молятця, а инший батько дітей краще відъ попа навчае. Та дарма: що намъ про те зъ селянами широко річъ розводити? Треба, такъ и треба церкву. Чомъ не послухати громади? Я такої чоловікъ думки, що громада — всюди великий чоловікъ. И тоді вона була великий чоловікъ, якъ ище наши предки у житахъ та по-надъ річками въ дибровахъ Богові молилися, и тоді, якъ почали молитися по-грецькій, и тоді буде великий, якъ поклонятця Богу духомъ и истиною, занедбавши Ерусалимъ. Инше, мабуть, не можна, якъ такъ у исторіі, бо колибъ можна було, то певно громада иншимъ бы робомъ собі пійшла. Ото жъ я такъ и про селянъ, моіхъ сусідъ, у серці своему помисливъ, а імъ того марно не впявлявъ: на що? »Добре«, кажу: »що громаді, те й бабі.«

И ото зібрались ми съ титаремъ, сіли на візокъ, потуркотіли. Часъ бувъ такий, що люде на весні пообъорювались, а косовиця ще не починалася, то мині хочъ бы въ пасіці й треба бжоли доглідіти, та въ мене е такий дідокъ про се, а на косовицю ще до господи встигну. Весну давъ Господь на той рікъ ясну: ажъ нахиляемось, ідучи попідъ садами; біле віття по виду займае, запашною росою кропить.

Титаръ — чоловікъ побожний и трошки притаманкуватий — каже:

»Се насъ, добродію, ангели білими крильми обвівають; се вони на землю поспускалися и садовину мовъ лебеді всю вкрили.«

— »Такъ, такъ, Петре!« кажу (а его звали Петромъ). Любе мині було те серце тихе та сояшне въ того дідуся старенького. »Се«, кажу, »ангели людей у рай заманюють.« Та ще й додавъ ему зъ свого розуму: »Не живе,« кажу, »чоловікъ на світі безъ високої думки про якийся миръ, кращий одъ нашого. Ся«, кажу, »думка свята одъ землі его підіймае и знікчемніти не дае ему.

По городáхъ, Пе́тре, мíжъ товари́ствомъ блискýчимъ є такí лю́де, що про кори́сть та набýтокъ байдýже, а все кудúсь далéко за край свíта зазира́ють и такé лю́дямъ оповíдують, що хúба тíльки въ га́рному снí присни́тця. Тихъ людéй, Пе́тре, поэтами величáютъ и до робóти нí до я́кої íхъ не змýшують, и у всёмý íмъ потура́ють, бо вонú городя́намъ не даю́ть усíмъ пожúдовíти.«

Кивнé мині Петрó сúвою чупри́ною, а самъ ажъ гóлову хúлить, прислуха́ючись до соловéйка, що въ томý пúшному цвíті, у тíй садовині запáшній голосно́ю луно́ю розляга́етця: ёмý тамъ а́нгельскі спíви здаю́тця, и все собí ше́пче: »свя́тъ, свя́тъ, свя́тъ«, мовъ той вíтере́ць попíдъ густúми ве́рбами.

Залюбкú ми грома́ді прислужúлися, мовъ де въ гостя́хъ у яко́гось ласка́вого, несказа́нно ще́дрого па́на побува́ли: тра́ви всю́ди вже филю́ютця; рíчкú, ставú, озе́ра стоя́ть упóвні, ясне́ нéбо зъ весняни́ми хма́рками въ нихъ виглядáетця, дíтвóра весе́ла золотúмъ во́лосомъ на со́нці тобí свíтить, — и свою́ малéчу згада́ешъ, и на се́рці тобí ти́хо и я́кось смýтно, и знявсь би, та й полетівъ, співа́ючи, по-надъ земле́ю.

Тíльки вже, якъ верта́лись додóму, почáли ми трівóжитись, я́къ би грома́дського ска́рбу не втеря́ти, бо — відóме дíло — городú бага́то такúхъ людéй порозво́дили, що, мовъ вовкú, въ се́рці тíльки хижáцтво ма́ють. Заночува́ти въ по́лі — стра́шно. Ато́ ми знай було́ въ по́лі ночу́емо. Ну, вже жъ и па́ша ста́ла не вíльна: почáли хло́пці на ношлíги по толóкахъ тíльки става́ти. А туди́ íхавши, ми було́ такъ прила́жуемось, щобъ свої коні мíжъ чужі пусти́ти: тамъ уже́, звíсно, ва́рта чергу́етця — не вкра́дуть. У насъ, ба́чте, по се́лахъ мíжъ хло́пцями ношлíжниками да́вній коза́цький зви́чай. Вата́га спить на оброта́хъ та на шапка́хъ, голова́ми доку́пи, а одúнъ вартýй. Якъ же яки́й гуртъ убезпе́читця та вклadéтця увéсь спáти, то гля́ди — зъ и́ншого табури́ща прискóчить, та й поволоче́ кого́ схóче до Ерусали́му. Воно́-то, коли́ хóчете зна́ти, страшна́ за́бавка въ хло́пцівъ той Ерусали́мъ, а про-те́ батькú за сонли́вихъ дíте́й не вступа́ютця. »Неха́й«, ка́жуть, »коза́цький зви́чай зна́е.« До Ерусали́ма въ насъ íздять отъ якъ: скру́тить изъ та́волги пете́льку, на но́ги со́нному наки́не, коне́ві до хвоста́ привя́же, скóчивъ óхляпъ — гайда́ по по́лю! и до-схочу́ тимъ ге́рцемъ у чúстому по́лі тíшитця, що въ бідолáхи и спúна й потúлиця облізе. Оце́ въ насъ зве́тця до Ерусали́му

їздити. То ми вже були́ безпе́чні, де була́ ва́рта: не пропаду́ть на́ши ко́ні між господа́рськими, та й до ска́рбу лихи́й чолові́къ не підкра́дется. А тепе́ръ уже́ й мо́торошно самі́мъ у по́лі стоя́ти; бо дідусь мій, ти́тарь, и го́лосу гара́здъ не одведе́, не то́ що. Він тільки на те мині въ доро́зі й зда́вся, що якъ увійдемо було́ до госпо́ди, то вінъ съ тарілочкою — си́вий якъ го́лубъ, борідка біле́нька, кучеря́венька, самъ тихе́сенькій, лагідне́нькій таки́й! такъ тутъ уже́ господа́рь и господи́ня не пожа́лують и оста́нню копійку на це́ркву пода́ти. Отъ и почали́ ми съ ти́таремъ обно́чу́ватись уже́ по людськи́хъ госпо́дахъ, — до́брі лю́де всю́ди на́ нічъ пуска́ли.

Оце́ жъ разъ на́дъ-вечіръ уіхали ми въ село́ Гаківни́цю. Га́рне село́ коза́че. Ставъ таки́й, що по тімъ бо́ці тільки чу́ти, якъ ячя́тъ гу́си, а дітей на бе́резі и не розгле́дишъ; ве́рби але́кі ажъ имла́ си́ня поняла́, на́че въ вели́кому лу́зі за Поро́гами. Це́рква старосвітська, що ще́-то ті лю́де будува́ли, кото́рі въ піддашшяхъ та въ ґанкахъ, та въ баля́сахъ коха́лися. Тепе́ръ тобі збуду́е це́ркву або́ дзвіни́цю — стоїть якъ штиль, мовъ шва́йкою въ хма́ру ко́ле; а що старосвітські на́ши церкви́, то лю́бо й погля́нути. Віко́нця скрізь обмере́жені та позакру́глювані, а якъ де́, то на́че квітку тобі на пи́санці ви́веде, ажъ жаль бере́, що те старе́незне дре́во мо́хомъ проросло́, вітромъ та дощемъ обкри́шуетця та тру́хне. Підъ віко́нцями ґонтови́й дахъ навкруги́ це́ркви и навкруги́ мере́жані, вирізувані піддашшя. Тільки скрізь ґра́ти ле́две-ле́две низові вікна мріють. Зади́вися на таку́ це́ркву, загада́ешся: де-то лю́де ті́ на спочи́вокъ повкладалися, що докупи підъ тими́ ґо́нтами зелена́стими збіра́лися!... Оттака́ жъ була́ це́рква въ тій Гаківни́ці, въ тому́ селі вели́кому коза́чому. Га́рне село́. Усе́ майда́ни та широ́кі узберіжжя на верхівця́хъ того́ ста́ву величе́нного. Роски́нулось по во́лі: есть де й дітямъ погуля́ти, и дівча́тамъ у хре́щика побігати, и парубка́мъ, лиця́ючись до дівчи́ни, противъ місяця посто́яти.

Отъ, ви́брали дво́рикъ весе́лий зъ моріжко́мъ, про́симось обночува́ти. Молоди́чка противъ чередѝ ви́йшла. »Не мо́жна«, ка́же, »лю́де до́брі.«

— »Чомъ не мо́жна?«

»Такъ«, ка́же, »у насъ не мо́жна ночува́ти.«

— »Де жъ намъ, голу́бко, съ кіньми подітися?«

»Ідьте«, ка́же, »лю́де до́брі, до зло́дія.«

— »До ко́го?«

»До зло́дія. У зло́дія васъ пу́стять на́ нічъ.«

Сказа́ла, та й ки́нулась своіхъ овеча́тъ займа́ти.

Згля́нулись ми зъ дідусе́мъ: що́ се за дивови́жа така́? скільки світу проіхали — всю́ди намъ була́ одъ люде́й шано́ба, а тутъ, глянь, до зло́дія насъ одсила́ють на́ нічъ!

Проіхали ще дворівъ зо́ два; зновъ таки́й двіръ ви́брали, що й до водопо́ю не дале́ко, и весели́нький, чи́стий, ве́рбами зъ у́лиці понахи́ляний. Вита́емось изъ дідомъ (дідъ за воріть ми си́вий сиди́ть у старо́му кожушку́; дити́ну на рука́хъ, укри́вши въ по́ли, голу́бить, коло ёго хлопя́тъ и дівча́токъ ку́пець). Про́симось на́ нічъ.

»Ідте«, ка́же, »лю́де до́брі, до зло́дія, а тутъ васъ нігде́ не пу́стять.«

Що́ за повітря! ду́маю собі.

»Чомъ же не пу́стять?«

Не говірки́й бувъ дідъ, кивну́въ голово́ю. »Не пу́стять«, ка́же. »Въ насъ нико́го не пуска́ють.«

Що́ жъ се зъ на́ми, Го́споди, діється? ду́маемо собі. Одъ злодіївъ усю́ доро́гу остерега́лися, а тепе́ръ би то до зло́дія ночува́ти заіхати!

Ідемо по селу́. Вже й коненя́та на́ши ржуть озира́ючись; спочи́нку бажа́ють. Стріли молоди́цю зъ відрами, въ не́і пита́емось.

»До зло́дія«, ка́же, »заіжджа́йте: тамъ вамъ бу́де гара́здъ.«

»Та побійся ти Бо́га, душе́ спасе́нна: якъ таки́ до́брому чоловікові въ зло́дія ночува́ти?«

А вона́ підтупцемъ перехо́дить намъ доро́гу впо́вні, спаси́бі ій, та тільки руко́ю на край села́ маха́е. »Тамъ«, ка́же, »всі ночу́ють.«

Ма́буть, вече́рю хапа́лася вари́ти — ніколи съ подоро́жніми розмовля́ти.

Що́ за напа́сть така́?

»Ді́ду Пе́тре!« кажу́ до свого́ ти́таря. »Сповіда́йся, кажу́, мині, чи, нема́ въ те́бе яко́го гріха́ на душі: мо́же, въ тре́те жени́тися надумавсь?«

Шутку́ю, а на душі я́кось ажъ су́мно, що куди́ се ми проти́въночи заіхали? між які се ми лю́де заіхали, що до зло́дія спрова́джують на́ нічъ?

Стоімо́, вже й не ідемо; стоімо́ середъ майда́ну. Ажъ тутъ ко-

сáрь косóю противъ крáсного зáходу крізь кýряву, що чередá пройшлá, світить. Підождáли пóки надíйде, жалкýемось, що оттакá й такá річъ.

А чоловíкъ, здаéтця, дóбрий, неглумлúвий. Осміхнýвся. »Та ідте«, кáже. »Чогó ви боітéсь? Вамъ тамъ бýде дóбре. Нігдé на всёмý селі крáще не бýде.«

»Де жъ той злóдій у васъ живé?«

»А оттó«, кáже, »на ріжкý коло цáрини ёгó двіръ. Онъ«, кáже, »вербá черезъ усю̀ дорóгу зъ двора̀ перегнýлась и зъ другóгою вербóю навпрóтивъ изійшлáся. Оттó й злóдій у насъ.«

Здвигнýли ми плечúма, ззирнýлися.

»А рушáйте«, кáже, »добрóдію!«

Ну, вже колú тúтарь не боітця въ злóдія ночувáти, то щó вже тутъ? Рýшили, надблúжились: двіръ гáрний, зелéний, на узгíрьі; у дворі хáта чепурнá, висóка, білимъ причілкомъ на ýлицю зпідъ вербú, мовъ молодúця світлоóка, дúвитця. Кошáри въ дворі, повіткú, все гáрно повкрúвано, хмéлемъ та гарбузúннямъ зъ горóду повилóся. Тутъ и колóдязь підъ вербóю коло ворітъ, и воротá настіжъ очúнені. Кóні самú такъ и повернýли. Ну, се хорóша прикмéта.

Уіздимó, ажъ сей злóдій справдí господáрь багáтий. Волú стоя́ть у зáгороді гáрні, вивознúі, такі-то, бачъ, що хочъ якý паровúцю сóли черезъ дрючóкъ зъ місця́ рýшили бъ (1). Свинéй зъ деся́токъ у велúке корúто повлáзили. Молодúця гáрну корóву дóіть. Усю̀ драбúну на хáту засíли индúки. Вúдно зáразъ, що господáрь хорóший.

Роздивля́емось ми, ажъ до насъ изъ комóри чоловíкъ вихóдить, на видý чепурнúй такúй.

»Здорóві лю́де дóбрі!« шáпку противъ насъ издіймáе. »Ночувáти заíхали? Дóбре, ночýйте зъ Бóгомъ. У насъ простóро.«

Такъ лю́бо та лагіднéнько до насъ говóрить; и молодúця зпідъ корóви весéлимъ óкомъ на насъ озирнýлася. Дíти повибігáли зъ сінéй; кучеря́ві такі, повновúді. Все бъ воно̀ такъ до ладý, що

(1) Якъ набірáють сіль, на соляни́хъ озéрахъ, то накладáй якъ хóчешъ мáжу, абú пáрою зъ місця рýшивъ. Хазяінъ дрючкá підъ колéса підкúне, щобъ не такъ-то лéгко рýшити. Отъ протой-то случáй держя́ть чумакú добру пáру *вивозни́хъ* волівъ, що пóтімъ одну̀ мáжу на два й на три вóзи пересипáють, у дорóгу.

й Го́споди, а намъ я́кось нія́ково: що куди́ се ми заіхали? Ще зъ-ро́ду въ зло́дія не ночува́ли; та ми зви́кли зло́дія и на селі обхо́дити.

Отто́ вже я зла́жу зъ во́за, а чоловікъ уже́ й ко́ней розгну́здуе. »Не турбу́йтесь«, ка́же, »дя́дьку, я вамъ и повипряга́ю ко́ні и напою́. Прошу́ ва́шої ла́ски вступи́ти до госпо́ди.«

»Та ми«, ка́жемо, »спаси́бі вамъ, и тутъ переночу́семо. У насъ есть изъ собо́ю й харчъ.«

— »Та що́ се ви, Госпо́дь зъ ва́ми? У насъ, якъ и двіръ стоіть, своє́і харчі ніхто́ ще не івъ. Не погорду́йте, блага́ю«, та ажъ кла́няется.

А чоловікъ стате́чний такий, мото́рний. Намъ и со́ромъ вимовля́тися, та якъ же ёго́ й поки́нути усе́ на во́зі?

»Я«, ка́же, »все за ва́ми и знесу́, хочъ воно́ й на дво́рі въ насъ, неха́й Бігъ кри́е, ніхто́ чужо́го не заче́пить.«

Коли́ жъ на поро́зі стоіть стари́й чоловікъ: придиви́всь тро́хи на насъ изпідъ руки́. »Та не бійтеся«, ка́же, »лю́де до́брі: тутъ ва́ша й порошина́ не пропаде́. Уступіте, спаси́бі вамъ, до госпо́ди, а синъ мій упо́рае вамъ ко́ней и сіна хоро́шого заки́не.«

Познима́ли ми шапки́, віта́емо господаря́. Вінъ две́ри передъ на́ми въ світли́цю одчиня́е; дітво́ра ёму́ въ по́ли повчіплювалась, весели́нько на насъ позира́е.

Увійшли́: світли́ця просто́ра и кімна́та по-старосвітській зро́блена: не збо́ку відгоро́жена, а проти́въ двере́й, якъ по стари́хъ будо́вахъ позоставалося. Образи́ га́рні, все Ки́ївської робо́ти; тіхъ Су́здальцівъ, нема́ й одного́. Виши́ванимъ руши́нко́мъ повкри́вані, квітка́ми позати́кані, голубки́ съ папе́ру ви́сять, писанки́ передъ образа́ми; все такъ, якъ у до́брихъ люде́й.

Посади́въ насъ господа́рь у сто́лу, роспері́зуватись про́сить, шапки́ на́ши, поясй на кілочкахъ повішавъ. А тутъ и скри́ньку зъ на́шимъ ска́рбомъ синъ ёго́ вніс и на ла́ві гарне́нько постанови́въ.

Ми вже такъ якъ малі дітй, ні до чо́го й не міша́емось.

За́разъ ви́нісъ господа́рь и съ кімна́ти тарілку ме́ду га́рного, хліба покра́явъ передъ на́ми, рушни́къ заки́нувъ намъ поза сто́ло́мъ, достае́ съ поли́ці ча́рку й кувбу́шечку поливя́ну, по ча́рці намъ налива́е и самъ до насъ звича́йно ви́пивъ, и таки́й же то чоловікъ увічливий, що хочъ куди́. Та намъ усе́ я́кось нія́ково.

Погля́немо по собі, та й го́ді; ді́ду́сь тільки сиве́нькі ку́чері свої пригла́жує.

Ви́пили, закуси́ли тро́хи; на́че й повеселі́шало намъ, а все не йде зъ ду́мки, що де жъ оце́ намъ Госпо́дь привівъ ночува́ти?

Господа́рь по дру́гій про́сить, самъ припива́е. Тре́ба намъ ви́пити й по дру́гій.

»А по тре́тій«, ка́же, »за вече́рею. Ось моя́ невістка впо́ра-ється, вече́ряти намъ дасть.«

То́ про се, то́ про те зъ на́ми гово́рить, и таки́й вінъ чоловікъ пріязни́й и розу́мний, що ми тільки плечи́ма здвига́емо.

Да́лі я кажу́: »Па́не господа́рю! ви́бачте«, кажу́, »що я въ васъ поспита́ю.«

»А що таке́ ва́шій ла́сці завго́дно?«

— »Та тутъ«, кажу́, »въ васъ лю́де якісь чудні; чи вони́ на васъ ворогу́ють, чи Богъ іхъ зна́е; я вже й не зна́ю, якъ вамъ и сказа́ти.«

А вінъ засмі́ється та й ка́же: »Зна́ю, зна́ю, що́ въ васъ на язиці верти́ться. Ніхто́ не пусти́въ васъ до се́бе на нічъ?«

»Эге́ жъ, добро́дію.«

— »Ідте«, ка́жуть, »до зло́дія, такъ?«

»Та вже жъ неха́й бу́де й такъ, бо й спра́вді такъ гово́рено.«

— »Ге«, ка́же, »ото́ жъ вони́ й зна́ють, що́ гово́рять: я й спра́вді зло́дій.«

Ми ажъ стрепену́лись. »Що се ви? Госпо́дь зъ вами!«

»Не турбу́йтесь, лю́де до́брі, году́йтесь на здоро́вья, а я вамъ роскажу́, що́ воно́ й я́къ. Ось слу́хайте.«

Та й почáвъ роскáзувати.

»Зоста́вся я«, ка́же, »після ба́тька-ма́тери у сирітстві, служи́въ по на́ймахъ. Вже й па́рубокъ зъ ме́не, а чужі, мовля́въ, воли́ пасучи́ та чужі вози́ ма́жучи, не бага́то придба́въ. Нема́ зъ ме́не чоловіка; бурла́ка я въ сві́ті безрідний. Чи такъ же мині й вікъ звікува́ти? ду́маю було́ собі гірко. Коли́ бъ мині хочъ на па́ру во́ликівъ розго́рити, то бъ я собі ся́къ-такъ росталáнивъ господарствечко. Такъ що́ жъ? чи заро́бишъ яко́го цілко́вого — на поду́шне піде, оде́жинку тре́ба про свя́то спра́вити, бо господа́рь оде́жи не дае́ про пра́зникъ, тільки про бу́день. То — господа́рь, не ба́тько: ёму́ аби́ грішне тіло не світи́лось, та й роби́. А тре́ба жъ и міжъ лю́де, до це́ркви, чи на майда́нъ до дівча́тъ ви́йти. Такъ я

собі не живу́, а бі́ду́ю. Що́ на мині, то й усе́го въ ме́не. И жени́тись мині, якъ до́брымъ лю́дямъ, не прихо́дитця. Уже́ й такъ дівча́та, жарту́ючи, мині приспівують:

»Ой гульта́ю гульта́ю,
Чого́сь тебе́ спита́ю:
На́ що мене́ сва́таешъ,
Коли́ ха́ти не ма́ешъ?
Збуду́й свою́ зъ лободи́,
А въ чужу́ю не веди́.«

Зна́ете, дівча́ча нату́ра: шутку́ючи, усю́ пра́вду тобі ви́співаютъ; и одспівуватись нічимъ; сти́снувши себе́ за се́рце, одійдешъ та й го́ді. »Бо́же жъ мій!« ду́маю, »що́ мині діяти на сві́ті? Хочъ »би мині або́ вкра́сти де, або́-що, чи не розжи́вся бъ я хочъ тро́»хи?« — Якъ поча́въ, якъ поча́въ такъ ду́мати. »А що жъ? укра́»ду!« — Отъ, наду́мавшись, прихо́жу до свого́ господаря́. »Спаси́бі »ва́мъ, па́не господа́рю, за хлібъ за сіль и за до́бру нау́ку. Не »хо́чу вже я въ васъ бу́ти.« — »Що́ ти, Дми́тре? чомъ не хо́»чешъ?« — А я, зна́ете бувъ парубі́ка трудя́щий и тверезий, то господа́рь мене́ ду́же вподо́бавъ. »Такъ«, кажу́, »рощита́йте мене́, »піду́ вже я одъ васъ.« — »Куди́ жъ ти підешъ?« — »Та вже ми»ні-то про те зна́ти. Го́ді вже мині чужі воли́ па́сти!« — Ну, господарю́ нічого зо мно́ю роби́ти, рощита́въ мене́, відпусти́въ. Які́ гро́ши мині впада́ли, я въ ёго зоста́вивъ. »Я«, кажу́, »візьму́ іхъ »опісля́; неха́й вони́ въ васъ бу́дуть.« — Узя́въ підъ повіткою ві́жечки старе́нькі, змота́въ, сви́тку на пле́чи, саківки́ взявъ исъ хлібомъ, пійшо́въ собі зъ села́. Було́ вже на́дъ-вечіръ. По́ки ввійшо́въ я верстъ изъ десятокъ, зовсімъ сте́мніло. Нази́ривъ я въ по́лі — огонь кладу́ть хло́пці, ночу́ють; вартува́ти не зви́кли, за́разъ и ви́дно. Підожда́въ, по́ки вкладу́тця спати́, съ тихъ ві́жечо́къ поробивъ оброті. Упа́въ навко́лішки, звівъ на не́бо о́чи. Зо́ряве не́бо миготи́ть. Хотівъ моли́тись, та й моли́тви не добра́въ, тільки запла́кавъ. У по́лі ти́ша, роса́ блищи́ть по зорі, ко́ні пасучи́сь пи́рхають. Місяць поча́въ изхо́дити; ро́гомъ у зе́млю впе́рся, підня́вся уго́ру. До ме́не кінська тінь досяга́е. Такъ мині здало́сь тоді, на́че Богъ надо мно́ю зми́лувавсь, а на се́рці така́ сміливость, що и въ пе́кло полізъ би, не то́-що. Обійшо́въ я ко́ней, ви́бравъ, которі найкра́щі. Па́ра га́рнихъ ко́ней пасе́тця, уку́пі спу́тані. »Ні«, ду́маю собі, »се одного́ господаря́ ко́ні; не

трéба ёго́ дýже обіжáти.« Роспýтавъ тільки одного́, а дрýгого зъ дрýгої пáри вúпутавъ. Хлóпці хропýть; не боя́тця Ерусалúма: ще не проýчені. Понадівáвъ я на кóней обрóті, сівъ, свúснувъ, — тільки зóри всміхнулися. До свíту незнать де опинúвся. Перéдъ свíтомъ забрáвсь у гущúню, потрúножившъ кóні, пустúвъ; самъ припáвъ підъ кущъ; вúспався дóбре; поснідавъ, щó було́ въ саківкáхъ; найшóвъ вóду, напоївъ кóней; гайдá дáлі. А булá въ мéне такá вдáча, що іду и нóсомъ чýю, куди́ ведé дорóга. Зъ-рóду було́ не заблужý. Якъ разъ у я́рмарокъ утрáпивъ. Я такúй й знавъ, що въ такóму й такóму містéчку бувáе у ту пóру я́рмарокъ. Хожý собі по базáрю, кóней вожý, мовъ справді отéцькúй синъ. Вже я на щó навáжусь, то мині все байдýже.«

Оттакý нашъ господáрь розвівъ истóрию. Ми зъ дідусéмъ тільки зглядуемось. Вéчіръ насýпився; кукурікнули на сідали пíвні. Молодúця свíтло внеслá, низéнько намъ уклонúлася. Господáрь хрестъ на сéбе положúвъ, вечéрять звелівъ подавáти. Бóже жъ мій, щó се за чоловікъ такúй? дýмаю собі; а вінъ, прогорнýвши ýси, дáлі оповідуе, и такúй у ёго пóглядъ тúхий и весéлий, — якъ же ёмý злодія́кою бýти? Ще протúвъ свíтла вúрізались морщúни на чолі и ýста ожившúлися, то мовъ кáзань у цéркві намъ кáже.

»Хожý я«, кáже, »по томý я́рмарку. Зáразъ Жидкú моіхъ кóней назúрили, що дóбрі кóні, почалú торгувáти; збувъ я тихъ кóней карбóванцівъ за шість-десятъ, бо й справді кóні дóбрі булú, завязáвъ грóши въ хустúну, пійшóвъ собі зъ селá, нáче дóбре дíло зробúвъ. Сóнце сáме захóдило, якъ я вúйшовъ. Ярмаркóвимъ пúломъ пóле затуманúло. Такъ нáче тепéръ стою я середъ зелéного пóля и дя́кую Бóга, а сóнце нúжче, нúжче западáе, крáснимъ прóменемъ бъючú по левáдніхъ вéрбахъ, по вітрякáхъ крилáтихъ, по висóкихъ могúлахъ. Мовъ я на Бóжій свíтъ народúвся, мовъ упéрше побáчивъ, якъ сóнечко за зéмлю крúетця и Бóжа росá хóлодомъ пó полю дúше. Стрепéнувсь я, мовъ той птахъ, и степóмъ на Крúмський шляхъ двúнувъ. Рóзуму я зъ-рóду не позичáвъ ні въ кóго. Оберну́въ сякъ-такъ свої грóши, — вернýвся въ-осенú додóму съ паровúцею сóли. Тутъ ужé й дівчáта гóді мині гультáя приспівувати: вже въ мéне свíй двíръ, своя́ хáта. Одружúвсь я, поня́въ собі дівчúну-господáрку: не погордувáли мнóю лю́де хорóші — оддалú зъ гáрнимъ вíномъ. Отъ ужé ми й

живемо́, вже въ насъ и дітки; добрі лю́де насъ зна́ють. Тільки все мині корти́ть, я́къ би ще па́ру во́ликівъ придба́ти. Ду́маю: »Го́споди! ти мене́ закри́въ одъ людського́ о́ка: закри́й мене́ ще »разъ! неха́й я бу́ду господаре́мъ, якъ и всі лю́де.« — Иноді й середъ по́ля ста́ну — молю́ся, го́лосно середъ по́ля сло́во здійму́ до Бо́га, ажъ су́мно мині ста́не, и на́че хто зза́ду въ ме́не всміха́ється. До́вго такъ я нава́жувався, да́лі зновъ у се́рці сміливость така́, одва́га така́.... зновъ не бою́сь нічо́го въ світі. Добу́въ ще па́ру ко́ней підъ чужи́мъ село́мъ; прода́въ — негі́дки. Що́ жъ би ви ду́мали? Съ того́ ча́су такъ мині й ру́пить леда́че ділo, такъ и трушу́сь, якъ забачу де безъ на́гляду ко́ней попу́танихъ. Покріпи́вся ще́ зъ рікъ, — ще́ разъ Бо́га прошу́, ще разъ пійшо́въ на здо́бичъ. Погоди́въ мині Бігъ и на сей разъ. Почавъ я вже розжива́тися. Вже лю́де я́кось на ме́не чу́дно поглядаю́ть, и на се́рці часа́ми въ ме́не ду́же пога́но. Було́ молю́ся Бо́гові: »Не кара́й мене́, Бо́же, за мої гріхи́ ні на мині само́му, ні на дітяхъ.« И вже працю́ю було́ на господа́рстві, не жа́луючи си́ли. Лю́де й ба́чять, що я тверезий и трудя́щий и нико́го въ селі во́лосомъ не чіпа́ю, та мині вже такъ здає́тця, на́че вони́ мене́ не такъ щи́ро віта́ють и чого́сь пи́льно мені въ вічи дивлятця. Вже въ ме́не ста́рший хло́пчикъ підпарубо́чимъ ви́рісъ. Свитли́цю навпро́тивъ старо́ї ха́ти я собі ви́будувавъ, и все мині йде въ ру́ку, чи бжола́, чи худо́ба, у всёму́ Богъ мені приспоря́е, а про-те́ наймилійшъ мині було́ кра́дене. Держу́сь-держу́сь було́, та й потягну́ що-не́будь у чужи́хъ се́лахъ. Було́ и́ноді самъ оддаси́ ста́рцеві соро́чку, а чуже́ ря́мья съ ти́ну знімешъ; ажъ ду́шу тобі тя́гне, якъ розмине́сся, не зня́вши. И вже такъ бувъ роздроди́вся на чуже́ до́бре, що кра́дені ко́ні въ ме́не у за́городі по два, по три дні пересто́юють, по́ки збу́ду на я́рмарку. Нічо́го не бою́сь: то́ мині свя́то, то́ мині вели́кдень, якъ що́ вкра́ду.«

Діду́сь мій, ти́тарь, ажъ хри́ститця, таке́ слу́хавши. Тутъ и молоди́ця вже подае́ вече́ряти, и синъ увійшо́въ знадво́ру, до сто́лу сіда́е; ще оди́нъ синъ молоди́къ съ по́ля пригна́вся. Не сором̀итця вінъ и при семъі свою́ о́повідь оповіда́ти, що вже я ду́же здівува́вся. Скільки світу я ба́чивъ, а таке́ впе́рше на віку́ мині тра́пилось.

»Добро́дію!« кажу́, »якъ же ва́ша господи́ня? якъ ва́ши ді́ти?«

— »Господи́ня моя́«, ка́же, »ца́рство ій небе́сне! все же зна́ла и ді́ти зна́ли, та що́ жъ? своє́ рі́дне, своя́ кровъ. Було́ пла́чучи покійна На́стя про́сить: »Чоловіченьку, голу́бчику! поки́нь ти сю »леда́чу ва́ду, себе́ пожа́луй, насъ пожа́луй, люде́й посоро́мся. »Вже мині парче́вого очіпка надіти стра́шно; вже я въ це́ркві »становлю́ся по са́мому за́ду, и свічку поста́вити мині со́ромъ, и »лю́дямъ у ві́чі гля́нути бою́ся.« — Що́ жъ би ви ду́мали? запри-сягну́ передъ не́ю, о́бразъ зніму́ и поцілу́ю, а піду́ въ доро́гу — не вте́рплю: хочъ стригунця́ приведу́ додо́му, хочъ плахти́ну при-везу́, ніби купи́въ на я́рмарку. На́стя було́ й пізна́е одъ ра́зу, що надівана пла́хта, у пічъ було́ вки́не и го́лосомъ голо́сить. И въ само́го въ ме́не се́рце зани́е, а безъ кра́жи нема́ мині життя́ на світі. Да́лі вже синъ почавъ за мно́ю на́зирцемъ ходи́ти, не пуска́е мене́ безъ се́бе зъ дво́ру. Було́ вночі не сплю, піджида́ю, по́ки поснуть усі, скра́дуюсь, то вінъ: »А куди́ се ви, та́ту?« Я й ля́-жу. Прошу́сь було́ въ ёго, якъ дити́на, що мині ні що́ не ми́ле на світі, тільки й могó, якъ де здале́ка хи́стю засягну́ти. Такъ-то вже мині Богъ давъ, що й ро́зумъ одняло́ въ ме́не и со́ромъ, и зовсімъ я пропа́щий чоловікъ зроби́вся. Ото́ жъ уже́ таюсь и передъ си́-номъ, на́че мині й байду́же; діло роблю́, хожу́ до це́ркви разъ у разъ. Угамува́вся синъ, ставъ мині по́пускъ попуска́ти. Вже жъ я й поси́вівъ, и унучатъ діжда́въ, хвали́ти Бо́га; то й ду́мае — неха́й здоро́вий буде — синъ, що я вже схаменувся и на свою́ се́мъю зглянувся. А въ ме́не ду́мка давно́ засіла, страшна́ ду́мка — це́ркву свою́ обікра́сти.«

Тутъ уже́ й самъ той зло́дій перехристи́вся, и всі ми, скільки насъ ні сиділо за вече́рею, усі охристи́лися. Зроби́лась ти́ша вели́ка. Тільки кага́нчикъ тріскае.

»Тимъ я«, ка́же, »й до це́ркви вчаща́въ, щобъ роздиви́тись и зміркува́ти, якъ те ділo вчини́ти. Вже й Бо́га не прошу́, щобъ мині помігъ, щобъ оборони́въ мене и закри́въ відъ людського о́ка. Ви́-бравъ я таку́ нічъ, якъ не було́ ста́ршого си́на въ госпо́ді. Кри́к-нули дру́гі пі́вні, я вже й на цви́нтарі. Якось мині й ніяково по могилка́хъ ступа́ти; батьки́, дядьки́, діди́ мої лежя́ть, и вже мині приви́джуетця, що вони́ підъ тими́ підда́шшями хо́дять; во́лосъ вя́не, та, на́ лихо мині, сторожі захропли́ підъ дзвини́цею. Живі лю́де — не стра́шно мертцівъ. За́разъ та окая́нна сміливость мене́

взяла́; підва́живъ у це́ркві две́ри, ви́ставивъ. Про́сто до грома́дськоі скарбо́вні, до церко́вноі скри́ньки. Тамъ ще стара́ Тере́щиха ку́бки срі́бні на схо́ванку въ це́ркву віддала́, — все те я знавъ, де й якъ лежи́ть. Набра́въ по́вну то́рбу. Місяць у це́ркву скрізь ґра́ти зазира́е, щось ніби ша́мкае, ступа́е поза престо́ломъ, — схо́плять мене́ дрижаки́, та й зновъ байду́же. На образи́ не дивлю́ся, въ зе́млю поту́пивсь, ви́йшовъ изъ це́ркви.... де тобі ви́йшовъ? ви́скочивъ! Ду́мка була́ две́ри до одві́рківъ притули́ти — стра́шно, наза́дъ стра́шно оберну́тись; уте́комъ черезъ могилки́ до хвіртки. Холо́дна роса́ зъ де́рева мене́ обси́пала; мовъ щось мене́ держи́ть за пле́чи, мовъ хтось за но́ги хапа́е; я біжу́ о́сліпъ. Вже одбігъ дале́ко геть-то, и не зна́ю, де я. Упе́рше зъ-ро́ду зъ доро́ги зби́вся. Ставъ, озирну́вся.... та се жъ я середъ могило́къ, на цви́нтарі коло це́ркви! Місяць підби́всь уго́ру, крізь ли́пину стари́й ґо́нтовий дахъ світомъ своімъ мере́жить, у вікна бъе; зъ віконъ хтось визира́е. Ки́нувсь я съ цви́нтаря, ажъ хвірткою бря́знувъ; до Буняко́вого гайка́, до байра́ку, за село́ поспіша́ю: тамъ уже́ въ ме́не й я́мка гото́ва, щобъ свій скарбъ прикопа́ти. Такъ біжу́, такъ біжу́! Вже й за село́мъ; гля́ну — незнако́ма доро́га, та й зовсімъ нема́ доро́ги, мо́кра ро́сяна трава́ въ ме́не підъ нога́ми. Озирну́сь навкруги́ — зновъ я коло це́ркви! У вікна лю́де якісь мині всміха́ютця. Ти́хо, ти́хо яка́сь пта́шка підъ кри́шею сто́гне, мовъ чия́ душа́ пла́че. А сторожі хропу́ть підъ дзвіни́цею. На́ що імъ стерегти́, де самъ Богъ стереже́?... Зновъ я бігти, зновъ я втіка́ти; пітъ зъ ме́не такъ и ве́рне; но́ги вже підо мно́ю тру́сятця. И такъ я, лю́де до́брі, бігавъ навкруги́ це́ркви до са́мого світу. Со́нечко вже по дахово́му мо́ху кра́снимъ світомъ гра́е, череда́ озива́етця; проки́нулись сторожі, ди́влятця — це́рква відчи́нена, а я зъ мішко́мъ на пле́чахъ по росі бігаю, сте́жку навкруги́ це́ркви ви́бивъ. Узяли́ мене́ — я й ру́ки попусти́въ. Зійшли́ся лю́де, попа́ покли́кали. Я й призна́вся, що отта́къ и такъ, пано́ве грома́до; тепе́ръ я въ ва́шій во́лі. Ну, піпъ тутъ за́разъ кри́кнувъ на ота́мана, щобъ пода́въ залізне пу́то, щобъ мене́ за́разъ до станово́го відвезти́; а старі грома́дські лю́де, пора́дившись міжъ се́бе, ка́жуть: »Що́ жъ намъ, пано́тче, за кори́сть, якъ ми сёго́ чоловіка запро»то́римо туди́, де ко́замъ ро́ги пра́влять? Хиба́ то намъ сла́ва? А »лу́чче ми отъ що вчинімо. Ось одчепіть, хло́пці, одъ дзво́нівъ віж»ки́, дамо́ ёму́ за́разъ прочуха́на та наки́немо на ёго бра́тську по-

»ку́ту. Неха́й три ро́ки паламарю́е въ це́ркві, неха́й три ро́ки »прийма́е до се́бе вся́кого подоро́жнёго, стра́ннёго, неха́й даре́мне »вся́кого проча́нина, й захо́жого и проізджа́чого, контенту́е, и щобъ »ніхто́, по́ки й живе́ на сві́ті, и́нше ёго́ не звавъ ні на йме́ння, »ні на прізвище, якъ зло́дій.« — Отто́ жъ мене́ ви́били середъ грома́ди тими́ віжками відъ дзво́нівъ, та й пусти́ли. Якъ мину́ло три ро́ки мое́і поку́ти, я й кажу́ грома́ді: »Що́ жъ, пано́ве грома́до! »уже́ неха́й бу́де ва́ша ла́ска: зоста́вте мене́, по́ки снаги́ мое́і, па»ламарюва́ти, та й проіжджа́чихъ неха́й селя́не до ме́не відсила́ють, »щобъ уже́ я оди́нъ за все село́ ни́ми турбува́вся.« — Грома́да, спаси́бі ій, на те зозво́лила. Оце́ жъ я вже охо́тою паламарю́ю въ це́ркві, стра́нніхъ прийма́ю, якъ госте́й, и звуть ме́не лю́де на все село́ зло́діемъ.«

Сказа́вши, ни́зько намъ обо́мъ уклони́вся, а ми ёму́ вклони́лися ни́зько.

Отъ вамъ, добро́дію, о́повідь, кото́ру я своіми уши́ма чувъ, и чоловіка того́ своіми очи́ма ба́чивъ. И тепе́ръ поідьте въ село́ Гаківни́цю, то й тепе́ръ ще зна́йдете той двіръ на ріжку́ коло ца́рини зъ величе́нною вербо́ю, а навпро́тивъ тиі верби́ дру́га нахили́лась, и въ село́ на́че крізь зеле́ні воро́та въідете. Вже вмеръ стари́й Дмитро́ Гарбу́зъ, що зва́ли зло́діемъ, а вінъ Гарбу́зъ изъ діда й пра́діда. Си́на ёго́ не звуть злодіе́нкомъ, крий Бо́же! Усі поважа́ють, бо чоловікъ хоро́ший и стра́нніхъ по-ба́тьківській залюбки́ прийма́е.

Ну, а въ васъ, добро́дію, у города́хъ, що́ бъ съ тако́го чоловіка зроби́ли?

Хуторяни́нъ.

КАЛЮЖА.

.... А отъ вамъ ка́зка и не ка́зка...
Весно́ю іхала каля́ска,
Упро́стяжъ ко́ней шестирня́;
Каля́ска, на́че та свиня́,
Була́ забо́втана грязе́ю;
Хвалѣтаръ, ку́черъ, два лакеі,
Юхто́вий зза́ду чамайда́нъ; —
Зъ вікна́ дивився старе́нькій панъ, —
Людці шапкй ёму здійма́ли;
На лісу дітп позліза́ли —
Поба́чить: що́ воно́ за-бісъ?...
Проіхало воно́.... а да́лі —
Яко́сь-то Богъ не перенісъ —
Серёдъ калю́жі ко́ні й ста́ли —
Усі, одра́зу, якъ оди́нъ!...
Чому́ й не ста́ть! — якъ роздиви́лись:
У грязь коле́са засити́лись
Троха́ не більшъ, якъ на аршѝнъ!...
Тутъ ку́черъ за́разъ: »Ну, *ребья́тка!*
Ну-ну́! — *витя́гувай!!* кричи́ть...
Тоне́нька пу́жка, знай, свисти́ть!...
— »Ні, па́рень! чо́ртового ба́тька!«
Стоіть и ду́мае наро́дъ:
— »Се, бачъ, калю́жа—нашъ дохо́дъ,
Троха́ мабу́ть не цілий годъ....
Тутъ, бра́те, ко́ні не потя́гнуть:
Неха́й тамъ бу́дуть хочъ які —
Чи генора́льські, чи царські —
Де́-де,—а тутъ вони́ постря́нуть!...«
А й справді людъ той угада́въ,
По іхнёму, бачу́, и ви́йшло:
Хвалѣтаръ мовъ кома́рь пища́въ,
Витя́гувавъ, ажъ тріснувъ ди́шель;
Той бідний ку́черъ ажъ охри́пъ —

А все нічо́го!... Ко́ні — сіпъ, —
Та й го́ді... дергону́ть — и ста́нуть...
Упрілн та́къ, що жа́лко й гля́нуть!
Доста́лось біднимъ лошака́мъ!...
До-віку бъ ку́черъ мордува́вся,
Коли́бъ до насъ не обізва́вся
Изъ про́зьбою панюга самъ:
— »А чи не можна, до́брі лю́де,
Зарятува́ть? одъ ме́не бу́де
Карбо́ванець, чи й більше вамъ...«
— Чому́ не мо́жна? За вола́ми,
Якъ що таке́, то и пітн́,
А конинятокъ одпрягти́,
То й ви́тягнемъ... Ходімъ, Овра́ме!... —
И привели́, и запрягли́;
Зъ каля́ски че́лядь постяга́ли, —
Тому́ мизе́рству показа́ли,
Що ко́ні, ба́чте, не воли́ —
Сере́дъ Юркі́вськоі калю́жі:
Бо кінь яки́й не бу́де ду́жий,
Та, бачъ, гаря́чий: стрибъ да сіпъ,
Кипи́ть, мовъ у горшку́ окріпъ
И си́лу да́ромъ потрача́е...
Свяге́е ділo — вілъ: ступа́е
Пова́гомъ, сти́ха римпга́ —
А ви́таска вагу́ зъ багню́ки...

Ся вірша вамъ за-для́ нау́ки —
Не вамъ, старі, а вамъ, ону́ки!...

Иванъ Затиркевичъ.

КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ XVI ВѢКА.

(Изслѣдованіе Д. Мордовцова, въ III т. Архива, издав. Н. В. Калачовымъ).

Историческое изображеніе юридическаго прошедшаго у всякаго народа, сообразное съ установившимися требованіями современной науки, исполнено живаго и назидательнаго интереса. Безполезныя попытки ученыхъ отыскать общее начало, или право, на которомъ держится все общество, будетъ ли такимъ началомъ первобытный контрактъ, польза или понятіе человѣческой личности, заставили науку права оставить міръ остроумныхъ гипотезъ и низойти на реальную почву. Смѣшонъ теперь нашимъ современникамъ многоученый Бентамъ съ его вѣрою въ могущество открытаго имъ начала, съ затѣею писать кодексъ государственныхъ учрежденій для всѣхъ народовъ и съ легкомысленнымъ предложеніемъ своихъ услугъ иностранцамъ, занимавшимся въ его время составленіемъ уложеній. Съ тѣхъ поръ государственная мудрость успѣла вступить въ тѣсный и неразрывный союзъ съ историческою дѣйствительностію. Требуя оцѣнки государственнаго или общественнаго учрежденія, мы не справляемся о томъ, согласно-ли оно или нѣтъ съ отвлеченнымъ началомъ какой нибудь философской системы права, но желаемъ прежде всего знать исторію этого учрежденія: когда оно принято народомъ; нашло-ли оно, въ новомъ кругу своего примѣненія, противодѣйствующія и благопріятствующія стихіи; было-ли парализировано противодѣйствіемъ, или восторжествовало, и вышло-ли изъ борьбы во всей первобытной чистотѣ своей, или получило новый, не бывалый прежде, оттѣнокъ. Только отвѣтивъ на эти вопросы, мы будемъ вправѣ дѣлать свои заключенія о томъ, есть-ли

въ разсматриваемомъ законѣ условія народности, возможно–ли ожидать, отъ примѣненія его, благодѣтельныхъ послѣдствій, или же, для общаго блага, нужно желать его уничтоженія.

Развитіе этого взгляда на право заключается въ признаніи юридической силы обычая, въ изысканіи органической связи всякаго отдѣльнаго опредѣленія писаннаго и неписаннаго закона со всею совокупностію юридическаго быта народа. Историкъ–юристъ, ставшій на такую точку зрѣнія, видитъ въ массѣ народа, для котораго пишутся законы, не одно страдательное, но также и дѣятельное, начало. Въ его глазахъ, люди, занимающіеся редакціею законовъ, вращаются въ кругу народа и невольно переносятъ его юридическія понятія въ свои труды; съ другой стороны, — историкъ–юристъ допускаетъ, что утвердившійся въ юридическомъ бытѣ и обществѣ обычай можетъ ослабить примѣненіе и совершенно парализировать силу непопулярнаго закона. Подобное историческое изученіе юридическаго быта народа находитъ свое приложеніе въ физіологическомъ направленіи науки права и современно признанію въ политикѣ начала народностей.

Какимъ бы смутнымъ ни представлялся намъ образъ славянскихъ законодательствъ, начерченный нетвердымъ перомъ Польскаго законовѣда Мацѣёвскаго, но, навѣрно, ничѣмъ нельзя поколебать увѣренность современнаго общества въ томъ, что право славянскихъ народовъ имѣетъ свою физіономію, ему одному свойственную; что въ немъ есть характеристическія особенности, рѣзко отличающія его отъ законодательствъ Германскихъ и Римскаго права, долго считавшагося нормою всякаго права — вѣчнымъ правомъ. Не менѣе сильно наше убѣжденіе и въ томъ, что Польское и Русское законодательства, близкія между собою по племенному единству народовъ, которымъ они принадлежатъ, имѣютъ свои рѣзкія черты различія.

Задача науки — отыскать необходимое присутствіе въ каждомъ изъ нихъ народныхъ началъ и прослѣдить преемственную жизнь и видоизмѣненія послѣднихъ въ исторіи права. Только достигнувъ такимъ путемъ простаго, сжатаго, и вмѣстѣ полнаго представленія юридическаго быта двухъ народовъ, законодатель можетъ дѣлать безошибочную оцѣнку, въ общечеловѣческомъ и національномъ смыслѣ, достоинства существующихъ и вновь вводимыхъ опредѣленій права. Только на этой ступени исторія права достигнетъ той цѣли, къ которой она постоянно стремится: быть откровеніемъ прошедшаго и руководствомъ для настоящаго.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время Польская и Русская литературы не имѣютъ исторіи права, которая бы вполнѣ удовлетворяла современнымъ требованіямъ науки. Въ русскомъ правовѣденіи первое мѣсто въ области историческихъ трудовъ безспорно принадлежитъ *Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ*, Неволина. Но вотъ слова, которыми г. Кавелинъ охарактеризовалъ его въ части, относящейся къ наслѣдству по русскому праву. «Обладая изумительною начитанностію, г. Неволинъ свелъ всѣ данныя, всѣ отрывочныя извѣстія о наслѣдованіи въ одно цѣлое, подробно обслѣдовалъ ихъ, сравнилъ между собою и воспользовался всѣми, даже по видимому маловажными намеками источниковъ, для объясненія древнихъ постановленій. Будучи по преимуществу легистомъ, г. Неволинъ всюду старался отыскать и возстановить непосредственную связь между законами. Такая метода изслѣдованія очевидно недостаточна при изученіи такихъ историческихъ эпохъ, когда обычай служитъ закономъ, а законъ писанный лишь измѣняетъ и дополняетъ обычай, и потому представляетъ одни отрывочныя правила, неимѣющія между собою непосредственнаго отношенія. Для изученія такихъ эпохъ нужна другая метода; необходимо вглядѣться во всю совокупность быта, по среди котораго возникаютъ изслѣдуемые отрывочные юридическіе факты и въ немъ, чрезъ него искать между ними единства, за недостаткомъ непосредственной связи (1)». Въ Польской литературѣ замѣчательнѣйшій по объему историко-юридическій трудъ составляетъ сочиненіе Чацкаго *о литовскихъ и польскихъ законахъ*.

О достоинствѣ этого труда новѣйшій польскій писатель по исторіи права, г. Мацѣёвскій говоритъ такъ: «Чацкій, въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ, былъ послѣдователемъ Монтескьё, который занимался болѣе основаніемъ и задачею устройства человѣческихъ обществъ, чѣмъ системами политической ихъ организаціи. Между тѣмъ, Чацкій не усвоилъ себѣ, глубокимъ изученіемъ римскихъ юристовъ, ихъ ученаго такта, ихъ удивительнаго искусства выводить изъ извѣстныхъ опредѣленій права ближайшія и дальнѣйшія логическія слѣдствія, и потому, при всѣхъ достоинствахъ ученаго труда Чацкаго, можно сказать о немъ, что авторъ сочиненія о литовскихъ и польскихъ законахъ не открылъ ни духа литовскаго права, ни древнѣйшаго его источника (2)».

(1) Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка закон. наслѣдов. *Мацѣёвскій*. Historya prawodawstw Słowiańskich, т. 1, стр. 365.

При такомъ состояніи науки исторіи русскаго и польскаго права, мы вправѣ многаго ожидать отъ тѣхъ ученыхъ изслѣдованій, которыя, опираясь на знаніи источниковъ права обоихъ народовъ, будутъ пользоваться явленіями изъ жизни одного изъ нихъ для критической оцѣнки юридическихъ фактовъ другой народной сферы, и воспользуются ими въ своихъ научныхъ выводахъ путемъ анологическихъ заключеній. Путь сличенія близкихъ между собою законодательствъ для юриста-историка тотъ-же, что сравнительная лексикографія для филолога, что минералогія, эмбріологія и зоологія для физіологіи животной жизни.— Какъ филологъ и физіологъ не могутъ, при настоящемъ состояніи наукъ, опредѣлить, гдѣ оканчивается одинъ языкъ и гдѣ начинается другой, или гдѣ оканчивается жизнь растеній и начинается животная, но имѣютъ постоянною задачею своею опредѣленіе качествъ разсматриваемыхъ ими предметовъ и ихъ особенностей, — такъ и юристъ не можетъ указать всѣхъ чертъ отличія одного права отъ другаго; а открывъ ихъ, онъ постигъ бы все существо изучаемаго права.

Въ этомъ новомъ направленіи чисто историческія сочиненія предупредили юридическія, въ особенности съ того времени какъ исторія, воспользовавшись богатствомъ открытыхъ и вновь открываемыхъ памятниковъ прошедшаго, получила возможность заниматься больше изслѣдованіемъ внутренней жизни народа, чѣмъ явленіями политической сферы. Созданный историческими изслѣдованіями профессора Костомарова образъ древней Руси, какъ группы земель, различныхъ между собою по языку и обычаямъ ихъ обитателей, и въ то же время связанныхъ по происхожденію, въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, единствомъ началъ, отдѣляющихъ Русскую Землю отъ другихъ славянскихъ и неславянскихъ союзовъ, ясно указываетъ дальнѣйшій путь изслѣдованій юристовъ-историковъ.—Проявленіе въ этой формѣ народнаго начала указываетъ на то, что, при изслѣдованіи юридическаго быта народа, мы вправѣ пользоваться явленіями изъ жизни на одномъ пространствѣ земли для объясненія закона и обычая другаго сплеменнаго союза, и что юристъ-историкъ, оставаясь на этомъ сбивчивомъ и трудномъ пути, никогда не долженъ терять надежды достигнуть своей цѣли—создать и вылить въ юридическую форму предметъ своего изслѣдованія: бытъ народа съ его національною особенностью.

Для Русской исторіи и права вообще большой интересъ представляетъ изученіе юго-западной Руси, гдѣ столкнулись Русская, Литов-

ская и Польская національности и гдѣ исторія считаетъ 4 столѣтія ихъ совмѣстнаго, болѣе или менѣе близкаго существованія. Въ югозападной Руси, подъ державою сперва В. Князей Литовскихъ, а потомъ Польской Рѣчи-посполитой, по всей вѣроятности, въ законодательствѣ, а еще болѣе въ обычаѣ, обозначались начала національныя, начала трехъ названныхъ нами народовъ. Раскрытіе ихъ въ наукѣ должно обогатить народное самопознаніе и, быть можетъ, сдѣлаетъ рѣшительный переворотъ въ Польской и Русской наукахъ исторіи и права. Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ этого рода на первомъ планѣ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть юридическій бытъ крестьянъ королевскихъ и помѣщичьихъ, потому, во-первыхъ, что народныя начала всегда вообще дольше удерживаются въ массахъ, для которыхъ закрыта политическая арена съ ея характеромъ легкости и быстротечности и во-вторыхъ потому, что крестьяне, по Литовско-Польскому законодательству, были подведены подъ одну юридическую формулу со всѣми людьми *простого стану*, составлявшими противоположность привилегированнаго шляхетскаго сословія. Слѣдовательно, пиша о крестьянахъ юго-западной Руси, нужно захватить весь строй гражданскихъ и политическихъ отношеній въ Литовско-Польской Рѣчи–посполитой.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны ни въ Польской, ни въ Русской литературѣ труды, посвященные исключительно этому предмету.

Начинаніе въ этомъ дѣлѣ, казалось бы, должно принадлежать Польскимъ писателямъ, которые, при знаніи своей литературы вообще и польскихъ источниковъ права, соединены съ русскимъ народомъ политическими и общественными связями. Но они, по неизвѣстнымъ причинамъ, и быть можетъ находя собранные у нихъ матеріалы недостаточными, не остановливались еще, сколько намъ извѣстно, съ полнымъ вниманіемъ на юридическомъ бытѣ юго-западной Руси. Что же касается писателей Русскихъ, то самая мысль о подобномъ изслѣдованіи, ни въ чемъ положительнымъ образомъ не высказывалась, и казалось совсѣмъ была ими оставлена. Еще въ прошломъ столѣтіи въ Малороссіи живы были воспоминанія о прошедшей исторіи страны подъ державою Польской Рѣчи - посполитой; еще тогда дѣйствовалъ Литовскій Статутъ, и мѣстное управленіе носило на себѣ отчасти польскій характеръ,—и потому мы имѣемъ отъ того времени писателей, которые заглядывали въ памятники прошедшаго Малороссіи, принадлежавшей къ Польской коронѣ, и считали повидимому знаніе польскаго права необходимою принадлежностью своего политическаго образованія.

Такими писателями были Шафонскій, Политика и др. Но когда были уничтожены нѣкоторыя прежнія учрежденія, и Малороссія вошла въ число губерній, управляемыхъ отчасти по общимъ Русскимъ законамъ, и въ особенности, по отмѣнѣ дѣйствія Литовскаго Статута—любознательность образованныхъ Малороссіянъ получила другое направленіе. Прекратившаяся при новомъ порядкѣ вещей, нравственная и политическая связь съ Польшею долго не вызывала воспоминаній о себѣ Русскихъ писателей-юристовъ и публицистовъ, и только въ послѣднее время стали чувствовать потребность сдѣлать юридическій бытъ юго-западной Руси предметомъ спеціальнаго изслѣдованія.

Статья г. Мордовцова, помѣщенная въ III т. Архива Историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи 1861 г., кажется, первое въ Русской литературѣ сочиненіе о крестьянахъ юго-западной Руси. Авторъ занимается бытомъ крестьянъ юго-западной Руси въ XVI в. Сочиненіе это по предмету своему (права и обязанности крестьянъ) юридическое, хотя по развитію содержанія и по характеру выводовъ автора оно выходитъ, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, изъ юридической сферы.

Статью свою г. Мордовцовъ начинаетъ изложеніемъ правъ крестьянъ по статуту В. Княжества Литовскаго 1588 г.; въ приводимыхъ статьяхъ статута авторъ усматриваетъ, что, по понятію самаго закона, между человѣкомъ *простого стану* и *станомъ шляхетскимъ* существовало неизмѣримое различіе: вдова стану шляхетскаго, выходя замужъ, безъ воли родственниковъ, за человѣка простого стану, навсегда теряла свое достояніе. Если шляхтичъ поселялся въ городѣ и начиналъ вести торгъ, или заниматься ремесломъ, то онъ терялъ права шляхетскія. Предпочтеніе шляхтича передъ человѣкомъ простого стану замѣчается и въ назначеніи наказаній за уголовныя преступленія. Крестьяне королевства Польскаго раздѣлились на крестьянъ коронныхъ и крестьянъ частныхъ владѣльцевъ; были также въ сословіи крестьянъ и люди вольные. Первые изъ нихъ жили на землѣ, принадлежащей королевскимъ помѣстьямъ, платили за эту землю поземельный оброкъ, прибавляя къ нему плату натурою, и работали для казны по опредѣленію мѣстныхъ властей. Самыя близкія власти, съ которыми крестьянинъ имѣлъ постоянно дѣло, были «войты» и «лавники», избиравшіеся изъ среды самыхъ же крестьянъ, но они не были избавлены и отъ казенныхъ чиновниковъ «ревизоровъ», «возныхъ», «подкоморыхъ» и другихъ, наводившихъ на нихъ ужасъ своимъ по-

явленіемъ. Земская полиція и все, что̀ относилось до судебной и распорядительной власти, сосредоточивалось въ такъ называемыхъ «урядахъ», которые посылали чиновниковъ на слѣдствія, для разбора тяжебныхъ дѣлъ, на ревизіи, за сборомъ податей, и пр.; чинили судъ и расправу надъ крестьянами, не имѣвшими права апелляціи, дѣлали смертные приговоры, и приводили ихъ въ исполненіе, не относясь къ высшимъ судебнымъ властямъ».

Этими немногими словами ограничился г. Мордовцовъ въ опредѣленіи правъ коронныхъ крестьянъ по отношенію къ полиціи и суду. Но читатель безъ сомнѣнія хотѣлъ бы знать, что̀ такое были уряды, о которыхъ здѣсь говорится; было ли это тоже самое учрежденіе, что̀ извѣстный, въ литовскомъ статутѣ, урядъ гродскій съ стоявшимъ на челѣ его судебнымъ старостою, или употребленное въ настоящемъ случаѣ названіе уряда относится къ управленіямъ старостъ, тіуновъ и державцевъ, которымъ поручались королевскія имѣнія, и соединялась-ли, такимъ образомъ, въ лицѣ послѣднихъ судебная власть съ полицейскою и хозяйственною.—На это г. Мордовцовъ не даетъ отвѣта, и видитъ дурную сторону этихъ учрежденій въ томъ, что крестьяне на судъ ихъ и расправу не имѣли права апелляціи. Пользовались ли крестьяне правомъ апелляціи, въ томъ смыслѣ какъ теперь ее понимаютъ, т. е. правомъ перенести дѣло въ установленный срокъ изъ низшаго суда въ высшій для ревизіи постановленнаго приговора—мы не знаемъ, и очень вѣроятно, что г. Мордовцовъ правъ, отрицая существованіе такихъ апелляцій; но въ уставѣ *о волокахъ* на *войтовъ*—должностныхъ лицъ, назначавшихся по выбору крестьянъ,—возлагалась обязанность доносить ревизору о лихоимствѣ уряда (*абы врадъ винъ и пересудовъ надъ уставу не бралъ*). Изложенное въ этомъ уставѣ запрещеніе войтамъ и лавникамъ судить крестьянъ въ какихъ бы то ни было дѣлахъ,—подъ угрозою взысканія, въ противномъ случаѣ, пени въ казну рубля грошей, очень явно говоритъ о томъ, что эти выбранные люди прежде судили крестьянъ, и что послѣдніе усвоили себѣ привычку обращаться къ ихъ суду. Кромѣ того, намъ извѣстно, что Сигизмундомъ III были учреждены суды референдарскіе при его особѣ, для разрѣшенія споровъ между *державцами крулевщизнъ и экономій* и поселянами (*); слѣдовательно коронным крестьянамъ въ Польшѣ и Литвѣ не былъ закрытъ

(*) *Herbarz*, Нѣсецкаго.

путь принесенія жалобъ вообще на своихъ урядниковъ. При томъ же, право апелляціи имѣетъ слишкомъ относительное значеніе въ судопроизводствѣ. Въ древнія времена, когда вся общественная жизнь совершалась подъ открытымъ небомъ, публичность судебной расправы и участіе въ ней всего народа или его представителей стояли на стражѣ правосудія,—и тогда не было надобности въ апелляціяхъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ произошла перемѣна въ судопроизводственныхъ формахъ Европейскихъ государствъ. Свѣтскіе суды заимствовали изъ церковной практики принципъ инквизиціи, что вмѣстѣ съ введеніемъ въ европейскія судопроизводства римской ученой юриспруденціи и съ всеобщимъ ослабленіемъ политическихъ правъ народа и его участія въ судѣ, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ Западной Европѣ заперлись судебныя залы, введена въ судопроизводство тайна, и для ограниченія произвола судей государства стали установлять законныя нормы доказательствъ. Тогда-то именно явилась потребность въ апелляціяхъ.

Глядя съ этой точки зрѣнія на судопроизводство вообще, мы думаемъ, что невозможно сдѣлать юридической оцѣнки судебныхъ учрежденій въ имѣніяхъ польской короны безъ опредѣленія степени участія въ нихъ народныхъ мужей. Слѣды участія послѣднихъ въ судахъ, отправляемыхъ надъ крестьянами вообще, несомнѣнны. Народное начало, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, мало по малу съуживалось и наконецъ совсѣмъ было подавлено усилившимся могуществомъ пановъ и шляхты, но, по всей вѣроятности, оно еще долго жило въ памяти народа, который былъ привязанъ къ своему обычаю и считалъ нарушеніемъ права ни чѣмъ неограниченную юрисдикцію своихъ господъ. Не говоря о драгоцѣнныхъ въ этомъ отношеніи матеріалахъ, указанныхъ въ статьѣ профессора Иванишева, *объ устройствѣ древнихъ сельскихъ обществъ въ Юго-западной Руси*, мы можемъ сослаться на указаніе, содержащееся въ Топографическомъ описаніи Черниговскаго намѣстничества, Шафонскаго (ч. 1, § 34). Авторъ говоритъ, «что въ мѣстечкахъ, за Польскаго владѣнія, отъ владѣльцевъ установлены ратуши, въ которыя изъ ихъ же подданныхъ, мѣщанами называемыхъ, по волѣ владѣльца, выбирались войты и бургомистры, которые словесно, по естественному закону и своему разсудку, какъ своего мѣстечка, такъ и по деревняхъ живущихъ и того мѣстечка прежде владѣльцу принадлежащихъ жителей, судили. Такимъ образомъ, въ Гадячѣ есть замковыя дневныя записки съ

1645 года, изъ которыхъ видно, что замку Гадяцкаго королевскаго управитель, на Польскомъ языкѣ намѣстникъ, иногда самъ, иногда обще съ Гадяцкимъ войтомъ, всѣ дѣла жителей Гадяцкихъ и до замку принадлежащихъ поселянъ, разбиралъ. По изгнаніи въ 1654 г. Поляковъ, намѣстники замковые также, обще съ ратушею, всякую расправу дѣлали». Не обратить вниманія на это обстоятельство, по нашему мнѣнію, значитъ потерять юридическую почву, трактуя о предметѣ столь юридическомъ, какъ права и обязанности крестьянъ. Въ обычаяхъ, существовавшихъ прежде и упорно оскорбляемыхъ насиліемъ, заключался идеалъ ихъ гражданскихъ отношеній и источникъ вражды къ притѣснителямъ. Безъ знанія обычаевъ, мы можемъ видѣть только давящую сверху силу, но намъ будутъ непонятны юридическое воззрѣніе народа, его права и характеръ нарушенія этихъ правъ. Въ глазахъ нашихъ, отзывъ г. Мордовцова, что крестьяне не имѣли права апелляціи, имѣетъ какой то лѣтописный характеръ. Безъ сомнѣнія, крестьянамъ, испытывавшимъ насилія лично и по имуществу и оскорбляемымъ въ драгоцѣннѣйшемъ ихъ правѣ—жить какъ они привыкли, некому было жаловаться, если они взялись за оружіе, возложивъ упованіе на Господа Бога. Но война плохой критерій для оцѣнки всякихъ учрежденій. Подобно пожару, она имѣетъ то свойство, что, глядя изъ за нея, мы видимъ элементы внутренней жизни народа въ состояніи смѣшенія, а не такъ, какъ они были прежде. Стоя лицемъ къ лицу съ войною, современники не могутъ отрѣшиться отъ впечатлѣній страсти и стать выше точки зрѣнія той политической партіи, къ которой они сами принадлежатъ. Даже писатели, исполненные возвышенной любви къ человѣчеству и противники, по своему религіозному принципу, кровопролитія, кто бы ни былъ его начинателемъ, призываютъ благословеніе Неба на оружіе одного лагеря и называютъ Богоотступниками и раздирателями отчизны тѣхъ сподвижниковъ внутренней войны, которымъ они не сочувствуютъ. Сочинители лѣтописей, современники войнъ, не дали намъ вѣрныхъ изображеній внутренней жизни народа, и потому тонъ ихъ сказаній совершенно не умѣстенъ тамъ, гдѣ требуется анализъ фактовъ.

Окончивъ изложеніе правъ крестьянъ, г. Мордовцовъ переходитъ къ ихъ обязанностямъ, составлявшимъ обширнѣйшую и разнообразнѣйшую долю народной жизни, потому что у польскихъ крестьянъ, можно сказать, со всѣмъ не было правъ, а обязанностей было множе-

ство. Здѣсь овторъ пользуется матеріалами, напечатанными въ двухъ отдѣлахъ II и III томовъ *Памятниковъ* Кіевской Коммиссіи, т. е. *уставомъ о волокахъ* короля Сигизмунда Августа, инвентарями помѣщичьихъ имѣній Луцкаго уѣзда, и арендными контрактами, записанными во Владимірскихъ гродскихъ книгахъ.

Существенные выводы, дѣлаемые авторомъ изъ фактовъ, содержащихся въ этихъ источникахъ, слѣдующіе: каждый коронный крестьянинъ обязанъ былъ работать на короля по два дня въ недѣлю, не считая четырехъ лѣтнихъ дней—такъ называемой *толоки*. Произволъ въ распредѣленіи повинностей видѣнъ въ каждой главѣ королевскихъ уставовъ; онъ выражался въ ужасныхъ для крестьянина словахъ: *маеть быти на бачности враду и ревизоровъ нашихъ*. Сверхъ исполненія различныхъ работъ, они платили въ казну поземельный оброкъ и довольно сложныя пошлины; жалованье чиновникамъ большею частію падало, хотя нѣсколько косвенно, на тѣхъ же крестьянъ. Кромѣ платы натурою, были поборы въ казну и деньгами. Сумма всѣхъ повинностей крестьянскихъ не велика,—если станемъ ее мѣрить по своему, на основаніи цѣнъ настоящаго времени; но по тому времени такіе поборы были тяжелымъ бременемъ для бѣднаго крестьянина, платившаго за все и отъ всего; для XVI-го вѣка это было тяжеле татарскаго набѣга и только не тяжеле развѣ одного арендаго состоянія. — Обозрѣвъ затѣмъ инвентари помѣщичьихъ имѣній, авторъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: «достатокъ въ быту поселянина выражается матеріальнымъ его состояніемъ: исправностью земледѣльческихъ орудій, большимъ или меньшимъ количествомъ рабочаго скота и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ животныхъ. Это необходимое рѣдко имѣлъ у себя малорусскій крестьянинъ. Въ инвентаряхъ постоянно встрѣчаются слѣдующія извѣстія: на 250—260 хозяйствъ причитается 110 лошадей и 195 воловъ; на 113 хозяйствъ—47 лошадей и 74 вола и т. д. Если въ этомъ числѣ были богатые крестьяне, имѣвшіе по двѣ пары воловъ, то были и цѣлыя семьи, не имѣвшія ни вола, ни лошади, или часто одна лошадь приходилась на два хозяйства. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было обѣдненіе крестьянъ. И притомъ положеніе ихъ не улучшалось. Напротивъ, можно даже хронологически показать, какъ возрастали съ каждымъ годомъ цифры, выражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности. Эта возрастающая прогрессія началась съ половины XVI столѣтія. Чтобы видѣть это, стоитъ только

сравнить инвентарь 1566 года съ инвентарями 1573 и 1598 годовъ. Уничтоженіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ барщины повлекло за собою установленіе порютовщины, подымовщины и проч. налоговъ; сѣнокосы отданы крестьянамъ за плату, которая восходила до 8 грошей за одинъ моргъ или 40 коп. сер. за 1587 кв. саж., на которыхъ, по самой большей мѣрѣ, можно накосить три большіе воза сѣна; а возъ сѣна стоилъ тогда три гроша и даже грошъ. Видя, какъ дорого обходился мужику моргъ сѣнокоса, нельзя удивляться, что въ хозяйствѣ малорусскаго крестьянина находилось такъ мало рабочаго скота. Въ XVI вѣкѣ, въ Малороссіи, считалось хорошею цѣною заплатить за добраго вола 2 или $2^1/_2$ руб. сер., за мужицкіе сани—грошъ или полтора, за четверикъ ржи—тоже грошъ или еще меньше: стало быть, въ то время, когда и трудъ человѣка и произведенія земли цѣнились такъ неимовѣрно дешево — платить 3 р. сер. и довольно большую подать натурою, при ежедневной барщинѣ, было не легко. Но ужаснѣе всего была полная неограниченность правъ владѣльца и обычай отдавать имѣнія въ арендное содержаніе. Во всѣхъ записяхъ неизмѣннымъ арендаторомъ является жидъ. Жиду этому предоставляется право брать себѣ всякіе доходы, судить и рядить бояръ *путныхъ*, также всѣхъ крестьянъ виновныхъ и непослушныхъ наказывать денежною пенею и смертію».

«При такихъ условіяхъ, южнорусскій поселянинъ», говоритъ г. Мордовцовъ, «доведенный до послѣдней степени нищеты и безпрестанно оскорбляемый въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствованіяхъ,—въ чувствѣ религіозномъ и патріотическомъ, — мѣнялъ косу и цѣпъ на саблю и винтовку, или же просто съ косою и граблями уходилъ къ козакамъ, движимый послѣднимъ чувствомъ — животнаго самосохраненія».

Изъ приведенныхъ нами словъ г. Мордовцова видно, что для опредѣленія положенія крестьянъ юго-западной Руси онъ пользуется понятіемъ цѣны ихъ повинностей и вещей, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ, и сравненіемъ ся съ цѣнами теперь существующими. Ошибка автора въ этомъ отношеніи очевидна. Во первыхъ, онъ не принялъ во вниманіе географическаго измѣненія крестьянскихъ повинностей въ юго-западной Руси. Въ Украйнѣ повинности были легче, чѣмъ на Волыни (*), такъ какъ возвышенію ихъ не благопріятствовали, по всей

(*) Записки о Южной Россіи. Кулиша, т. II, акты изъ собранія Руликовскаго, стр. 331.

вѣроятности, изобиліе земли, частые набѣги татаръ и свободный духъ крестьянъ, поддерживаемый присутствіемъ козаковъ. Между тѣмъ, авторъ, дѣлая общія заключенія о положеніи крестьянъ юго-западной Руси, пользовался актами, относящимися только до имѣній, находящихся на Волыни. Во вторыхъ—начало цѣнности, взятое въ отдѣльности, односторонне и недостаточно для объясненія внутренней жизни народа, и можетъ повести насъ къ такимъ же произвольнымъ заключеніямъ, какія бы мы получили, подводя дѣйствительные факты подъ отвлеченныя понятія первоначальнаго контракта, пользы и пр. Напримѣръ: по расчету г. Мордовцова, у крестьянъ, какъ коронныхъ такъ и помѣщичьихъ, за уплатою лежавшихъ на нихъ повинностей, ничего или очень мало оставалось на расходы для собственныхъ надобностей. Между тѣмъ, изъ инвентаря имѣнія Заборольскаго, по словамъ автора, видно, что 64 души (тягла), находившіяся въ этомъ имѣніи, имѣли 46 лошадей и 95 штукъ воловъ, или, въ селѣ Бруховичахъ, на 50 работниковъ, 37 тяглыхъ и остальные огородники или подсосѣдки. Такое количество рабочаго скота и подобное отношеніе тяглыхъ работниковъ къ огородникамъ, даже и при настоящемъ состояніи земледѣлія въ Малороссіи, слѣдуетъ считать удовлетворительными. Въ этомъ убѣждаютъ насъ оффиціальныя свѣдѣнія, доставленныя въ послѣднее время помѣщиками, по которымъ въ Полтавской губерніи отношеніе пѣшихъ крестьянъ къ тяглымъ 73 : 100. Въ той же Полтавской губерніи, по свѣдѣніямъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, на 466,020 наличныхъ душъ мужескаго пола имѣется крупнаго скота: лошадей и рогатаго скота: 437,853 штуки. Если вычесть изъ этого числа коровъ и малолѣтковъ неспособныхъ къ работѣ, то можетъ быть окажется, что и теперь не каждый государственный крестьянинъ въ Полтавской губерніи можетъ обработывать землю своимъ скотомъ.

Но мы очень хорошо знаемъ, что у государственнаго крестьянина Полтавской губерніи осталось не одно чувство животнаго самосохраненія. Напротивъ, посреди незавидной и часто крайне скудной обстановки домашняго быта, онъ является человѣкомъ нравственнымъ, съ человѣческими мыслями и желаніями и способностью къ развитію своего умственнаго и вещественнаго богатства.

Понятіе цѣнности само по себѣ недостаточно для опредѣленія даже и экономическихъ явленій народной жизни: нельзя оцѣнивать даровыхъ силъ природы, и трудно дѣлать какія либо предположенія о

цѣнѣ тѣхъ вещественныхъ богатствъ страны, которыми пользуется человѣкъ, употребляя лишь столько труда, сколько нужно для того, чтобы сорвать плодъ съ дерева, поймать рыбу, убить птицу и проч. Наконецъ, въ экономическомъ отношеніи, независимо отъ цѣнности вещей, имѣетъ важное значеніе способъ распредѣленія богатства. Еще менѣе понятіе цѣнности можетъ удовлетворить юриста. Цѣнность, какъ результатъ сравненія вещей между собою, составляетъ въ юридическомъ быту только одну сторону имуществъ, находящихся въ обращеніи. Кромѣ цѣнности, право допускаетъ еще и другія основанія въ опредѣленіи отношеній нашихъ къ вещамъ. Такимъ образомъ, оно недозволяетъ незаконному владѣльцу недвижимаго имущества освободиться отъ справедливаго требованія собственника уплатою одной цѣнности этого имущества; но предписываетъ возвратить отыскиваемое въ его наличномъ состояніи. Равнымъ образомъ, никакое законодательство не полагаетъ оцѣнки личнымъ правамъ состоянія, праву законнаго рожденія, праву опеки и проч. Въ отношеніяхъ нашихъ къ вещамъ, всѣ законодательства признаютъ что-то непосредственное, и въ нашихъ правахъ—внутреннюю и нерасторгаемую связь съ живымъ существомъ ихъ юридическаго субъекта. Нарушеніе всякаго права удручаетъ насъ не одними послѣдствіями матеріальнаго лишенія, которыя можно предотвратить замѣною отнимаемаго равноцѣнными вещами, но также и душевнымъ оскорбленіемъ, которое наноситъ намъ нарушитель права, вторгаясь во внутреннее святилище нашего юридическаго бытія. Ошибочно по этому прилагать къ исторіи человѣческихъ обществъ такой взглядъ, что они могутъ спокойно существовать при извѣстной суммѣ находящихся въ ихъ пользованіи вещественныхъ цѣнностей, и коль скоро насиліе доводитъ ихъ матеріальный достатокъ до извѣстнаго предѣла, то имъ, по выраженію автора, остается одно чувство животнаго самосохраненія—и они возмущаются. Такая мѣрка состоятельности гражданъ нигдѣ не существуетъ ни въ дѣйствительности, ни въ отвлеченіи. Извѣстная сумма цѣнностей можетъ показаться необразованному поселянину достаточнымъ фондомъ его безбѣднаго существованія; но если бы оставить при ней одной человѣка съ развитыми потребностями, то въ душѣ его не останется ни одного мѣста, не пораженнаго чувствомъ лишенія, которое болѣе слабыхъ можетъ довести даже до отчаянія и самоубійства.

Чѣмъ выше благосостояніе человѣка, чѣмъ болѣе въ немъ обра-

зованности и энергіи, тѣмъ живѣе чувствуется имъ матеріальное лишеніе и тѣмъ сильнѣе оскорбляется нарушенное право. Человѣкъ, матеріально-духовное существо, переноситъ въ міръ матерій свое субъективное бытіе и цѣнитъ въ вещахъ не одно достоинство ихъ, какъ матеріи, но и ихъ связь съ своимъ внутреннимъ міромъ. Заставляя вещи служить своимъ потребностямъ, онъ получаетъ отъ нихъ не только животную пищу, но и духовную.

Что замѣчается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, тоже самое имѣетъ примѣненіе и къ цѣлымъ обществамъ. Обитатели востока, которымъ испоконъ вѣка давящій деспотизмъ постоянно препятствовалъ развивать матеріальное благосостояніе и лучшія понятія гражданственности, гораздо терпѣливѣе переносятъ лишенія, чѣмъ жители Европы, поставившей задачею своей исторіи эманципацію личности и обезпеченіе ея индивидуальной свободы. Политическая мудрость въ матеріальномъ богатствѣ народа и его цѣнности видитъ одно относительное значеніе, и достаточность или недостаточность народнаго богатства для удовлетворенія нуждамъ націи объусловливается прежде всего ея потребностями, ея внутреннимъ міромъ. Такимъ образомъ, въ статистикѣ Европейскихъ государствъ, извѣстенъ, какъ примѣненіе этого начала, тотъ законъ, что государственные союзы съ національнымъ правительствомъ и одноплеменнымъ населеніемъ носятъ въ себѣ условія прочности, и дольше сохраняются, несмотря на превратности исторической судьбы, большую или меньшую чувствительность общихъ и частныхъ лишеній.

Обращаясь къ крестьянамъ юго-западной Руси XVI столѣтія, мы можемъ сказать, что народъ этотъ терпѣлъ матеріальныя и нравственныя лишенія. Терпѣлъ онъ отъ своевольства войска, отъ роскоши и мотовства пановъ, отъ жидовъ-арендарей, которымъ отдавались имѣнія съ правомъ судить крестьянъ и даже казнить смертію. Все это подтверждается свидѣтельствами современниковъ, *думами* и преданіями народа и, наконецъ, тѣми актами Кіевской Коммиссіи, которыми пользовался авторъ для составленія своей статьи. Но этого мало: намъ еще нужно знать, какъ смотрѣлъ народъ на эти притѣсненія, какія права свои онъ считалъ нарушенными, какъ хотѣлъ жить и къ какому порядку стремился? Чтобы отвѣчать на эти вопросы нуженъ анализъ внутренней жизни народа; но г. Мордовцовъ, привязавшись къ одностороннему началу цѣны, не взялъ на себя этого труда, и потому его объясненія фактовъ, записанныхъ въ актахъ

Кіевской Коммиссіи, не имѣютъ ни юридическаго характера,—потому что въ нихъ нѣтъ ничего о правахъ крестьянъ по обычаю и собственнымъ ихъ понятіямъ, ни историческаго—потому что въ исторіи предполагается движеніе; а изъ всѣхъ выводовъ автора соотвѣтствуетъ этому условію только одно замѣчаніе, что съ 1566 г., съ каждымъ годомъ возрастали цифры, выражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности, ни статистическаго, потому что статистика занимается отысканіемъ среднихъ и постоянныхъ чиселъ, а г. Мордовцовъ пользуется находившимися у него цифрами, какъ примѣрами и образцами; наконецъ, въ разсматриваемой статьѣ г. Мордовцова, нѣтъ ничего и политико-экономическаго, потому что авторъ даже не вспоминаетъ ни объ одномъ законѣ развитія народнаго богатства.

Выраженіе автора, что у Южно-русскаго поселянина XVI в. не оставалось ничего, кромѣ чувства животнаго самосохраненія, мы считаемъ обмолвкой: иного значенія не можемъ придать этимъ словамъ, потому что самъ г. Мордовцовъ приводитъ въ своей статьѣ пѣсни и думы народа, въ которыхъ сказалось его оскорбленное чувство человѣческаго достоинства и, по видимому, хорошо знаетъ событія исторіи, обратившей Южно-русскій народъ въ военный лагерь, въ которомъ неграмотный земледѣлецъ, наравнѣ съ просвѣщенными людьми, предводительствовалъ военною силою и участвовалъ въ образованіи внутренняго управленія и заключеніи политическихъ союзовъ.

Въ заключеніе скажемъ о статьѣ г. Мордовцова, что радуемся появленію ея, какъ доказательству любознательности просвѣщенныхъ людей, обращенной на ту сторону русской жизни, которой мы придаемъ большую важность по причинамъ, выше нами изложеннымъ. Мы очень благодарны автору за составленное имъ довольно тщательное извлеченіе изъ актовъ Кіевской Коммиссіи, которое познакомитъ многихъ читателей съ этимъ драгоцѣннымъ источникомъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній о Южной Руси. Что же касается до выводовъ автора, то въ нихъ, какъ мы прежде сказали, нѣтъ анализа внутренней жизни народа.

Авторъ раскрываетъ передъ нами картину насилія, являющагося то въ формѣ притѣснительнаго закона, то въ видѣ произвола пана и жида-арендатора, но не нисходитъ къ самому народу съ его правами, мыслями и желаніями, взлелѣянными нравами и обычаями прошедшаго. Въ своихъ *заключеніяхъ*, г. Мордовцовъ ничего не прибавилъ,

по нашему мнѣнію, къ всему тому, что намъ извѣстно изъ актовъ Кіевской Коммиссіи и другихъ источниковъ. Заключенія эти сами по себѣ ничего не говорятъ, или, пожалуй, говорятъ новаго на столько, на сколько дополняетъ характеристику 1674 года наивно простодушная острота лѣтописца Величка: «Тотъ годъ на лѣтерѣ *добрѣ* теченіе свое отправовати начавій, долженъ былъ отъ имени своего доброе и благополучное даровати житіе; еднакъ добра не было». Дѣйствительно не было добра въ Юго-западной Руси, ни въ XVI столѣтіи, ни въ 1674 году, и это не ново. Остается намъ узнать, какого добра намъ нужно было въ то время и что помѣшало ему осуществиться.

А. П.....кій.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

I.

Много лѣтъ тому назадъ, *Тарасъ Григорьевичъ Шевченко* началъ издавать альбомъ рисунковъ, подъ названіемъ «*Живописная Украина*». Любя, и глубоко уважая Тараса Григорьевича, я рѣшился назвать свое изданіе тѣмъ же именемъ, въ память Шевченка. Пусть мой трудъ служитъ какъ бы продолженіемъ бывшаго труда Тараса Григорьевича.

Поясню назначеніе своего альбома подробнѣе, чѣмъ въ объявленіи. Цѣль моя—ознакомить не только съ стариною Малороссіи, но и съ современной физіономіей Украинскаго народа, со всею обстановкой его быта, съ утварью, постройками, шитьемъ, рѣзьбой, и съ видами южнаго края; словомъ, все, что́ составляетъ жизнь Малороссіи, найдетъ мѣсто въ моемъ альбомѣ. Ежели число подписчиковъ увеличитъ мои настоящія средства, то я расширю размѣръ и объемъ своего изданія; а именно, я бы хотѣлъ издавать въ краскахъ все, что́ имѣетъ интересъ красокъ, также выкройки одеждъ и изображенія всякаго рода произведеній, хотя бы даже не составляющихъ мѣстной особенности, но сдѣланныхъ Малороссами.

Еще разъ прошу каждаго, имѣющаго что́-либо снятое съ натуры, какъ-бы оно ни казалось малозначущимъ, доставлять мнѣ, для помѣщенія въ альбомѣ, прилагая только подробное описаніе того, что сдѣлано, кѣмъ сдѣлано и когда́. Все будетъ возвращено мною, по минованіи надобности, въ полной исправности и съ душевной благодарностью.

Случалось и не одному мнѣ ѣздить по Малороссіи и дѣлать за-

мѣтки съ натуры; но, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, эти записныя книжки хранились каждымъ про себя, какъ былыя впечатлѣнія, какъ справочные листы, или же складывались въ домашній архивъ, гдѣ часто стирались, марались и терялись. Я самъ, дорожа подобными трудами всегда, потерялъ три такихъ книжки, въ которыхъ было сотни три рисунковъ; при переѣздахъ и перемѣнѣ квартиръ—это неизбѣжно. Потерявъ эти—для меня—драгоцѣнности, я еще болѣе оцѣнилъ ихъ; утрата была невозвратимая, и тогда я еще упорнѣе захотѣлъ подѣлиться собраннымъ матеріаломъ съ другими любителями подобныхъ чертежей и роднаго края; съ того времени, я еще живѣе чувствую необходимость спасать трудъ каждаго.

Мнѣ очень жаль, что размѣръ рисунковъ моего альбома такъ малъ; но увеличить его я не могъ: это повлекло бы къ двойнымъ издержкамъ меня и подписчиковъ.

— У насъ не много людей, понимающихъ оконченныя произведенія художества, и едвали не менѣе такихъ, которые поняли–бы и вполнѣ оцѣнили очеркъ и эскизъ. Большая часть смотритъ на картину съ слѣпымъ благоговѣніемъ, а на эскизы и легкія наброски, какъ на маранье, едва заслуживающее вниманія, и не придаетъ имъ никакой цѣны. Такой рутинный взглядъ вреденъ; онъ мѣшаетъ уразумѣнію художества; слѣдить за эскизами поучительно. Конченное произведеніе требуетъ для оцѣнки своей большóго знанія, тогда–какъ очеркъ часто доступенъ и не спеціалисту. По этому поводу можно сказать много и разговоръ этотъ можетъ продолжиться на нѣсколько страницъ, но я постараюсь пояснить въ нѣсколькихъ словахъ значеніе эскиза и неконченаго чертежа.

Эскизъ есть набросокъ зародившейся мысли. Все, что̀ будетъ дѣлать художникъ далѣе, будетъ имѣть, конечно, свою цѣну; но это будетъ уже обработка той, первоначальной, мысли. Эскизъ есть основаніе будущаго произведенія, и рѣдкое конченное произведеніе удерживаетъ впечатлѣніе и свѣжесть эскиза. Отъ эскиза надо требовать того, что̀ можетъ дать, и что̀ долженъ дать эскизъ; а отъ картины то, что̀ должна дать картина. И эскизъ и картина, повидимому, иногда неконченные, совершенно окончены. Конченность не въ сухости, не въ кропотливой обработкѣ, а тамъ, гдѣ мысль, или чувство высказались. Есть художники, которые интересны, изящны—только въ эскизахъ. Далѣе они не идутъ, ихъ жаръ остываетъ, выгараетъ на эскизѣ; эскизомъ кончается ихъ бытіе, какъ художниковъ. Одинъ съ

каждой чертой, съ каждымъ мазкомъ кисти, дѣлаетъ свое произведеніе лучше и лучше; другой—хуже и хуже. Наконецъ, есть еще такого рода очерки, которые *должны навсегда остаться очерками*; это тѣ черты, которыя были сняты съ натуры, особенно—изображающія народъ. Въ нихъ малѣйшее дополненіе безъ натуры есть преступленіе. Путешествуя, нѣтъ возможности чертить окончательно, а потому у меня въ изданіи много рисунковъ неконченныхъ,—я берегъ эту неконченность....

Поѣздки художниковъ по Россіи случаются рѣдко, да притомъ, поѣздки съ художественной цѣлью затруднительны (1); а потому замѣтки художниковъ тѣмъ дороже.

Теперь перейду къ объясненію рисунковъ 1-го выпуска.

Форма *дверей* (изъ двора въ сѣни), изображенная на заглавномъ листѣ, не знакомая многимъ въ Черниговской губерніи, очень извѣстна въ губерніяхъ Полтавской, Кіевской и прочихъ.

Рисунокъ подъ № 1, изображаетъ *Козачій судъ въ Черноморьи*; рисовалъ съ натуры, въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ, онъ же и награвировалъ его теперь. Налѣво сундукъ, — это казна; возлѣ ней—козакъ на сторожѣ. При подобныхъ судахъ, въ Малороссіи, очень часто выбираются, для переписки бумагъ, мальчики, чтобъ не понимали дѣлъ и не сплетничали, — черта весьма практическая. На Черноморьи также пишетъ, какъ мы видимъ, мальчикъ. Очень жаль, что художникъ не могъ разсказать намъ подробностей,—это было такъ давно, что онъ забылъ все, даже, въ какой именно стани—

---

(1) Въ 1840-хъ годахъ, Л. Ф. Лагоріо былъ остановленъ на Кавказѣ комендантомъ крѣпости, который заставилъ его рисовать *при себѣ* и затѣмъ уже отпустилъ его. Въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ былъ остановленъ солдатомъ крѣпости Ларсъ, въ ущельи, за Владикавказомъ... В. Ѳ. Тиммъ былъ арестованъ въ Землѣ Войска Донскаго. И такихъ примѣровъ очень много; почти ни одному художнику не обошелся его рисунокъ съ натуры безъ непріятности. Я былъ остановленъ, въ 1852 г., въ г. Прилукахъ, грубымъ полицейскимъ чиновникомъ, и только послѣ крупнаго объясненія съ городничимъ, выѣхалъ свободно изъ города. Въ 1854 г., въ хуторѣ Зарогѣ Полтавской губ., Лубенскаго уѣзда, мнѣ даже грозила большая непріятность. Меня огласили турецкимъ шпіономъ, обвинили въ томъ, будто-бы я подсыпалъ что-то въ воду бабѣ, которая послѣ меня схватилась за сердце и упала; наконецъ, будто бы одинъ видѣлъ даже у меня своими глазами фальшивый паспортъ. Меня хотѣли связать и доставить въ станъ. Отъ всего этого я былъ избавленъ П. А. Кулишомъ. Въ 1856 г., въ Бахчисараѣ, я былъ остановленъ какимъ-то маіоромъ и отправленъ съ будочникомъ по улицамъ города за то, что рисовалъ.

цѣ онъ рисовалъ: въ Темишбекской, Прочномъ-Окопѣ, или Баталъ-Пашинской?

№ II, гравированъ мною съ рисунка И. И. Соколова, который ѣздилъ много по Малороссіи съ цѣлію изучить ее и собиралъ матеріалъ чрезвычайно добросовѣстно. Рисунокъ этотъ снятъ съ натуры въ селѣ Еремѣевкѣ (Полтавск. губ. Золотоношскаго уѣзда), и представляетъ «*дивчину въ дрибушкахъ*». Ленты разныхъ цвѣтовъ; на шеѣ *коралі*, образки, *личмани*—медали, которыя еще попадаются; *свитка* бѣлая, суконная.

№ III,—гравированъ тоже мною съ рисунка И. И. Соколова, сдѣлавшаго рисунокъ съ натуры въ томъ же селѣ Еремѣевкѣ. Онъ представляетъ «*бабусю въ намиткѣ*». Свита тоже бѣлая, суконная. Село Еремѣевка—одно изъ тѣхъ, которыя сохранили въ себѣ старину.

Считаю долгомъ благодарить *И. И. Соколова* за доставленные мнѣ рисунки; они такъ хороши, такъ добросовѣстно сняты, что лучшихъ и подобныхъ имъ я не знаю. Благодарю также *А. Е. Бейдемана*, пожелавшаго даже участвовать трудомъ въ моемъ изданіи; *О. Пл. Челищеву*, *Л. Ф. Лагоріо* и *П. А. Кулиша*, доставившихъ мнѣ свои рисунки; *Ю. В. Толстаго*, доставившаго мнѣ два рисунка Штернберга и *А. Ф. Чернышева*, обѣщавшаго дать рисунки, которые вывезетъ изъ теперешней своей поѣздки въ Малороссію.

Левъ Жемчужниковъ.

ЗАМѢТКА О НАРОДНОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ 4–мъ № «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника», въ отчетѣ о русинской депутаціи, отправленной изъ Галиціи въ Вѣну, напечатано слѣдующее разсужденіе о южно–русскомъ литературномъ языкѣ: «они (Галичане) имѣютъ письменность; языкъ ими употребляемый гораздо ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ то малороссійское нарѣчіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все, что̀ пишется на южно–русскомъ нарѣчіи, равно какъ и русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червонной Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ, обще-русскимъ языкомъ, не слѣдуя примѣру нашихъ украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора».

Это странное мнѣніе автора «Современой Лѣтописи» удивляетъ насъ своею неопредѣленностію, неизвѣстностію началъ литературной критики, которыхъ держится авторъ, и непонятностію требованій, съ которыми она относится къ языку южно-русской литературы.

По всему видно, что онъ не благоволитъ къ тому южно-русскому языку, которымъ пишутъ украинскіе писатели, и симпатизируетъ галицкимъ литераторамъ за то, что они *не передразниваютъ* народнаго говора,—какъ это дѣлаютъ первые. Передразнивать же народный говоръ, если мы не ошибаемся, значитъ писать на языкѣ, похожемъ на народный, но не на народномъ; придавать словамъ и выраженіямъ такой смыслъ, какого они не имѣютъ въ изустной рѣчи народа, или, говоря иначе, писать языкомъ какъ бы народнымъ, но непонятнымъ самому народу. Передразниваніе вообще и передразни–

ваніе народнаго говора въ особенности—забава празднаго воображенія, пріятная развѣ тому, кто передразниваетъ, но, безъ сомнѣнія, неумѣстная въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ литература, гдѣ удовольствіе и польза обѣихъ сторонъ, предлагающей и принимающей услуги, составляютъ условіе sine qua non... Литературное передразниваніе дурно, и не должно быть терпимо. Но кто именно изъ украинскихъ литераторовъ передразниваетъ народный говоръ; находятъ ли читателей уродливыя произведенія этихъ авторовъ и преслѣдуются ли они критикою—вотъ вопросы, которые авторъ Современной Лѣтописи оставляетъ въ сторонѣ, и даетъ, такимъ образомъ, поводъ думать, что, съ своей точки зрѣнія, онъ готовъ назвать передразниваніемъ народнаго говора даже и тѣ произведенія украинской литературы, которыя читаетъ и любитъ народъ какъ свои думы и пѣсни, пережившія въ его памяти сотни лѣтъ. Произведенія эти, народныя по содержанію и по формѣ, писаны языкомъ русскимъ, далеко непохожимъ на литературный языкъ великорусскихъ писателей, и, вѣроятно, не имѣли бы такого успѣха въ украинскомъ народѣ, если бы были писаны языкомъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и проч.

Значеніе народнаго элемента, въ русской литературѣ, Бѣлинскій характеризовалъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: «русская литература есть не туземное, а инородное, растеніе. Это обстоятельство даетъ особенный характеръ ей самой и ея исторіи; не понять этого обстоятельства, или не обратить на него всего вниманія, значитъ не понять ни русской литературы, ни ея исторіи. Ея исторія, особенно до Пушкина (отчасти еще и до сихъ поръ), состоитъ въ постоянномъ стремленіи отрѣшиться отъ результатовъ искуственной пересадки, взять корни въ новой почвѣ и укрѣпиться ея питательными соками. Идея поэзіи была выписана въ Россію по почтѣ изъ Европы,—и явилось у насъ заморское нововведеніе. Ее понимали какъ искуство слагать вирши на разные торжественные случаи....» «Пѣснопѣвческій» и «воспѣвательный» взглядъ на поэзію созданъ не нашими первыми поэтами: такъ смотрѣли тогда на поэзію во всей просвѣщенной Европѣ. Всеобщею извѣстностію тогда пользовались только древнія литературы.... Эпическая поэзія, по понятію псевдоклассиковъ, должна была воспѣвать какое-нибудь великое событіе въ жизни человѣчества, или въ жизни народа, и въ какую бы эпоху, у какого бы народа ни произошло это событіе, оно должно быть наряжено въ багряницу или тогу, лишиться мѣстнаго колорита, при-

водиться въ движеніе сверхъ-естественными силами, выражаться напыщенно и безцвѣтно, — чего необходимо требуетъ всякая поддѣлка подъ чужую форму и тѣмъ болѣе подъ чужую жизнь. Вотъ происхожденіе риторической поэзіи. Основаніе ея—отложеніе отъ жизни, отпаденіе отъ дѣйствительности. Такая-то поэзія была перенесена на Русь.»

Какъ бы далеко ни ушла русская поэзія до Бѣлинскаго и послѣ него въ своемъ стремленіи сдѣлаться народною, и какъ бы много языкъ ея ни принялъ въ себя естественности, живости и разнообразія народной рѣчи; но пройденный путь, — путь заимствованія чужаго и долгаго разобщенія съ живымъ источникомъ русской народной рѣчи,—еще и теперь очень явственно даетъ себя замѣтить во всякомъ новомъ литературномъ произведеніи велико-русской школы и его языкѣ.—Перифразируя, такимъ образомъ, взглядъ Бѣлинскаго на русскую литературу, мы должны прибавить, что высказанная въ приведенной выпискѣ мысль даровитаго критика въ свое время имѣла всѣ условія для того, чтобы удивить читателей своею новостью и рѣзкою противоположностью съ утвердившимися литературными взглядами и предубѣжденіями; но теперь она за-частую высказывается новѣйшими писателями-критиками. Мы съ нею, по-видимому, уже хорошо освоились, и забываемъ о ней только тогда, когда намъ приходится примѣнить общій взглядъ къ отдѣльнымъ явленіямъ литературы, или не узнаёмъ ее тамъ, гдѣ она говоритъ о себѣ самимъ дѣломъ, хоть бы, напримѣръ, такимъ, какъ возникновеніе южнорусской литературы въ Галиціи и Украинѣ.

Авторъ «Современной Лѣтописи», находя въ языкѣ литературныхъ произведеній галицкихъ Русиновъ болѣе сходства съ литературнымъ велико-русскимъ языкомъ, чѣмъ въ языкѣ украинскихъ литераторовъ, не остановился ни на минуту вывести заключеніе въ пользу первыхъ, и обвиняетъ послѣднихъ въ дурномъ обращеніи съ народнымъ языкомъ. Наблюденіе, сдѣланное авторомъ надъ языкомъ должно бы было подвигнуть его — обратить вниманіе на внутренее содержаніе литературныхъ произведеній, и вникнуть по глубже въ характеръ и особенности литературной дѣятельности галицкихъ и украинскихъ писателей. Но авторъ «Современной Лѣтописи» не захотѣлъ, или не счелъ нужнымъ, взять на себя такой трудъ, и потому въ результатѣ его словъ какъ бы скрывается совѣтъ украинскимъ литераторамъ подражать языку галицкихъ писателей.

Попавшійся намъ подъ-руку Галицкій Сборникъ 1857 г. даетъ

возможность представить образцы литературнаго вкуса галицкихъ писателей, и предоставить самимъ читателямъ оцѣнку отзыва Современной Лѣтописи о ихъ языкѣ. Начнемъ съ оды на торжественное рукоположеніе въ епископы Кѵръ Спѵридіона Литвиновича съ эпиграфомъ изъ русской лѣтописи: «И бысть великое веселіе и велія слава Руси нарещи толь оумна и доблестна мужа своимъ». Вотъ самая ода:

Въ престольномъ градѣ Австрійской Державы,
Въ церкви, гдѣ Бога Русь наша хвалитъ,
Восходитъ намъ въ мірѣ мужъ ума, славы,
Отчизны сладость, украса и щитъ.
Владыча митра, що свѣжими краски
Блеститъ на свѣтлой его головѣ,
Сплетена зъ Божой и Царской ласки
Во мзду заслугамъ его и любви...

Хотя въ произведеніи этомъ нѣтъ ни »пою«, ни обращенія »къ музамъ«, и эпиграфъ, взятый изъ русской лѣтописи, свидѣтельствуетъ, повидимому, о желаніи автора быть народнымъ; но нельзя, думаемъ, и на минуту ошибиться, что стихотворенію этому, по его содержанію, размѣру стиха и языку, почти такъ же далеко до народнаго склада, какъ и одѣ Ломоносова на взятіе Хотина, да еще пожалуй подалѣ.

Другую выписку дѣлаемъ изъ стихотворенія: »Ѣдь на село.«

Якъ Гамлетъ все твердилъ Офельи:
Иди, прекрасна, въ монастырь!
Иди, и скройсь въ самотной кельи,
Не возмущай собою міръ!
Такъ я, въ волненіи любови,
Склонивши жаркое чело,
Прошу тебе все темижъ словы:
Ѣдь на село! Ѣдь на село!
. . . . . .
Ѣдь на село! у насъ тутъ въ мѣстѣ
Саміи ложніи цвѣты;
Ихъ барва, воня, сокъ и листѣ
Отравою суть честноты.
. . . . . .
Я тутъ противъ ударамъ грому
Поставлю дерзкое чело,—
Хоть сердце пукне... Жій другому...
Ѣдь, чѣмъ скорѣйше, на село!

Изысканность содержанія этого стихотворенія, сентиментальность,

доходящая до приторности, и разглагольствованіе, при отсутствіи живыхъ и выразительныхъ красокъ, не только не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями народной южнорусской музы, но и не находятъ себѣ ничего подобнаго въ кругу поэтическихъ твореній великорусскихъ авторовъ новѣйшаго времени. Вообще въ произведеніяхъ галицкихъ писателей, какъ прозаиковъ такъ и поэтовъ, стремленіе писать языкомъ, который живетъ въ устахъ народа, и писать народно по содержанію,—отодвинуто на второй планъ, и потому въ прозѣ у нихъ мы встрѣчаемъ выраженія очевидно не народной конструкціи, въ родѣ такого: »Солнце приглядалося въ полыскаючомъся желѣзѣ и розносило отблескъ по лѣсѣ.«

Если приведенные нами образцы стихотвореній, напечатанныхъ въ Сборникѣ 1857 г., по языку своему ближе къ литературному русскому, чѣмъ произведенія украинскихъ авторовъ, то это свидѣтельствуетъ только объ удаленіи галицкихъ писателей отъ своей народности и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено ни къ чести русской литературы, ни къ заслугѣ галицкихъ писателей, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не имѣютъ, какъ по всему видно, достаточно вкуса и такта для того, чтобы подражать новѣйшимъ и лучшимъ образцамъ русской литературы, и напоминаютъ въ своихъ произведеніяхъ языкъ великорусскихъ авторовъ псевдо-классической школы прошлаго столѣтія.

Неестественность и натянутость червоно-русскаго литературнаго языка, кажется, понимаютъ нѣкоторые изъ галицкихъ писателей, какъ это можно заключать изъ напечатаннаго въ томъ же Сборникѣ отзыва объ украинскомъ литературномъ языкѣ, по поводу стихотвореній Карпенка. Здѣсь авторъ обозрѣнія обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что языкъ, употребляемый въ ихъ странѣ, имѣетъ своихъ писателей и въ далекомъ краѣ, и существуетъ на зло тѣмъ, «которіе неумѣючи тогоже, ради бы вознестися на орлѣныхъ крылахъ въ высоту учености и предписовати правила якогось литературнаго языка».

Недостатки, замѣчаемые въ языкѣ галицкихъ писателей, находятъ, думаемъ, отчасти свое оправданіе въ особенныхъ отношеніяхъ русской литературы въ Галиціи къ нѣмецкой и польской и въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ русскіе писатели выдерживаютъ борьбу съ могущественнымъ преобладаніемъ соперницъ. Пиша очень много и о предметахъ крайне разнообразныхъ, трактуя за-разъ о погодѣ,

урожаѣ, болѣзни скота, о политикѣ, наукахъ и искуствахъ, они не всегда находятъ для себя удобнымъ выискивать употребляемыя въ народномъ говорѣ, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе къ нему подходящія слова и выраженія, и, вмѣсто того, кое-какъ заимствуютъ чужія готовыя формы, или предпочитаютъ имъ свои наскоросоставленныя quasi-народныя изрѣченія. На украинскихъ авторахъ не лежитъ столь трудная задача, и потому средства ихъ не носятъ на себѣ характера такой экстренности, какая замѣчается въ произведеніяхъ галицкихъ писателей. Украинскіе авторы, кромѣ, конечно, немногихъ исключеній, которыя дѣятельно преслѣдуются критикою, не дѣлаютъ посягательства на чистоту народнаго языка. Имъ нѣтъ надобности въ произвольномъ обращеніи съ русскимъ языкомъ, потому-что каждый изъ нихъ можетъ писать на установившемся языкѣ великорусскихъ авторовъ, языкѣ школы и образованнаго круга общества. По южно-русски пишетъ только тотъ, кто имѣетъ призваніе писать языкомъ народнымъ. Произведенія немногихъ, пріобрѣвшихъ извѣстность, украинскихъ авторовъ, по выдержанности въ нихъ народнаго характера, не оставляютъ ничего больше желать, въ настоящую минуту, относительно языка ихъ и содержанія. Какъ далеко пойдетъ украинская литература въ этомъ направленіи, и на долго ли она сохранитъ свой языкъ отъ вліяній, способныхъ сдѣлать его чужимъ для народа—объ этомъ трудно сказать теперь что-нибудь положительное, какъ трудно вообще угадывать будущее. Во всякомъ случаѣ, украинская литература, съ нынѣшнимъ ея направленіемъ, составляетъ замѣчательное явленіе посреди другихъ литературъ, какъ явленіе чисто-народное, и имѣетъ полное право на сочувствіе всѣхъ тѣхъ, для кого участіе массы въ умственномъ движеніи, представляемомъ литературою, не есть одно пустое слово, и для кого дорогъ вопросъ о грамотности и развитіи народа. Не нужно забывать, что полуграмотный и совсѣмъ неграмотный народъ имѣетъ свои мысли и чувства, свое міросозерцаніе, выработанныя прошедшимъ и настоящимъ его жизни, и что его внутренній міръ не представляетъ собою такого матеріала, на которомъ его учители могутъ записывать что имъ захочется—какъ на доскѣ, покрытой воскомъ.

Только языкъ, который живетъ въ разговорной рѣчи народа и въ его преданіяхъ, можетъ вызвать въ душѣ человѣка тѣ чувствованія, образы и сближенія понятій, съ которыми сроднилось его міро-

созерцаніе. Народное остроуміе, въ названіи вещей, любитъ соединять указаніе на другія, показавшіяся народному уму по чему-либо съ ними сходными. Таково, напр., по объясненію г. Кулиша, слово *сіромаха,* (названіе бѣдняка,) которымъ народное остроуміе привыкло напоминать вамъ его сѣрую одежду и скитальческую жизнь сѣраго волка (сіроманця). Замѣните это слово соотвѣтствующимъ ему, хотя бы и понятнымъ, выраженіемъ великорусскаго языка — и оно не воспроизведетъ въ воображеніи украинца сейчасъ-указаннаго нами сближенія. Въ сближеніи же понятій, какъ извѣстно — творчество и внутренняя жизнь нашего духа.

Языкъ народа, со всѣмъ разнообразіемъ и богатствомъ его содержанія, есть его созданіе и существенная принадлежность съ той минуты, какъ только народъ выступилъ на поприще исторической жизни. Смотря по ходу событій, народная рѣчь воспринимаетъ больше или меньше чуждыхъ словъ; но всѣ такія прибавки количественно ничтожны въ сравненіи съ богатствомъ народнаго языка, который, съ матеріальной стороны, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Смѣняются событія внѣйшей исторіи и явленія внутренней жизни: на горахъ, гдѣ гнѣздились разбойники, устраиваются великолѣпные города; пустыни обращаются въ великолѣпныя пажити; сосѣднія племена, вносившія въ страну ужасъ и опустошеніе, мирными сношеніями своими споспѣшествуютъ развитію народнаго богатства, процвѣтанію наукъ и искуствъ; сосѣди-враги дѣлаются союзниками; племена, составлявшія прежде отдѣльные политическіе союзы, соединяются подъ одну власть, и, наоборотъ — соединенные прежде-отдѣляются. Одни внутреннія учрежденія замѣняются другими. Сообразно съ этою смѣною явленій народной жизни, языкъ его, оставаясь, въ сущности, однимъ и тѣмъ же, измѣняется со стороны внутренняго значенія и формы. Измѣняются понятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слово народнаго языка, имѣвшее прежде одно значеніе, получаетъ въ послѣдствіи другое. Прослѣдивъ видоизмѣненія понятій, которыя народъ соединялъ съ словами отъ начала своей исторіи до послѣдней минуты, мы узнаемъ всю его исторію, все его міросозерцаніе. Объясните затѣмъ, почему народъ одни понятія выражалъ только такими, а другія — иными словами, и въ чемъ именно состоитъ отличіе его, въ этомъ отношеніи, отъ другихъ народовъ:—тогда вамъ представится физіономія народа и его исторія въ смыслѣ прагматическомъ. Слово народное, употребленное въ томъ смыслѣ, какой оно имѣетъ въ настоящемъ говорѣ народа,

естественно вызываетъ то̀ понятіе его, которое народный умъ соединялъ съ нимъ прежде, если только память о первоначальномъ предметѣ, выражаемомъ словомъ, сохранилась въ народныхъ преданіяхъ. Возьмемъ для примѣра слово: «подданный». Теперь оно означаетъ отношеніе къ верховной власти; но прежде подданнымъ назывался крѣпостной человѣкъ, крестьянинъ. Употребите это слово въ бесѣдѣ съ Украинцемъ—и его память, по народнымъ воспоминаніямъ, пѣснямъ и думамъ, нарисуетъ вамъ феодальный бытъ польскихъ пановъ съ его характеристическою обстановкою: съ замками, съ надворными хоругвями, съ губернаторами (управителями), съ данями, охотами и проч. Напротивъ, попробуйте употребить хоть общерусское, но забытое на Украинѣ, слово «плѣнникъ», вмѣсто *невольникъ*, *бранецъ*, *бранка*:—это слово, конечно, вызоветъ, въ вашемъ слушателѣ, воспоминаніе отряда плѣнниковъ, проходившаго безмолвно, во время послѣдней войны, съ нѣсколькими солдатами чрезъ селеніе, если только ему случилось ихъ видѣть; но не такъ легко его памяти перейти къ тому, что̀ сохранилось въ сокровищницѣ изустнаго слова о невольникахъ и бра́нцяхъ. Между тѣмъ, народная муза сохранила память о невольникахъ, которые дѣлались друзьями, домочадцами и спутниками всей жизни своихъ господъ. Въ невольницкихъ пѣсняхъ описываются тоска и страданія въ турецкой каторгѣ, и вмѣстѣ возношенія къ небу души, измученной несчастіемъ. Назовите Украинцу плѣнника—*невольникомъ*—и вы вызовете въ его душѣ многіе образы невольниковъ, созданные народною музою; его созерцаніе будетъ дѣятельнѣе и богаче, а благотворное дыханіе поэзіи ему подскажетъ любовное обращеніе къ жертвамъ несчастія.

Однимъ словомъ, говоря къ простому народу его языкомъ, мы входимъ въ непосредственное отношеніе съ его мірозерцаніемъ, потому что слова и понятія, нами высказываемыя — его собственныя и органически связаны съ его внутреннимъ міромъ. Если же мы попробуемъ съ нимъ объясниться на языкѣ, несовсѣмъ ему понятномъ, и хотя бы, въ основаніи своемъ, языкѣ народномъ, но сложившемся и установившемся въ письменной литературѣ, помимо участія, въ образованіи его, самого народа, то намъ придется многое объяснять неграмотному простолюдину, а отъ ученика нашего потребуется достаточно времени и усилій для того, чтобы усвоить себѣ понятія, которыя соединяетъ литературное употребленіе съ такими или иными словами русской рѣчи,—чтобы овладѣть несовсѣмъ понятнымъ ему меха

низмомъ литературнаго языка. Разрывая такимъ образомъ въ наукѣ связь съ міросозерцаніемъ народа, мы заставляемъ его проходить путь, уже имъ пройденный, или, выражаясь образнѣе, мы, стоя на горѣ, толкаемъ его внизъ для того, чтобы онъ опять подымался въ гору.

Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить то явленіе, что произведенія великорусской литературы читаются только тѣми, кому судьба дала возможность посвятить наукѣ нѣсколько лѣтъ жизни, и какъ бы совершенно не существуютъ для малограмотныхъ простолюдиновъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ неприхотливыхъ умственныхъ организацій, которыя процессъ чтенія принимаютъ за самое чтеніе.

Произведенія Квитки, Шевченка и Марка Вовчка, напротивъ, читаются съ большою охотою всѣми, кто только кое-какъ овладѣлъ способностію изъ буквъ составлять слова. И—странное дѣло—произведенія эти читаются съ любовью даже и малограмотными великороссіянами, несмотря на болѣе или менѣе значительное отличіе малорусскаго и великорусскаго нарѣчій. Вотъ неопровержимое доказательство народности этихъ произведеній и преимущества ихъ предъ галицкою и отчасти великорусскою литературою.

А. П.....кій.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Високоповажнимъ: О-т-п-ч-с-к-у,—М-му В-р-вѣ и І. Ч-рискому, въ Кишиневъ,—О. К-цову, въ Таганрогъ,—П-ну—М-чу Ст-ц-ку, въ Гродно,—Г-ю А-т-ву, въ Кролевецъ,—А. С-в-чу, въ Москву,—А. С. К-в-л-скому, И. Т-х-р-скому, А. З-му К-п-к-му, въ Петербургъ,—А. А-др-ку, В. П-т-р-к-ж-ха и М-му Ал-чу М-л-ш-ку, въ Кіевъ, — В. Д-б-к-му, въ Сосницу,—Ф. Б-ч-ку, въ Станицу Надежную,—А-ру А-чу Ост-п-ку Б-л-ку, въ Ананьевъ,—В-ю С. М-вѣ, въ Харьковъ,—А-ю Сл-цкому, въ Переяславъ, И. И. П-т-ну, въ Градижскъ,—В. М-с-л-ю, въ Казань,—и А. Е. Зв-н-г-скому, въ Кременчугъ.

Якъ квіту по землі, такъ люду и слова різного по світу,—и для кожного народу нема скарбу дорогшого надъ ёго рідне слово... Отъ же (хоть воно й чудно) — ще недавно здавалося, що наше Українське слово або зовсімъ зникне, або переробитця у иншу річъ, виступить у чужій одежі,—бо вже забували рідню мову люде письменні, що брали ключъ розуміния и звались отцями и руководниками народу.— Да якъ у давні роки простий людъ нашъ судьбу Украіни на своіхъ плечахъ винóсивъ, такъ и по сей часъ вінъ сберігъ свое рідне слово, и—дяки нашому народові—пережило воно віки, пережило и тіхъ письменнихъ, у котріхъ заснула народня душа, котрі, своімъ невеличкимъ розумомъ, давно вже материну мову въ могилу положили и каменемъ привалили. Не розуміли й сторонні, а де-які й наші, письмаки, що зерно, у добру землю положене, якъ часъ настигне, изновъ вийде на світъ, и буйнимъ колосомъ закрасуетця... Такъ дісне й сталося зъ нашею рідною мовою! Чого вона не перебула, якихъ му-

дрощей не переслухала одъ своіхъ и чужіхъ людей—що бачять ажъ за лісомъ, а у себе передъ очима не бачять... Отъже, не загубила іі ни холодна розсудливость, ни лиха година: »незагинула вона въ неволі,—незагине й зъ нами по волі«... »Зрадня ваша рада«, одказали ми тімъ письмакамъ, що насъ на свій—да позичений—ладъ навертали: » у насъ есть рада вірна, батькова:

»Не цурайтесь «(мовлявъ Тарасъ)» того слова,
Що мати співала,
Якъ малого сповивала,
Зъ малимъ розмовляла«...
«...Бо хто матіръ забуває,
Того Богъ карае,
Того люде цураютця—
Въ хату не пускають—
Свої люде якъ чужиі—
И немае злому
На всій землі безконечній
Веселого дому!...«

Прозріли теперъ всі ми,—домислились и дознались, що своя свита міцніше за плечи взялася, — що зъ свого дво́ру ніхто дороги не покаже—на виступці не попросить. «Лучче свое ла́тане, ніжъ чужее хва́тане,—лучче свое лохма́тне, ніжъ чужее проха́тне«, думавъ нашъ справедливий и мудрий народъ... Такъ и ми, письменні, теперъ думаемо.

На оповістку про »Основу«, и тутешні и дальні земляки стали слать намъ — зъ усіхъ кінці́въ Украіни, зъ надъ Дністра и Дунаю, зъ Одеса, Криму, Чорноморіі и Кавказу, изъ Москви, Казані, Астрахані и зъ иншихъ сторінъ,—хто на що́ змігся... Протежъ, посилаючи вамъ привітъ и дяку одъ щирого серця, одповідаемъ вамъ зъ такою щиростю и правдою, якъ и ви до насъ озвалися. Може, тихе да тепле слово наше, наша дружня рада, на добро вамъ здастця, а ви насъ за те своею радою зарадите: коли де́ треба—навчіть, поправте—и діло наше піде веселішъ, и дружнішъ и краще.

Наша Украінська мова, якъ и самі, здорові, знаете, мае въ собі велику вагу и силу; все, що перейшло черезъ серце и розумъ незлічимоі семьі, котра зъ давніхъ-давенъ жила и живе на нашій Украіні широкій, — все одзначилось въ нашій рідній мові: и море въ хвилю и въ тишу, и зорі, що въ глибу́ его світятця, зъ яснимъ місяцемъ и палючимъ сонцемъ, зъ горами, степами й лісами; радість и

тугá невсипуща; кохання щире и проклінъ; воля широка й темниця глибока,—голосъ неустанний великої душі народнёї, що все життя свое довговічне и дивне въ слові оповідала. — Кожне словечко не просто по чиїй-небудь единичній волі вилетіло зъ устъ та й стужавіло, и стало въ рядъ зъ іншими: ні, воно, може, довго блукало по громаді, поки дойшло свого права. Трапляетця нагледіть у книжкáхъ яке небудь нáново стулене слово, — отъже й змічаешъ—інше й не пішло далі: якъ послідъ, зогнала ёго мітла людської подоби геть изъ чистого зерна. Се жъ у книжкахъ швидка справа; а такъ, у громаді, скільки треба було часу, щобъ изростись новому слову зъ живою мовою! А зъ сёго кожному буде розумно, що всяке слово мае свое непомильне місце. Великий нашъ покійникъ, Шевченко, зразу урозумівъ усю красу, всю тонину и глибиню Української мови, и полились изъ струнъ міцної лири ёго не слова́, здалося намъ, а чисті слёзи чистої душі народнёї. Бажаетця и намъ іти слідомъ народнёго великого чоловіка. Досёго жъ довожу й річъ, бо въ присланій намъ праці щирихъ земляківъ нашихъ—въ іншій и не доглежено за мовою. Ми, боронь Боже, не думаемо провóдить дорогу́ гостю тісними дверима, якъ и спершу въ «Основі» сказано; нехай коженъ добрий чоловікъ пише якъ уподобавъ и змалку наслухався; тільки треба пильної уваги—чи та́къ же якъ-разъ веде народъ річъ въ тімъ случаі, який хочемо оповістити. Не для кожного одразу здвинéтця камінь, що кривъ ціли віки скарбъ слова, хочъ воно, мовъ барвінокъ підъ снігомъ, зосталося зелененьке и свіже. Мовчало воно, якъ дитина–сирітка, що сидить собі де–нéбудь підъ тиномъ, да погляда на людей, лéдве важучись до іхъ обізватись. Чужі діти гуляють, красуютця, а нашу сирітку тільки сонечко гріе, та дощикъ обмивае,— и нема до ёго діла нікому. А приголу́бъ ёго, обізвись до ёго, якъ матінка,—воно такъ на тéбе гляне, що ажъ на душі у тебе вияснитця, и вгледишъ ти рай у тімъ пóгляді. — Оттакъ-то и мова наша затуркана—не гляне вона на тебе до-ладу́, поки не покохаешъ ii, поки вона тобі віри не пойме: тогді тільки кожна думка наша объявитця тимъ самимъ словомъ, що живе для неї межи́ народомъ. А то—найшли ми, у присилкахъ, и думъ доволі хорошіхъ и щирості багато, да якъ би, кажу, прибрать іхъ якъ-разъ по нашому!.. якъ мати дóчку виряджае у празникъ—у білу сорочечку, у плахотку, та й иде вона, якъ струночка. О, кожна мова у світі любить сее, щобъ ії по своему оденуть, чи московська—въ сарафанъ, чи німецька—у плаття. Якъ станешъ убірать

звичайненько, ди́вився—кожна мисль, коженъ вірши́къ, заразъ и вияснятця, и заговорять по своему; и вже твої думки не грають мовъ же у тісної баби—рядо́чкомъ усі посідають, якъ того треба.

Нашъ Марко Вовчокъ, якъ бжола Божа, вишивъ найкращу росу ізъ квітокъ нашої мови, бо покохавъ ії, покохавъ той людъ, котрий виливъ всі свої думки та га́дки, все свое серденько, тією мовою. Безъ любові одна міцъ его *таланту* не помогла-бъ ему; нічого бъ вінъ не вдіявъ и однимъ розумомъ; а то читаешъ — не одірвесся одъ ёго речі, якъ въ жнива одъ криничини: чуетця, віритця, що та́къ, а не інако, помисливъ, чи потуживъ, чи порадувався чоловікъ, якъ у его малюнку знято.

Не можна тежъ запевнять, що и въ такихъ людей, якъ М. Вовчокъ, не різнить де́що зъ народнёю мовою. Не легка річъ змогти сее. Ми попередили свою мову розвиваючись на інчихъ поляхъ, и вискочивши на гору, часомъ недочуваемо гараздъ, що́ вона до насъ, голубка, промовляе. Протежъ радісно намъ слухать ії чарівний голосъ и співать за нею, якъ зъуміемо. Не ле́гко, кажу, не помилитись, щобъ кожне слово було постановлено якъ-разъ тії ціни, яко́ї потрібно для мислі: одъ сёго замочка спражній ключикъ и въ старшихъ словесностяхъ не всякому дався, а у нашіхъ почáткахъ и геть–то!... на кожному ступні спіткнесся. Тамъ уже кожне слово занесено на папиръ, да огляжено, обпоряжено, да обдумано зъ усіхъ боківъ,—часомъ ажъ передумано, що інше стратило свій цвітъ, свій запахъ рідний. А ми, кажу, пісьменні, схожі на чоловіка, що ввійде у чужу громаду, да поки розбере що́ до чо́го, — кличе Ивана замісь Степана. У золоту обручку часомъ уставимо такий камінець, якими греблі тільки бъ гатити.., У поважній мові, дивись, стоіть слово, якъ пьяний чоловікъ у церкві; або кучеряве, да голосне́, де треба гладенького, та тихенького.—Правдивий батько, — жалібникъ нашої мови, покійничокъ,–земля надъ нимъ перомъ!-літаючи ви́соко у синій далечині, щобъ придивитьця до зірокъ, почува́вся іноді, що нема тії струни, якої ёму треба; може була, да порвалась и зато́птана за довгі ча́си. Отъже було поні́шпорить по святому пісьмі, або по іншихъ древніхъ нашихъ книжка́хъ, да витягне відтіль, озираючись, словечко, вставить его, зле́гка, у свою річъ, да обгорне своімъ щирце́мъ добірнимъ,— то мовъ воно тамъ и вродилось,—зрослось, и не пізнаешь его: одинъ цвітъ и пахъ у всему пучечку. Намістникъ Шевченка, Марко Вовчокъ, ізрісъ далеко одъ батька у чужій на́у́ці, а перелетівъ – таки

чужі го́ри — порвавъ усі пута, — не стомились міцні крила у молодого орляти — и спавъ вінъ на чесну и просту дорогу—дойшовъ до самої души народнёї. Спасибі незліченне нашому Маркові молодому, да тільки ёго кругосвітъ немаленький, ёго крила широ́кі,-нестае ему всіхъ піръ до лёту, якого бажае. Однакъ, чимъ більшъ уваги буде до мо́ви, чимъ більшъ ій шаноби, щобъ, гнучи, де́ не надломить,— тимъ незмірéнно більше буде и доброго ді́ла нашого для Украіни. Марко Вовчокъ—наша надія—все зможе. Горе, якъ хто зъ гордою думкою, а не зъ щиростью, да коханнямъ до люду Божого, приступае до рідного слова, та й почне ёго калічить... А якъ напустимо калічокъ до чистої нашої мови, то не довга річъ ій и змарніти: якъ горо́дина молоденька, стече міжъ бурьяномъ. Хибажъ мало при́кладу на се по світу? Хоть и въ нашій хаті, що́ поробило калічене старе письмо ізъ нашою книжною мовою? Або й Москва—чи скоро збулась надима́ння своеі словесности—«се росска Флакка зрака»? Насилу такі люде, якъ Пушкинъ, повимітали ту полову лавровими віниками, и начерпали живого сло́ва зъ живого люду. Отъже, вважаемо, и у насъ се въ ін-шихъ письмахъ вкидаетця; може й одъ щирості,—дахапаючись черезъ силу, щобъ не ввірвать. Найкраще—по́вагомъ; и косарь, якъ, знай, маха руками, та роскида́ очима: «а що́», мовъ, «чи й не косаріжъ ми»! то не вробить за того́, що коса тільки—ше - ле́-сть! ше-ле́-сть! — пі́дъ са́мий корінець бере: оттутъ и зиску ждать, — все вибере при земл́і,—ні́ половни́шпику, ні́ чебрецю́ пахучого не зоставить.

Інші думають, що у тому глини́щі нашому мало щирого злота, що въ нашій землі мало заживу? Бі́льшъ може, а коли не більшъ, то стільки жъ, якъ и де інде, — да, бачте, безъ труда ні що́ не даетця. Народню мову не жартъ осягнуть усю въ іі о́бширі,—та нехай тільки добрі, та щирі, па́харі зъ ува́гою берутця за ді́ло и розгоняють ширше и ширше цілину вікові́чню. Будемо припадать ухомъ до самихъ борозенъ, до голосу того, що зъ само́і земл́і підіймаетця и въ якому строю йде, бо чи візьмешъ низче, чи вишче, вже й чути: дзизчить твое слово осою въ у́сі, и не озветця воно луною по Дні́провихъ скеляхъ, по широкихъ степахъ и лугахъ,—не зросится щирими слёзами, якъ рідна, живуча, давня, якъ світъ, а усе свіжая пісня.

Що отсе заразъ ми завважили, найбільшъ припадае до присланнихъ намъ віршівъ: увъ однихъ видно, що де́-хто, взявшись за перо,

не тільки-що нового нічого межъ нашимъ людомъ, зъ устъ ёго, не довідався, да й того ще не прочитавъ, що вже десятки літъ якъ списано и напечатано... Такъ, не спорядившись, авторъ пішовъ собі *світъ за-очима* и мусивъ звернуть зъ простого народнёго шляху туди, куди й не треба, або, зновъ, замісь своеі, ступивъ на чужу тропу и переспівуе думки чи народні, чи вже проспівані кімъ-другимъ.

Кохані земляки, посилаючи въ *Основу* свою первинку, найбільшъ на насъ здаютця: аби, кажуть, нашъ візъ у ладъ котився—додаваймо рукъ: хто обома, хто—одніею, а хто й пучкою навіть,—все жъ тягтимемъ по-троху.—Зъ щирою дякою для всіхъ и про все, випишемо по гарній частині зъ де-якіхъ віршівъ, котрі не підійшли підъ нашу программу: нехай разомъ зъ нами полюбуютъ на нихъ и другі читателі:

I.

— — — — —

Світіть кагáнчикъ—не лучúну...
Той—нúточку, а пáсмо—другий,
Робóта й вúйде для почúну...
И я на стáрості візьмýсь
Хочъ валъ... щобъ и своóго додáти,—
Бо въ спражні прáхи не гожýсь:—
Абú крутúть, абú не спáти.

(А. Е. Звенигородський).

II.

Дé ти, дóле, дé ти, дóле?
Чи ти въ лúсі, чи ти въ пóлі?
Чи недýжа підъ копóю
Притулúлась самотóю?
Чи по сéлахъ тиняесся?
Чи у морі купáесся?
Чи на Дону́ зъ чумакáми,
Чи въ будúнкахъ межъ панáми,
Чи съ хлопьятками у шкóлі,—
Скажи мені моя доле?...

Було, 'тсе сяду у садкý—
Підъ лúпою въ вечірню пóру,
И пúльно, пúльно все дивлюсь

Якъ пи́шно ся́ють въ не́бі зо́рі;
— — — —
А тамъ, диви́сь, волосожа́ръ,
Ниначе пава похожае..,
А тамъ іхъ скільки! Боже мій!
Неха́й хто злічить—угада́е...

(Зъ меньшихъ ві шівъ А. Я. КОНСЬКОГО).

III.

И ба́чу я тоді широ́ке си́не мо́ре—
Клеко́че глибиня́ и сто́гне́ и реве́,
И хви́лі ши́яві збіга́ютця якъ го́ри,—
И гуртъ човнівъ по мо́рі тимъ пливе́;
И дру́жно козаки́ на ве́сла наліга́ють,
И ко́жний пі́ну бье и ко́жний хви́лю рве....
Лютує, стогне море, зъ ре́беръ іхъ скида́е,
И пі́ною, скаже́не мовъ, імъ о́чі забива́е—
Я чу́ю го́лосъ іхъ... я ба́чу—потопа́ють!...

(Козакъ В. М. Мова).

IV.

Коза́че–небо́же, чого́ ти сумуєшъ?
Чого́ ти часте́нько и тя́жко здиха́ешъ?
Чи жі́нка неду́жа, чи, мо́же, горюешъ
Що дітки поме́рли? худо́би нема́ешъ?—
— И жі́нка здоро́ва и дітки живе́нькі,
Въ госпо́ді и въ скри́няхъ худо́би дово́лі,
И вівці веду́тця, и ко́ні гарне́нькі,
Все ма́ю—да тільки не ма́ю я во́лі!
Нужу́ся—хоть ча́сомъ хотівъ би сміятьця,—
Забавить дити́ну, якъ бідне запла́че,—
Такъ де́жъ тамъ! насу́плюсь, що й діти боя́тця,
Ди́влятця на ба́тька—на вовка нина́че.

(П. М. СТАЦЕНКО).

V.

Якъ гля́ну—погля́ну у чи́стее по́ле
Роскішне, широ́ке, якъ си́нее мо́ре,
Дале́ке, якъ небо, привітне, якъ до́ля,

Весе́ле, тихе́ньке—ні сму́ти, ні го́ря;
Якъ гля́ну я въ поле́—душа́ затрепе́че,
Се́рце на́че пта́шка въ кліткі защебе́че,
И я забажа́ю широ́кої во́лі,
Яко́ю коха́вся коза́къ на роздо́ллі,
И кли́чу ту́ во́лю,—въ степу́ луна́ ги́не...
А во̀ля козацька до ме́не не ли́не!...

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
19191

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 4-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Або́-що — что-ли.

Ажъ ось — какъ вотъ.

Ажъ генъ — вонъ тамъ, далеко.

Байда́къ — родъ большой лодки, судна.

Банду́ра — названіе музыкальнаго струннаго инструмента.

Ба́ня — куполъ церковный.

Бара́нчикъ — ягненокъ самецъ.

Бебе́хъ!—звукоподражательное слово, выражающее паденіе тѣлъ.

Безпе́шно — безопасно.

Бі́да́ха — бѣдняга.

Бі́до́та (собират.) — бѣдняки.

Бо́жо — (нарѣч.) по божьему.

Борщъ — родъ украинскихъ щей.

Бразолійний — бразолія (родъ темной краски).

Бра́тчикъ — такъ назывались члены церковныхъ братствъ, равно всѣ, между собою, воины Запорожской Сѣчи.

Ва́ва — (дѣтское слово) боль; рана.

Варзя́кати — д. б. нести вздоръ.

Ва́рта — караулъ, стража.

Вартува́ти — отбывать караулъ, сторожить.

Ве́лико — много.

Верхівья́ — верхушки деревъ.

Ви́бачити — извинить.

Ви́будувати — состроить, выстроить, соорудить.

Ви́гребти — выгресть.

Ви́дибуляти — выбрести, выйти какъ будто на ходуляхъ, или какъ дитя, не твердое еще на ногахъ.

Ви́зволити — избавить, освободить.

Випіка́ти — выжигать; укорять.

Ви́рій — теплыя страны, куда перелетныя птицы отлетаютъ на зиму.

Ви́співати — пропѣть все; пріобрѣсть что-нибудь пѣснями.

Ви́ступцемъ — кокетливой походкою.

Ви́тягти — вытащить, вытянуть.

Вишу́кувати — отыскивать, розыскивать.

Вівча́рикъ — овечій пастушокъ; также — бекасъ.

Відцура́тися — отказаться; прекратить всякія сношенія.

Відъ — (предлогъ) отъ.

Віжечки (ум.) отъ віжки — возжи.

Вікóнечко — окошечко.

Вінця — края посуди, — отъ слова — вѣнецъ.

Ви́рай, ви́рей см. ви́рій.

Вітря́къ — вѣтряная мельница.

Вклони́тися см. уклони́тися.

Вловити — поймать.

Воєвни́къ — боецъ, рубака.

Впекти́ся — надоѣсть сильно.

Ворогува́ти — враждовать.

Ворухну́тися — пошевелиться, зашевелиться.

Впини́ти — остановить, удержать.

Вподо́бачити, д. б. вподо́бати — поправить.

Впо́ратися — окончить занятіе, выполнить начатое.

Всміхъ — усмѣшка.

Встиґнути — поспѣть во-время.

Вся́ково — всячески.

Втя́мити — понять.

Вчини́ти — сдѣлать, произвесть; о хлѣбѣ — заквасить, сдѣлать квашню.

Вшква́рити — глаголъ, выражающій моментъ быстраго и сильнаго дѣйствія.

Вшко́дити — надѣлать вреда, убытку.

Въ ряди́-годи — изрѣдка, когда-когда!

Гонтови́й—крытый дранью.

Гра́ти—желѣзный переплетъ у оконъ, рѣшетки.

Гре́цький—превосходный, изящный, хорошій.

Гудзикъ—пуговка.

Гайнова́ти—раскидать все въ безпорядкѣ; портить.

Гарбузіння — стелющіеся стебли тыквы.

Гарбузо́вий—тыквенный.

Гі́лечка—вѣточка.

Ги́рло—узкій проходъ между лиманомъ рѣки и моремъ.

Годи́нка—часочекъ, хорошая погода.

Годи́нонька—минуточка; лихая годинонько, возгласъ, выражающій несчастное стеченіе обстоятельствъ.

Годова́ти—кормить.

Годува́тися—кормиться.

Головува́ти—быть сельскимъ головою.

Горобе́ць—воробей.

Гомоніти—говорить, шумѣть.

Горля́нка—горло.

Господа́рка—хозяйка.

Господа́рство—хозяйство.

Гре́белька—плотинка.

Греча́никъ—гречневая булка.

Гукону́ти — произвесть сильный крикъ, возгласъ.

Гукъ—крикъ, шумъ.

Гульта́й—гуляка.

Даре́мне—даромъ, напрасно.

Дарови́тий — доставшійся даромъ, даровой.

Дарома́—ни за́что, даромъ.

Дахо́вий—кровельный.

Дахъ—крыша.

Девьяти́ни — поминанье покойника въ девятый день по смерти.

Де́ржално—рукоятка.

Де́-що—кое-что, кой-что.

Дёргону́ть—дернуть, рвануть.

Дзюри́ти—сильно, быстро литься тонкою струею.

Дзюрча́ти—журчать.

Дити́нка—дитя.

Дівво́та—(собират.) дѣвицы.

Дівча́чий—дѣвичій.

Добача́ти—хорошо видѣть.

Доку́пи — въ одно мѣсто.

Домотка́ний—домашняго издѣлія, тканья.

Домува́ти—сидѣть дома.

До́ня (ум., ласк.) дочь.

Дорозумува́тися — понять, додуматься.

До-схочу́—сколько угодно.

Дочува́ти—хорошо слышать.

Драби́на—деревянная лѣстница.

Дреме́нути — быстро побѣжать, удрать, уйти.

Дрижаки́—дрожь.

Дрюкъ—дубина.

Дурні́шати—становиться глупѣе.

Же́вріти—горѣть тихимъ огнемъ безъ пламени, рдѣть, тлѣть.

Жмінька—горсточка.

Жоно́та—собират.—женщины.

Жу́жмомъ—(нарѣч.) въ безпорядкѣ, вверхъ дномъ.

Заба́чити—увидѣть.

Завирю́ха—метель.

Загада́ти—приказать.

Загада́тися — замечтаться, задуматься.

Загусти́—загудѣть.

Задри́гати—заболтать ногами.

За́здрость—зависть.

Закама́рокъ—тайный, скрытый уголокъ, мѣстечко.

Закудкуда́кати—(о курахъ) закудахтать.

Замі́мрити — заговорить невнятно; сквозь зубы.

Замісь—вмѣсто.

Замовля́ти—заговаривать, произносить заговоръ (о леченьѣ заговорами).

Замо́жний—зажиточный.

Замурова́ти—закласть кирпичемъ, камнемъ.

Занедба́ти—оставить безъ вниманія.

Запа́шний—душистый.

Запи́пяний—завѣшеный.

За́полочъ — крашеныя, цвѣтныя нитки изъ хлопчатой бумаги.

Запрото́рити — запропастить, дѣвать.

Зара́дитися—обезпечить себя.

За́разъ—сейчасъ.

Зарятува́ти—помочь.

Заси́титись — загрузить; увязнуть въ грязи.

Засла́бнути—заболѣть, обезсилѣть.

Засоро́митись—скомфузиться.

Застіба́ти — застегивать пуговицы и т. п.

Затишни́й—уютный, такой, гдѣ есть защита отъ вѣтра, непогоды и проч. (о мѣстѣ, помѣщеніи и т. п.).

Захмили́ти—сдѣлать пьянымъ; въ пер. смыслѣ — сильно ударить, оглушить ударомъ.

Захропти́—захрапѣть.

Збува́ти — сбывать, избавляться, отдѣлаться отъ чего.

Зверну́ти—своротить.

Звідсіля́—отсюда.

Звікува́ти — провести жизнь.
Звіри́на — звѣрь.
Згірш'ъ см. не згірш'ъ.
Згля́нутися — посмотрѣть другъ на друга; помилосердовать.
Згóда — согласіе.
Згоди́тися — согласиться, условиться.
Згу́ба — погибель.
Згуби́ти — потерять, погубить.
Згу́бця — губитель.
Здобу́ти — пріобрѣсть.
Здóрово — сильно, очень.
Зелена́стий — зеленоватый.
Ззирну́тися — взглянуть другъ на друга.
Зітха́ти — вздыхать.
Злодіенко — сынъ вора.
Злодія́ка — увелич. отъ Зло́дій, воръ.
Зляка́ти — испугать.
Змайстрюва́ти — смастерить, сдѣлать, приготовить, состроить.
Змýшувати — принуждать.
Знікчéмніти — сдѣлаться ничтожнымъ, ни къ чему годнымъ.
Знісокъ — послѣднее, самое маленькое яичко, которое сноситъ курица.
Зозво́лити — изъявить согласіе (говорится в почтительн. смыслѣ).
Зопьясти́ся — приподняться на цыпочкахъ, — на заднихъ лапахъ, опираясь на что-нибудь, подняться.
Зóрявий, зóряний — звѣздный.
Зпита́ти — спросить.
Зроби́тися — сдѣлаться, случиться.
Зста́ріти — постарѣть.
Зупиня́ти — останавливать, задерживать.
Зхóплюватися — схватываться, подниматься.
Зъ-ля́ку — съ испуга.

Издригну́тися — вздрогнуть.
Кмла́ — мгла.
Индичитися — хорохориться, какъ индѣйскій пѣтухъ.
Итъ! — эхъ! и т. п.

Іжа́къ — ежъ.

Каганчикъ, уменьш. отъ Кагане́ць — родъ плошки, или ночника.
Ка́зань — церковная проповѣдь, слово.
Калю́жа — лужа.
Карахóнька — родъ маленькой тыквы.
Карбóванець — цѣлковый, серебряный рубль.
Ка́чечка — уточка.
Квакъ — болотная птица.
Керсе́тъ — женская верхняя одежда, похожая на великорусскую поддёвку, безъ рукавовъ.
Ке́те — дайте.
Кілóчокъ — колышекъ.
Клу́нька (ум. отъ клуня) рига.
Книшъ — родъ булки, съ разрѣзанными и завороченными внутрь измасленными краями.
Кнуръ — боровъ, плодовикъ.
Кобеня́къ — верхнее, мужское платье съ капюшономъ.
Кожу́шокъ — тулупчикъ.
Колись — когда-то.
Коло (нарѣч.) — возлѣ.
Колодій — большой нескладной ножъ.
Комаши́на, комашечка — мошка, самое малое крылатое насѣкомое.
Комірéць (ум. отъ Кóміръ) — воротничекъ.
Комірка (ум. отъ комóра) амбарчикъ, кладовая.
Коненя́та — лошаденки.
Кóникъ — конёкъ, кузнечикъ, гребень (у кровли), пряникъ, подставка.
Контентува́ти — довольствовать, снабжать всѣмъ нужнымъ.
Копи́лити нóса, гу́бу — поднимать носъ, показывать губами знакъ неудовольствія, отвращенія.
Коха́ння — любовь.
Кошáра — загонъ для овецъ и козъ.
Кра́ля — королева; дама въ картахъ.
Кра́та см. гра́та.
Кра́шанка — окрашенное яйцо.
Кришéникъ — ломтикъ, плоскій кусочекъ, пластинка.
Кувбу́шечка — небольшой деревянный сосудъ для масла, и проч.
Кудла́тий — мохнатый.
Кукурікання — пѣнье пѣтуха.
Ку́монька (ум. ласк.) кумушка.
Ку́ндель — названіе крупной породы овчарскихъ мохнатыхъ собакъ.
Ку́пець — кучка.
Кухарчя́ — поваренокъ.
Ку́харь — поваръ.
Куховáрка — кухарка.
Кучеря́вий — курчавый, кудрявый.

Лагіднéнький — кроткій, мягкій, нѣжный.
Лáгодити — снаряжать, приготовлять, починять.
Ла́йка — брань.
Ла́стівочка — ласточка.
Ле́две — едва, всилу.
Лейстрóвий — реестровый, записанный въ реестръ, оффиціально признанный (о козакахъ).
Линтваре́вий — сдѣланный изъ овечьей шкуры.

*

Лиця́тися—ухаживать (за дѣвушкой).

Лі́жма (нарѣч.) лежа, не вставая.

Лі́са—тынъ, плетёный изъ лозы заборъ.

Лі́течко (уменьшит.) лѣто.

Лусь! — выражается легкій трескъ, щелканье.

Ля́гови—время, когда ложатся почью спать.

Ля́хівка — полка; родъ шитья и тканья.

Майда́нъ — площадь.

Мале́ча — (собир.) дѣти.

Малю́сінький — маленькій.

Мандрівка — побѣгъ; бродяжничество.

Мату́синъ — матушкинъ.

Медяни́й — медовой.

Медяни́къ — медовый пряникъ.

Мере́жка — узоръ (шитья), узорчатая полоска рисунка.

Мерщій — скорѣй, проворнѣй.

Мете́лиця — мятель; названіе танца, въ которомъ танцующіе кружатся на подобіе мятели; музыка и пѣсня извѣстнаго танца.

Метикува́ти — разсудить.

Метуши́тися—хлопотать, суетиться.

Миготіти — мигтѣть, блестеть, сверкать.

Мизе́рство—(собир.) жалкій, бѣдный народъ; бѣдность

Мисни́къ — полка, на которой размѣщаются миски и прочая посуда.

Місце—мѣсто.

Мовчязни́й — молчаливый.

Молоди́чка—молодая замужняя женщина.

Молодне́ча — молодежъ.

Моріжокъ—ум. отъ моріг муравa.

Мо́торошно — (нарѣч.) тошнитъ, кружится свѣтъ, неловко, безпокойно.

Мріти — виднѣться неясно, вдали.

Му́литися—жаться отъ неудобства, не рѣшаться.

Набу́токъ — прибыль.

Нава́жуватися — преднамѣреваться.

На́ветъ — даже.

На́глядъ — присмотръ.

Надійти — подоспѣть.

Нази́рити — запримѣтить.

На́зирцемъ — подсматривая, неспуская съ глазъ.

Найкра́щий — самый лучшій.

Нама́мрати — пащупать.

Напу́житися — принять надменный идъ, надуться.

Насінячко — сѣмечки.

Настовбу́рчити — приподн. вверхъ, взбить волосы и т. п.

Нахиля́тися — наклоняться; подаваться.

Невісточка — невѣстушка.

Не згірш — не хуже.

Не кле́пана коса́ — не отточенная молоткомъ, тупая коса.

Не́нька (уменьшит. ласк.) мать.

Нечупа́рно — неопрятно.

Нина́че — словно, точно, какъ будто бы.

Ніби—словно, точно, какъ будто бы.

Ніколи — некогда.

Ні одні́сінького,-ої, и проч. — рѣшительно ни одного,-ой.

Ніяково — (нарѣчіе) выражающее неопредѣленное, стѣснительное положеніе.

Ну́мо, нумъ—станемъ, будемъ, давай.

Обгорну́ти—обвернуть, обнять

О́близень — пощечина, затрещина, ударъ.

Обли́ччя—наружность, лицо.

Обночува́тись—переночевать.

Обночува́ти—переночевать.

Обро́ть—родъ узды, но не изъ кожи и безъ удилъ.

Овеча́та—барашки.

Одві́рокъ—притолока двери.

Оди́ничикъ — (ум. отъ оди́нець) единственный сынокъ.

Одчепи́ти—отвязать.

Озирну́тися—оглянуться.

Опу́къ,—ка—внукъ, внучка.

Опини́тися—очутиться.

Опісля́—послѣ.

О́сліпъ — (нарѣч.) какъ слѣпой, ощупью.

Осміхнутися—улыбнуться.

Охвітні́ше—охотнѣй, веселѣй.

Очи́нений—растворенный, открытый (о дверяхъ и т. п.).

Очиня́ти—отворять.

Очортіти—сильно надоѣсть.

Паламарюва́ти—быть въ должности паномаря.

Пала́нка—такъ назывались запорожскія села, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе.

Палкі́й — удобовоспламеняемый, горючій; пылкій.

Пану́га—(увелич.) большой баринъ.

Пани́нка—барышня.

Паровиця—большой воловый возъ, запряженный парой воловъ.

Парубі́ка—паренёкъ.

Па́січка—пчельничекъ.

Па́трати—потрошить зарѣзанное животное для приготовленія его въ пищу.

Пекýчий—палящій, жаркій.
Пелю́шка, мн-кй—пеленки.
Передивúтися—пересмотрѣть, переглядѣть.
Перехожáти — исхаживать, проходить.
Перечúкати—(дѣт. слово) перерѣзать.
Пильнéсенько—очень пристально.
Пильнувáти—пристально смотрѣть, наблюдать.
Пиндю́читися — поднимать носъ, дуться и т. п.
Пúсанка — расписанное цвѣтами и изображеніями яйцо.
Півкурчáти—полъ-цыпленка.
Півпівника—полъ-пѣтушка.
Підважити—поднять.
Підлабýзнитись — подлеститься, подсѣсть, примазаться къ кому.
Підсмúкатися — подобрать платье для удобства при работѣ.
Підсмію́вати — говорить кому, подсмѣиваясь надъ нимъ.
Підтюпцемъ—походка между обыкновеннымъ шагомъ и рысью.
Підчерéвий—о животныхъ, у которыхъ шерсть на брюхѣ отличается отъ остальной.
Пісковáтий—песчаный.
Плахтúна, ум. отъ Плáхти.
Повеселішати—повеселѣть.
Повицýплювати—повытаскать.
Повітка—навѣсъ, сарай.
Повішати—повѣсить.
Повкладáтися—улечься.
Повновúдий—полнолицый.
Повчіплюватися—вцѣпиться.
Погодúти—поблагопріятствовать.
Подýжати—осилить, одолѣть, смочь, сдѣлать.
Позамурóвувати—заложить каменною стѣною; засновать (какъ морозъ стекла).
Позачúнювані—(двери, окна) затворены, закрыты вездѣ и всѣ.
Позирáти—посматривать.
Позичáти—занимать, одолжаться.
Позіхáти—зѣвать.
Покіль—пока.
Покрáяти—изрѣзать, отрѣзать.
Покýта—эпитимія.
Полáгодити—починить, исправить.
Пóлудень—полдникъ.
Полýднувати—полдничать.
Полýмисокъ—тарелка.
Поля́пасъ—оплеуха, пощечина.
Пóмацки—ощупью.
Понахúляні — нагнувшіеся, нависшіе.
Поня́тися—вступить въ бракъ.
Попаня́читися — заразиться барствомъ.
Попобúти—поколотить, побить.
Пóпускъ—льгота, облегченіе.
Порáда—совѣтъ.
Пороздарóвувати—раздать, раздарить.
Поскрібочокъ—остатокъ тѣста, выскребенный изъ квашни.
Пороставáти—растаять.
Поснідати—позавтракать.
Посорóмитися—посовѣститься.
Поспитáти—спросить.
Постановúти—поставить.
Пострахáти—пристращать.
Пóступъ—походка.
Потрачáти—терять, тратить.
Потринóжити кóней—спутать лощадямъ ноги такъ, чтобъ одну заднюю связать съ передними.
Потурáти—давать поблажку, потакать.
Потурбувáтися—побезпокоиться.
Потуркотіти — загремѣть возомъ при отъѣздѣ.
Похúріти—поболѣть.
Поціпно—дешево.
Привітáти—привѣтствовать, поздороваться.
Пригóда — несчастіе, невзгода; услуга.
Пригóдонька—(ум.) несчастье.
Прúземокъ — дитя, чуть подросшее отъ земли.
Прикипіти—прирости къ землѣ, на мѣстѣ; остаться неподвижнымъ.
Прúкладка—насмѣшливый эпитетъ, насмѣшка, острота.
Прирáяти—посовѣтовать.
Присінки—крылечко.
Пристрітъ — сглазъ, дурной глазъ, болѣзнь отъ сглазу.
Приторкáтися—прикасаться.
Притулúти—прижать.
Пришквáрити—прижарить.
Прогодувáти—прокормить.
Прожóгомъ—опрометью.
Проміння—лучи, свѣтъ солнечный и лунный.
Процвітáти—разцвѣтать.
Прочанúнъ—богомолецъ.
Прочухáнъ—наказаніе, проука.
Пружóкъ (ум. отъ пругъ) рубецъ, выпуклый жолобокъ.
Пустóта—шалость.
Пустýнчикъ—(уменьшит.) шалунъ.

Рéмствувати—злобствовать, злопамятствовать.
Рештовáти — вооружать (пушками судно); снаряжать.

Римиґа́ти — жевать жвачку (о волахъ).

Рипли́вий—скрыпучій.

Рівча́чо́къ—канавка.

Робачо́къ (уменьш.) родъ червяка.

Ро́дичъ—родственникъ.

Розворуши́ти—разшевелить.

Розго́рити—добыть съ трудомъ.

Розгребти́—разгресть.

Роздивля́тися—разсматривать, осматриваться кругомъ.

Роздроди́тися—раздражиться, разъяриться.

Роззя́ви́ти—разинуть.

Розко́шланий—растрепанный.

Розледачіти—испортиться, развратиться, сдѣлаться негоднымъ.

Розсе́рдитись—разсердиться.

Роско́пувати—раскапывать.

Росперізуватися—распоясываться.

Ро́сяний—росистый.

Ру́бомъ—(нарѣч.) ребромъ.

Ря́мья—рубище.

Садовина́—садовыя деревья, плоды и проч.

Саківки́, ум. отъ Сакви́ — двойной мѣшокъ.

Свекрівонька (ум. ласк.)—свекровь.

Сви́тка, ум. отъ сви́та—родъ верхняго платья.

Сі́лькісь—нужды нѣтъ.

Скарбо́вня—мѣсто храненія денегъ.

Скікнути—(дѣт. слово) скочить.

Скна́рость — скупость, скряжничанье.

Скра́дуватися—подкрадываться.

Скри́нька—ящичекъ, шкатулка.

Скубону́ти—сильно дернуть за волосы и проч.

Слізонька—слёзка.

Слу́жба—обѣдня.

Смакува́ти—находить вкусъ въ чемъ-либо.

Сміли́вость—смѣлость.

Смішли́вий, ва, ве,—охотникъ,-ца смѣяться.

Сму́жка — (уменьш. отъ сму́га) полоска.

Смуткува́ти — тосковать, грустить, пригорюниваться.

Сму́токъ—тоска, грусть.

Собъ—влѣво (слово, которымъ заставляютъ воловъ поворачивать на лѣво).

Сороковини— поминанье покойника въ сороковый день по смерти.

Соха́—деревянный столбъ, бревно или подпорка, на которыхъ утверждается кровля, перекладина и т. п.

Со́яшнико́вий— подсолнечниковый.

Спи́льна—(нарѣч.) пристально.

Сподіванка—надежда.

Сподіятися—сдѣлаться, случиться.

Сподоба́тися—полюбиться.

Спочи́нокъ—отдыхъ.

Старе́незний—очень старый.

Старува́ти—быть старымъ, ою; говорить, какъ старики.

Ста́ршенький—(уменьш.) старше.

Стеменісінько—точнёхонько.

Стоми́ти—утомить.

Сторо́нонька—сторонушка.

Стрибъ! — выражается моментъ прыжка.

Стригуне́ць—жеребенокъ, у котораго не выросла еще грива.

Стрива́й—погоди.

Стріти—встрѣтить.

Стусону́ти—сильно толкнуть кого.

Суми́рний—скромный, тихій, смирный.

Супру́га—пара воловъ.

Східъ—со́нця—востокъ.

Схопи́ти—схватить.

Тага́нъ — желѣзная подмостка, на которой вѣшается или ставится котелокъ или горшокъ, когда нужно варить.

Та́кички—уменьшит.—такъ.

Тала́нонько — (ум. отъ таланъ),—счастье, удача.

Та́нути—таять.

Та́то—ласк. названіе отца у дѣтей.

Тату́сь (ум. ласк.) батюшка, отецъ (родной).

Темно́та—(собир.)темь;темный людъ

Тепе́ренъки (уменшит.) теперь.

Тиць!—выражается моментъ быстрой остановки при движеніи, при даваніи.

Тіту́ся (ум. ласк.) тетенька.

Той ді—тогда, въ то время.

Толо́чити — мять, сбивать (траву, хлѣбъ).

Торби́на—сума; небольшой мѣшокъ.

Тра́питися—случиться.

Тримтіти—трястись.

Три́чі—трижды.

Троїстий — тройной, состоящій изъ трехъ.

Троха́—чуть ли.

Трудови́тий — пріобрѣтенный трудомъ.

Тупцюва́ти — часто топать ногами, притопывать.

Турбува́тися—безпокоиться, тревожиться, хлопотать.

Уве́сь—весь.

Угамува́тися—успокоиться, уняться.

Ужи́токъ — достояніе, имущество; пользованіе.

Узгірья—пригорокъ.
Уквічáти—убрать цвѣтами, зеленью, вѣтвями.
Уклонúтися—поклониться.
Ýлонька (ум.) улица, гулянье.
Упирáка (увелич.) упырь, колдунъ, (бранное слово).
Упóрати—покончить, сдѣлать.
Упóрхати—угомонить, успокоить.
Усякъ—каждый, всякій.
Утихомúритися—успокоиться.
Ушквáрити—см. вшквáрити—
Утрáпити — попасть, найти дорогу къ мѣсту.

Фúжа—сильная мятель.

Хазя́йствечко—ум. отъ хозяйство, имущество.
Халя́ва—голенище.
Хапáти—хватать.
Хáяти—порицать, хулить.
Хвíртка—калитка.
Хижáцтво—хищность.
Хлóпчикъ—мальчикъ.
Хлопья́—мальчикъ.
Холодóкъ—прохлада, тѣнь.
Хрéщикъ—родъ игры.
Хýда—погода съ вѣтромъ, морозомъ и мятелью.
Худíбонька—(ум. отъ худóба) имущество.
Хутéнько—(уменьш.) скоро.

Цвúнтарь—погостъ церковный.
Цебенíти—сильно литься (о жидкостяхъ).
Цей—этотъ.
Цíй, цiéй—(женск. род. пад.) этой.
Цілечкий—(уменьшит.) цѣлёхонькій.
Ціпóчокъ—тросточка.
Ціпýра—(увелич.) палка.
Цнóта—доблесть.
Цурáтися — чуждаться, отрекаться.
Цуръ — чуръ; цуръ ёмý и проч. чортъ съ нимъ!
Цýцикъ—щенокъ.
Цяцькóваний — покрытый украшеніями, испещренный.

Чергувáтися — очередоваться.
Чередá—сельское стадо.
Чикъ — выражаетъ мгновеніе рѣзанія (дѣтск. слово).
Чинбáрський — кожевничій.
Чоловíченько — (ум. ласк.) муженёкъ.
Чомý? — отчего, почему?
Чýти — слыхать.

Шáрварка—шумъ, бѣготня и т. п.
Шлюбъ—брачный вѣнецъ; вѣнчаніе; бракъ.
Штиль — стиль, строй, способъ, родъ, образъ.

Щíчка—щечка.
Що-днá — ежедневно.

Югнýти — шмыгнуть.

Янголя́ — ангельчикъ.
Ярóкъ (уменьшит. отъ яръ)—степной оврагъ, покрытый кустарникомъ или лѣсомъ, съ ручьемъ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ПОВІСТКИ

(Народні Оповідання)

Марко Вовчка.

2-е изданіе съ малороссійско-русско-польскимъ словаремъ.

Цѣна безъ пересылки—50 к. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ »Основы« при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. П. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова;

ВЪ МОСКВѢ: у И. В. Базунова;

ВЪ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго;

ВЪ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака;

ВЪ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова;

ВЪ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова,

и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* »Основы«, *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

Цѣна за **12** книжекъ, каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписавшіеся и послѣ выхода 4-хъ книжекъ »Основы« получаютъ все изданіе съ 1-ой книжки.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома, (о которомъ объявлено въ 1-ой книжкѣ Основы), будутъ выходить непрерывно каждый мѣсяцъ, начиная съ нынѣшняго апрѣля.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ: 4 р. с. съ пересылкою для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, а для прочихъ 5 р. с. безъ пересылки и 6 р. с. съ пересылкой; — отдѣльно, за каждый рисунокъ, 30 к. с., а за всѣ 24 рисунка вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, назначится цѣна 6 р. с. безъ пересылки. Рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ, и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Иногородные будутъ получать рисунки ежемѣсячно.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Дм. Еф. Кожанчикова и В. П. Печаткина, на Невскомъ проспектѣ. Иногородные могутъ обращаться съ требованіями на имя *Льва Михайловича Жемчужникова, въ С Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, по 10-й линіи, въ домѣ Соловьева, — въ редакцію* Основы.

16161